

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО ВЪ КНИГѢ Г. СТРУВЕ.

(По поводу книги *П. Струве: Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894 г.*)

Названная книга г. Струве представляет изъ себя систематическую критику народничества, понимая это слово въ широкомъ смыслѣ—какъ теоретическую доктрину, опредѣленно рѣшающую важнѣйшіе социологическіе и экономическіе вопросы, и какъ «систему догматовъ экономической политики» (УП с.). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книгѣ выдающійся интересъ; но еще важнѣе въ этомъ отношеніи та точка зрѣнія, съ которой ведется критика. Объ ней авторъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее:

«Примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣленнымъ въ литературѣ взглядамъ, онъ (авторъ) несколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ». (IX).

Изъ всего содержанія книги явствуется, что подъ этими «совершенно опредѣленнымъ въ литературѣ взглядамъ» разумются взгляды марксистскіе. Спрашивается, какія же именно «нѣкоторыя основныя» положенія марксизма авторъ принимаетъ и какія отвергаетъ?—почему и насколько? Авторъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому, для выясненія того, что именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма,—какія положенія доктрины авторъ принимаетъ и насколько послѣдовательно ихъ выдерживаетъ,—какія отвергаетъ и что въ этихъ случаяхъ получается,—для выясненія всего этого необходимо подробный разборъ книги.

Содержаніе ея чрезвычайно разнообразно: авторъ даетъ, во-первыхъ, изложеніе «субъективнаго метода въ социологіи», принимаемаго нашими народниками, критикуетъ его и противопоставляетъ ему методъ «историко-экономическаго матеріализма». Затѣмъ онъ даетъ экономическую критику народничества, во-первыхъ, на основаніи «общечеловѣческаго опыта» (с. IX) и во-вторыхъ, на основаніи данныхъ русской экономической исторіи и дѣйствительности. Полутно дается и критика догматовъ народнической эконо-

номической политики. Это разнообразіе содержанія (совершенно необходимое при критикѣ крупнѣйшаго теченія нашей общественной мысли) опредѣляетъ и форму разбора: приходится слѣдить шагъ за шагомъ за изложеніемъ автора, останавливаясь на каждомъ рядѣ его аргументовъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору книги, мнѣ кажется необходимымъ остановиться поподробнѣе на нѣкоторомъ предварительномъ объясненіи. Задача настоящей статьи—критика книги г. Струве съ точки зрѣнія челоуѣка, «примыкающаго» по *всѣмъ* (а не по «нѣкоторымъ» только) «основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ».

Взгляды эти не разъ уже излагались съ цѣлью критики на страницахъ либерально-народнической печати, и это изложеніе до безобразія затемнило ихъ,—даже болѣе того: искажило, припутавъ не имѣющія никакого отношенія къ нимъ гегельянство, «вѣру въ обязательность для каждой страны пройти черезъ фазу капитализма» и много другого чисто уже нововременскаго взора.

Особенно практическая сторона доктрины, примѣненіе ея къ русскимъ дѣламъ, подвергалась искаженіямъ. Не желая понять, что исходнымъ пунктомъ доктрины русскаго марксизма является совершенно иное представленіе о русской дѣйствительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своимъ старымъ взглядомъ на эту дѣйствительность и получали выводы не только ни съ чѣмъ несообразные, но еще и добавокъ позволяющіе на марксистовъ самыя дикія обвиненія.

Не опредѣливъ съ точностью своего отношенія къ народничеству,—мнѣ представляется, поэтому, невозможнымъ приступать къ разбору книги г. Струве. Кромѣ того предварительное сличеніе народнической и марксистской точекъ зрѣнія необходимо для разъясненія многихъ мѣстъ разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляетъ почти вовсе въ сторонѣ практическіе выводы.

Сличеніе это покажетъ намъ, какіе есть общіе исходные пункты у народничества и марксизма, и въ чемъ ихъ коренное отличіе. При этомъ удобнѣе взять старое русское народничество, такъ какъ оно, во-первыхъ, неизвѣрно выше современнаго (представляемаго органами въ родѣ «Рус. Богатства») въ отношеніи послѣдовательности и договоренности, а, во-вторыхъ, цѣльнѣе показываетъ лучшія стороны народничества, къ которымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкаетъ и марксизмъ.

Возьмемъ одну изъ такихъ *professions de foi* стараго русскаго народничества и будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ.

ГЛАВА I.

Подстрочный комментарий къ народнической profession de foi.

Въ ССLXII томѣ «Отечественныхъ Записокъ» ¹⁾ помѣщена, безъ имени автора, статья: «Новые входы на народной нивѣ», которая рельефно выдвигаетъ прогрессивныя стороны народничества въ противовѣсъ русскому либерализму.

Авторъ начинаетъ съ того, что «теперь» протестовать противъ «людей, выдѣляющихся изъ народной среды и становящихся на высшую общественную ступень» считается «чуть не извѣдой».

«Еще недавно одинъ литературный оселъ лигулъ „Отечественныя Записки“ на нессимизмъ къ народу, какъ онъ выразился по поводу небольшой рецензіи о книгѣ Златовратскаго, въ которой, кромѣ нессимизма къ ростовщичеству и развращающему вліянію полтины вообще, ничего нессимизмическаго не было; а когда, вѣдь, Гл. Успенскій написалъ комментарий къ своимъ послѣднимъ очеркамъ („О. З.“ 78 № 11), то либеральное болото, совсѣмъ какъ въ сказкѣ, всохлахалось..... и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитниковъ народа, что мы, по истинѣ, удивились тому, что народъ нашъ являеть столько друзей..... Я не могу не сочувствовать... постановкѣ вопроса о красавицѣ-деревнѣ и объ отношеніи къ ней литературныхъ парней или, лучше сказать, не парней, а старыхъ волонтеровъ изъ гг. дворянъ и земцевъ, и молодого купечества..... Пять деревнѣ серенады и «строить ей глаза» вовсе еще не значить любить и уважать ее, точно такъ же, какъ и указывать ея недостатки вовсе еще не значить—относиться къ ней враждебно. Если вы спросите того-же самого Успенскаго, къ чему больше лежитъ его душа, въ чемъ онъ видитъ больше залогонъ будущаго — въ деревнѣ или въ старо-дворянскомъ и ново-мѣщанскомъ населеніяхъ? то развѣ можетъ быть наново-нибудь сомнѣніе въ томъ, что онъ скажетъ: „въ деревнѣ“.

Это мѣсто весьма характерно. Во-первыхъ, оно показываетъ наглядно, въ чемъ сущность народничества: въ протестѣ противъ крѣпостничества (старо-дворянскаго населеніе) и буржуазности (ново-мѣщанское) въ Россіи *съ точки зрѣнія крестьянина, мелкаго производителя*. Во-вторыхъ, оно показываетъ въ тоже время и мечтательность этого протеста, его отворачиванье отъ фактовъ.

Развѣ «деревня» существуетъ гдѣ-нибудь *оми* «старо-дворянскихъ» или «ново-мѣщанскихъ» порядковъ? Развѣ не «деревню» имено строили

¹⁾ Годъ 1879-ый, 1-ый томъ „Современное обозрѣніе“, стр. 125—132.

и строить по своему представители тѣхъ и другихъ? Деревня—это и есть «наслоеніе» отчасти «старо-дворянское», отчасти «новоиѣщанское». Какъ ни вертите деревню,—но если вы будете ограничиваться констатированіемъ дѣйствительности (объ этомъ только и идетъ рѣчь), а не возможностями, вы не сумѣете выйти изъ ней ничего иного, никакого третьяго «наслоенія». И если народники *находятся*, то только потому, что за деревнями не видятъ лѣса, за формой *землевладѣнія* отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ не видятъ экономической организаціи всего русскаго общественнаго хозяйства. Эта организація, превращая крестьянина въ товаропроизводителя, дѣлаетъ его мелкимъ буржуа,—мелкимъ обособленнымъ хозяиномъ на рынокъ; въ силу этого она исключаетъ возможность искать «залоговъ будущаго» *назадъ*, и заставляетъ искать ихъ *впередъ*—не въ «деревнѣ», въ которой сочетаніе «старо-дворянскаго» и «новоиѣщанскаго» наслоеній страшно ухудшаетъ положеніе труда и отнимаетъ у него возможность борьбы противъ владыкъ «новоиѣщанскихъ» порядковъ, такъ какъ самая противоположность ихъ интересовъ интересамъ труда недостаточно развита,—а въ воплѣ развитомъ, до самаго конца «новоиѣщанскомъ» наслоенія, воплѣ очистившемся отъ «старо-дворянскихъ» прелестей, обобществившемъ трудъ, довершившемъ и выяснившимъ ту социальную противоположность, которая въ деревнѣ находится еще въ зачаточномъ, придавленномъ состояніи.

Теперь слѣдуетъ намѣтить тѣ теоретическія различія, которыя есть между доктринами, *приводящими* къ народничеству и марксизму, между *пониманіями* русской дѣйствительности и исторіи.

Пойдемъ дальше за авторомъ.

Онъ утѣряетъ «т. возмущившихся духомъ», что соотношеніе между народной бѣдностью и народной нравственностью Успенскій понимаетъ

«лучше многихъ поклонниковъ деревни, для которыхъ... деревня есть... вѣчно въ родѣ либеральнаго паспорта, которымъ въ эпохи, подобныя переживаемымъ, запасаются обыкновенно все неглупые и практическіе буржуа».

Почему бы это, думаете вы, г. народникъ, происходить такая прискорбная и обидная для человѣка, желающаго представлять интересы труда, вещь, какъ обращеніе въ «либеральный паспортъ» того, въ чемъ онъ видитъ «залогъ будущаго»? Это будущее должно исключать буржуазію,—а то, черезъ что хотите вы идти къ этому будущему, не только не встрѣчается враждебно «практическими и неглупыми буржуа», а напротивъ, охотно берется и берется за «паспортъ».

Какъ вы думаете, мыслима-ли была бы такая скандальная вещь, еслибы «залогъ будущаго» стали указывать вы не тамъ, гдѣ социальная противополо-

ложности, свойственной тому строю, въ которомъ хозяйничаютъ «практическіе и неглуные буржуа», находится еще въ неразвитомъ, зачаточномъ состояніи, а тамъ, гдѣ онѣ развиты до конца, до *pes plus ultra*, гдѣ нельзя, слѣдовательно, ограничиваться палліативами и полумѣрами, гдѣ нельзя утилизировать *desiderata* трудящихся въ свою пользу, гдѣ вопросъ поставленъ ребромъ.

Не говорите-ли вы сами ниже такой вещи:

„Не хотѣть понять пассивные друзья народа той простой вещи, что въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются, обыкновенно, въ двѣ равнодѣйствующія, взаимнопротивоположныя, и что пассивныя силы, не принимающія, повидимому, участія въ борьбѣ, служатъ только той силѣ, которая въ данную минуту имѣетъ перевѣсъ“. (с. 132).

Развѣ деревня не подпадаетъ подъ эту характеристику, развѣ она—какой-нибудь особый міръ, въ которомъ нѣтъ этихъ «взаимнопротивоположныхъ силъ» и борьбы, чтобы о ней можно было говорить отвлеченно, не боясь сыграть на руку «вмѣющей перевѣсъ силѣ»? Развѣ, развѣ уже рѣчь пошла о борьбѣ, основательно начинать съ того, гдѣ содержаніе этой борьбы загроможено кучей постороннихъ обстоятельствъ, мѣшающихъ твердо и окончательно отдѣлать другъ отъ друга эти взаимнопротивоположныя силы, мѣшающихъ видѣть ясно главнаго врага? Не очевидно-ли, что та программа, которую выставляетъ авторъ въ концѣ статьи—образованіе, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, уменьшеніе податей—не въ состояніи затронуть ни на йоту того, кто имѣетъ перевѣсъ, а послѣдній пунктъ программы—«организация народной промышленности»—уже предполагаетъ, вѣдь, что борьба не только была, но сверхъ того, что она уже кончилась побѣдой? Ваша программа сторонится отъ того антигеновизма, наличие котораго вы сами не могли не признать. Поэтому она и не страшна хозяевамъ «ново-мѣщанскаго наслоепія». Ваша программа—мелкобуржуазная мечта. Вотъ почему только и годна она на то, чтобы быть «либеральнымъ паспортомъ».

„Люди, для которыхъ деревня есть отвлеченное понятіе, а мужикъ—отвлеченный Нарциссъ, даже думать плохо, когда говорить, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она отлично противостоитъ всякъ разрушающимъ ее вліяніямъ. Если деревня поставлена въ такіа условія, что каждый день должна биться нѣтъ за копейки, если ее обираютъ ростовщики, обманываютъ кулаки, притѣсняютъ помещики, если ее иногда сбиваютъ въ волостномъ правленіи, то развѣ это можетъ оставаться безъ вліянія на ея нравственную сторону?... Если рубль, эта капиталистическая луна, выплываетъ на первый планъ деревенскаго ландшафта, если на него обращаются всѣ взоры, всѣ помыслы и душевныя силы, если онъ становится цѣлью жизни и мѣриломъ способностей личности, то развѣ можно скрывать этотъ фантъ и говорить, что мужикъ есть такой Косьма-без-

сребренникъ, которому вовсе не нужны деньги? Если въ деревнѣ замѣтны стремленія къ розни, расхищаетъ пышнымъ цвѣтомъ нулачество и стремится къ закабаленію слабѣйшаго крестьянства въ батраки, къ разрушенію общины и т. д., то развѣ можно, спрашиваю я, скрывать всѣ эти факты?! Мы можемъ желать болѣе обстоятельнаго и всесторонняго ихъ изслѣдованія, можемъ объяснять ихъ себѣ гнетущими условіями бѣдности (съ голоду люди воруютъ, убиваютъ, а въ крайнихъ случаяхъ даже ѣдятъ другъ друга), но скрывать ихъ совсѣмъ невозможно. Скрывать ихъ значитъ защищать *statum quo*, значитъ защищать пресловутое *laissez faire, laissez aller*, пока грустные явленія не примутъ ужасающихъ размѣровъ. Подрумянивать истину вообще всегда изливше“.

Опять таки, какъ хороша эта характеристика деревни и какъ мелки выводы изъ нея! какъ вѣрно подмѣчены факты и какъ мизерно объясненіе, пониманіе ихъ! Снова видимъ мы тутъ гигантскую пропасть между *desideratami* на счетъ защиты труда и средствами ихъ осуществленія. Капитализмъ въ деревнѣ—это для автора не болѣе какъ «грустное явленіе». Несмотря на то, что онъ видитъ такой же капитализмъ и въ городѣ въ крупныхъ размѣрахъ, видитъ, какъ капитализмъ подчинилъ себѣ не только всѣ области народнаго труда, но даже и «прогрессивную» литературу, преподносящую буржуазныя мѣры отъ имени народа и во имя народа,—несмотря на это онъ не хочетъ признать, что дѣло въ особой организациіи нашего общественнаго хозяйства, и утѣшаетъ себя мечтами, что это только грустное явленіе, вызванное «гнетущими условіями». А если, де, не держаться теоріи невѣроятности, тогда можно устранить эти условія. Да, еслибы да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невѣроятности; всегда было вмѣстительство... въ пользу буржуазіи, и только сладкія грезы «послѣбѣденнаго спокойствія» могутъ породить надежду на измѣненіе этого безъ «перераспределенія социальнаго силы между классами», какъ говорить г. Струве.

„Мы забываемъ, что обществу нашему нужны идеалы—политическіе, гражданскіе и иные—главнымъ образомъ для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чемъ не думать, что шестъ оно ихъ не съ юношеской тревогой, а съ послѣбѣденнымъ спокойствіемъ, что разочаровывается оно въ нихъ не съ душевными муками, а съ легкостью аркаденаго принца. Таково, по крайней мѣрѣ, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никакихъ идеаловъ, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами“.

Превосходная характеристика нашего либерально-народническаго общества.

Спрашивается, кто же теперь послѣдовательнѣе: «народники»-ли, продолжающіе возиться и нянчиться съ этимъ «обществомъ», угощающіе

его изображеніемъ ужасовъ «грядущаго» капитализма, «грозящаго зла»¹⁾, какъ выразился авторъ статьи, призывающіе его представителей сойти съ неправильнаго пути, на который «мы» уклонились и т. д., — или марксисты, которые такъ «узки», что рѣзко отграничиваютъ себя отъ общества и считаютъ необходимымъ обратиться исключительно къ тѣмъ, кто не «удовлетворяется» и не *можетъ удовлетвориться* «утробными процессами», для кого идеалы — пужны, для кого они являются вопросомъ повседневной жизни.

Это — отношеніе институтки — продолжаетъ авторъ. Это

„свидѣтельствуешь о глубокомъ развращеніи мысли и чувства... иногда еще не было такого приличнаго, лакированнаго, такого невиннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго разврата. Развратъ этотъ есть цѣлкомъ достоиніе нашей новѣйшей исторіи, достоиніе мѣщанской культуры, [т. е. буржуазныхъ, капиталистическихъ порядковъ, точнѣе сказать К. Т.], развившейся на почвѣ барства, дворянскаго сентиментализма, нещества и лжи. Мѣщанство принесло въ жизнь свою науку, свой нравственный кодексъ и свои софизмы“.

Казалось бы, авторъ настолько вѣрно оцѣнилъ дѣйствительность, чтобы понять и единственно возможный выходъ. Ежели все дѣло въ нашей буржуазной культурѣ, — значитъ, не можетъ быть иныхъ «залоговъ будущаго», кромѣ какъ въ «антиподѣ» этой буржуазіи, потому что онъ одинъ окончательно «дифференцированъ» отъ этой «мѣщанской культуры», окончательно и безповоротно враждебенъ ей и неспособенъ ни на какіе компромиссы, изъ которыхъ такъ удобно выкраивать «либеральные паспорта».

Но нѣтъ. Можно еще пометчать. «Культура» — дѣйствительно одно «мѣщанство», одинъ развратъ. Но вѣдь это только результатъ стараго барства (самъ же сейчасъ призналъ, что она создана новѣйшей исторіей, той исторіей, которая именно и уничтожила старое барство) и лжи, — нѣчто, значитъ, случайное и не имѣющее прочныхъ корней и т. д. и т. д. Начинаются фразы, не имѣющія никакого смысла, кромѣ отворачиванія отъ фактовъ и сентиментальнаго мечтанія, закрывающаго глаза на *малочисленность* «взаимно противоположныхъ силъ». Слушайте:

„Ему (мѣщанству) нужно подворать ихъ (науку, нравственный кодексъ) на казендрѣ, въ литературѣ, въ судѣ и въ другихъ пунктахъ жизни. [Выше мы видѣли, что оно уже *подворило* ихъ въ такомъ глубокомъ „дуинтѣ жизни“, какъ деревня К. Т.]. Оно прежде всего не находитъ для этого достаточно годныхъ людей и, по необходимости, обращается къ людямъ другихъ традицій. [Это русская-то буржуазія „не находитъ людей“?! Не стоитъ и опровергать этого, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ себя ниже опровергнетъ. К. Т.] Люди эти не знаютъ дѣла [русские капиталисты? К. Т.], ищутъ ихъ неопытны, движены неулюбки; достаточно „знать дѣла“, чтобы получать десятки и сотни процентовъ прибыли; достаточно „опытны“,

¹⁾ Грозящаго чему? утробнымъ процессамъ? Капитализмъ не только не „грозитъ“ имъ, а, напротивъ, общается тончайшимъ и изысканнѣйшимъ яствамъ.

чтобы прантиковать повсеместно truck-system; достаточно ловки, чтобы получать покровительственные посылки. Только тому, кто непосредственно и прямо не чувствует на себя гнета этих людей, только мелкому буржуа и могла померещиться такая фантазия. К. Т.); они стараются подражать западно-европейской буржуазии, выплывают книжки, учатся; [вот уже автор сам должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания: будто у нас „мещанская культура“ развилась на почве немыслима. Не правда, Именно она принесла пореформенной России ее культуриность, „образованность“. „Подразуминать истину“, изображать врага бессильным и беззачинным, „вообще всегда пазнать.“ К. Т.]; порой их берет сожалѣніе о прошлом, а порой раздумье о будущем, так как слышны откуда-то голоса, что мещанство есть только надлый временникъ, что наука его не выдерживаетъ критики, а нравственный кодекс и совѣсьь нигуда не годится“.

Это русская-то буржуазія грѣшитъ «сожалѣніемъ о прошломъ», «раздумьемъ о будущемъ»?! Подите вы! И охота же людямъ самихъ себя морочить, клеветать такъ необъятно на бѣдную русскую буржуазію, будто она смущалась голосами о «негодности мѣщальства»! Не наоборотъ-ли: не «смущались» ли эти «голоса», когда на нихъ хорошенько прикрикнули, не они-ли это проявляютъ «раздумье о будущемъ»?...

И подобные господа удивляются еще и прикидываются испонимающими, за что ихъ называютъ романтиками!

„Между тѣмъ, надо спасаться. Мѣщанство не просить, а признаываетъ, вощъ страхомъ погнбемъ, идти на работу¹⁾. Не пойдешь,—останешься безъ хлѣба и будешь стоять среди улицы—выиркивать: „отставному штабсъ-капитану!“; а то и совѣсьь околѣешь съ голоду. И вотъ начинается работа, слышится извѣтъ, скрипъ, дзганье, идетъ суматоха. Работа спѣшная, не терпящая отлагательствъ. Наконецъ, механнизмъ пущенъ. Внага и острыхъ звуковъ какъ будто бы меньше, части шашъ будто бы обходятся, слышны только грохоты чего-то неуключаго. Но тѣмъ страшнѣе: доски гнутель все больше и больше, винты хлѣбають и, того и глядя, все разлетится въ дребезги“.

Это мѣсто потому особенно характерно, что въ рельефной, законической, красивой формѣ содержитъ схему тѣхъ разсужденій, которыя любятъ облачать въ научную форму російскіе народники. Исходя изъ безспорныхъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ, доказывающихъ наличие противорѣчій при капиталистическомъ строѣ, наличие угнетенія, вымиранія, безработицы и т. д., они усаливаются доказать, что капитализмъ—крайне нехорошая вещь, «неуключая» [ср. В. В., *Каблу-*

¹⁾ Замѣйте это, читатель. Когда народникъ говоритъ, что у насъ въ Россіи „на работу признаываетъ идти мѣщанство“,—тогда это правда. А когда нарисеть скажетъ, что у насъ господствуетъ капиталистическій способъ производства,—тогда г. В. В. закритичитъ, что онъ стремился къ „амѣтнѣ демократическаго (sic!) строя капиталистическимъ“.

кова (Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ), отчасти г. Николая—она], которая «того и гляди» разлетится въ дребезги.

Глядимъ, вотъ уже много-много лѣтъ, какъ глядимъ, и видимъ, что эта сила, приказывающая русскому народу идти на работу, все крѣпнѣетъ и растетъ, хвастаетъ передъ всей Европой мощью создаваемой ею Россіи и радуется, конечно, тому, что «слышится голоса» только о необходимости уповать на то, что «винты расхлабаются».

„У людей слабыхъ замираетъ сердце отъ страха. „Тѣмъ лучше“ говорятъ люди отчаянные. „Тѣмъ лучше, говорить и буржуазіи:—„скорѣе выплывемъ изъ за границы новой механики, скорѣе приготовимъ платформы, доски и другія грубыя части изъ домашнего матеріала, скорѣе заведемъ искусныхъ машинистовъ“. Между тѣмъ, нравственная сторона общества во все это время находится въ самомъ свѣрховномъ состояніи. Нѣкоторые входятъ по вкусу новой дѣятельности и стараются черезъ силу, нѣкоторые отстаютъ и разочаровываются въ жизнь“.

Бывшая русская буржуазія! «Черезъ силу» старается присвоивать сверхстоимость! и чувствуетъ себя скверно съ нравственной стороны! (Не забудьте, что странницей назадъ вся эта нравственность сводилась къ утробнымъ процессамъ и разврату). Понятно, что тутъ уже нѣтъ никакой надобности въ борьбѣ съ ней—да еще какой-то классовой борьбѣ,—а просто пожурить хорошенько—и она перестанетъ себя называть.

„О народѣ въ это время почти никто не думаетъ; между тѣмъ дѣлается, по приказамъ буржуазіи, все для народа, за его счетъ; между тѣмъ, каждый общественный дѣтель и литература считаютъ долгомъ распространяться объ его благѣ... Это либерально-конетляное направленіе подавило все остальныя и сдѣлалось преобладающимъ. Въ нашъ демократическій языкъ нетолько г. Суворинъ публично признается въ любви къ народу и говорить: «одно я всегда любилъ и умру съ этой любовью—народъ, я самъ вышелъ изъ народа» (что еще ровню ничего не доказываетъ); но даже „Московскія Вѣдомости“ какъ-то совсѣмъ намекомъ относятся къ нему... и какъ-то, по своему, конечно, заботятся объ его благоустройствѣ. Въ настоящее время не осталось ни одного органа печати, подобнаго покойной „Вѣсти“, т. е. явно недружелюбнаго къ народу. Но какъ недружелюбное отношеніе было лучше, потому что тогда врагъ былъ на чистоту, какъ на ладони: видно было, съ какой стороны онъ дуракъ, съ какой—плутъ. Теперь всѣ—друзья и въ тоже время всѣ—враги; все перемѣнилось къ общему хаосу. Народъ, какъ говоритъ Успенскій, именно опутанъ какими-то туманами, сбивающимъ несмыслнаго человѣка съ толку и пути. Прежде онъ надѣлъ передъ собой одну испорченную беззаконность. Теперь же ему говорятъ, что онъ такъ же свободенъ, какъ я помѣщикъ, говорятъ, что онъ самъ управляетъ своими дѣлами, говорятъ, что его поднимаютъ изъ ничтожества и ставятъ на ноги, тогда какъ во всѣхъ этихъ заботахъ таятся, переваливая ихъ тонкою, но цѣнною нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемеріе“.

Что вѣрно, то вѣрно!

„Тогда далеко не всѣ занялись устройствомъ ссудосберегательныхъ то-

варшавских, поощряющих кулачество и оставляющих настоящих бедняков без кредита⁴.

Сначала можно бы подумать, что автор, понимая буржуазность кредита должен совершенно сторониться от всяких таких буржуазных мёр. Но отличительная и основная черта мелкого буржуа — восставать против буржуазности средствами буржуазного же общества. Поэтому и автор, как и народники вообще, *исправляет* буржуазную деятельность, требуя больше широкого кредита, кредита для настоящих бедняков!

...не толковали о необходимости интенсивного хозяйства, которому мѣшать передѣлы полей и община (?); не распространялись о тяжести подушныхъ податей, упоминая о налогахъ косвенныхъ и о томъ, что подоходный налогъ превращается обыкновенно на практикѣ въ налогъ на тѣхъ же бедняковъ; не говорили о необходимости земельного кредита для покупки крестьянами земель у помещиковъ по несоразмерно высокимъ цѣнамъ и т. д.... Тоже самое и въ обществѣ: тамъ тоже такое множество друзей у народа, что только дашься диву... Вероятно, скоро о любви къ народу станутъ говорить замладники и псевдальники⁵.

Протестъ противъ буржуазности превосходенъ; но выводы мизерны: буржуазія царитъ и въ жизни, и въ обществѣ. Казалось бы, слѣдуетъ отвернуться отъ общества и идти къ антиподу буржуазіи.

Нѣтъ, слѣдуетъ пропагандировать кредитъ для «настоящихъ бедняковъ»!

„Кто больше виноватъ въ подобномъ смутномъ положеніи вещей—литература или общество,—опредѣлить трудно, да и опредѣлить совершенно бесполезно. Говорятъ, что рыба разлагается съ головы, но я не придаю этому чисто-кулацкому наблюденію никакого значенія“.

Разлагается буржуазное общество — вотъ, значить, мысль автора. Стоитъ подчеркнуть, что именно таковъ исходный пунктъ марксистовъ.

„А между тѣмъ, когда мы констатируемъ съ деревней и дѣлаемъ ей глаза, колесо исторіи вертится, дѣйствуютъ стихійныя силы, или, говоря поитиже и проще, къ жизни прилегаются всевозможныя пройдохи и перестраиваютъ ее по своему. Пока литература будетъ спорить о деревнѣ, о прекраснѣйшемъ мужикѣ и объ отсутствіи у него знаний, пока публицистика будетъ исплескивать цѣлымъ ведромъ чернилъ по вопросамъ объ общинѣ и формахъ землевладѣнія, пока податная коммиссія будетъ продолжать обсуждать податную реформу, — деревня окажетъ въ концѣ обездоленной“.

Вотъ что! «Пока мы говоримъ—колесо исторіи вертится, дѣйствуютъ стихійныя силы»!

Какой бы шумъ мы подняли, друзья, когда бы это сказала я!

Когда марксисты говорятъ о «колесѣ исторіи и стихійныхъ силахъ», попеняя притомъ съ точностью, что эти «стихійныя силы» есть силы развивавшейся буржуазіи,—т.г. народники предпочитаютъ замалчивать вопросъ о томъ, вѣрнѣ-ли и вѣрно-ли оцѣнить фактъ роста этихъ «стихійныхъ

силъ», и болтать непроходимую безыборду о томъ, какіе это «мистики и метафизики» люди, способные говорить о «колесѣ исторіи» и «стихійныхъ силахъ».

Разница между выписаннымъ признаніемъ народника и обычнымъ положеніемъ марксистовъ только та—и весьма существенная разница—что, между тѣмъ какъ для народника эти «стихійныя силы» сводятся къ «пройдохамъ», которые «пристегиваются къ жизни»,—для марксиста стихійныя силы воплощаются въ классъ буржуазіи, который является продуктомъ и выраженіемъ общественной «жизни», представляющей изъ себя капиталистическую общественную формацію, а не случайно или извнѣ откуда-то «пристегиваются къ жизни». Оставаясь на поверхности различныхъ кредитовъ, податей, формъ землевладѣнія, передѣловъ, улучшеній и т. п., народникъ не можетъ видѣть у буржуазіи глубокихъ корней въ русскихъ производственныхъ отношеніяхъ, и потому утѣшаетъ себя дѣтскими иллюзіями, что это не болѣе какъ «пройдохи». И естественно, что съ такой точки зрѣнія, дѣйствительно, будетъ абсолютно непонятно, причемъ тутъ классовая борьба, когда все дѣло только въ устраненіи «пройдохъ». Естественно, что гг. народники на усиленные и многократныя указанія марксистовъ на эту борьбу отвѣчаютъ ничего не понимающимъ молчаніемъ человѣка, который не видитъ класса, а видитъ только «пройдохъ».

Съ классомъ можетъ бороться только *другой классъ*, и притомъ непременно такой, который вполнѣ уже «дифференцированъ» отъ своего врага, вполнѣ противоположенъ ему, но съ «пройдохами», разумеется, достаточно бороться одной позиціи, въ крайнемъ случаѣ,—«обществу» и «государству».

Скоро мы увидимъ однако, каковы эти «пройдохи» по характеристикѣ самого народника, какъ глубоки ихъ корни, какъ всеобъемлющи ихъ общественныя функціи.

Далѣе, послѣ вышевыписанныхъ словъ о «пассивныхъ друзьяхъ народа» авторъ непосредственно продолжаетъ:

„Это—кѣто худшее, чѣмъ пооруженный нейтралитетъ въ политикѣ, худшее потому, что тутъ всегда оказывается активная помощь сильнѣйшему. Какъ бы пассивный другъ ни былъ искрененъ въ своихъ чувствахъ, какое бы сиромое и тихое положеніе онъ ни старался принять на житейскомъ поприщѣ, онъ все равно будетъ предать друзей“¹⁾.

...„Для людей, болѣе или менѣе цѣльныхъ и искренне любящихъ народъ“¹⁾.

¹⁾ Какъ неопредѣленнымъ тутъ отличительныя признаки отъ „пассивныхъ друзей“! Тамъ, вѣдь, тоже бывають „цѣльными“ людьми и, несомнѣнно, „искренне“ „любить народъ“. Изъ предъидущаго противопоставленія съ очевидностью слѣдуетъ, что пассивному надо противопоставить того, кто участвуетъ въ борьбѣ „взаимнопротивоположныхъ“ общественныя силъ. Hier liegt der Hund begraben.

подобное положеніе вещей становится, наконецъ, невыносимо омерзительнымъ. Имъ становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъясненіе въ любви, которое повторяется въ году въ годъ каждый день, повторяется и въ пансіонаріяхъ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ трактирахъ, за бутылкою вина, и никогда не переходитъ въ дѣло. Вотъ поэтому-то, въ концѣ концовъ, они и приходятъ къ огульному отрицанію всей этой мѣшанины¹.

Эта характеристика отношеній прежнихъ русскихъ народниковъ къ либераламъ почти дѣлкомъ подошла бы къ отношенію марксистовъ къ теперешнимъ народникамъ. Марксистамъ тоже «невыносимо» уже слушать о помощи «народу» кредитами, покупками земель, техническими улучшеніями, артеліями, общественными запасками¹) и т. п. Они тоже требуютъ отъ людей, желающихъ стоять на сторонѣ... не «народа», имѣть, — а того, кому буржуазія приказываетъ идти на работу, — «огульнаго отрицанія» всей этой либерально-народнической мѣшанины. Они находятъ, что это «невыносимое» лицемеріе — толковать о выборѣ путей для Россіи, о бѣдствіяхъ «грозящаго» капитализма, о «нуждахъ народной промышленности», когда во всѣхъ областяхъ этой народной промышленности царитъ капиталъ, идетъ глухая борьба интересовъ, и надо не замазывать, а раскрывать ее, — не мечтать: «лучше бы безъ борьбы»²), а *разносить* ее въ отношеніи прочности, пресметченности, послѣдовательности и, главное, идейности.

«Вотъ поэтому-то, въ концѣ концовъ, и являются извѣстными гражданскія заповѣди, извѣстными категорическія требованія порядочности, требованія строгія и подѣ часъ даже узкія, за что ихъ въ особенности не долбобливаютъ ширококрылые либералы, любящіе просторъ въ потемкахъ и забывающіе ихъ логическое происхожденіе»³.

Превосходное пожеланіе! Безусловно необходимы именно «строгія» и «узкія» требованія.

Но бѣда въ томъ, что всѣ превосходныя намѣренія народниковъ оставались въ области «невинныхъ пожеланій». Несмотря на то, что они сознавали необходимость такихъ требованій, несмотря на то, что они имѣли весьма достаточно времени для ихъ осуществленія, — они до сихъ поръ не выработали ихъ, они постоянно сливались съ россійскимъ либеральнымъ обществомъ дѣлымъ рядомъ постепенныхъ переходовъ, они продолжаютъ сливаться съ нимъ и до сихъ поръ³).

¹) Г. Южанинъ въ № 7 „Р. В-ца“ за 1894 г.

²) Выраженіе г-на Кривенко („Р. В-ца“, 94, № 10) въ отвѣтъ на слова г-на Струве о „суровой борьбѣ общественныхъ массовъ“.

³) Нѣкоторые названные народники, въ простотѣ своей не понимаящія, что пишутъ противъ себя, даже хвалятся этимъ:

„Наша интеллигенція вообще, литература въ частности, — пишетъ г. В. В. промьятъ г. Струве, — даже представители наиболѣе буржуазныхъ теченій, носятъ

Поэтому — пускай уже они пеняют на себя, если теперь марксисты *против* них выдвигают требования действительно очень «строгия» и очень «узкия», — требования *исключительнаго* служения *исключительно* одному классу (именно тому, который «дифференцированъ отъ жизни»), его самостоятельному развитію и мышленію, требования полного разрыва съ «гражданской» «порядочностью» россійскихъ «порядочныхъ» буржуевъ.

„Какъ бы ни были, на самомъ дѣлѣ, узки эти заповѣди въ частностяхъ, во всякомъ случаѣ ничего не скажешь противъ общаго требованія: „одно изъ двухъ: или будьте действительными друзьями, или же обратитесь въ открытые враговъ!“

„Мы переживаемъ въ настоящее время чрезвычайно важный историческій процессъ — процессъ формировація третьаго сословія. Передъ нашими глазами совершается подборъ представителей и происходить организація новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью“.

Только еще «готовителъ»? А кто же «управляетъ»? Какая другая «общественная сила»?

Ужъ не ты-ли, которая выражалась въ органахъ à la «Вѣсть»? — Невозможно. Мы не въ 1894 г., а въ 1879 г., накануне «диктатуры сердца», — когда, по выраженію автора статьи, «крайнихъ консерваторовъ показываютъ на улицѣ пальцемъ», надъ ними «хохочутъ по всю глотку».

Ужъ не «народъ» ли, трудящійся? — Отрицательный отвѣтъ даетъ вся статья автора.

И при этомъ говорить все еще: «готовителъ управляетъ»? Нѣтъ, сила эта давнымъ давно «приготовилась», давнымъ давно «управляетъ»; «готовятся» же только одни народники — выбирать лучшіе пути для Россіи, да такъ, должно быть, и пресобираются до тѣхъ поръ, пока послѣдовательное развитіе классовыхъ противорѣчій не отгѣснитъ, не вытолкнетъ за борты всѣхъ, кто отъ нихъ сторонится.

„Процессъ этотъ, начавшійся въ Европѣ гораздо раньше нашего, во многихъ государствахъ пришелъ уже къ концу¹⁾; въ другихъ онъ еще задерживается обломками феодализма и противодействіемъ рабочихъ классовъ, но историческое колесо и здѣсь съ каждымъ годомъ все больше и больше дробитъ эти обломки и унатываетъ жизнь для новыхъ порядковъ“.

на себя, такъ сказать, народнической характеръ“ („Недѣля“ 1894 г. № 47, стр. 1506).

Какъ въ жизни мелкій производитель рядомъ незамѣтныхъ переходовъ сливается съ буржуазіей, — такъ въ литературѣ народническія неясныя пожеланія становятся «либеральнымъ паспортомъ» для выскителей утробныхъ процессовъ, привнесимателей и т. д.

¹⁾ Т. е. что это значитъ: „пришелъ къ концу“? То-ли, что уже виденъ его конецъ, что уже собирается „новая сила“? — тогда онъ и у насъ приходитъ

Вотъ до какой степени не понимаютъ наши народники западноевропейскаго рабочаго движенія! Оно «задерживаетъ», видите-ли, капитализмъ, — и его, какъ «обломокъ», ставятъ рядомъ съ феодализмомъ!

Наглядное доказательство того, что не только для Россіи, но и для Запада наши народники не въ состояніи понять того, какъ можно бороться съ капитализмомъ не «задерживаніемъ» его развитія, а ускореніемъ его, не сзади, а спереди, не реакціонно, а прогрессивно.

„Въ общихъ чертахъ, процессъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: между дворянствомъ и народомъ образуется новый общественный слой изъ элементовъ, опускающихся сверху, и элементовъ, поднимающихся снизу, которые или бы имѣли одинаковый удѣльный вѣсъ, если можно такъ выразиться; элементы эти тѣсно сплавляются, соединяются, претерпѣваютъ глубокое внутреннее измѣненіе и начинаютъ измѣнять и верхніе и нижніе слои, приспособляя ихъ къ своимъ потребностямъ. Процессъ этотъ чрезвычайно интересенъ самъ по себѣ, а для насъ онъ имѣетъ особенно важное значеніе. Для насъ тутъ представляется цѣлый рядъ вопросовъ: составляетъ-ли господство 3-го сословія ровную и необязную ступень цивилизаціи нашего народа?...“

Что за гиль?! Откуда и причѣмъ тутъ «роковая неизбежность»? Не самъ-ли авторъ описывалъ и еще подробнѣе будетъ ниже описывать господство 3-го сословія у насъ, на святой Руси, въ 70-ые годы?

Авторъ беретъ, очевидно, тѣ теоретическіе доводы, за которые притались представители нашей буржуазіи.

Ну, какъ же это не мечтательная поверхность — принимать такіе выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими «теоретическими» разсужденіями стоятъ интересы, интересы того общества, которое сейчасъ такъ вѣрно было оцѣнено, интересы буржуазіи?

Только романтикъ и можетъ думать, что можно силлогизмами бороться съ интересами.

...нельзя ли государству прямо съ одной ступени перейти на другую, не дѣлая при этомъ никакихъ салто-морталей, которыя чудятся на каждомъ шагѣ черезчуръ предусмотрительнымъ физиктерамъ, и не слушая фаталистовъ, видящихъ въ исторіи одинъ роковой порядокъ, вслѣдствіе котораго господство 3-го сословія такъ же неизбежно для государства, какъ неизбежна для человѣка старость или юность?...“

Вотъ какое глубокое пониманіе у народниковъ нашей дѣйствительности! Если государство содѣйствуетъ развитію капитализма, — то это вовсе не потому, что буржуазія владѣетъ такой матеріальной силой, что «восмываетъ на работу» народъ и гнетъ въ свою сторону политику. Во все вѣтъ. Дѣло

изъ концы. Или то, что такъ уже болѣе не нарождается 3-го сословія? — это невѣрно, потому что и такъ есть еще мелкіе производители, выдѣляющіе горстки буржуазіи и массы пролетаріата.

просто въ томъ, что профессора Вернадскіе, Чичерины, Менделѣевы и пр. держатся неправильныхъ теорій о «роковомъ» порядкѣ, а государство ихъ «слушаетъ».

...нельзя ли, наконецъ, смилостивиться отрицательныя стороны наступающаго порядка, или иебудь видоизмѣнить его или сократить время его господства? Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, государство есть нѣчто такое инертное, произвольное и безцѣльное, что не можетъ вліять на свои судьбы и измѣнять ихъ; неужели, и въ самомъ дѣлѣ, оно есть нѣчто въ родѣ волчка, пускаемаго провидѣніемъ, который двигается по опредѣленному только пути, только известное время и совершаетъ известное число оборотовъ, или въ родѣ организма съ весьма ограниченной волей; неужели и въ самомъ дѣлѣ имъ управляетъ нѣчто въ родѣ гигантскаго чугуннаго колеса, которое давить всякаго дерзновеннаго, осмѣливающагося попытаться ближайшихъ путей къ человѣческому счастью?!¹²

Это чрезвычайно характерное мѣсто, съ особенной наглядностью показывающее *реакціонность, мелкобуржуазность* того представительства интересовъ непосредственныхъ производителей, которое давалось и дается россійскими народниками. Будучи враждебно настроены противъ капитализма, мелкіе производители представляютъ изъ себя переходный классъ, смыкающійся съ буржуазіей, и потому не въ состояніи понять, что непріятный имъ крупный капитализмъ—не случайность, а прямой продуктъ всего современнаго экономическаго (и соціальнаго, и политическаго, и юридическаго) строя, складывающагося изъ борьбы взаимнопротивоположныхъ общественныхъ силъ. Только непониманіе этого и въ состояніи вести къ такой абсолютной нецѣлости, какъ обращеніе къ «государству», какъ будто бы политическіе порядки не коренились въ экономическихъ, не выражали ихъ, не служили имъ.

Неужели государство есть нѣчто инертное?—вопрошаетъ съ отчаяніемъ мелкій производитель, видя, что по отношенію къ его интересамъ оно, дѣйствительно, замѣчательно инертно.

Нѣтъ—могли бы мы отвѣтить ему,—государство ни въ какомъ случаѣ не есть нѣчто инертное, оно всегда дѣйствуетъ и дѣйствуетъ очень энергично, всегда активно и никогда пассивно, — и авторъ самъ страничкой раньше характеризировалъ эту активную дѣятельность, ея буржуазный характеръ, ея естественныя плоды. Плохо только то, что онъ не хочетъ видѣть связи между такимъ ея характеромъ и капиталистической организаціей русскаго общественнаго хозяйства, и поэтому такъ поверхностенъ.

Неужели государство—волчекъ, неужели это—чугунное колесо? спрашиваетъ Kleinbürger, видя, что «колесо» вертится вовсе не такъ, какъ онъ того желалъ бы.

О нѣтъ,—могли бы мы отвѣтить ему,—это не волчекъ, не колесо, не законъ фатума, не воля провидѣнія; его двигаютъ «живыя личности»

«сквозь строй пренятствій?»¹⁾ (въ родѣ, напр., сопротивленія непосредственныхъ производителей, или представителей старо-дворянскаго наслоенія), именно тѣ «живыя личности», которыя принадлежатъ къ живущей перепутью общественной силѣ. И поэтому, чтобы заставить колесо вертѣться въ другую сторону, надо противъ «живыхъ личностей» (т. е. общественныхъ элементовъ, принадлежащихъ не къ идеологическимъ составяніямъ, а прямо выражающимъ насущные экономическіе интересы) обратиться тоже къ «живымъ личностямъ», противъ класса—обратиться тоже къ классу. Для этого весьма недостаточно добрыхъ и незвинныхъ пожеланій на счетъ «ближайшихъ путей», — для этого нужно «перераспределеніе социальной силы между классами», для этого нужно стать идеологомъ не того непосредственнаго производителя, который стоитъ въ сторонѣ отъ борьбы, а того, который стоитъ въ самой горячей борьбѣ, который уже окончательно «дифференцированъ отъ жизни» буржуазнаго общества. Это *единственный*, а потому ближайшій «путь къ человѣческому счастью», путь, на которомъ можно добиться не только смягченія отрицательныхъ сторонъ положенія вещей, не только сократить его существованіе ускореніемъ его развитія, но и совсѣмъ положить конецъ ему, заставить «колесо» (не государственныхъ уже, а социальныхъ силъ) вертѣться совсѣмъ въ иную сторону.

...Нашъ занимаетъ только процессъ организаціи 3-го сословія, даже только люди, выходящіе изъ народной среды и становящіеся въ его ряды. Люди эти очень важны: они исполняютъ чрезвычайно важныя общественныя функціи, отъ нихъ прямо зависитъ степень интенсивности буржуазнаго порядка. Безъ нихъ не обходилась ни одна страна, гдѣ только этотъ порядокъ подвизался. Если ихъ нѣтъ, или недостаточно въ странѣ, то ихъ необходимо влывать изъ народа, необходимо создать въ народной жизни такіе условія, которыя способствовали бы ихъ образованію и выдѣленію, необходимо, наконецъ, охранять ихъ и помогать ихъ росту, пока они не окрѣвнутъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ прямымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы со стороны людей наиболее энергичныхъ, которые пользуются обстоятельствомъ и минутой для своихъ интересовъ. Обстоятельства эти состоятъ, главнымъ образомъ, въ необходимости промышленнаго прогресса (въ замѣнѣ кустарнаго производства мануфактурнымъ и мануфактурнаго фабричнымъ, въ замѣнѣ одной системы полеводства другою, болѣе рациональною), безъ чего государство, дѣйствительно обойтись не можетъ при известной густотѣ населенія и международныхъ сношеніяхъ, и въ разладѣ политическомъ и правительствѣ, что обуславливается какъ эконоическими

¹⁾ Г. Н. Михайловскій, у г. Струве, с. 8. «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не канал-вибулъ мистическаго сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ въ нихъ событія сквозь строй пренятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій».

факторами, такъ и ростомъ идей. Эти-то восторженныя въ государственной жизни замѣненія и связываютъ обыкновенно люди довѣе съ собою и съ нравственными порядками, которые, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы быть замѣнены и всегда могутъ быть замѣнены другими, если другіе люди будутъ умнѣе и энергичнѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ».

Итакъ, авторъ не можетъ не признать, что буржуазія исполняетъ «важныя общественныя функціи,» — функціи, которыя обще можно выразить такъ: подчиненіе себѣ народнаго труда, руководство имъ и повышеніе его производительности. Авторъ не можетъ не видѣть того, что экономическій «прогрессъ» дѣйствительно «связывается» съ этими элементами, т. е. что наша буржуазія дѣйствительно несетъ съ собою экономическій, точнѣе сказать, техническій прогрессъ.

Но тутъ-то и начинается коренное различіе между идеологомъ мелкаго производителя и марксистомъ. Народникъ объясняетъ этотъ фактъ (связи между буржуазіей и прогрессомъ) тѣмъ, что «ловкіе люди» «пользуются обстоятельствами и инпутью для своихъ интересовъ», — другими словами, считаетъ это явленіе случайнымъ и потому съ наивной смѣлостью заключаетъ: «безъ всякаго сомнѣнія, эти люди всегда (1) могутъ быть замѣнены другими», которые тоже дадутъ прогрессъ, но прогрессъ не буржуазный.

Марксистъ объясняетъ этотъ фактъ тѣми общественными отношеніями людей по производству матеріальныхъ цѣнностей, которыя складываются въ товарномъ хозяйствѣ, дѣлаютъ товаромъ трудъ, подчиняютъ его капиталу и поднимаютъ его производительность. Онъ видитъ тутъ не случайность, а необходимый продуктъ капиталистическаго устройства нашего общественнаго хозяйства. Онъ видитъ поэтому выходъ не въ розсказахъ о томъ, что «могутъ, безъ сомнѣнія» сдѣлать люди, замѣняющіе буржуа (сначала, вѣдь, надо еще «замѣнить», — а для этого однимъ словомъ или обращеніемъ къ обществу и государству недостаточно), а въ развитіи тѣхъ классовыхъ противорѣчій даннаго экономическаго порядка.

Всякій понимаетъ, что эти два объясненія диаметрально противоположны, что изъ нихъ вытекаютъ двѣ исключаютія другъ друга системы дѣйствія. Народникъ, считая буржуазію случайностью, не видитъ связей ея съ государствомъ и съ довѣрчивостью «простодушнаго мужичка» обращается за помощью къ тому, кто именно и охраняетъ ея интересы. Его дѣятельность сводится къ той умѣренной и аккуратной, казенно-либеральной дѣятельности, которая совершенно равносильна съ филантропіей, ибо «интересомъ» серьезно не трогаетъ и ни мало имъ не страшна. Марксистъ отворачивается отъ этой мѣшанины и говоритъ, что не можетъ быть

ныхъ «залоговъ будущаго», кромя «суровой борьбы экономическихъ классовъ».

Понятно также, что если эти различія въ системахъ дѣйствій непосредственно и неизбежно вытекаютъ изъ различій *объясненія* факта господства нашей буржуазіи.—то марксистъ, ведя *теоретическій споръ*, ограничивается доказательствомъ необходимости и неизбежности (при данной организаціи общественнаго хозяйства) этой буржуазіи (это и вышло съ книгой г. Струве), и если народникъ, обходя вопросъ объ этихъ различныхъ приемахъ объясненія, занимается разговорами о тегельянствѣ и о «жестокости къ личности»¹⁾, — то это наглядно показываетъ лишь его безвѣліе.

„Исторія 3-го сословія въ Зап. Европѣ чрезвычайно длинная.... Мы, конечно, всю эту исторію не повторимъ, вопреки ученію фаталистовъ; просвѣщенные представители нашего 3-го сословія не станутъ, конечно, также употреблять всѣхъ тѣхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, къ какимъ прибѣгали прежде, и возьмутъ изъ нихъ только наиболее подходящія и соответствующія условіямъ мѣста и времени. Для обезземеленія крестьянства и созданія фабричнаго пролетаріата они не станутъ, конечно, прибѣгать къ грубой военной силѣ или не мѣсте грубой прачисткѣ понтецій“....

«Не станутъ прибѣгать»...?! Только у теоретиковъ слащаваго оптимизма и можно встрѣтить такое умышленное забываніе *фактовъ* прошлаго и настоящаго, которые уже сказали свое «да»,—и разовое упованье, что въ будущемъ, конечно, будетъ «нѣтъ». Конечно, это ложь.

...а обратятся къ уничтоженію общиннаго землевладѣнія, созданію фермерства, немногочисленнаго класса зажиточныхъ крестьянъ²⁾ и вообще къ средствамъ, при которыхъ экономическа слабая погибаетъ самъ собой. Они не станутъ теперь создавать цеховъ, но будутъ устраивать кредитныя, сырьевыя, потребительныя и производительныя ассоціаціи, которыя, судя общее счастье, будутъ только помогать сильному дѣлаться еще сильнѣе, а слабому еще слабѣе. Они не будутъ хлопотать о патримональномъ судѣ, но будутъ хлопотать о законодательствѣ для поощренія трудолюбія, трезвости и образованія, въ которыхъ будетъ подвизаться только молодая буржуазія, такъ какъ масса будетъ попрежнему пьянствовать, будетъ невластивенна и будетъ трудиться на чужой счетъ“.

Какъ хорошо характеризованы тутъ всѣ эти кредитныя, сырьевыя и всякія другія ассоціаціи, всѣ эти мѣры содѣйствія трудолюбію, трезвости и образованію, къ которымъ такъ трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, «Р. Б.—во» въ томъ числѣ. Марксисту остается

¹⁾ Г. Михайловскій въ № 10 „Р. Б.“ за 1894 г.

²⁾ Это превосходно осуществляется и безъ уничтоженія общины, которая несколько не устранилась распада крестьянства,—какъ это установлено земскою статистикой.

только подчеркнуть сказанное, согласиться вполне, что действительно *все это* — не более как *представительство 3-го сословия*, и слѣд, люди, пекущиеся объ этомъ, не болѣе какъ *маленькіе буржуа*.

Эта цитата — достаточный отвѣтъ современнымъ народникамъ, которые изъ презрительнаго отношенія марксистовъ къ подобнымъ ифрамъ заключаютъ, что они хотятъ быть «зрителями», что они хотятъ сидѣть сложа руки. Да, конечно, въ буржуазную дѣятельность они никогда не вложатъ своихъ рукъ, они всегда останутся по отношенію къ ней «зрителями».

„Роль этого класса (выходивъ изъ народа, мелкой буржуазіи), образующаго сторожевые пикеты, стрѣлковую цѣпь и авангардъ буржуазной арміи, къ сожалѣнію, очень мало интересовала историковъ и эвонимистовъ, тогда какъ роль его, повторяемъ, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушеніе общины и обезземеленіе крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своимъ же братомъ, т. е. опять-таки — выходцами изъ народа, выходцами, надѣленными практической сметкой и низкой спиной, пожалованными барской милостью, выудившими изъ мутной воды или пріобрѣтшими грабежомъ нѣкоторый капиталъ, выходцами, которымъ противопоставили руку высшаго сословія и законодательство. Ихъ называли наиболѣе трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа“ ...

Это наблюденіе съ фактической стороны очень ифрно. Дѣйствительно, обезземеленіе производилось главнымъ образомъ «своимъ же братомъ», мелкимъ буржуа. Но пониманіе этого факта у народника неудовлетворительно. Онъ не отличаетъ двухъ антагонистическихъ классовъ, феодаловъ и буржуазіи, представителей «старо-дворянскихъ» и «ново-ищаданскихъ» порядковъ, не отличаетъ различныхъ системъ хозяйственной организациі, не видитъ прогрессивнаго значенія втораго класса по сравненію съ первымъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, онъ приписываетъ ростъ буржуазіи грабежу, сметкѣ, законству и т. д., тогда какъ мелкое хозяйство на почвѣ товарнаго производства превращаетъ въ мелкаго буржуа самаго трезваго, работающаго хозяина: у него получаютъ «сбереженія», и силою окружающихъ отношеній эти «сбереженія» превращаются въ *капиталъ*. Прочитайте объ этомъ въ описаніяхъ кустарныхъ промысловъ и крестьянскаго хозяйства, у нашихъ беллетристовъ-народниковъ.

...„Это даже не стрѣлкован цѣпь и авангардъ, а главная буржуазная армія, строевые нижніе чины, соединенные въ отряды, которыми распоряжаются штабъ — и оберъ-офицеры, начальники отдельныхъ частей и генеральный штабъ, состоящій изъ публицистовъ, ораторовъ и ученыхъ¹⁾. Безъ этой арміи, буржуазія ничего не могла бы подѣлать. Развѣ англійскіе лорды, которыхъ не насчитывается 30 тыс., могли бы управлять голодной массой въ нѣсколько де-

¹⁾ Слѣдовало добавить: администраторовъ, бюрократіи. Иначе указаніе состава „генер. штаба“ грѣшитъ невозможной неполнотой, — невозможной по русскимъ особенно условіямъ.

сказать миллионы без фермеров?! Фермеръ, это—настоящій боевой солдатъ въ смыслѣ политическомъ и маленькая воспроизводящая ячейка въ смыслѣ экономическомъ. ...На фабрикахъ роль фермеров исполняютъ мастера и подмастерья, получающіе очень хорошее названіе не за одну только болѣе искусную работу, но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить послѣдними отъ станка, чтобы не допускать со стороны рабочихъ требованій о прибавкѣ заработной платы или уменьшеніи часовъ труда и чтобы давать хозяевамъ возможность говорить, упирая на нихъ: «смотрите, сколько мы платимъ тѣмъ, кто работаетъ и приноситъ намъ пользу»; заводчики, находящіеся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ и заводской администраціи; торговцы, всевозможныхъ видовъ надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, въ жилахъ которой течетъ еще рабочая кровь, но въ души которой засѣлъ уже полновластно капиталъ. [Совершенно Верно! К. Т.] Конечно, тоже самое, что мы видимъ въ Англіи, можно видѣть и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ. [Совершенно Верно! И въ Россіи тоже. К. Т.] Измѣняются въ некоторыхъ случаяхъ только разѣ частности, да и тѣ по большей части остаются неизмѣнными. Французская буржуазія, восторжествовавшая въ концѣ прошлаго столѣтія надъ дворянствомъ, намъ, лучше сказать, воспользовавшаяся народной побѣдой, выдѣлила изъ народа мелкую буржуазію, которая помогла обобрать и сама обобрала народъ и отдала его въ руки авантюристовъ.... Въ то время, какъ въ литературѣ пѣлись гимны французскому народу, когда превозносились его величіе, великодушіе и любовь къ свободѣ, когда всѣ эти воскуриванія стояли надъ Франціей туманомъ, буржуазный котъ улеталъ себѣ курченка и улетѣлъ его почти всего, оставивъ народу одиѣ восточныя. Прославленное народное землевладѣніе оказалось микроскопическимъ, измѣряющимся метрами и часто даже не выдерживающимъ расходовъ по вѣжанію налоговъ¹⁾....

Остановимся на этомъ.

Во-первыхъ, намъ интересно бы спросить народника, кто у насъ «воспользовался побѣдой надъ крупнымъ правомъ,» надъ «старо-дворянскимъ наслѣніемъ?» Вероятно, не буржуазія. Что дѣлалось у насъ въ «народѣ» въ то время, когда «въ литературѣ пѣлись гимны», которые приводилъ сейчасъ авторъ, о народѣ, о любви къ народу, о великодушіи, объ общинныхъ свойствахъ и качествахъ, о «соціальномъ взаимоприспособленіи и солидарной дѣятельности» внутри общины, о томъ, что Россія—вся артель, что община, это «все, что есть въ мысляхъ и дѣйствіяхъ сельскаго люда», etc. etc. etc., что поется и по сейчасъ (хотя и въ минорномъ тонѣ) на страницахъ либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный котъ не улеталъ курченка, не улетѣлъ почти всего; «прославленное народное землевладѣніе» не «оказалось микроскопическимъ», въ немъ не было превышенія платежей надъ доходами? ¹⁾—Нѣтъ, только «мистика и метафизика» способны утвер-

¹⁾ И не только «часто», какъ во Франціи, а въ видѣ общаго правила, причемъ превышеніе исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентовъ.

ждать это, считать это фактомъ, брать этотъ фактъ за исходную отправную точку своихъ сужденій о нашихъ дѣлахъ, своей дѣятельности, направленной не на поиски «иныхъ путей для отечества», а на работу на данномъ, совершенно уже опредѣлившемся, капиталистическомъ пути.

Во-вторыхъ. Интересно сравнить *методъ* автора съ *методомъ* марксистовъ. На конкретныхъ разсужденіяхъ гораздо лучше можно уяснить ихъ различіе, чѣмъ посредствомъ отвлеченныхъ соображеній. Почему это авторъ говоритъ о французской «буржуазіи», что она восторжествовала въ концѣ прошлаго вѣка надъ дворянствомъ? почему дѣятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно изъ дѣятельности интеллигенціи, именуется буржуазной? и потому, дѣйствовало вѣдъ правительство, отбирало земли у крестьянства, налагая высокіе платежи и т. д.? Наконецъ, вѣдъ эти дѣятели говорили о любви къ народу, о равенствѣ и всеобщемъ счастьи, какъ говорили и говорятъ російскіе либералы и пародники? можно ли при этихъ условіяхъ видѣть во всемъ этомъ одну «буржуазію»? не «узокъ» ли этотъ взглядъ, сводящій политическія и идейныя движенія къ Plusmascule?—Смотрите, это—все тѣ же вопросы, которыми заваливаютъ русскихъ марксистовъ, когда они однородныя вещи говорятъ про нашу крестьянскую реформу (видя ея отличіе лишь въ «частностяхъ»), про пореформенную Россію вообще. Я говорю здѣсь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о *методѣ*, который въ данномъ случаѣ употребляетъ пародникъ. Онъ беретъ *критеріемъ*—результаты («оказалось», что народное землевладѣніе микроскопично, котъ «уплеталъ» и «уплелъ» курченка) и притомъ исключительно экономическіе *результаты*.

Спрашивается, почему же прихвываетъ онъ этотъ *методъ* только по отношенію къ Франціи, не желая употребить его и для Россіи? Вѣдъ методъ долженъ быть вездѣ одинъ. Если во Франціи за дѣятельностью *правительства* и *интеллигенціи* вы ищете *интересовъ*, то почему вы не ищите ихъ на святой Руси? если *тамъ* критерій вашъ ставитъ вопросъ о томъ, каково «оказалось» народное землевладѣніе, почему *здѣсь* критерій ставится о томъ, каково оно «можетъ» оказаться? Если *тамъ* фразы о народѣ и его великодушій при наличности «уплетанія курченка» внушаютъ намъ справедливое отвращеніе,—почему *здѣсь* не отвращиваетесь вы, какъ отъ буржуазныхъ философовъ, отъ тѣхъ, кто при несомифганой, вами же признаваемой наличности «уплетанія», способны говорить о «соціальномъ взаимприспособленіи», о «народной общинности», о «*нуждахъ* народной промышленности» и тому подобныя вещи?

Отвѣтъ одинъ: потому, что вы—идеологъ мелкой буржуазіи, потому что ваши идеи, т. е. идеи народническія вообще, а не идеи Ивана, Петра,

Сидора, — результат отраженія интересовъ и точки зрѣнія мелкаго производителя, а вовсе не результатъ «чистой» ¹⁾ мысли.

„Но для насъ въ особенности поучительна въ этомъ отношеніи Германія, опоздавшая такъ же, какъ и мы, съ буржуазной реформой и потому воспользовавшаяся опытомъ другихъ народовъ не въ положительномъ, а въ отрицательномъ, конечно, смыслѣ“. Составъ крестьянства въ Германіи — пересказываетъ авторъ Васильчикова — былъ неоднороденъ; крестьяне раздѣлялись и по правамъ и по владѣнію, по размѣрамъ надѣловъ. Весь процессъ привелъ къ образованію «крестьянской аристократіи», «созловія мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ не дворянскаго происхожденія», къ превращенію массы «такъ домохозяевъ въ чернорабочихъ». „Наконецъ, довершила дѣло и отрѣзала всѣмъ легальнымъ путемъ къ поправленію положенія рабочихъ полуаристократическая, полумѣщанская конституція 1849 года, давшая право голоса только дворянству и мѣщанству“.

Оригинальное разсужденіе. Конституція «отрѣзала» легальные пути? Это — еще отраженіе той доброй старой теоріи россійскихъ народниковъ, по которой «интеллигенція» приглашалась пожертвовать «свободой», ибо такова, дескать, слушала бы лишь ей, а народъ отдавалъ бы въ руки «мущаго мѣщанства». Мы не станемъ спорить противъ этой негѣлой и реакціонной теоріи, потому что отъ нея отказались современные народники вообще и наши ближайшіе противники, гг. публицисты «Русск. Богатства» въ частности. Но мы не можемъ не отмѣтить, что отказываясь отъ этой идеи, дѣлая шагъ впередъ къ открытому признанію *даннымъ* путей Россіи, вмѣсто разглагольствованія о возможности иныхъ путей, — эти народники тѣмъ самымъ окончательно установили свою мелкобуржуазность, такъ какъ настаиваніе на мелкихъ, мѣщанскихъ реформахъ въ связи съ абсолютнымъ непониманіемъ классовой борьбы ставитъ ихъ на сторону либераловъ противъ тѣхъ, кто становится на сторону «антипода», видя въ немъ единственнаго, такъ сказать, дестинатера тѣхъ благъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„И въ Германіи въ это время было много людей, которые предавались только восторгамъ отъ эммансипаціи, предавались десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, тридцать лѣтъ и болѣе, люди, которые всякій шепотомъ, всякое недовольство реформой считали на руку реакціи и предавали ихъ проклаціи. Простодушные изъ нихъ представляли себѣ народъ въ видѣ коня, вымученнаго на волю, котораго опять можно поставить въ конюшню и начать на немъ почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тутъ и плуты, лжившіе народу, а водъ шумокъ ведшіе другую линію, плуты, притворявшіеся къ такимъ искренно любящимъ народъ розинямъ, которыхъ можно было проводить и эксплуатировать. Ахъ, эти неярные розини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякій готовъ къ ней и вовсе не всякій къ ней способенъ“.

¹⁾ Выраженіе г-на В. В. См. „Наши направленія“, а также „Недѣлю“ за 1894 г. №№ 47—49.

Прекрасныя слова, которыя хорошо резюмируют лучшія традиціи стараго русскаго народничества и которыми мы можем воспользоваться для характеристики отношенія русскихъ марксистовъ къ современному русскому народничеству. Для такого употребленія—не приходится много измѣнять въ нихъ: настолько однороденъ процессъ капиталистическаго развитія обѣихъ странъ; настолько однородны общественно-политическія идеи, отражавшія этотъ процессъ.

У насъ тоже царить и править въ «передовой» литературѣ люди, которые толкуютъ о «существенныхъ отличіяхъ нашей крестьянской реформы отъ западной», о «санкціи народнаго (sic!) производства», о великомъ «надѣленіи земель» (это выкупъ-то!!) и т. п. и ждутъ поэтому отъ начальства испослания чуда, именуемаго «обобществленіемъ труда», ждутъ «десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, тридцать лѣтъ и болѣе», а котъ—о которомъ мы сейчасъ говорили—уплетаетъ курченка, смотря съ ласковостью сытаго и спокойнаго звѣря на «искреннихъ розинъ», толкующихъ о необходимости избрать другой путь для отечества, о вредѣ «грозящаго» капитализма, о мѣрахъ помощи народу кредитами, артелями, общественными запасками и тому подобнымъ невиннымъ штопаньемъ. «Ахъ, эти искренніе розини!»

„Вотъ этотъ-то процессъ образованія 3-го сословія переживаемъ теперь и мы, и, главнымъ образомъ, наше крестьянство. Россія отстала съ этимъ дѣломъ отъ всей Европы, даже отъ своей институтской подруги, или, вѣрнѣе, ценингерки—Германіи. Главнымъ разсадникомъ и бродиломъ 3-го сословія были вездѣ въ Европѣ города. У насъ, наоборотъ,—несравненно меньше городскихъ жителей... Главная причина этой разницы заключается въ нашемъ народномъ земледавдіи, удерживающемъ населеніе въ деревнѣ. Увеличеніе городского населенія въ Европѣ тѣсно связано съ обезземеленіемъ народа и фабричной промышленностью, которая, при капиталистическихъ условіяхъ производства, нуждается въ дешавомъ трудѣ и въ избыткѣ его предложенія. Въ то время, какъ выгоняемое изъ деревень европейское крестьянство шло на заработки въ города, наше крестьянство, докуда хватаетъ силъ, держится за землю. Народное земледавдіе есть главный стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи, значеніе котораго отлочно понимаютъ вожаки мѣшчанства и потому направляютъ на него все свое искусство и все свои силы. Отсюда-то и происходятъ все навазды на общину, отсюда-то и выходятъ въ великомъ множествѣ разные проекты объ отрѣшеніи земледѣльца отъ земли, во имя рациональнѣйшей агрономіи, во имя процвѣтанія промышленности, во имя національнаго прогресса и славы!“

Тутъ уже наглядно сказывается поверхностность народнической теоріи, которая, изъ-за мечтаній объ «иныхъ путяхъ», совершенно неправильно оцѣниваетъ дѣйствительность: усматриваетъ «главный пунктъ»—въ такихъ не играющихъ коренной роли юридическихъ институтахъ, какъ формы

крестьянского землевладения (общинное или подворное); видеть нѣчто особенное въ нашемъ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелкихъ производителей, совершенно однородное—по типу своей политико-экономической организаціи—съ хозяйствомъ западно-европейскихъ ремесленниковъ и крестьянъ, а какое-то «народное» (?) землевладѣніе. По установившейся въ нашей либерально-народнической печати терминологіи, слово «народный» означаетъ такой, который исключаетъ эксплуатацію трудящихся,—такъ что авторъ своей характеристикой прямо затушевываетъ несомнѣнный фактъ наличия въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ того же присвоенія сверхстоимости, того же труда за чужой счетъ, какой царитъ и въ «общинахъ», и настѣжь отвораєтъ двери сантиментальному и слащавому фарисейству.

„Настоящая наша община, малоземельная и обремененная податями, еще не Богъ знаетъ какая гарантія. Земель у крестьянства было и безъ того не много, а теперь, вследствие возрастанія населенія и ухудшенія плодородія, стало еще меньше; податная тягость не уменьшается, а увеличивается; промысловъ мало; мѣстныхъ заработковъ еще меньше; жизнь въ деревнѣ становится настолько тяжелою, что крестьянство цѣлыми деревнями уходитъ далеко на заработки, оставляя дома только женъ и дѣтей. Такимъ образомъ пустѣютъ цѣлые утѣды... Подъ вліяніемъ этихъ-то тяжелыхъ условій жизни, съ одной стороны, изъ крестьянства и выдѣляется особый классъ людей—молодая буржуалія, которая стремится покупать землю на сторонѣ, въ одиночку, стремится къ другимъ занятіямъ — торговлѣ, ростовщичеству, составленію рабочихъ артелей, съ собою во главѣ, полученію разныхъ подрядовъ и тому подобнымъ мелкимъ аферамъ“.

Стоитъ со всей подробностью остановиться на этомъ мѣстѣ.

Мы видимъ тутъ, во 1-хъ, констатированіе извѣстныхъ фактовъ, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бѣгутъ; въ 2-хъ, оцѣнку ихъ (отрицательную), и, въ 3-хъ, объясненіе ихъ, изъ котораго вытекаетъ непосредственно и цѣлая программа, здѣсь не изложенная, но слишкомъ хорошо извѣстная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы «поднять» и «развить»).

Необходимо подчеркнуть, что съ точки зрѣнія марксиста вполнѣ и безусловно справедливо (и только выражено, какъ сейчасъ увидимъ, крайне неудовлетворительно) и *первое* и *второе*. Но вѣкуда уже ровно не годится *третье*¹⁾.

Покажу это. Справедливо первое. Справедливъ фактъ, что община наша—не гарантія, что крестьянство бросаетъ деревню, уходитъ съ земли;

¹⁾ Вотъ почему теоретика марксизма, воюя съ народничествомъ, нацѣляютъ такъ на объясненіе, пониманіе, на объективную сторону.

надо было сказать: экспроприруется,—потому что оно владѣло (на правах частной собственности) известными средствами производства (изъ нихъ землю на особомъ правѣ, дававшемъ однако тоже въ частное эксплуатированіе и землю, *выкупаемую* общинами) и теряетъ ихъ. Справедливо, что кустарные промыслы «падаютъ»—т. е. и тутъ крестьяне экспроприруются, теряютъ средства и орудія производства, бросаютъ домашнее ткачество, и идутъ въ рабочіе по постройкѣ жел. дорогъ, въ каменщики, въ чернорабочіе и т. д. по найму. Тѣ средства производства, отъ которыхъ освобождаются крестьяне, идутъ въ руки ничтожнаго меньшинства, служа источникомъ эксплуатаціи рабочей силы,—*капиталомъ*. Поэтому правъ авторъ, что владѣльцы этихъ средствъ производства становятся «буржуазіей», т. е. классомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ «народный» трудъ при капиталистической организаціи общественнаго хозяйства. Всѣ эти факты констатированы правильно, оценены вѣрно за ихъ эксплуататорское значеніе.

Но уже изъ сдѣланнаго описанія читатель увидѣлъ, конечно, что марксистъ совсѣмъ иначе *объясняетъ* эти факты. Народникъ видитъ причиной этихъ явленій въ томъ, что «мало земли», обременительны подати, падаютъ «зарботки»—т. е. въ особенностяхъ *политики*—поземельной, податной, промышленной, а не въ особенностяхъ *общественной организаціи производства*, изъ которой уже неизбежно вытекаетъ *данная* политика.

Земли мало—разсуждаетъ народникъ—и становится все меньше. (И беру даже не это непременно заявленіе автора статьи, а общее положеніе народнической доктрины).—Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли *мало*, а не добавляете: *мало продаютъ*. Вѣдь вы знаете, что наши крестьяне *выкупаютъ* свои надѣлы у помещиковъ. Почему вы обращаете главное вниманіе на то, что *мало*, а не на то, что *продаютъ*?

Самый уже этотъ фактъ продажи, выкупа—указываетъ на господство такихъ принциповъ (пріобрѣтеніе средствъ производства за деньги), при которыхъ трудящіеся все равно останутся безъ средствъ производства, мало ли много ли ихъ продавать станутъ. Замалчивая этотъ фактъ, вы замалчиваете тотъ капиталистическій способъ производства, на почвѣ котораго только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тѣмъ самымъ становитесь уже на почву этого буржуазнаго общества и превращаетесь въ простаго политика, разсуждающаго о томъ, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этотъ фактъ выкупа доказываетъ, что «въ душѣ» тѣхъ, чьи интересы осуществили «великую» реформу, кто провелъ ее, «засѣлъ уже полновластно *капиталъ*», что для

всего этого либерально-народнического «общества», которое опирается на созданные реформой порядки, политикамствуя о различных улучшениях их, — только и свѣта, что отъ «капиталистической луны». Поэтому-то народникъ и ополчается съ такой ненавистью на тѣхъ, кто послѣдовательно стоитъ на принципиально иной почвѣ. Онъ поднимаетъ крикъ, что они не заботятся о народѣ, что они хотятъ обезземелить крестьянъ!!

Онъ, народникъ, заботится о народѣ, онъ не хочетъ обезземелить крестьянство, онъ хочетъ, чтобы ему земли было больше (*продано*). Онъ — честный лавочникъ. Правда, онъ умалчиваетъ о томъ, что земли не даромъ даются, а продаются, — но развѣ въ лавкахъ говорятъ о томъ, что за товары надо платить деньги? Это всякій и такъ знаетъ.

Понятно, что онъ ненавидитъ марксистовъ, которые говорятъ, что надо обращаться исключительно къ тѣмъ, кто уже «дифференцированъ» отъ этого лавочническаго общества, «отлученъ» отъ него, — если позволительно употребить эти характернѣйшія мелко-буржуазныя выраженія господъ Михайловскихъ и Южаковых¹⁾.

Пойдемъ дальше. «Промысловъ мало» — вотъ точка зрѣнія народника на кустарные промыслы. И опять-таки о томъ, какова организація этихъ промысловъ, онъ умалчиваетъ. Онъ благодушно закрываетъ глаза на то, что и тѣ промыслы, которые «падаютъ», и тѣ, которые «развиваются», — однаково организованы капиталистически, съ полнымъ порабощеніемъ труда капиталу скупщиковъ, купцовъ и т. д., и ограничивается мѣщанскими требованіями прогрессовъ, улучшеній, артелей и т. п., какъ будто бы подобныя мѣры могутъ хоть сколько нибудь затронуть *фактъ* господства капитала. Какъ въ области земледѣлія, такъ и въ области промышленности обрабатывающей онъ становится на почву данной ихъ организаціи и воетъ не противъ самой этой организаціи, а противъ различныхъ несовершенствъ ея. — Что касается податей, то тутъ ужъ народникъ самъ опровергъ себя, выставивъ рельефно основную характеристическую черту народничества — способность на компромиссы. Выше онъ самъ утверждалъ, что всякій налогъ (даже подоходный) ляжетъ на рабочія руки при наличности системы присвоенія сверхстоимости, — но тѣмъ не менѣе онъ вовсе не отказывается потолковать съ либеральнымъ обществомъ о томъ, велики ли подати или малы, и преподать съ «гражданской порядочностью» надлежащіе совѣты департаменту податей и сборовъ.

Однимъ словомъ, причина, по мнѣнію марксиста, не въ политикѣ, не

¹⁾ Кроме замалчиванія и непониманія капиталистическаго характера выкупа, гг. народники скромно обходятъ и тотъ фактъ, что «малоземелье» крестьянъ дополняется наличностью весьма хорошихъ кусочковъ земли у представителей старо-дворянскаго наслѣдія.

въ государствѣ и не въ «обществѣ»,—а въ данной системѣ экономической организаціи Россіи; дѣло не въ томъ, что «ловкіе люди» или «продолжи» ловить рыбу въ мутной водѣ, а въ томъ, что «народъ» представляетъ изъ себя два, другъ другу противоположные, другъ друга исключаютеліе класса: «въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются въ двѣ равнодѣйствующія, взаимнопротивоположныя».

„Люди, заинтересованныя въ водвореніи буржуазнаго порядка, видя крушеніе своихъ прожектовъ¹⁾, не останавливаются на этомъ; они смѣло твердятъ крестьянству, что виновата во всемъ община и круговой порука, переделы полей и мірскіе порядки, потворствующие хитряжамъ и плышнякамъ; они устраиваютъ для достаточныхъ крестьянъ ссудосберегательныя товарищества и хлопчутъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ, для участковаго землевлдѣнія; они устраиваютъ въ городахъ техническія, ремесленныя и разнаго рода другія училища, въ которыхъ опять таки попадаютъ только дѣти достаточныхъ людей, тогда какъ масса остается безъ школы; они помогаютъ крестьянамъ улучшать скотъ выставками, преміями, племенными производителями, отпускаемыми изъ депо за плату и т. п. Всѣ эти мелкія усилія складываются въ одну значительную силу, которая дѣйствуетъ на деревенскій міръ разлагающимъ образомъ и все больше и больше раскалываетъ крестьянство на двое“.

Характеристика «мелкихъ усилій» хороша. Мысль автора, что всѣ эти мелкія усилія (на которыхъ такъ усердно стоитъ теперь «Р. Богатство» и вся наша либерально-народническая пресса) означаютъ, выражаютъ и проводятъ «ново-мѣщанское» наслоеніе, капиталистическіе порядки,—совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательнаго отношенія марксистовъ къ подобнымъ усиліямъ. А тотъ фактъ, что эти «усилія» несомнѣнно представляютъ собой ближайшія desiderata мелкихъ производителей,—доказываетъ, по ихъ мнѣнію, правильность основнаго ихъ

¹⁾ Итакъ, крушеніе проекта объ уничтоженіи общины — означаетъ побѣду надъ интересами „водворенія буржуазнаго порядка“!!

Сочинявши себѣ хитцанскую утопію изъ „общины“, народникъ доходитъ до такого мечтательнаго игнорированія дѣйствительности, что въ процентъ противъ общины вѣдуть цѣлое водвореніе буржуазнаго порядка, тогда какъ это—простое позитиваство на почвѣ вполне уже „водвореннаго“ буржуазнаго строя.

Самымъ рѣшительнымъ доводомъ противъ марксиста является для него вопросъ, который и задается съ надомъ окончательнаго торжества: пить, вы скажете, вы хотите уничтожить общину или нѣтъ? да или нѣтъ? — Для него тутъ весь вопросъ, все „водвореніе“. Онъ абсолютно не хочетъ понять, что съ точки зрѣнія марксиста „водвореніе“—данній уже и безповоротный фактъ, котораго ни уничтоженіе общины, ни уарилженіе ея не затронетъ,—какъ и теперь господство капитала одинаково и въ общинной, и въ подворной деревнѣ.

Болѣе глубокой протестъ противъ „водворенія“ народникъ старается выставить апологіей водворенія. Утопающимъ за соловьяну хватается.

положенія: что нельзя видѣть представителя идеи труда въ крестьянствѣ, такъ какъ онъ, являясь при капиталистической организаціи хозяйства мелкимъ буржуа, въ силу этого становится на почву данныхъ порядковъ, въ силу этого примыкаетъ нѣкоторыми сторонами своей жизни (и своихъ идей) къ буржуазіи.

Этимъ мѣстою небезполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть слѣдующее. Отрицательное отношеніе марксистовъ къ «мелкимъ усиліямъ» — особенно вызываетъ пореканія господъ народниковъ. Напоминая имъ объ ихъ предкахъ, мы тѣмъ самымъ показываемъ, что было время, когда народники иначе смотрѣли на это, когда они не такъ охотно и усердно шли на компромиссы [хотя и тогда все-таки шли, какъ доказываетъ эта же статья], когда они — не скажу: понимали, — но по крайней мѣрѣ чувствовали буржуазность всѣхъ такихъ усилій, когда отрицаніе ихъ осуждалось какъ «пессимизмъ къ народу» только самыми наивными изъ либераловъ.

Пріятное общеніе господъ народниковъ съ этими послѣдними, въ качествѣ представителей «общества», принесло, видимо, полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться «мелкими усиліями» буржуазнаго прогресса вовсе не означаетъ абсолютнаго отрицанія частныхъ реформъ. Марксисты вовсе не отрицаютъ нѣкоторой (хотя и мизерной) пользы этихъ мѣропріятій: они могутъ принести трудящемуся нѣкоторое (хотя и мизерное) улучшеніе его положенія; они ускорятъ вымираніе особенно отсталыхъ формъ капитала, ростовщичества, кабалы и т. под., ускорятъ превращеніе ихъ въ болѣе современные и человѣчныя формы европейскаго капитализма. Поэтому марксисты, если-бы ихъ спросили, слѣдуетъ-ли принимать такіа мѣры, отвѣтили бы, конечно: слѣдуетъ, но при этомъ пояснили бы свое отношеніе вообще къ тому капиталистическому строю, который этими мѣрами улучшается, — при этомъ мотивировали бы свое согласіе желаніемъ ускорить развитіе этого строя и, слѣд., финалъ его ¹⁾.

„Если мы обратимъ вниманіе, что у насъ крестьянство раздѣлено, какъ въ Германіи, по правамъ и владѣнію, на различныя категоріи (государственные крестьяне, удѣльные, бывшіе помѣщичьи, и изъ нихъ получившіе полныя надѣлы, средніе и четвертные, дворовые); что общинный бытъ не представляется у насъ общимъ бытомъ; что въ юго-западномъ краѣ, встрѣчался съ личнымъ землевладѣніемъ, мы встрѣчаемся опять съ крестьянами тяглыми, пѣшими, огородными, батрачными и чиншениками, изъ которыхъ одни имѣютъ по 100 дес. и болѣе, а другіе не имѣютъ вершка земли; что въ балтійскихъ губерніяхъ аграрный строй представляется совершеннымъ сплюснотомъ съ германскаго аграрнаго строя и т. д., то увидимъ, что и у насъ есть почва для буржуазіи“.

¹⁾ Это относится не только къ „техническимъ и другимъ училищамъ“, къ улучшеніямъ техники крестьянъ и кустарей, но и къ „расширенію крестьянскаго землевладѣнія“, къ „кредиту“ и т. п.

Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличенія значенія общины, которымъ всегда грѣшили народники. Авторъ выражается такъ, какъ будто бы «общинный бытъ» исключалъ буржуазію, исключалъ раздробленіе крестьянъ! Да вѣдь это же прямая неправда!

Всякій знаетъ, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правамъ и надѣламъ; что во всякой наеобщинной деревнѣ крестьяне опять таки раздроблены и «по правамъ» (безземельные, надѣльные, бывшіе дворяне, выкупившіе надѣлы особыми взносами, приписные etc. etc.) и «по владѣнію»: крестьяне, которые сдали надѣлы, у которыхъ ихъ отобрали за недоимки, за то, что не обрабатываютъ и запускаютъ,—и которые снимаютъ чужіе надѣлы; крестьяне, нѣмлющіе «вѣчную» землю или «покупающіе на годъ» по нѣсколькимъ десятинѣ; наконецъ, крестьяне бездомные, безъ всякаго скота, безлошадные и многолошадные. Всякій знаетъ, что въ каждой наеобщинной деревнѣ на этой почвѣ хозяйственной раздробленности и товарнаго хозяйства растутъ пышные цѣты ростовщическаго капитала, кабалы во всѣхъ ея формахъ. А народники все еще рассказываютъ свои приторные сказки о какомъ-то «общинномъ бытѣ»!

И молодежь буржуазія у насъ, дѣйствительно, растетъ не по димѣ, а по часамъ, растетъ не по однимъ только еврейскимъ окраинамъ, но и внутри Россіи. Выразить цифрами ея численность пока очень трудно, но, смотря на возрастающее число землевладѣльцевъ, на увеличивающееся число торговыхъ свидѣтельствъ, на увеличивающееся число издоль въ деревнѣ на хлѣбодство и кулачество и т. п. признаки¹⁾, можно думать, что численность ея уже значительна²⁾.

Совершенно вѣрно! Именно этотъ фактъ, вѣрный для 1879 г. и безспорный, въ неизмѣримо большемъ развитіи, для 1895 г., и служить однимъ изъ устоевъ марксистскаго пониманія русской дѣйствительности.

Отношеніе къ этому факту у насъ одинаково отрицательное; мы оба согласны въ томъ, что онъ выражаетъ явленіи, противоположныя интересамъ непосредственныхъ производителей,—но мы совершенно различно *понимаемъ* эти факты. Теоретическую сторону этого различія я уже охарактеризовалъ выше, а теперь обращусь къ практической.

Буржуазія—особенно деревенская—еще слаба у насъ; она только еще зарождается, говоритъ народникъ. Поэтому съ ней и можно еще бороться. Буржуазное направленіе очень еще несильно—поэтому можно еще повернуть назадъ. Времени не ушло.

Только метафизикъ—соціологъ (превращающійся на практикѣ въ трус-

¹⁾ Къ которымъ слѣдуетъ добавить — покупки съ помощью крестьянскаго бабья, „прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ — улучшенія техники и культуры, введеніе улучшенныхъ орудій, травосѣянія и т. п., развитіе мезоваго кредита и организацию сбыта для кустарей и т. д.

ливаго реакціоннаго романтика) въ состояніи разсуждать такимъ образомъ. Я уже не буду говорить о томъ, что «слабость» буржуазіи деревенской объясняется отливомъ сильныхъ ея элементовъ, ея вершинъ, въ города. — что въ деревняхъ это только—«солдаты», а въ городахъ уже сидитъ «генеральный штабъ», — я не буду говорить о всѣхъ этихъ, до-нельзя очевидныхъ извращеніяхъ факта народниками. Есть еще ошибка въ этомъ разсужденіи, которая и дѣлаетъ его метафизическимъ.

Мы имѣемъ передъ собой известное общественное отношеніе, отношеніе между деревенскимъ мелкимъ буржуа (богатымъ крестьянствомъ, торгашомъ, кулакомъ, мірошломъ и т. п.) и «трудовымъ» крестьянствомъ, трудовымъ «за чужой счетъ», разумѣется.

Отношеніе это существуетъ—народникъ не сможетъ отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо — говорить объ — и потому его можно еще исправить.

Исторію дѣлаютъ «живыя личности», скажемъ мы этому народнику, угощай его его же добромъ. Исправленіе, измѣненіе общественныхъ отношеній, разумѣется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходить отъ самихъ членовъ этихъ исправляемыхъ или измѣняемыхъ общественныхъ отношеній. Это ясно, какъ ясенъ ясный Божій день. Спрашивается, можетъ ли «трудовой» крестьянинъ измѣнить это отношеніе? Въ чемъ оно состоитъ?—Въ томъ, что два мелкие производителя хозяйничаютъ при системѣ товарнаго производства, что это товарное хозяйство раскалываетъ ихъ «на двое», что оно даетъ одному капиталъ, другого заставляетъ работать «за чужой счетъ».

Какимъ же образомъ нашъ трудовой крестьянинъ измѣнитъ это отношеніе, когда онъ самъ одной ногой стоитъ на той именно почвѣ, которую и нужно измѣнять? какъ можетъ онъ понять негодность обособленности и товарнаго хозяйства, когда онъ самъ обособленъ и хозяйничаетъ на свой рискъ и страхъ, хозяйничаетъ на рынокъ? когда эти условія жизни порождаютъ въ немъ «помыслы и чувства», свойственныя тому, кто по одиночкѣ работаетъ на рынокъ? когда онъ раздробленъ самыми матеріальными условіями, величиной и характеромъ своего хозяйства, и въ силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что онъ не можетъ понять, что это именно—капиталъ, а не только «пройдохи» да ловкіе люди?

Не очевидно-ли, что слѣдуетъ обратиться туда, гдѣ это же (nota bene) общественное отношеніе развито до конца, гдѣ члены этого общественного отношенія, являющіеся непосредственными производителями, сами уже окончательно «дифференцированы» и «отлучены» отъ буржуазныхъ порядковъ, гдѣ противоположность уже развита такъ, что сама сама собой, гдѣ не-

возможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящие в этих передовых условиях, будут «дифференцированы от жизни» буржуазного общества не только *из факта*, но и *из своего сознания*, — тогда и «трудовое» крестьянство, поставленное в отсталых, худших условиях, увидит, «как это дѣлается» и примкнет к своим товарищам по работѣ «за чужой счет».

„Когда у нас говорят о фактах покупки крестьянами земель и объясняют, что крестьянство покупает землю и въ личную собственность, и вѣрою, то никогда почти не добавляют къ этому, что мірскія покупки составляютъ только рѣдкое и ничтожное исключеніе изъ общаго правила личныхъ покупокъ.“

Приведа дѣлѣ данныя о томъ, какъ число частныхъ землевладѣльцевъ достигавшее 103.158 въ 1861 г., оказалось 313.529 по даннымъ 60-хъ годовъ, и сказавъ, что это объясняется тѣмъ, что второй разъ сосчитаны мелкіе собственники изъ крестьянъ, которые не считались при ирѣвности правъ, авторъ продолжаетъ: «это и есть наша молодая сельская буржуазія, непосредственно примыкающая и соединяющаяся съ мелкопомѣстнымъ дворянствомъ».

Правда — скажемъ мы на это, — совершенная правда, — особенно на счетъ того, что она «примыкаетъ» и «соединяется!» И поэтому къ идеологамъ мелкой буржуазіи относимъ мы тѣхъ, кто придаетъ серьезное значеніе (въ смыслѣ интересовъ непосредственныхъ производителей) «расширенію крестьянскаго землевладѣнія», т. е. и автора, говорящаго это на стр. 152-ой.

Поэтому-то и считаемъ мы не болѣе какъ политиками людей, разбирающихъ вопросъ о личныхъ и мірскихъ покупкахъ такъ, какъ будто бы отъ него зависѣло хоть на іоту «возвореніе» буржуазныхъ порядковъ. Мы и тотъ и другой случай относимъ къ буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги въ обоихъ случаяхъ, т. е. такой товаръ, который попадаетъ лишь въ руки мелкаго буржуа, ¹⁾ все равно, объединеннаго ли міромъ «для соціальнаго взаимоприспособленія и солидарной дѣятельности» или разъединеннаго участковымъ землевладѣніемъ.

„Впрочемъ, она (молодая сельская буржуазія) тутъ далеко еще не вся. «Міровѣдъ» — слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имѣло такого значенія, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давленія на односельцевъ, какое оказываетъ теперь. Міровѣдъ былъ лицомъ какимъ-

¹⁾ Рѣчь идетъ, разумеется, не о такихъ деньгахъ, которыя служатъ только для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ потребленія, а о свободныхъ деньгахъ, которыя могутъ быть сбережены для покупки средствъ производства.

то патриархальнымъ, сравнительно съ настоящимъ, лицомъ, всегда подчинившимся міру, а иногда просто лѣтнемъ, особенно и не гнавшимся за жившой. — Въ настоящее время слово *міровѣ* имѣеть другое значеніе, а въ большинствѣ губерній оно сдѣлалось уже родовымъ понятіемъ, сравнительно мало употребляется и замѣняется словами: кулакъ, коштакъ, купецъ, кабатчикъ, компаніишъ, подрядчикъ, заказчикъ и т. д. Это раздробленіе одного слова на нѣсколько словъ, словъ, отчасти тоже не новыхъ, а отчасти совершенно новыхъ или доселѣ не встрѣчавшихся въ крестьянскомъ обиходѣ, показываетъ прежде всего на то, что въ эксплуатаціи народа произошло раздѣленіе труда, а затѣмъ на широкое разростаніе хищничества и на спеціализацію его. Почти въ каждой селѣ и въ каждой деревнѣ есть одинъ или нѣсколько такихъ эксплуататоровъ⁴.

Безспорно, что этотъ фактъ разростанія хищничества подмѣчаетъ вѣрно. Напрасно только авторъ, какъ и всѣ народники, несмотря на всѣ эти факты, не хочетъ понять, что это систематическое, всеобщее, правнльное (даже съ раздѣленіемъ труда) кулачество есть проявленіе капитализма въ земледѣліи, есть господство капитала въ его первичныхъ формахъ, который, съ одной стороны, постоянно высачиваетъ тотъ городской, банковскій, вообще европейскій капитализмъ, который народники считаютъ чѣмъ-то навеснымъ, а съ другой стороны, — поддерживается и питается этимъ капитализмомъ; однимъ словомъ, что это — одна изъ сторонъ капиталистической организаціи русскаго народнаго хозяйства.

Кромѣ того, характеристика «эволюціи» *міровѣ* дасть намъ возможность еще уличить народника.

Въ реформѣ 1861 г. народникъ видитъ санкцію народнаго производства, усматриваетъ въ ней существенныя отличія отъ западной.

Тѣ иѣропріятія, которыхъ онъ теперь жаждетъ, равнымъ образомъ, сводится къ подобной же «санкціи» — общины и т. п., къ подобнымъ же «обеспеченіямъ надѣломъ» и средствами производства вообще.

Отчего же это, г. народникъ, реформа, «санкціонированная народное (а не капиталистическое) производство», привела только къ тому, что изъ «патриархальнаго лѣтня» получился сравнительно энергичный, бойкій, подернутый цивилизаціей хищникъ? только къ переимѣнн *формы* хищничества, какъ и соответствующія великія реформы на Западѣ?

Отчего думаете вы, что слѣдующіе шаги «санкціи» (воплнвъ возможные въ видѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, переселеній, регуляризаціи аренды и прочихъ несомнѣнныхъ прогрессовъ, но только прогрессовъ буржуазныхъ), — почему думаете вы, что она поведутъ къ чему нибудь иному, кромѣ дальнѣйшаго видоизмѣненія *формы*, дальнѣйшей европеизаціи *капитала*, перерожденію его изъ торговаго въ производительный, изъ средневѣковаго — въ новѣйшій?

Иначе не можетъ быть — по той простой причинѣ, что подобныя

миры несколько не задвигают капитала, т. е. того отношения между людьми, при которомъ въ рукахъ однихъ скоплены деньги—продуктъ общественнаго труда, организованнаго товарнымъ хозяйствомъ,—а у другихъ нѣтъ ничего кромѣ свободныхъ «рукъ»¹⁾, свободныхъ именно отъ того продукта, который сосредоточенъ у предыдущаго разряда.

...Изъ нихъ (изъ этихъ кулаковъ и т. д.) не имѣющая капитала мелюзга примыкаетъ обыкновенно къ крупнымъ торговцамъ, снабжающимъ ихъ кредитомъ или поручающимъ имъ покупки за свой счетъ; болѣе состоятельные ведутъ дѣло самостоятельно, сами споспѣсы съ большими торговыми и портовыми городами, отправляютъ туда отъ своего имени вагоны и сами отправляются на товарами, потребными на мѣстѣ. Садитесь вы на любую желѣзную дорогу и вы непременно встрѣтите въ III классѣ (рѣдко во II) десятки этого люда, отправляющагося куда-нибудь по своимъ дѣламъ. Вы узнаете этихъ людей и по особому вѣстоуму, и по крайней безцеремонности обращенія, и по рѣзкому готоланью надъ какой-нибудь барыней, которая проситъ не курить, или надъ муляжкомъ [такъ и стоитъ: «муляжкомъ». К. Т.], отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается «необразованнымъ», потому что ничего не понимаетъ въ ложириши и ходитъ въ лаптяхъ. Вы узнаете этихъ людей и по разговору. Разговариваютъ они обыкновенно: о «курпешхъ», о «постныхъ маслахъ», о кожѣ, о «свѣткѣ», о просахъ и т. п. Вы услышите при этомъ и циническіе рассказы объ употребляемыхъ ими мошенничествахъ и фальсификаціяхъ товаровъ: о томъ, какъ солонину, давнюю «сильный духъ, сбывли на фабрику», о томъ, что «поддирасять чай всякій съунѣтъ, ежели разъ ему показатъ», что сък сахаръ можно воснатъ водою три фунта лишняго вѣса на голову, такъ сък покупатель ничего не замѣтитъ» и т. д. Рассказывается все это съ такой откровенностью и безцеремонностью, что вы ясно видите, что люди эти не ворууютъ въ буфетахъ ложки и не отвертываютъ въ вокзалахъ газовыхъ розетки только потому, что боятся попасть въ тюрьму. Правдивая сторона этихъ людей ниже самыхъ элементарныхъ требованій, вся она основана на рублѣ и исчермывается афоризмами: куець-ловець; на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; не плошай; присматривайся къ тому, что плохо лежить; пользуйся минутой, когда никто не смотритъ; не жалѣй слабago; кланяйся и пресмыкайся, когда можешь». И дальше приводится изъ газетной корреспонденціи примѣръ, какъ одинъ набатчякъ и ростовничкъ, Волковъ, поджегъ свой домъ, застрахованный въ большую сумму. Этого субъекта «учителя и мѣстный священникъ считаютъ самымъ уважаемымъ своимъ знакомымъ», одинъ «учитель пишетъ ему за вино всѣ клузники бумага». «Волостной писарь общаетъ ему одутать морду». «Одинъ лемскій агентъ и въ тоже время членъ земской управы страхуетъ ему старый домъ въ 1000 р.» и т. д. «Волковъ—явленіе вовсе не единичное, а типъ. Изъ мѣстности, гдѣ бы не было своихъ Волковыхъ, гдѣ бы не рассказывали вамъ не только о подобномъ же обираніи и закабаленіи крестьянъ, но и о случаяхъ подобныхъ же поджоговъ»...

¹⁾ «Масса будетъ по прежнему... хрудиться за чужой счетъ» (разбир. статья, стр. 135); еслибы она не была «свободна» (de facto,—de jure же, м.-б., и «обезвечена надѣломъ»), этого не могло бы, разумѣется, быть.

...Но какъ же относится, однако, къ подобнымъ людямъ крестьянство? Если они глупы, грубо-безсердечны и мелочны, какъ Волковъ, то крестьянство не любитъ ихъ и боится, боится потому, что они могутъ сдѣлать ему всякую мерзость, тогда какъ оно имъ ничего сдѣлать не можетъ; у нихъ дома застрахованы, у нихъ борзые кони, крѣпкіе запоры, алая собака и свѣжыя съ мѣстными плетнями. Но если эти люди поумнѣли и похитрѣли Волнова, если они обираютъ и выкабаленіе крестьянства облачаютъ въ благовидную форму, если, утаивая рубль, они въ тоже время во всеуслышаніе скидываютъ грошь, не жалеютъ лишняго полштофа водки или какой-нибудь мѣры пшена на погорѣлую деревню, то они пользуются со стороны крестьянъ почетомъ, авторитетомъ и уваженіемъ, какъ коринѣи, какъ благодѣтели бѣднѣиновъ, безъ которыхъ тѣ, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотритъ на нихъ, какъ на людей умныхъ и отдаетъ имъ даже дѣтей въ науку, считая за честь, что мальчишъ сидитъ въ лавѣ, и будучи увѣрено, что изъ него выйдетъ человѣкъ².

И нарочно выписалъ поподробнѣе разсужденія автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазіи, сдѣланную *противникомъ* положенія о буржуазной организаціи русскаго общественнаго хозяйства. Разборъ ее можетъ много увесить въ теоріи русскаго марксизма, въ характерѣ ходячихъ нападокъ на него со стороны *современнаго* народничества.

По началу этой характеристики видно, что авторъ понимаетъ, какъ будто, глубокіе корни этой буржуазіи, понимаетъ связь ее съ крупной буржуазіей, къ которой «примыкаетъ» мелкая, связь ее съ крестьянствомъ, которое отдаетъ ей «дѣтей въ науку»,—но по примѣрамъ автора видно, что онъ далеко не достаточно оцѣниваетъ силу и прочность этого явленія.

Его примѣры говорятъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, мошенничествахъ, поджогахъ и т. д. Получается впечатлѣніе, что «обирание и закабаленіе» крестьянства—какая то случайность, результатъ (какъ выше выразился авторъ) тяжелыхъ условій жизни, «грубости нравственныхъ идей», стѣсненій «доступа литературы къ народу» (с. 152) и т. п.—однимъ словомъ, что все это не вытекаетъ вовсе съ необходимостью изъ современной организаціи нашего общественнаго хозяйства.

Марксизмъ держится именно этого послѣдняго мнѣнія; онъ утверждаетъ, что это вовсе не случайность, а необходимость, необходимость, обусловленная капиталистическимъ способомъ производства, господствующимъ въ Россіи. Разъ крестьянинъ становится товарнымъ производителемъ (а такими стали уже все крестьяне),—то «нравственность» его неизбежно уже будетъ «основана на рублѣ», и винить его за это не приходится, такъ какъ самыя условія жизни заставляютъ ловить этотъ рубль всяческими торговыми ухищреніями¹). При этихъ условіяхъ безъ всякой уголовщины, безъ всякаго захвата, безъ всякихъ фальсификацій, — изъ

¹) Ср. Успенскаго.

«крестьянства» выдѣляются богатые и бѣдные. Старое равенство не можетъ устоять передъ рыночными колебаніями. Это — не разсужденіе; это — фактъ. И фактъ — то, что «богатство» немногихъ становится при этихъ условіяхъ *капиталомъ*, а «бѣдность» массы заставляетъ ее продавать свои руки, работать за чужой счетъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія марксиста, капитализмъ засѣлъ уже прочно, сложился и опредѣлился воиравѣ не только въ фабрично-заводской промышленности, а и въ деревнѣ и вообще вездѣ на Русь.

Можете себѣ представить теперь, какое остроуміе проявляютъ гг. народники, когда въ отвѣтъ на аргументацію марксиста, что причина этихъ «печальныхъ явленій» въ деревняхъ — не политика, не малоземелье, не платежи, не худыя «личности», а капитализмъ, что все это *необходимо* и *неизбѣжно* при существованіи капиталистическаго способа производства, при господствѣ класса буржуазіи, — когда въ отвѣтъ на это народники начинаютъ кричать, что марксисты хотятъ обезземелить крестьянство, что они «предпочитаютъ» пролетаріа «самостоятельному» крестьянину, что они проявляютъ, — какъ говорятъ провинціальныя барышни и г. Михайловскій въ отвѣтъ г. Струве — «презрѣніе и жестокость» къ «личности»!

На этой картинкѣ деревни, которая интересна тѣмъ, что приведена противникомъ, мы можемъ видѣть наглядно излорность ходячихъ возраженій противъ марксистовъ, выдуманность ихъ — въ обходъ фактовъ, въ забвеніе прежнихъ своихъ заявленій — все ради того, чтобы спасти, *soit* que *soit*, тѣ теоріи мечтаній и компромиссовъ, которыя, къ счастью, не спасутъ уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализмѣ въ Россіи, марксисты перенимаютъ готовныя схемы, повторяютъ какъ догмы положенія, являющіяся слѣбкомъ съ другихъ совсѣмъ условій. Ничтожное по развитію и значенію капиталистическое производство Россіи (на нашихъ фабрикахъ и заводахъ занято всего 1.400 тые. человекъ) они распространяютъ на массу крестьянства, которое еще владеетъ землей. Таково одно изъ любимыхъ въ либерально-народническомъ лагерѣ возраженій.

И вотъ на этой же картинкѣ деревни видимъ мы, что народникъ, описывая порядки «общинныхъ» и «самостоятельныхъ» крестьянъ, не можетъ обойтись безъ той же, заимствованной изъ абстрактныхъ схемъ и чужихъ догмъ, категорій буржуазіи, не можетъ не констатировать, что она — деревенскій типъ, а не единичный случай, что она связана съ крупной буржуазіей въ городахъ крѣчайшими нитями, что она связана и съ крестьянствомъ, которое «отдаетъ ей дѣтей въ науку», изъ котораго, другими словами, и выходитъ эта молодая буржуазія. Мы видимъ, стало быть, что растетъ эта молодая буржуазія изнутри нашей «общины», а не извнѣ

ся, что порождается она самими общественными отношеніями въ средѣ ставшаго товаропроизводителемъ крестьянства; мы видимъ, что не только «1.400 тыс. человѣкъ», а и вся масса сельскаго русскаго люда работаетъ на *капиталѣ*, находится въ его «завѣдываніи».—Кто же дѣлаетъ правильнѣе выводы изъ этихъ фактовъ, констатируемыхъ не какими-нибудь «мистикомъ и метафизикомъ» марксистомъ, вѣрующимъ въ «триады», а самобытнымъ народникомъ, унижающимъ цѣнныя особенности русскаго быта? Народникъ-ли, когда онъ толкуетъ о выборѣ лучшаго пути, какъ будто бы капиталъ не сдѣлалъ уже своего выбора,—когда онъ толкуетъ о поворотѣ къ другому строю, ожидаемому отъ «общества» и «государства», т. е. отъ такихъ элементовъ, которые только на почвѣ этого выбора и для него выросли? или марксистъ, говорящій, что мечтать объ иныхъ путяхъ значитъ быть наивнымъ романтикомъ, такъ какъ дѣйствительность показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что «нѣтъ» уже выбрать, что господство капитала фактъ, отъ котораго нельзя отговориться попреками и осужденіями,—фактъ, съ которымъ могутъ считаться только непосредственные производители?

Другой ходячій упрекъ. Марксисты признаютъ крупный капитализмъ въ Россіи прогрессивнымъ явленіемъ. Они предпочитаютъ такимъ образомъ пролетарію—«самостоятельному» крестьянину, сочувствуютъ обезземеленію народа и, съ точки зрѣнія теоріи, выставляющей идеаломъ принадлежность рабочимъ средствъ производства, сочувствуютъ отдѣленію рабочаго отъ средствъ производства, т. е. впадаютъ въ непримиримое противорѣчіе.

Да, марксисты считаютъ крупный капитализмъ явленіемъ прогрессивнымъ,—не потому, конечно, что онъ «самостоятельность» замѣняетъ несамостоятельностью, а потому, что онъ создаетъ условія для уничтоженія несамостоятельности. Что касается до «самостоятельности» русскаго крестьянина,—то это слащавая народническая сказка, ничего болѣе; въ дѣйствительности ея нѣтъ. И приведенная картина (да и всѣ сочиненія и изслѣдованія экономическаго положенія крестьянства) тоже содержитъ признаніе этого факта (что въ дѣйствительности нѣтъ самостоятельности): крестьянство тоже, какъ и рабочіе, работаетъ «за чужой счетъ». Это признавали старые русскіе народники. Но они не понимали причинъ и характера этой несамостоятельности, не понимали, что это—тоже *капиталистическая* несамостоятельность, отличающаяся отъ городской меньшей развитостью, большими остатками средневѣковыхъ, полукрѣпостническихъ формъ капитала, и только. Сравнимъ хотя бы ту деревню, которую нарисовать намъ народникъ, съ фабрикой. Отличіе (по отношенію къ самостоятельности) только въ томъ, что тамъ—видимъ мы «незлую тлю», здѣсь—крупную, тамъ—эксплуатацію по одиночкѣ, пріемами полу-крѣпостниче-

скими; здесь—эксплуатацию массъ, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тотъ же капитализмъ, который не развитъ и потому уснащенъ ростовщичествомъ etc въ деревнѣ, здесь—развитъ; также противоположность, которая есть въ деревнѣ, здесь выражена вполне; здесь расколъ уже полный, и нѣтъ возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворится мелкій производитель (и его идеологъ), способный распекаать, журить и проклинать капитализмъ, но не способный отказаться отъ самой почвы¹⁾ этого капитализма, отъ довѣрія къ его слугамъ, отъ розовыхъ мечтаній насчетъ того, что «лучше бы безъ борьбы», какъ сказалъ великолѣпный г. Кривенко. Здесь уже мечты невозможны,—и это одно гигантскій шагъ впередъ; здесь уже ясно видно, на чьей сторонѣ сила, и нельзя болтать о выборѣ пути, ибо ясно, что сначала надо «перераспределить» эту силу.

«Сладкий оптимизмъ»—такъ охарактеризовалъ г. Струве народничество, и это—глубоко вѣрно. Какъ же не оптимизмъ, когда позитивное господство капитала въ деревнѣ игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественныя запашки, какъ будто бы все эти «кулаки, коштавы, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики» и т. д., какъ будто бы вся эта «молодая буржуазія» не держала уже «въ рукахъ» «каждую деревню»?—Какъ же не сладость, когда люди продолжаютъ говорить «10 зѣтъ, 20 зѣтъ, 30 зѣтъ и болѣе»: «лучше бы безъ борьбы»—въ то время какъ борьба уже идетъ, но только глухая, бессознательная, не освѣщенная идей.

«Переидите теперь, читатель, въ города. Здесь вы встрѣтите еще большее число и еще большее разнообразіе молодой буржуазіи. Все, что становится грамотнымъ, и считаетъ себя пригоднымъ къ болѣе благородной дѣятельности, все, что считаетъ себя достойнымъ лучшей участи, чѣмъ жалкая участь рядового крестьянина, все, наконецъ, что на этихъ условіяхъ не помещается въ деревнѣ, стремится теперь въ городъ»...

И тѣмъ не менѣе гг. народники сладко толкуютъ объ «искусственности» городского капитализма, о томъ, что это—«тепличное растеніе»,

¹⁾ Во приближаніе недоразумѣній попеню, что вождь „почвой“ капитализма и разумно то общественное отношеніе, которое, въ разныхъ формахъ, паритъ въ капиталистическомъ обществѣ и которое Марксъ выразилъ формулой: деньги—товаръ—деньги съ плюсомъ.

Народническія мѣры не замораживаютъ этого отношенія, не колебля ни товарнаго производства, дающаго въ руки частныхъ лицъ деньги—продуктъ общественного труда, ни раскола „народа“ на владѣльцевъ этихъ денегъ и голъ.

Марксизмъ обращается къ этому отношенію въ его наиболѣе развитой формѣ, называющейся капиталъ—эссенціей всѣхъ остальныхъ формъ, и указываетъ производителю задачу и цѣль: уничтожить это отношеніе, замѣнить его другимъ.

которое если не оберегать, так оно само стигнет и т. д. Стоит только посмотреть попроще на *факты*, и ясно будет, что эти «искусственная» буржуазия просто — переселившиеся из города деревенские миробы, которые растут совершенно самопроизвольно на почве, освященной «капиталистической луной» и выпуждающей каждого рядового крестьянина — дешево купить, дороже продать.

...Здесь вы встречаете: приказчиков, конторщиков, мелочных торговцев, разношников, разнообразных подрядчиков (штукатуров, плотников, каменщиков и т. д.), кондукторов, старших дворников, городовых, биржевых артельщиков, владельцев перевозов, съезных и постоялых дворов, хозяев различных мастерских, фабричных мастеров и т. д. и т. д. Все это — настоящая молодая буржуазия, со всеми ее характерными признаками. Кодекс ее морали и здесь также весьма не широк: вся деятельность основана на эксплуатации труда¹⁾, а жизненная задача заключается в приобретении капитала или капитала для тупоумного времяпрепровождения²⁾... «Я знаю, что многие радуются, смотря на этих людей, видя в них ум, энергию и предприимчивость, считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации, неровности которой сгладятся со временем. О, я давно уже знаю, что у нас создалась высшая буржуазия из людей образованных, купечества и дворянства, либо не выдержавшего кризиса 1861 года и опустившегося, либо охваченного духом времени, что буржуазия эта образовала уже кадры 3-го сословия и что ей недостает только именно таких элементов из народа, без которых она ничего подблатать не может и которые потому ей и нравятся»...

И тут оставлена лазейка «слащавому оптимизму»: крупной буржуазии «недостает только» буржуазных элементов из народа! Да откуда-же крупная-то буржуазия вышла, как не из народа? Уж не станеть-ли автор отрицать связи нашего «купечества» с крестьянством?

Здесь проглядывает стремление выставить этот рост молодой буржуазии делом случайным, результатом политики и т. д. Эта поверхностность понимания, неспособная видеть корни явления в самой экономической структуре общества, — способная перечислить со всей подробностью

¹⁾ Неточно. Мелкий буржуа тем и отличается от крупного, что трудится и сам, — как трудятся и перечисленные автором разряды. Эксплуатация труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплуатация.

Еще одно замечание: жизненная задача тех, кто не удовлетворяется участием рядового крестьянина, — приобретение капитала. Так говорить (в трезвые минуты) пародник. — Тенденция русского крестьянства — не общинный, а мелкобуржуазный строй. Так говорят марксисты.

Какая разница между этими положениями? Не та ли только, что один дает эмпирическое бытовое наблюдение; а другой — обобщает наблюдаемые факты (выражающие реальные „мысли и чувства“ реальных „живых личностей“) в политико-экономический закон?

отдѣльныхъ представителей мелкой буржуазіи, но не способная понять, что самое уже мелкое самостоятельное хозяйство крестьянина и кустара является, при данныхъ экономическихъ порядкахъ, вовсе не какимъ-то «народнымъ» хозяйствомъ, а хозяйствомъ *мелкобуржуазнымъ*,—крайне типична для народника.

...«Я знаю, что многіе потомки древнихъ родовъ занялись уже винокуреніемъ и кабаками, желѣзно-дорожными концессіями и изысканіями, встѣли въ правленія акціонерныхъ банковъ, пристроились даже въ литературѣ и поэзіи теперь повали пѣсни. Я знаю, что многіи изъ этихъ литературныхъ пѣсней чрезвычайно итисны и чувствительны, что говорится въ нихъ о народныхъ нуждахъ и желаніяхъ; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоитъ въ обнаруженіи намѣреній преподнести народу, вместо хлѣба, камень».

Какая аркадская идиллія! Только еще «намѣреніе» преподнести?!

И какъ это гармонируетъ: «знаеть», что «уже давно» образовалась буржуазія,—и все еще видитъ свою задачу въ «обнаруженіи намѣреній» создать буржуазію!

Вотъ это-то и называется «прекраснодушіемъ», когда въ виду мобилизованной уже арміи, въ виду выстроенныхъ «солдатъ», объединенныхъ «давно уже» образовавшихся «генеральнымъ штабомъ»,—люди все еще толкуютъ объ «обнаруженіи намѣреній», а не о волеѣ уже обнаружившейся борьбѣ интересовъ.

...«Французская буржуазія тоже отождествляла себя съ народомъ и всегда предъявляла свои требованія отъ имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаемъ буржуазное направленіе, принятое нашимъ обществомъ за послѣдніе годы, вреднымъ и опаснымъ для народной нравственности и благосостоянія».

Въ этой фразѣ всего нагляднѣе, пожалуй, сказалась мелкобуржуазность автора. Буржуазное направленіе объявляетъ онъ «вреднымъ и опаснымъ» для нравственности и благосостоянія народа! Какого же это «народа», почтенный г. моралистъ?—того, который работалъ на помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ, укряплявшемъ «семейный очагъ», «осѣдлость» и «святую обязанность труда»? ¹⁾, или того, который послѣ шелъ доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основнымъ и главнымъ условіемъ «освобожденія» и что достать этотъ рубль крестьянину негдѣ, кромѣ какъ у господина Купона. Вы сами же описали, какъ хозяйничалъ этотъ господинъ, какъ «мѣщанство принесло въ жизнь свою науку, свой нравственный кодексъ и свои софизмы», какъ образовалась уже литература, поющая объ «умѣ, предприимчивости и

¹⁾ слова г-на Южанова.

энергія» буржуазія. Ясно, что все дѣло сводится къ смѣнѣ двухъ формъ общественной организаціи: система присвоенія прибавочнаго труда прикрѣпленныхъ къ землѣ крѣпостныхъ крестьянъ создала нравственность крѣпостническую; система «свободнаго труда», работающаго «за чужой счетъ», на владѣльца денегъ,—создала въ замѣнъ ея нравственность буржуазную.

Но малкій буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать ихъ своимъ именемъ: онъ отворачивается отъ этихъ безспорныхъ фактовъ и начинаетъ нечтати. «Нравственнымъ» считаетъ онъ только мелкое самостоятельное хозяйство (*на рынкахъ* — объ этомъ скромно умалчивается), а наемный трудъ—«безнравственнымъ». Связи одного съ другимъ — и связи неразрывной—онъ не понимаетъ и считаетъ, что буржуазная нравственность—какая-то случайная болѣзнь, а не прямой продуктъ буржуазныхъ порядковъ, вырастающихъ изъ товарнаго хозяйства (противъ котораго онъ, собственно, ничего не имѣетъ). И вотъ онъ начинаетъ свою старушечью проповѣдь: «вредно и опасно». Онъ не сличаетъ новѣйшей формы эксплуатаціи съ предыдущей, крѣпостной, онъ не смотритъ на тѣ измѣненія, которыя внесла она въ отношенія производителя къ собственнику средствъ производства,—онъ сравниваетъ ее съ бессмысленной, мѣщанской утопій: съ такимъ «мелкимъ самостоятельнымъ хозяйствомъ», которое, будучи товарнымъ хозяйствомъ, не вело бы къ тому, къ чему оно ведетъ (ср. выше: «расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ кулачество, стремится къ закабаленію слабѣйшаго въ батраки» и т. д.). Поэтому его протестъ противъ капитализма (какъ таковой, какъ протестъ—совершенно законный и справедливый) становится реакціонной lamentаціей.

Онъ не понимаетъ, что замѣняя ту форму эксплуатаціи, которая прикрѣпляла трудящагося къ мѣсту, такой, которая бросаетъ его съ мѣста на мѣсто по всей странѣ, «буржуазное направленіе» дѣлало полезную работу; что замѣняя такую форму эксплуатаціи, при которой присвоеніе прибавочнаго продукта опутывалось личными отношеніями эксплуататора къ производителю, взаимными гражданскими политическими обязательствами, «обеспеченіемъ надѣломъ» и т. п.,—такой, которая ставитъ на мѣсто всего этого «безсердечный чистоганъ», сравниваетъ рабочую силу со всякимъ другимъ товаромъ, съ вещью, что «буржуазное направленіе» тѣмъ самымъ оголяетъ эксплуатацію отъ всѣхъ ея затемненій и иллюзій, а оголить ее — уже большая заслуга.

Потомъ еще обратите вниманіе на заявленіе, что буржуазное направленіе принято нашимъ обществомъ «за послѣдніе годы». — Неужели только «за послѣдніе годы»? Не выразилось-ли оно вполнѣ ясно и въ 60-ые годы? Не господствовало-ли оно и въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ?

Мелкій буржуа и тутъ стараетсяъ смягчить дѣло, представить буржуазность, характеризующую наше «общество» въ теченіе всей пореформенной эпохи, какимъ то временнымъ увлеченіемъ, модой. За деревьями не видѣть лѣса—это основная черта мелкобуржуазной доктрины. За протестомъ противъ крѣпостнаго права и яркими нападками на него—онъ (идеологъ мелкой буржуазіи) не видитъ буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономическія основы тѣхъ порядковъ, которые при этихъ яростныхъ крикахъ строились. За толками всей переловой («либерально-кокетливой» с. 129) литературы о кредитахъ, ссудосберегательныхъ товариществахъ, о тяжести податей, о расширеніи землевладѣнія и тому подобнымъ мѣрахъ помощи «народу» — онъ видитъ лишь буржуазность «послѣднихъ годовъ». Наконецъ, за сѣтованіями насчетъ «реакціи», за плачемъ по «60-мъ годамъ» — онъ уже не видитъ вовсе лежащей въ основѣ всего этого буржуазности, и потому все больше и больше сливается съ этимъ «обществомъ».

На самомъ дѣлѣ — въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ періодовъ пореформенной исторіи нашъ идеологъ крестьянства всегда стоялъ рядомъ съ «обществомъ» и вмѣстѣ съ нимъ, не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимаетъ всякую силу у его протеста противъ буржуазности и неизбежно осуждаетъ его либо на мечтанія, либо на жалкіе мелкобуржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества («въ принципѣ» враждебнаго либерализму) къ либеральному обществу умиляла многихъ и даже по сию пору продолжаетъ умилять г-на В. В. (ср. его статью въ «Недѣлѣ» за 1894 г. №№ 47—49). Изъ этого выводятъ слабость или даже отсутствіе у насъ буржуазной интеллигенціи, что и ставится въ связь съ безпочвенностью русскаго капитализма. На самомъ же дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: эта близость является сильнѣйшимъ доводомъ противъ народничества, принявъ подтвержденіемъ его мелкобуржуазности. Какъ въ жизни мелкій производитель сливается съ буржуазіей наличностью обособленнаго производства товаровъ на рынокъ, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться въ крупные хозяева,—такъ идеологъ мелкаго производителя сливается съ либералами, обсуждая совместно вопросы о разныхъ кредитахъ, артеляхъ etc; какъ мелкій производитель неспособенъ бороться съ буржуазіей и умоляетъ за такія мѣры помощи, какъ уменьшеніе податей, увеличеніе земли и т. п. — такъ народникъ доверяетъ либеральному «обществу» и его подернутой «пескочаекой фальшью и лицемеріемъ» болтовнѣ о «народѣ». Если онъ иногда и обругаетъ «общество», то тутъ же прибавитъ, что это только «за послѣдніе годы» оно испортилось, а вообще и само по себѣ недурно.

„Разсматривая недавно новый экономический класс, сложившийся у нас после реформы, „Современный Извѣстия“ такъ хорошо характеризуютъ его: „Скромный и бородатый, въ смятыхъ сапогахъ, издѣльникъ стараго времени, смывавшійся передъ малымъ полицейскимъ чиновомъ, быстро преобразовался въ европейскъ развѣянаго, даже безперемоннаго и надменнаго антрепренера, иногда украшеннаго очень замѣтнымъ орденомъ и высокимъ чиномъ. Присмотрѣвшись къ этому внезапно выросшему лицу, съ удивленіемъ замѣчаешь, что большинство этихъ свѣтлыхъ дни—вчерашніе кабатчики, подрядчики, приващники и т. п. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ея. Они внесли въ нее суетливое движеніе и чрезвычайную путаницу понятій. Ускленіе оборотовъ, спросъ на капиталъ развили лихорадку предпріятій, которая превратилась въ горячку игры. Множество состояній, созданныхъ неожиданно-негадано, довели до высшей степени истерическаго аппетита наживы“ и т. д. . .

„Несомнѣнно, что подобныя люди оказываютъ самое губительное вліяніе на народную нравственность, [вотъ въ чемъ бѣда-то: въ портѣ правоты, а вовсе не въ капиталистическихъ производственныхъ отношеніяхъ! К. Т.], и если не сомнѣваться въ томъ фактѣ, что городскіе рабочіе развращены болѣе деревенскихъ, то, конечно, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что это зависитъ отъ того, что они здѣсь гораздо больше окружены подобными людьми, дышатъ ихъ воздухомъ и живутъ созданной ими жизнью“.

Наглядное подтвержденіе мнѣнію г-на Струве о реакціонности народничества. «Развратъ» городскихъ рабочихъ пугаетъ мелкаго буржуа, который предпочитаетъ «семейный очагъ» (съ снохачествомъ и палкой), «осѣдность» (съ заботостью и дикостью) и не понимаетъ, что пробужденіе человѣка въ «конягѣ»—пробужденіе, которое имѣетъ такое гигантское, всемірно-историческое значеніе, что для него законны всѣ жертвы,—не можетъ не принять буйныхъ формъ при капиталистическихъ условіяхъ вообще, русскихъ въ особенности.

„Если русскій помещикъ отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидѣть въ немъ татарина, то русскаго буржуа не нужно даже и скоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно съ новой буржуазіей создадутъ такую тьму, въ которой будетъ гнѣнуть всякая мысль, всякое человѣческое чувство“.

Авторъ жестоко ошибается. Тутъ должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, въ 70-хъ годахъ.

„Ватаги новыхъ завоевателей расходятся во всѣ стороны и вездѣ и ни въ комъ не встрѣчаютъ сопротивленія. Помѣщики имъ покровительствуютъ и встрѣчаютъ ихъ съ радостью, венские люди выдаютъ имъ громадные страховыя преміи, народныя учителя пашутъ имъ конюшны, духовенство дѣлаетъ низкаты, а волостные писари помогаютъ опутывать морду“.

Совершенно вѣрная характеристика! «не только не встрѣчаютъ ни въ комъ сопротивленія», но во всѣхъ представителяхъ «общества» и «государства»,—которыхъ сейчасъ примѣрно исчислялъ авторъ,—встрѣчаютъ

содѣйствіе. Поэтому—самобытная логика!—чтобы переменить дѣло, слѣдуетъ посоветовать избрать другой путь, посоветовать именно «обществу» и «государству».

«Что же, однако, дѣлать противъ подобныхъ людей?»

«...» Ожидать умственного развитія эволюционирующихъ и улучшенія общественнаго мнѣнія невозможно ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія нравственной и политической, на которыхъ должно становиться государство».

Извольте видѣть: государство должно становиться на «нравственную и политическую точку зрѣнія!» Это уже просто одно фразерство. Разкѣ описанные сейчасъ представители и агенты «государства» (начиная отъ вѣдомственныхъ писарей и выше) не стоятъ уже на точкѣ зрѣнія «политической [ср. выше: «многіе радуются... считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой и естественный шагъ отечественной цивилизаціи»] и «нравственной» [ср. тамъ же: «умъ, энергія, предприимчивость»]? Къ чему же вы замазываете фактъ раскола нравственныхъ и политическихъ идей, столь же враждебныхъ, какъ въ жизни безусловно враждебны «новые всходы»—тѣмъ, «кому буржуазія приказываетъ идти на работу»? Къ чему заглушаете вы борьбу этихъ идей, которая является лишь надстройкой надъ борьбой общественныхъ классовъ?

Это — все естественный и неизбежный результатъ мелкобуржуазной точки зрѣнія. Мелкій производитель сильно страдаетъ отъ современныхъ порядковъ, но онъ стоитъ въ сторонѣ отъ примыхъ, обнажившихся вполнѣ противорѣчій, боится ихъ и утѣшаетъ себя пассивно-реакціонными меттами, будто «государство должно становиться на нравственную точку зрѣнія» и именно на точку зрѣнія той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нѣтъ, вы не правы. Государство, къ которому вы обращаетесь, современное, данное государство *должно* становиться на точку зрѣнія той нравственности, которая мила высшей буржуазіи, *должно* потому, что таково распределеніе социальной силы между различными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о томъ, что, признавая это «долженствованіе», эту необходимость, марксисты защищаютъ буржуазію.

Неправда. Вы чувствуете, что фактъ—противъ васъ, и потому прибѣгаете уже къ фокусничанью: приписываете желаніе защищать буржуевъ тому, кто опровергаетъ ваши мѣщанскія мечты о выборѣ пути безъ буржуазіи ссылкой на *фактъ* господства буржуазіи;—кто опровергаетъ пригодность вашихъ мелкихъ, мизерныхъ мѣръ противъ буржуазіи—ссылкой на глубокіе корни ея въ экономической структурѣ общества, на экономическую борьбу классовъ, лежащую въ фундаментѣ «общества» и госу-

дарства»;—кто требует от идеологов трудящегося класса полного разрыва с этими элементами и исключительного служения тому, кто «дифференцировать от жизни» буржуазного общества.

„Мы не считаем, конечно, влияние литературы совсем безсильным, но для этого она должна: в 1-хъ, лучше понимать свое назначение и не ограничиваться одним только (аie!!!) воспитанием кулачества, но и будить общественное мнение“.

Вот уже вам *reii bourgeois* в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они—романтики!

Наоборот, почтенный г. народник: «кулачество» ¹⁾ воспитывает литературу—оно дает ей идеи (объ умъ, энергия, предприимчивости, о естественном шагъ отечественной цивилизации), оно дает ей средства. Ваше обращение къ литературѣ такъ же смѣхотворно, какъ ослабы кто въ виду двухъ стоящихъ другъ перель другомъ неприятельскихъ арій обратился къ адъютанту неприятельскаго фельдмаршала съ покорной просьбой: «дѣйствовать дружиѣ». Совершенно тоже самое.

Таково же пожелание—«будить общественное мнение».—Мнение того общества, которое «ищетъ идеаловъ съ послѣбѣденнымъ спокойствіемъ?» Привычное для гг. народниковъ занятіе, которому они предаются съ такимъ блестящимъ успѣхомъ «10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе».

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послѣбѣденнымъ своимъ общество иногда мычитъ—наибрное, это значитъ, что оно приготовилось дружно дѣйствовать противъ кулачества. Поговорите еще съ нимъ. *Aller toujours!*

...а во 2-хъ, она должна пользоваться большей свободой слова и большимъ доступомъ къ народу“.

Хорошее желаніе. «Общество» сочувствуетъ этому «идеалу». Но такъ какъ оно и его «ищетъ» съ послѣбѣденнымъ спокойствіемъ и такъ какъ оно пуще всего на свѣтѣ боится нарушения этого спокойствія, то... то оно и смѣшитъ очень медленно, прогрессируетъ такъ мудро, что съ каждымъ годомъ оказывается все дальше и дальше позади. Гг. народники думаютъ, что это—случайность, что сейчасъ послѣбѣденный сонъ кончится и начнется настоящій прогрессъ. Дождитесь!

„Мы не считаемъ точно также безсильнымъ советамъ и влиянію воспитанія и образования, но полагаемъ прежде всего: 1) что образование должно даваться

¹⁾ Это—слыханомъ узное слово. Надо было сказать точнѣе и опредѣленнѣе: буржуазія.

всѣмъ и каждому, а не исключительнымъ только личностямъ, выдѣлая ихъ изъ среды и превращая въ кулаковъ“....

«Всѣмъ и каждому»...—именно этого хотятъ марксисты. Но они думаютъ, что это нелостижимо на почвѣ данныхъ общественно-экономическихъ отношеній, потому что даже и при даровомъ и обязательномъ обученіи для «образованія» нужны будутъ деньги, каковыми имѣются только у «выходцевъ». Они думаютъ, что и тутъ, саѣд., выхода нѣтъ внѣ «суровой борьбы общественныхъ классовъ».

...2) что въ народныхъ школахъ долженъ быть открытъ доступъ не однимъ только отставнымъ дѣлчанамъ, чиновникамъ и разнымъ забулдыгамъ, а людямъ дѣйствительно порядочнымъ и искренне любящимъ народъ“.

Трогательно! Но идѣтъ, кто видитъ «умъ, предприимчивость и энергію» въ «выходцахъ изъ народа»,—также увѣряютъ (и не всегда искренне), что «любить народъ», изъ нихъ многіе, несомнѣнно, «дѣйствительно порядочные» люди? Кто же тутъ судить будетъ? Критически мыслящія и нравственно-развитыя личности? Но не сказали ли самъ авторъ, что презрѣннѣе нельзя дѣйствовать на этихъ выходцевъ? ¹⁾

Мы опять, въ заключеніе, стоимъ у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать въ самомъ началѣ—отворачиванье отъ фактовъ.

Когда народникъ даетъ описаніе фактовъ,—онъ самъ всегда вынужденъ признать, что дѣйствительность принадлежитъ капиталу, что дѣйствительная наша эволюція—капиталистическая, что сила находится въ рукахъ буржуазіи. Это призналъ сейчасъ, напр., и авторъ комментируемой статьи, констатировавшій, что у насъ создалась «мѣщанская культура», что идти на работу приказываетъ народу буржуазія, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послѣобѣденнымъ сномъ, что «мѣщанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тѣмъ не менѣе *все* народническія разсужденія *всегда* основаны на обратномъ предположеніи: что сила не на сторонѣ буржуазіи, а на сторонѣ «народа». Народникъ толкуетъ о выборѣ пути (рядомъ съ признаніемъ капиталистическаго характера дѣйствительнаго пути), объ обобществленіи труда (находящагося въ «завѣлываніи» буржуазіи), о томъ, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрѣнія, что учить народъ должны именно народники и т. д., какъ будто бы сила была уже на сторонѣ трудящихся или ихъ идеологовъ, и оставалось уже только

¹⁾ Стр. 151: „...не презираютъ-ли они уже раньше (забудьте хорошенько это „уже раньше“) тѣхъ, кто могъ бы ихъ презирать?“

указать «ближайшіе», «цѣлесообразныя» и т. п. приемы употребить эту силу.

Все это — сложная приторная ложь. Можно еще себя представить *raison d'être* для подобныхъ иллюзій полвѣка тому назадъ, въ тѣ времена, когда прусскій регирунгератъ открывалъ въ Россіи «общину», — но теперь, послѣ слыше чѣмъ 30-ти-лѣтней исторіи «свободнаго» труда, это — не то наемщина, не то фарисейство и сладкое лицемеріе.

Въ разрушеніи этой благонамѣренной и прекрасноразумной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тѣхъ, кто хочетъ искать «путей къ человѣческому счастью» — не морочить самихъ себя, имѣть смѣлость признать откровенно то, что есть.

И когда идеологи трудящагося класса поймутъ это и почувствуютъ, — тогда они признаютъ, что «идеалы» должны заключаться не въ построеніи лучшихъ и ближайшихъ путей, а въ формулировкѣ задачи и цѣлей той «суровой борьбы общественныхъ классовъ», которая идетъ передъ нашими глазами въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ; что мѣрой успѣха своихъ стремленій является не разработка совѣтовъ «обществу» и «государству», а степень распространенія этихъ идеаловъ въ опредѣленномъ классѣ общества; что самымъ высокимъ идеаламъ цѣна — мѣдный грошъ, покуда вы не сумѣли слить ихъ неразрывно съ интересами самихъ участвующихъ въ экономической борьбѣ, слить съ тѣми «узкими» и мелкими житейскими вопросами даннаго класса, въ родѣ вопроса о «справедливомъ вознагражденіи за трудъ», на которые съ такимъ величественнымъ пренебреженіемъ смотрятъ широкошпательный народникъ.

...По этого мало, умственное развѣтвіе, какъ это мы видимъ, въ сожалѣнію, на каждомъ шагѣ, не гарантируетъ еще человѣка отъ хищныхъ похищеній и истинитовъ. А потому должны быть приняты немедленно мѣры къ огражденію деревни отъ хищничества, должны быть, прежде всего, приняты мѣры къ огражденію нашей общины, какъ формы общжитія, помогающей нравственному несовершенству человѣческой природы. Община разъ навсегда должна быть обезпечена. Но этого еще мало; община, при настоящихъ ея экономическихъ условіяхъ и подавнымъ тягостяхъ, существовать не можетъ, а потому нужны мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, уменьшенію податей, организація народной промышленности».

«Вотъ тѣ средства противъ кулачества, на которыхъ должна сойтись вся порядочная литература и стоять на нихъ. Средства эти, конечно, не новы; но дѣло въ томъ, что это единственныя въ своемъ родѣ средства, а въ этомъ дѣлѣ еще не все убѣждены» (Колецъ).

Вотъ намъ и программа этого широкошпательнаго народника! Изъ описанія фактовъ видѣли мы, что повсюду обнаруживается полное противорѣчіе экономическихъ интересовъ, — «повсюду» не только въ томъ смыслѣ,

что и въ городѣ и въ деревнѣ, и внутри общины и въ ея, и въ фабрично-заводской и въ «народной» промышленности, но и за предѣлами хозяйственныхъ явленій—и въ литературѣ и въ «обществѣ», въ сферѣ идей нравственныхъ, политическихъ, юридическихъ и т. д. А нашъ рыцарь—Kleinbürger проливаетъ горькія слезы и взываетъ: «немедленно принять мѣры къ огражденію деревни». Мѣщанская поверхностность пониманія и готовность идти на компромиссы выступаетъ съ полной очевидностью. Самая эта деревня, какъ мы видѣли, представляетъ въ себя расколъ и борьбу, представляетъ строй противоположныхъ интересовъ,—но народникъ видитъ корень зла не въ самомъ этомъ строѣ, а въ частныхъ недостаткахъ его, строить свою программу не на томъ, чтобы придать идейность идущей борьбѣ, а о томъ, чтобы «оградить» деревню отъ случайныхъ, незаконныхъ, извнѣ являющихся «хищниковъ»! И кому же, достопочтенный г. романтикъ, слѣдуетъ принять мѣры къ огражденію? Тому «обществу», которое удовлетворяется утробными процессами на счетъ именно тѣхъ, кого ограждать слѣдуетъ? Земскимъ, волостнымъ и всякимъ другимъ агентамъ, которые живутъ долями прибавочной стоимости и поэтому, какъ мы сейчасъ видѣли, оказываютъ не противодѣйствіе, а содѣйствіе?

Народникъ находитъ, что это—грустная случайность, не болѣе,—результатъ дурного «пониманія своего назначенія»; что достаточно призывать «сойтись и дѣйствовать дружно», чтобы всѣ подобные элементы «сошли съ невѣрнаго пути». Онъ не хочетъ видѣть, что если въ отношеніяхъ экономическихъ сложилась система Plutarchie, сложились такіе порядки, что имѣть средства и досугъ для образованія можетъ только «выходецъ изъ народа», а «масса» должна «обтраваться невѣжественной и трудиться за чужой счетъ»,—то прямымъ уже и непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ является то, что въ «общество» попадаютъ только представители первыхъ, что изъ этого же «общества» да изъ «выходцевъ» только и могутъ рекрутироваться волостные писаря, земскіе агенты и такъ далѣе, которыхъ народникъ имѣетъ наивность считать чѣмъ-то стоящимъ выше экономическихъ отношеній и классовъ, надъ ними.

Поэтому и воззваніе его: «оградите» обращается совсѣмъ не по адресу.

Онъ успокаивается либо на мѣщанскихъ палліативахъ (борьба съ кулачествомъ—см. выше о ссудосберегательныхъ товариществахъ, кредитѣ, о законодательствѣ для поощренія трезвости, трудолюбія и образованія; расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—см. выше о земельномъ кредитѣ и покупкѣ земли; уменьшеніе податей—см. выше о подходящемъ налогѣ), либо на розовыхъ институтскихъ мечтаніяхъ. «Организовать народную промышленность».

Да развѣ она уже не организована? Развѣ вся эта вышеописанная молодая буржуазія не организовала уже по своему, по буржуазному эту «народную промышленность»? Иначе какъ бы могла она «держать каждую деревню въ своихъ рукахъ»? какъ бы могла она «приказывать народу идти на работу» и присваивать сверхстоимость?

Народникъ доходить до высшей степени высококонраваственнаго возмущенія. Безнравственно—кричить оцъ—признавать капитализмъ «организацией», когда оцъ построены на авархїи производства, на кризисахъ, на постоянной, нормальной и все углубляющейся безработицѣ массъ, на безпрерывномъ ухудшеніи положенія трудящихся.

Напротивъ. Безнравственно поддурманивать истину, изображать чѣмъ-то случайнымъ, печальнымъ порядки, характеризующіе всю пореформенную Россію. Что всякая капиталистическая нація несетъ техническій прогрессъ и обобществленіе труда цѣной калѣченія и уродованія производителя,—это установлено уже давнымъ давно. Но обращать этотъ фактъ въ матеріалъ моральныхъ собесѣдованій съ «обществомъ» и, закрывая глаза на идущую борьбу, летать съ послѣобъденнымъ спокойствіемъ: «оградите», «обезпечьте», «организуйте»—значитъ быть романтикомъ, напичканнымъ, реакціоннымъ романтикомъ.

Читателю покажется, ибродно, что этотъ комментарий не имѣетъ никакой связи съ разборомъ книги г. Струве. По моему, это—отсутствіе лишь вѣшной связи.

Книга г. Струве совсѣмъ не отрываетъ русской марксизмъ. Она только впервые выноситъ въ нашу печать теоріи, сложившіяся и изложенныя уже раньше ¹⁾. Этому выношенію предшествовала, какъ было уже замѣчено, ожесточенная критика марксизма въ либерально-народнической печати, критика, запутавшая и искажившая дѣло.

Не отвѣтивъ на эту критику, нельзя было, во-первыхъ, подойти къ современному положенію вопроса; во-вторыхъ, нельзя было понять книги г-на Струве, ея характера и назначенія.

Старая народническая статья взята была для отиѣта потому, что нужна была принципиальная статья и сверхъ того, статья сохраняющая хотя бы нѣкоторые заветы стараго русскаго народничества, цѣнные для марксизма.

Этимъ комментариемъ мы старались показать выдуманность и вздорность ходячихъ пріемовъ либерально-народнической полемики. Разсужденія на тему, что марксизмъ связывается съ гегельянствомъ ²⁾, съ вѣрой въ

¹⁾ Ср. В. В. «Очерки теоретической экономіи» Спб. 1895, стр. 257—8.

²⁾ И говорю, разумѣется, не объ историческомъ происхожденіи марксизма, а о его современномъ содержаніи.

триады, въ абстрактныя, не требующія провѣрки фактами, догмы и схемы, въ обязательность для каждой страны пройти черезъ фазу капитализма и т. п., оказываются пустою болтовней.

Марксизмъ видитъ свой критерій въ *формулировку* и въ теоретическомъ *объясненіи* идущей передъ нашими глазами борьбы общественныхъ классовъ и экономическихъ интересовъ.

Марксизмъ не основывается ни на чемъ другомъ, кромѣ какъ на фактахъ русской исторіи и дѣйствительности; онъ представляетъ изъ себя тоже идеологію трудящагося класса, но только онъ совершенно иначе объясняетъ общезвѣстные факты роста и побѣды русскаго капитализма, совсемъ иначе понимаетъ задачи, которыя ставитъ наша дѣйствительность идеологамъ непосредственныхъ производителей. Поэтому, когда марксистъ говоритъ о необходимости, неизбежности, прогрессивности русскаго капитализма, — онъ исходитъ изъ общепризнанныхъ фактовъ, которые именно въ силу ихъ общепризнанности, въ силу ихъ не-повизны и не всегда приводятся; онъ даетъ иное объясненіе тому, что рассказано и пересказано народнической литературой, — и если народникъ въ отвѣтъ на это кричитъ, что марксистъ не хочетъ знать фактовъ, тогда для уличенія его достаточно даже простой ссылки на любую принципиальную народническую статью 70-хъ годовъ.

Перейдемъ теперь къ разбору книги г. Струве.

ГЛАВА II

Критика народнической социологіи.

«Сущность» народничества, его «основную идею» авторъ видитъ въ «теоріи самобытнаго экономического развитія Россіи». Теорія эта, по его словамъ, имѣетъ «два основныхъ источника: 1) определенное ученіе о роли личности въ историческомъ процессѣ и 2) непосредственное убѣжденіе въ специфическомъ національномъ характерѣ и духѣ русскаго народа и въ особенныхъ его историческихъ судьбахъ». (2). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ указываетъ, что «для народничества характерны вполнѣ определенные социальные идеалы»¹⁾ и говоритъ, что экономическое міровозрѣніе народниковъ онъ излагаетъ ниже.

¹⁾ Конечно, этого выраженія: «вполнѣ определенные идеалы» нельзя понимать буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы народники «вполнѣ определенно» знали, чего они хотятъ. Это было бы совершенно неверно. Похъ «вполнѣ определенными идеалами» слѣдуетъ разумѣть не болѣе какъ идеологію непосредственныхъ производителей, хотя бы эта идеологія и была самая расплывчатая.

Такая характеристика сущности народничества требует, мнѣ кажется, въ некоторомъ исправленіи. Она слишкомъ абстрактна, идеалистична, указывая господствующія теоретическія идеи народничества, но не указывая ни его «сущности», ни его «источника». Остается совершенно неяснымъ, почему указанные идеалы соединялись съ върой въ самообытное развитіе, съ особымъ ученіемъ о роли личности, почему эти теории стали «самымъ вліятельнымъ» теченіемъ нашей общественной мысли. Если авторъ, говоря о «соціологическихъ идеяхъ народничества» (заглавіе 1-й главы), не могъ однако ограничиться чисто соціологическими вопросами (методъ въ соціологии), а коснулся и воззрѣній народниковъ на русскую экономическую дѣйствительность, то онъ долженъ былъ указать сущность этихъ воззрѣній. Между тѣмъ въ указанномъ примѣчаніи это сдѣлано лишь на половину. Сущность народничества — представительство интересовъ производителей съ точки зрѣнія мелкаго производителя, мелкаго буржуа. Г. Струве въ своей иѣмецкой статьѣ о книгѣ г. Н. — она (Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1) назвалъ народничество «національнымъ социализмомъ» (Р. Бог-во, 1893, № 12, стр. 185). Въмѣсто «національный» слѣдовало бы сказать «крестьянскій» — по отношенію къ старому русскому народничеству и «мѣщанскій» по отношенію къ современному. «Источникъ» народничества — преобладаніе класса мелкихъ производителей въ пореформенной капиталистической Россіи.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выраженіе «мѣщанскій» употребляю я не въ обыденномъ, а въ политико-экономическомъ значеніи слова. Мелкій производитель, хозяйничающій при системѣ товарнаго хозяйства, — вотъ два признака, составляющіе понятіе «мелкаго буржуа», Kleinbürger'a или, что тоже, мѣщанина. Сюда подходитъ такимъ образомъ и крестьянинъ, и кустарь, которыхъ народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, такъ какъ оба представляютъ изъ себя такихъ производителей, работающихъ на рынокъ, и отличаются лишь степенью развитія товарнаго хозяйства. Далѣе, я отличаю старое ¹⁾ и современное народничество на томъ основаніи, что это была до иѣкоторой степени стройная доктрина, сложившаяся въ эпоху, когда капитализмъ въ Россіи былъ еще весьма слабо развитъ, когда мелкобуржуазный характеръ крестьянскаго хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопія, когда народники рѣзко сторонились отъ либеральнаго «общества» и «шли въ народъ». Теперь не то: капиталистическій путь развитія Россіи никакъ уже не отрицается, разложеніе деревни — безспорный фактъ. Отъ стройной доктрины народничества съ дѣт-

¹⁾ Подъ старыми народниками я разумю не тѣхъ, кто думалъ, напр., «Отеч. Зап.», а тѣхъ именно, кто «шелъ въ народъ».

ской вѣрой въ «общину» остались одни лохмотья. Въ отношеніи практическомъ—на мѣсто утопіи выступила вовсе не утопическая программа мелкобуржуазныхъ «прогрессовъ», и только пышныя фразы напоминаютъ объ исторической связи этихъ убогихъ компромиссовъ съ мечтами о лучшихъ и самобытныхъ путяхъ для отечества. Въмѣсто отдѣленія отъ либеральнаго общества мы видимъ самое трогательное сближеніе съ нимъ. Вотъ эта-то перемена и заставляетъ отличать идеологию крестьянства отъ идеологии мелкой буржуазіи.

Эта поправка насчетъ дѣйствительнаго содержанія народничества казалась тѣмъ болѣе необходимой, что указанная абстрактность изложенія у г-на Струве—основной его недостатокъ; это во-первыхъ. А во-вторыхъ, «нѣкоторыя основныя» положенія той доктрины, которою г. Струве не связанъ, требуютъ именно сведенія общественныхъ идей къ общественно-экономическимъ отношеніямъ. И мы постараемся теперь показать, что безъ такого сведенія нельзя уяснить себѣ даже чисто теоретическихъ идей народничества, въ родѣ вопроса о методѣ въ социологіи.

Указавши, что народническое ученіе объ особомъ методѣ въ социологіи всего лучше изложено гг. Миртовымъ и Михайловскимъ, г. Струве характеризуетъ это ученіе какъ «субъективный идеализмъ» и въ подтвержденіе этого приводитъ изъ сочиненій названныхъ лицъ рядъ мѣстъ, на которыхъ стоитъ остановиться.

Оба автора ставятъ во главу угла положеніе, что исторію дѣлали «одинокія борющіяся личности». «Личности создаютъ исторію» (Миртовъ). Еще яснѣе у г. Михайловскаго: «Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятеlemъ исторіи на своей собственной страхѣ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставитъ дѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій» (8). Это положеніе—что исторію дѣлаютъ личности—теоретически совершенно безсодержательно. Исторія все и состоитъ изъ дѣйствій личностей, и задача общественной науки состоитъ въ томъ, чтобы объяснить эти дѣйствія, такъ что указаніе на «право вмѣшательства въ ходъ событий» (слова г. Михайловскаго, цитированная у г. Струве, с. 8) — сводится къ пустой тавтологіи. Особенно ясно обнаруживается это на послѣдней тирадѣ у г. Михайловскаго. Живая личность—разсуждаетъ онъ—движетъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ стихійными силами историческихъ условій. А въ чемъ состоятъ эти «историческія условія»? По логикѣ автора, опять таки въ дѣйствіяхъ другихъ «живыхъ личностей». Не правда-ли, какаа глубокая философія исторіи: живая личность движетъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ другими живыми личностями! И почему это дѣй-

ствія однихъ личностей именуется стихійными, а о другихъ говорится, что онѣ «двигаютъ событія» къ поставленнымъ заранѣе цѣлямъ? Ясно, что искать тутъ хоть какого нибудь теоретическаго содержанія было бы предпріятіемъ едва-ли не безнадежнымъ. Дѣло все въ томъ, что тѣ историческія условія, которыя давали для нашихъ субъективистовъ матеріалъ для «теорій», представляли въ себя (какъ представляютъ и теперь) отношенія антагонистическія, порождали экспроприацію производителя. Не умѣя понять этихъ антагонистическихъ отношеній, не умѣя найти въ нихъ эсе такіе общественные элементы, къ которымъ бы могли примкнуть «одинокія личности», субъективисты ограничивались сочиненіемъ теорій, которыя утѣшали «одинокихъ» личностей тѣмъ, что исторію дѣлали «живыя личности». Рѣшительно ничего кромѣ хорошаго желанія и плохого пониманія знаменитый «субъективный методъ въ социологіи» не выражаетъ. Дальнѣйшее разсужденіе г. Михайловскаго, приводимое у автора, наглядно подтверждаетъ это.

Европейская жизнь, говоритъ г. Михайловскій, «складывалась также бессмысленно и безнравственно, какъ въ природѣ течетъ рѣка или растетъ дерево. Рѣка течетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, смыкаетъ то, что можетъ смыть, будь это алмазная копъ, огибаетъ то, чего смыть не можетъ, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инициативѣ человѣческаго разума и чувства. Этому разуму и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? П. С.) при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи, и воздѣйствіе ихъ на естественный стихійный ходъ вещей было ничтожно». (9).

Г. Струве ставитъ вопросительный знакъ, и мы недоумѣваемъ, почему онъ поставилъ его при одномъ только словѣ, а не при всѣхъ словахъ: до того безсодержательна вся эта тирада! Что это за чепуха, будто разумъ и чувство не присутствовали при возникновеніи капитализма? Да въ чемъ же состоитъ капитализмъ какъ не въ извѣстныхъ отношеніяхъ между людьми, а такихъ людей, у которыхъ бы не было разума и чувства, мы еще не знаемъ. И что это за фальшь, будто воздѣйствіе разума и чувства тогдашнихъ «живыхъ личностей» на «ходъ вещей» было «ничтожно»? Совсѣмъ напротивъ. Люди устраивали тогда, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшія непокорнаго крестьянина въ русло капиталистической эксплуатациі; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политическихъ и финансовыхъ мѣропріятій, по которымъ (каналамъ) устремлялись капиталистическое накопленіе и капиталистическая экспроприація, не удовлетворявшіея дѣйствіемъ однихъ экономическихъ законовъ. Однимъ сло-

помъ, всё эти заявленія г. Михайловскаго такъ чудовищно невѣрны, что однимъ теоретическими ошибками ихъ не объяснишь. Они объясняются ипослѣ той мѣщанской точкой зрѣнія, на которой стоитъ этотъ писатель. Капитализмъ обнаружилъ уже совершенно ясно свои тенденціи, онъ развилъ присущій ему антагонизмъ до конца, противорѣчіе интересовъ начинаетъ уже принимать опредѣленные формы, отражаясь даже въ русскомъ законодательствѣ,—но мелкій производитель стоитъ въ сторонѣ отъ этой борьбы. Онъ еще привязанъ къ старому буржуазному обществу своимъ крохотнымъ хозяйствомъ и потому, будучи угнетаемъ капиталистическимъ строемъ, онъ не въ состояніи понять истинныхъ причинъ своего угнетенія и продолжаетъ утѣшать себя иллюзіями, что всё бѣды оттого, что разумъ и чувство людей находятся еще «въ зачаточномъ состояніи».

«Конечно—продолжаетъ идеологъ этого мелкаго буржуа—люди всегда старались такъ или иначе повліять на ходъ вещей».

«Ходъ вещей» и состоитъ въ дѣйствіяхъ и «вліяніяхъ» людей и ни въ чемъ больше, такъ что это опять пустая фраза.

«Но они руководствовались при этомъ указаніями самаго скуднаго опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только въ высшей степени рѣдко эти руководители могли случайно натолкнуться на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями» (9).

Мѣщанская мораль, осуждающая «грубость интересовъ» вслѣдствіе неумѣнія обилзвать свои «идеалы» съ какими-нибудь вассуцными интересами; мѣщанское закрываніе глазъ на происшедшій уже расколъ, ярко отражающійся и на современной наукѣ, и на современныхъ нравственныхъ идеяхъ.

Понятно, что всё эти свойства разсужденій г. Михайловскаго остаются неизмѣнными и тогда, когда онъ переходитъ къ Россіи. Онъ «привѣтствуетъ отъ всей души» столь же странныя расказни нѣкоего г. Яковлева, что Россія—*tabula rasa*, что она можетъ начать съ начала, избѣгать ошибокъ другихъ странъ и т. д. и т. д. И все это говорится въ полномъ сознаніи того, что на этой *tabula rasa* очень еще прочно держатся представители «старо-дворянскаго» уклада, съ крупной поземельной собственностью и съ громадными политическими привилегіями, что на ней быстро растетъ капитализмъ, съ его всевозможными «прогрессами». Мелкій буржуа трусливо закрываетъ глаза на эти факты и уносится въ сферу невинныхъ мечтаній о томъ, что «мы начинаемъ жить теперь, когда наука уже обладаетъ и нѣкоторыми истинами и нѣкоторымъ авторитетомъ».

Итакъ, уже изъ тѣхъ разсужденій г. Михайловскаго, которыя приведены у г. Струве, явствуется классовое происхожденіе соціологическихъ идей народничества.

Не можем не оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. «По его взгляду—говорит автор—не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковыя, должны служить, с одной стороны, исходным пунктомъ, с другой—обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественныхъ группъ». (11).

Это—языкъ объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрѣній) есть разница, на которой слѣдуетъ остановиться, такъ какъ неполное уясненіе этой разницы принадлежитъ къ основному недостатку книги г. Струве, проявляясь въ большинствѣ его разсужденій.

Объективистъ говоритъ о необходимости данного историческаго процесса; материалистъ констатируетъ съ точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемая ею антагонистическія отношенія. Объективистъ, доказывая необходимость данного ряда фактовъ, всегда рискуетъ сбиться на точку зрѣнія апологета этихъ фактовъ; материалистъ вскрываетъ классовыя противорѣчія и тѣмъ самымъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія. Объективистъ говоритъ о «непреодолимыхъ историческихъ тенденціяхъ»; материалистъ говоритъ о томъ классѣ, который «завѣдуетъ» даннымъ экономическимъ порядкомъ, создавая такіа-то формы противодѣйствія другихъ классовъ. Такимъ образомъ, материалистъ, съ одной стороны послѣдовательнѣе объективиста и глубже, познѣ проводитъ свой объективизмъ. Онъ не ограничивается указаніемъ на необходимость процесса, а выясняетъ, какая именно общественно-экономическая формация даетъ содержаніе этому процессу, какой именно классъ опредѣляетъ эту необходимость. Въ данномъ случаѣ, напр., материалистъ не удовлетворился бы констатированіемъ «непреодолимыхъ историческихъ тенденцій», а указалъ бы на существованіе известныхъ классовъ, опредѣляющихъ содержаніе данныхъ порядковъ и исключающихъ возможность выхода вѣнъ выступленія самихъ производителей. Съ другой стороны, материализмъ включаетъ въ себя, такъ сказать, партійность, облизывая при всякой оцѣнкѣ событія прямо и открыто становится на точку зрѣнія опредѣленной общественной группы¹⁾.

Отъ г. Михайловскаго авторъ переходитъ къ г. Южакову, который не представляетъ изъ себя ничего самостоятельнаго и интереснаго. Г. Струве совершенно справедливо отзывется о его соціологическихъ разсужденіяхъ, что это—«пышныя слова», «лишенная всякаго содержанія». Стоитъ оста-

¹⁾ Конкретные примѣры неполнаго проведенія объективизма у г. Струве и невыдержанности у него теоріи классовой борьбы будутъ указываться ниже въ каждой отдѣльной случаѣ.

новиться на чрезвычайно характерномъ (для народничества вообще) различіи между г. Южаковымъ и г. Михайловскимъ. Г. Струве отмѣчаетъ это различіе, называя г-на Южакова «націоналистомъ», тогда какъ, де, г. Михайловскому «всякій націонализмъ всегда былъ совершенно чуждъ» и для него, по его собственнымъ словамъ, «вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русскій народъ, а весь трудящійся людъ всего цивилизованнаго міра». Миѣ кажется, что за этимъ различіемъ проглядываетъ еще отраженіе двойственнаго положенія мелкаго производителя, который является элементомъ прогрессивнымъ, поскольку онъ начинаетъ, по бессознательно-удачному выраженію г. Южакова, «дифференцироваться отъ общества», — и элементомъ реакционнымъ, поскольку борется за сохраненіе своего положенія, какъ мелкаго хозяина, и старается задержать экономическое разитіе. Поэтому и русское народничество умѣетъ сочетать прогрессивныя, демократическія черты доктрины—съ реакціонныя, вызывающими сочувствіе «Московскихъ Вѣдомостей». Что касается до этихъ послѣднихъ, то трудно было бы, думается, рельефнѣе выставить ихъ, чѣмъ сдѣлалъ это г. Южаковъ въ слѣдующей тирадѣ, приводимой у г. Струве.

«Только крестьянство всегда и всюду являлось носителемъ чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной исторіи такъ называемымъ четвертымъ сословіемъ, городскимъ пролетариатомъ, но видоизмѣненія, претерпѣнныя ея сущностью, при этомъ такъ значительны, что крестьянинъ едва ли бы узналъ въ ней обычную основу своего быта. *Право* на трудъ, а не святая *обязанность* труда, обязанность въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой; [такъ вотъ что скрывалось за «чистой идеей труда»! Чисто крѣпостническая идея объ «обязанности» крестьянина добывать хлѣбъ... для исполненія своихъ повинностей? Объ этой «святой» обязанности говорится забитому и заданненному ею конягѣ! ¹⁾]; затѣмъ выдѣленіе труда и вознагражденіе за него, вся эта агитация о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создаетъ это вознагражденіе; [«Что это?» спрашиваетъ г. Струве, «sancta simplicitas или нѣчто иное?» Хуже. Это—апофеозъ послушливости прихрипленнаго къ землѣ батрака, привыкшаго работать на другихъ чуть не даромъ]; дифференцированіе труда отъ жизни въ какую-то отвлеченную (? П. С.) категорію, изображаемую столькими-

¹⁾ Авторъ не знаетъ, должно быть, — какъ и подобаетъ маленькому буржуа, — что зап.-европейскій трудящійся людъ давно переросъ ту стадію развитія, когда онъ требовалъ «права на трудъ» и требуетъ теперь «права на лѣность», «права на отдыхъ отъ чрезмѣрной работы, которая калѣчитъ и дѣвять его.

то часами пребывания на фабрике, не имѣющую никакого иного (?! П. С.) отношенія, никакой связи съ повседневными интересами работника; [чисто иѣщавская трусовость мелкаго производителя, которому порой очень и очень плохо приходится отъ современной капиталистической организаціи, по которой лучше всего на свѣтѣ бьется серьезнаго движенія противъ этой организаціи со стороны элементовъ, окончательно «дифференцировавшихся» отъ всякой связи съ ней]; наконецъ, отсутствіе оскѣлости, домашнаго, созданнаго трудомъ очага, измѣчивость поприща труда,—все это совершенно чуждо идеѣ крестьянскаго труда. Трудовой, отъ отцовъ и дѣдовъ завѣщанный очагъ, трудъ, проникающій своими интересами всю жизнь и строящій ея мораль—любовь къ полнотѣ потому многихъ поколѣній нивѣ,—все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянскаго быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату, а потому, въ то время, какъ жизнь послѣдняго, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принципъ приобретеннаго права), а въ лучшемъ случаѣ отвлеченно-философской, въ основѣ крестьянской морали лежитъ именно трудъ, его логика, его требованія» (18). Тутъ выступаетъ уже въ чистомъ видѣ реакціонныя черты мелкаго производителя, его забитость, заставляющая его вѣрить въ то, что ему навѣки суждена «святая обязанность» быть копилкой; его «завѣщанный отъ отцовъ и дѣдовъ» сервиллизмъ; его привязанность къ отдѣльному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждаетъ его отказаться даже отъ всякой мысли о «справедливомъ вознагражденіи» и выступать врагомъ всякой «агитаціи»,—которое, вслѣдствіе низкой производительности труда и прикрѣпленія трудящагося къ одному мѣсту дѣлаетъ его дикаремъ и, силою однихъ уже хозяйственныхъ условій, необходимо порождаетъ его забитость и сервиллизмъ. Разрушеніе этихъ реакціонныхъ чертъ должно быть безусловно поставлено въ заслугу нашей буржуазіи; прогрессивная работа ея состоитъ именно въ томъ, что она порвала всѣ связи трудящагося съ крѣпостническими порядками, съ крѣпостническими традиціями. Средневѣковыми формы эксплуатаціи, которыя были прикрыты *личными* отношеніями господина къ его подданному, мѣстнаго кулака и скупщика къ мѣстными крестьянамъ и кустарямъ, патріархальнаго «скромнаго и бородастаго милліонера» къ его «ребятамъ», и которыя въ силу этого порождали ультра-реакціонныя идеи,—эти средневѣковыя формы она замѣнила и продолжаетъ замѣнять эксплуатаціей «европейски развивающаго антрепренера», эксплуатаціей безличной, голой, ничѣмъ не прикрытой и уже тѣмъ самымъ разрушающей нелѣпныя иллюзіи и мечтанія. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина («оскѣлость»), который не хотѣлъ *да и не могъ* знать ничего кромѣ своего клочка земли, и—обобществляя трудъ и

чрезвычайно повышая его производительность, стала силой выталкивать производителей на арену общественной жизни.

Г. Струве говорит по поводу этого разсужденія г-на Южакова: «Такимъ образомъ г. Южаковъ съ полной ясностью документируетъ славянофильскіе корни народничества» (18) и ниже, подводя итоги своему изложенію соціологическихъ идей народничества, онъ добавляетъ, что въра въ «самобытное развитіе Россіи» составляетъ «историческую связь между славянофильствомъ и народничествомъ» и что поэтому споръ марксистовъ съ народниками есть «естественное продолженіе разногласія между славянофильствомъ и западничествомъ» (29). Это послѣднее положеніе, мнѣ кажется, требуетъ ограниченія. Безспорно, что народники очень и очень повинны въ кривомъ патріотизмѣ самаго низкаго разбора (г. Южаковъ, напр.). Безспорно и то, что игнорированіе соціологическаго метода Маркса и его постановки вопросовъ, касающихся непосредственныхъ производителей, равносильно для тѣхъ русскихъ людей, кто хочетъ представлять интересы этихъ непосредственныхъ производителей, съ полнымъ отчужденіемъ отъ западной «цивилизаци». Но сущность народничества лежитъ глубже; не въ ученія о самобытности и славянофильствѣ, а въ представительствѣ интересовъ и идей русскаго мелкаго производителя. Поэтому среди народниковъ и были писатели (и это были лучшіе изъ народниковъ), которые, какъ это призналъ и г. Струве, не имѣли ничего общаго съ славянофильствомъ, которые даже признавали, что Россія вступила на тотъ же путь, что и Зап. Европа. Съ такими категоріями, какъ славянофильство и западничество, въ вопросахъ русскаго народничества никакъ не разобраться. Народничество отразило такой фактъ русскаго жизни, который почти еще отсутствовалъ въ ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересовъ труда и *капитала*. Оно отразило этотъ фактъ черезъ призму жизненныхъ условий и интересовъ мелкаго производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создавъ теорію выдвигавшую не противорѣчія общественныхъ интересовъ, а безплодную упованія на иной путь развитія, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа можетъ явиться дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ непосредственныхъ производителей.

Переходимъ теперь ко второй главѣ книги г. Струве.

Планъ изложенія у автора слѣдующій: сначала онъ указываетъ тѣ общія соображенія, которыя заставляютъ считать матеріалкамъ единственно правильнымъ методомъ общественной науки; затѣмъ излагаетъ воззрѣнія Маркса

и Энгельса, и, наконец, представляет полученные выводы къ некоторымъ явлениямъ русской жизни. Въслѣдствіе особенной важности предмета этой главы, мы попытаемся подробнѣе разобрать ея содержаніе, отмѣчая всѣ тѣ пункты, которые вызываютъ возраженіе.

Авторъ начинаетъ съ совершенно справедливаго указанія на то, что теорія, сводящая общественный процессъ къ дѣйствіямъ «живыхъ личностей», которыя «ставятъ себѣ цѣли» и «двигаютъ событія»,— есть результатъ недоразумѣнія. Никто, разумѣется, и не думаетъ никогда о томъ, чтобы приписывать «соціальной группѣ самостоятельное, не зависимое отъ составляющихъ ее личностей существованіе» (31), но дѣло въ томъ, что «личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ раньше жившихъ и современныхъ ей личностей, т. е. соціальной группы» (31). Пояснимъ мысль автора. Исторію дѣлаетъ—разсуждаетъ г. Михайловскій—«живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами». Совершенно вѣрно. Но чѣмъ опредѣляются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно заидицать то мнѣніе, что они появляются случайно, а не вытекаютъ необходимо изъ данной общественной среды, которая служитъ матеріаломъ, объектомъ духовной жизни личности и которая отражается въ ея «помыслахъ и чувствахъ» съ положительной или отрицательной стороны, въ представительствѣ интересовъ того или другого общественного класса? И далѣе: по какимъ признакамъ судить намъ о *реальныхъ* «помыслахъ и чувствахъ» *реальныхъ* личностей? Понятно, что такой признакъ можетъ быть лишь одинъ: *дѣйствія* этихъ личностей,— а такъ какъ рѣчь идетъ только объ общественныхъ «помыслахъ и чувствахъ», то слѣдуетъ добавить еще: *общественныя дѣйствія* личностей, т. е. *соціальные факты*. «Обособляя соціальную группу отъ личности,— говоритъ г. Струве,—мы подразумеваемъ подъ первой всѣ тѣ многообразныя взаимодействія между личностями, которыя возникаютъ на почвѣ соціальной жизни и объективируются въ обычаяхъ и правѣ, въ правахъ и нравственности, въ религіозныхъ представленіяхъ» (32). Другими словами: соціологъ-материалистъ, дѣлающій предметомъ своего изученія опредѣленная общественныя отношенія людей, тѣмъ самымъ уже изучаетъ и *реальныхъ личностей*, изъ дѣйствій которыхъ и складываются эти отношенія. Соціологъ-субъективистъ, начиная свое разсужденіе якобы съ «живыхъ личностей», на самомъ дѣлѣ начинаетъ съ того, что вкладываетъ въ эти личности такіе «помыслы и чувства», которые онъ считаетъ рациональными (потому что, изолируя своихъ «личностей» отъ конкретной общественной обстановки, онъ тѣмъ самымъ отвалъ у себя возможность изучить *дѣйствительные* ихъ помыслы и чувства), т. е. «начинаетъ съ утопій»,

какъ это и пришлось признать г-ну Михайловскому ¹⁾. А такъ какъ, даѣе, собственныя представленія этого социолога о рациональномъ самѣ отражаютъ (безсознательно для него самого) данную социальную среду, то окончательные выводы его изъ разсужденія, которые представляются ему «чистѣйшимъ» продуктомъ «современной науки и современныхъ нравственныхъ идей», на самомъ дѣлѣ выражаютъ только точку зрѣнія и интересы... мѣщанства.

Этотъ послѣдній пунктъ,—т. е. что особая социологическая теорія о роли личности или о субъективномъ методѣ ставить утопю на мѣсто критическаго материалистическаго изслѣдованія,—особенно важенъ, и, такъ какъ онъ опущенъ г. Струве, то на немъ стоить нѣсколько остановиться.

Возьмемъ для иллюстраціи ходячее народническое разсужденіе о кустарѣ. Народникъ описываетъ жалкое положеніе этого кустаря, мизерность его производства, безобразнѣйшую эксплуатацію его скупщикомъ, который кладетъ въ карманъ львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16—18 часовою рабочею денью,—и заключаетъ: жалкій уровень производства и эксплуатація труда кустаря—это дурныя стороны данныхъ порядковъ. Но кустарь не наемный рабочий; это—хорошая сторона. Слѣдуетъ сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вотъ—законченное народническое разсужденіе.

Марксистъ разсуждаетъ иначе. Знакомство съ положеніемъ промысла возбуждаетъ въ немъ кромѣ вопроса о томъ, хорошо это или дурно, еще вопросъ о томъ, какова организація этого промысла, т. е. какъ и почему именно такъ, а не иначе, складываются отношенія между кустарями по производству данного продукта. И онъ видитъ, что эта организація есть товарное производство, т. е. производство *обособленныхъ* производителей, связанныхъ между собою *рынкомъ*. Продуктъ отдѣльнаго производителя, предназначенный на чужое потребленіе, можетъ дойти до потребителя и дать право производителю на полученіе другого общественнаго продукта только принявши форму *денегъ*, т. подвергшись предварительно общественному учету какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. А учетъ этотъ производится за спиной производителя, посредствомъ рыночныхъ колебаній. Эти невѣдомыя производителю, независимыя отъ него рыночныя колебанія не могутъ не порождать неравенства между производителями, не могутъ не усиливать этого неравенства, разоряя однихъ и давая другимъ въ руки деньги—продуктъ общественнаго труда. Отсюда ясна и причина могущества владѣльца денегъ, скупщика: она со-

¹⁾ Сочиненія, т. III, с. 155: „Социологія должна начать съ нѣкоторой утопіи“.

стоитъ въ томъ, что среди кустарей, живущихъ со дня на день, самое большое съ недѣли на недѣлю, онъ одинъ владѣеть деньгами, т. е. продуктомъ прежняго *общественнаго* труда, который въ его рукахъ и становится *капиталомъ*, орудіемъ присвоенія прибавочнаго продукта другихъ кустарей. Поэтому, заключаетъ марксизмъ, при такомъ устройствѣ общественнаго хозяйства экспроприация производителя и эксплуатация его совершенно неизбежны, совершенно необходимо подчиненіе немущихъ имущимъ и та противоположность ихъ интересовъ, которая даетъ содержаніе *научному* понятію *борьбы классовъ*. И, слѣдовательно, интересъ производителя состоитъ совсѣмъ не въ примиреніи этихъ противоположныхъ элементовъ, а напротивъ, въ развитіи противоположности, въ развитіи сознанія этой противоположности. Мы видимъ, что ростъ товарнаго хозяйства приводитъ и у насъ, на Руси, къ такому развитію противоположности: по мѣрѣ увеличенія рынка и расширенія производства капиталъ торговый становится индустриальнымъ. Машинная индустрія, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже въ корень подорвано скупщикомъ), обобществляетъ трудъ. Система *Platzschere*, которая въ кустарномъ производствѣ прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика, — теперь становится ясной и ничѣмъ не прикрытой. «Трудъ», который и въ кустарномъ промыслѣ принималъ участіе въ «жизни» только тѣмъ, что дарилъ прибавочный продуктъ скупщикамъ, теперь окончательно дифференцируется отъ жизни буржуазнаго общества. Это общество выталкиваетъ его съ полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежачій въ его основаніи принципъ, что производитель можетъ получить средства къ жизни лишь тогда, когда найдетъ владельца денегъ, благоволяющаго присвоить прибавочный продуктъ его труда, — и то, чего не могъ понять кустарь [и его идеологъ-народникъ] — именно: глубокой, классовой характеръ вышеуказанной противоположности, — становится само собой яснымъ для производителя. Вотъ почему интересы кустаря могутъ быть представлены только этимъ передовымъ производителемъ.

Сравнимъ теперь эти разсужденія со стороны ихъ социологическаго метода.

Народникъ увѣряетъ, что онъ — реалистъ. «Исторію дѣлаютъ живыя личности», и я, молъ, и начинаю съ «чувствъ» кустаря, отрицательно настроеннаго къ современному порядку, и съ помысловъ его объ устройствѣ порядковъ лучшихъ, а марксизмъ разсуждаетъ о какой то необходимости и неизбежности; онъ мистикъ и метафизикъ.

Дѣйствительно, отвѣчаетъ этотъ мистикъ, исторію дѣлаютъ «живыя личности», — и я, разбирая вопросъ о томъ, почему общественныя отношенія въ кустарномъ промыслѣ сложились такъ, а не иначе (вы этого

вопроса даже и не поставили!), разбирались именно то, какъ «живыя личности» свою исторію *создали* и продолжают дѣлать. И у меня былъ въ рукахъ надежный критерій того, что я имѣю дѣло съ «живыми», дѣйствительными личностями, съ дѣйствительными помыслами и чувствами: критерій этотъ состоялъ въ томъ, что у нихъ уже «помыслы и чувства» выразились въ дѣйствіяхъ, создали опредѣленные общественныя отношенія. И, правда, не говорю никогда о томъ, что «исторію дѣлаютъ живыя личности» (потому что мнѣ кажется, что это—пустая фраза), но, изслѣдуя *дѣйствительными* общественныя отношенія и ихъ *дѣйствительное* развитіе, я изслѣдую именно продуктъ дѣятельности живыхъ личностей. А вы говорите-то о «живыхъ личностяхъ» говорите, а на самомъ дѣлѣ берете за исходный пунктъ не «живую личность» съ тѣми «помыслами и чувствами», которые дѣйствительно создаются условіями ихъ жизни, данной системой производственныхъ отношеній, а куклу и начинаете ей голову своими собственными «помыслами и чувствами». Понятно, что отъ такого занятія, получаютъ одни только невнятные мечтанія; жизнь оказывается въ сторонѣ отъ васъ, и вы—въ сторонѣ отъ жизни ¹⁾. Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, чѣмъ вы начинаете голову этой куклы и какія мѣры вы проповѣдуете. Рекомендую трудящимся артель, какъ «путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями», вы не приняли во вниманіе одного маленькаго обстоятельства: всей организаціи нашего общественнаго хозяйства. Не понимая, что это—капиталистическое хозяйство, вы не замѣтили, что *на этой почвѣ* всѣ возможныя артели останутся крохотными налліативами, нисколько не устраняющими ни концентраціи средствъ производства, и денегъ въ томъ числѣ, въ рукахъ меньшинства (эта концентрація—неоспоримый фактъ), ни полной обездоленности громадной массы населенія,—налліативами, которые въ лучшемъ случаѣ поднимутъ только кучку отдѣльныхъ кустарей въ ряды мелкой буржуазіи. Изъ идеолога трудящагося вы становитесь идеологомъ мелкой буржуазіи.

Возвратимся однако къ г. Струве. Указавши на безсодержательность разсужденій народниковъ о «личности», онъ продолжаетъ: «Что социологія въ самомъ дѣлѣ стремится всегда свести элементы индивидуальности къ социальнымъ источникамъ, въ этомъ убѣждаетъ любая попытка объяснить тотъ или другой крупный моментъ исторической эволюціи. Когда дѣло доходитъ до «исторической личности» «великаго человѣка», всегда является

¹⁾ «Практика уривається се („возможность новаго историческаго пути“) безпощадно“; „она убываєть, можно сказать, съ каждымъ днемъ“ (слова г. Михайловскаго, у П. Струве, с. 16). Убываєть, конечно, не „возможность“, которой никогда не было, а убывають иллюзіи. И хорошо дѣлають, что убывають.

стремление выставить его, как «носителя» духа известной эпохи, представителя своего времени,—его действия, его успехи и неудачи представить как необходимые результаты всего предшествующего хода вещей». (32). Эта общая тенденция всякой попытки—*объяснить* социальные явления т. е. создать общественную науку, «нашла себя яркое выражение в учении о классовой борьбе, как основном процессе общественной эволюции. Раз личность была сброшена со счетов, нужно было найти другой элемент. Таким элементом оказалась социальная группа» (33). Г. Струве совершенно правъ, указывая, что теория классовой борьбы довершает, такъ сказать, общее стремление социологии сводить «элементы индивидуальности къ социальнымъ источникамъ». Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводитъ это стремление съ такой полнотой и последовательностью, что возводитъ социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическимъ опредѣленіемъ понятія «группы». Само по себѣ это понятіе слишкомъ еще неопредѣленно и произвольно: критерій различія «группъ» можно видѣть и въ явленіяхъ религиозныхъ, и этнографическихъ, и политическихъ, и юридическихъ и т. п. Нѣтъ твердаго признака, по которому бы въ каждой изъ этихъ областей можно было различать тѣ или иные «группы». Теорія же классовой борьбы потому именно и составляетъ громадное приобритеніе общественной науки, что устанавливаетъ приемы этого сведенія индивидуальнаго къ социальному съ позитивнѣйшей точностью и опредѣленностью. Во-первыхъ, эта теорія выработала понятіе *общественно-экономической формации*. Взявши за исходный пунктъ основной для всякаго человѣческаго общежитія фактъ—способъ добыванія средствъ къ жизни, она поставила въ связь съ нимъ тѣ отношенія между людьми, которыя складываются подъ вліяніемъ данныхъ способовъ добыванія средствъ къ жизни, и въ системѣ этихъ отношеній («производственныхъ отношеній» по терминологіи Маркса) указала ту *основу общества*, которая облечается политико-юридическими формами и известными теченіями общественной мысли. Каждая такая система производственныхъ отношеній является, по теоріи Маркса, особымъ социальнымъ организмомъ, имѣющимъ особые законы своего зарожденія, функционированія и перехода въ высшую форму, превращенія въ другой социальный организмъ. Этой теоріей былъ примѣненъ къ социальной наукѣ тотъ объективный, общенаучный критерій повторяемости, возможность примѣненія котораго къ социологии отрицали субъективисты. Они разсуждали именно такъ, что вслѣдствіе громадной сложности социальныхъ явленій и разнообразія ихъ нельзя изучать эти явленія, не отдѣливъ важныя отъ неважныхъ, и для такого выдѣленія необходима точка зрѣнія «критически мыслящей» и «нравственно-развитой» личности,—и они приходили такимъ образомъ бла-

гополучно къ превращенію общественной науки въ рядъ назиданій мѣщанской морали, образцы которой мы видѣли у г. Михайловскаго, философствовавшаго о нецѣлесообразности исторіи и о пути, руководимомъ «свѣтомъ науки». Вотъ этимъ-то разсужденіямъ и былъ подрѣзанъ корень теоріей Маркса. На мѣсто различія важнаго и не важнаго было поставлено различіе между экономической структурой общества, какъ *содержаніемъ*, и политической и идейной *формой*: самое понятіе экономической структуры было точно разъяснено опроверженіемъ взгляда прежнихъ экономистовъ, видѣвшихъ законы природы тамъ, гдѣ есть мѣсто только законамъ особой, исторически опредѣленной системы производственныхъ отношеній. На мѣсто разсужденій субъективистовъ объ «обществахъ» вообще, разсужденій безсодержательныхъ и не шедшихъ далѣе мѣщанскихъ утопій (ибо не выяснена была даже возможность обобщенія самыхъ различныхъ социальныхъ порядковъ въ особые виды социальныхъ организмовъ)—было поставлено *изслѣдованіе* опредѣленныхъ формъ устройства общества. Въ вторыхъ, дѣйствіи «живыхъ личностей» въ предѣлахъ каждой такой общественно-экономической формации, дѣйствія, безконечно разнообразныя и, казалось, не поддающіеся никакой систематизации, были обобщены и сведены къ дѣйствіямъ группъ личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли въ системѣ производственныхъ отношеній, по условіямъ производства и, слѣд., по условіямъ ихъ жизненной обстановки, по тѣмъ интересамъ, которые опредѣлялись этой обстановкой,—однимъ словомъ, къ дѣйствіямъ *классовъ*, борьба которыхъ опредѣляла развитіе общества. Этимъ былъ опровергнутъ дѣтскъ-наивный, чисто механискій взглядъ на исторію субъективистовъ, удовлетворявшихся ничего не говорящимъ воззрѣніемъ, что исторію дѣлаютъ живыя личности, и не хотѣвшихъ разобрать, какой социальной обстановкой и какъ именно обуславливаются ихъ дѣйствія. На мѣсто субъективизма было поставлено воззрѣніе на социальный процессъ, какъ на естественно-историческій процессъ,—воззрѣніе, безъ котораго, конечно, и не могло бы быть общественной науки. Г. Струве очень справедливо указываетъ, что «игнорированіе личности въ социологін или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ социологін есть въ сущности частный случай стремленія къ научному познанію» (33), что «индивидуальности» существуютъ не только въ духовномъ, но и въ физическомъ мірѣ. Все дѣло въ томъ, что подведеніе «индивидуальностей» подъ извѣстные общіе законы давнымъ давно завершено для міра физическаго, а для области социальной оно твердо установлено лишь теоріей Маркса.

Дальнѣйшее возраженіе г. Струве противъ социологической теоріи россійскихъ субъективистовъ состоитъ въ томъ, что помимо всѣхъ вышеприведенныхъ аргументовъ—«социологін *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ

признавать то, что мы называем индивидуальностью, за первичный факт, так как самое понятие индивидуальности (не подлежащей дальнейшему объяснению) и соответствующий ему факт есть результат долгого социального процесса» (36). Это — очень вѣрная мысль, на которой слѣдует остановиться тѣмъ болѣе, что аргументация автора представляетъ нѣкоторыя неправомерности. Онъ приводитъ взгляды Зиммеля, который, де, въ сочиненіи своемъ: «О социальной дифференціаціи» доказалъ прямую зависимость между развитіемъ индивидуальности и дифференціаціей той группы, въ которую входитъ эта личность. Г. Струве противопоставляетъ это положеніе теоріи г. Михайловскаго объ обратной зависимости между развитіемъ индивидуальности и дифференціаціей («разнородностью») общества. «Въ недифференцированной средѣ — возражаетъ ему г. Струве — индивидуумъ будетъ «гармонически цѣлостенъ»... въ своемъ единобразіи и безличности». «Реальная личность не можетъ быть «совокупностью всѣхъ чертъ, свойственныхъ человѣческому организму вообще» просто потому, что такая полнота содержанія превышаетъ силы реальной личности» (38—39). «Для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться въ дифференцированной средѣ» (39).

Не ясно изъ этого изложенія, какими именно образомъ ставить вопросъ Зиммель и какъ онъ аргументируетъ. Но въ передачѣ г. Струве постановка вопроса грѣшитъ тѣмъ же недостаткомъ, что и у г. Михайловскаго. Абстрактное разсужденіе о томъ, въ какой зависимости стоитъ развитіе (и благосостояніе) индивидуальности отъ дифференціаціи общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношенія, годнаго для всякой формы устройства общества. Самое понятіе «дифференціаціи», «разнородности» и т. п. получаетъ совершенно различное значеніе смотря потому, къ какой именно социальной обстановкѣ примѣнить его. Основная ошибка г. Михайловскаго именно и состоитъ въ абстрактномъ догматизмѣ его разсужденій, пытающихся обнять «прогрессъ» вообще вмѣсто изученія конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формаціи. Когда г. Струве выставляетъ противъ г. Михайловскаго свои общія положенія (вышесказанныя), онъ повторяетъ его ошибку, отходя отъ изображенія и выясненія конкретного процесса въ область туманныхъ и голословныхъ догмъ. Возьмемъ примѣръ: «Гармоническая цѣлостность индивидуума въ своемъ содержаніи опредѣляется степенью развитія, т. е. дифференціаціи группы» — говоритъ г. Струве и шлетъ эту фразу курсивомъ. Однако, что слѣдуетъ понимать тутъ подъ «дифференціаціей» группы? Уничтоженіе крупнаго права усилитъ эту «дифференціацію» или ослабитъ? Г. Михайловскій рѣшаетъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ («Что такое прогрессъ?»); г. Струве рѣшилъ бы его, вѣроятно, въ первомъ — ссылаясь

на усиленіе общественнаго раздѣленія труда. Одинъ имѣлъ въ виду уничтоженіе сословныхъ различій; другой—созданіе экономическихъ различій. Терминъ такъ неопредѣленъ, какъ видите, что его можно натягивать на противоположныя вещи. Еще примѣръ. Переходъ отъ капиталистической мануфактуры къ крупной машинной индустріи можно бы признать уменьшеніемъ «дифференціаціи», ибо детальное раздѣленіе труда между специализировавшимися рабочими прекращается. А между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что условія развитія индивидуальности гораздо благоприятнѣе (для рабочаго) именно въ послѣднемъ случаѣ. Выводъ отсюда—тотъ, что неправильна уже самая постановка вопроса. Авторъ самъ признаетъ, что существуетъ также антагонизмъ между личностью и группой (о чемъ и говоритъ Михайловскій). «Но жизнь—прибавляетъ онъ—никогда не складывается изъ абсолютныхъ противорѣчій: въ ней все текуче и относительно, и въ то же время всѣ отдѣльныя стороны находятся въ постоянномъ взаимодействіи» (39). Если такъ,—то къ чему же было и выставлять абсолютныя соотношенія между группой и личностью?—соотношенія, не относящіеся къ строго опредѣленному моменту развитія опредѣленной общественной формаціи? почему было и не отнести всю аргументацію къ вопросу о конкретномъ процессѣ эволюціи Россіи? У автора есть попытка поставить вопросъ такимъ образомъ, и еслибы онъ выдержалъ ее послѣдовательно, его аргументація много выиграла бы. «Только раздѣленіе труда,—это грѣхопаденіе человечества, по ученію г. Михайловскаго,—создало условія для развитія той «личности», во имя которой г. Михайловскій справедливо протестуетъ противъ современныхъ формъ раздѣленія труда» (38). Это превосходно сказано; только бы вмѣсто «раздѣленіе труда» слѣдовало сказать «капитализмъ» и даже еще уже: *русскій капитализмъ*. Прогрессивное значеніе капитализма состоитъ именно въ томъ, что онъ разрушилъ прежнія узкія условія жизни человѣка, породившія умственную тупость и не дававшія возможности производителямъ самимъ взять въ руки свою судьбу. Громадное развитіе торговыхъ сношеній и мирового обиха, постоянныя передвиженія громадныхъ массъ населенія разорвало исконныя узы рода, семьи, территоріальной общины и создало то разнообразіе развитія, «разнообразіе талантовъ, богатство общественныхъ отношеній»¹⁾, которое играетъ такую крупную роль въ новейшей исторіи Запада. Въ Россіи этотъ процессъ сказался съ полной силой въ пореформенную эпоху, когда старинныя формы труда рушились съ громадной быстротой и первое мѣсто заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина отъ патриархальной полукрѣпостнической

¹⁾ К. Marx, Der achtzehnte Brumaire, s. 98 u. s. w.

смысл, отъ отупляющей обстановки деревни и замѣлявшая полукрѣпостническія формы присвоенія сверхстоимости—формами чисто капиталистическими. Этотъ экономическій процессъ отразился въ соціальной области «общимъ подъемомъ чувства личности», вытѣсненіемъ изъ «общества» помѣщичьяго класса разбоичниками, горячей войной литературы противъ бессмысленныхъ средневѣковыхъ стѣсненій личности и т. п. Что именно пореформенная Россія привнесла этотъ подъемъ чувства личности, чувства собственного достоинства,—этого народники не стануть, вѣроятно, оспаривать. Но они не задаются вопросомъ, какія матеріальныя условія повели къ этому. При крѣпостномъ правѣ, разумѣется, ничего подобнаго быть не могло,—и вотъ народникъ привѣтствуетъ «освободительную» реформу, не замѣчая, что онъ впадаетъ въ такой же близорукой оптимизмъ, какъ буржуазные историки, про которыхъ Марксъ сказалъ, что они смотрятъ на крестьянскую реформу сквозь *clair-obscur* «эмансипаціи», не замѣчая, что эта «эмансипація» состояла только въ замѣнѣ одной формы другою, въ замѣнѣ феодальнаго прибавочнаго продукта буржуазною прибавочной стоимостью. Совершенно то же самое было и у насъ. Именно система «старо-дворянскаго» хозяйства, приниживавшая население къ мѣсту, раздроблявшая его на кучки подданныхъ отдѣльныхъ вотчинниковъ, и создавала придавленность личности. И даже,—именно капитализмъ, оторвавшій личность отъ всѣхъ крѣпостныхъ узъ, поставивъ ее въ самостоятельныя отношенія къ рынку, сдѣлавъ ее товаровладѣльцемъ (и въ качествѣ такового—равной всякому другому товаровладѣльцу), и создалъ подъемъ чувства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда имъ говорятъ о прогрессивности русскаго капитализма, то это только потому, что они не задумываются надъ вопросомъ о матеріальныхъ условіяхъ тѣхъ «благъ прогресса», которыя знаменуютъ пореформенную Россію. Если г. Михайловскій начинаетъ свою «соціологію» съ «личности», протестующей противъ русскаго капитализма, какъ случайнаго и временнаго отклоненія Россіи съ правльнаго пути, то онъ уже тутъ побиваетъ самъ себя, не понимая, что только капитализмъ и создалъ условія, сдѣлавшія возможнымъ этотъ протестъ личности.—На этомъ примѣрѣ мы видимъ еще разъ, въ какомъ измѣненіи нуждается аргументація г. Струве. Вопросъ сдѣловало свести цѣликомъ на почву русской дѣйствительности, на почву выясненія того, что есть, и почему есть именно такъ, а не иначе: народники не даромъ всю свою соціологію строили на томъ, что вмѣсто анализа дѣйствительности рассуждали о томъ, что «можетъ быть»; они не могли не видѣть, что дѣйствительность беспощадно разбиваетъ ихъ иллюзіи.

Свой разборъ теоріи «личностей» авторъ заключаетъ такой формули-

ровкой: «личность для социологии есть функция среды», «личность является тут формальным понятиемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ социальной группы» (40). Последнее противоположеніе особенно хорошо подчеркиваетъ противоположность субъективизма и материализма: рассуждая о «личности», субъективисты опредѣляли *содержаніе* этого понятія (т. е. «помыслы и чувства» этой личности, ея социальные дѣйствія) *a priori*, т. е. подсовывали свои утопіи вмѣсто «изслѣдованія социальной группы».

Другая «важная сторона» материализма — продолжаетъ г. Струве — «заключается въ томъ, что экономическій материализмъ подчиняетъ идею факту, сознаніе и долженствованіе — бытію» (40). «Подчиняетъ» — это значитъ, конечно, въ данномъ случаѣ: относитъ подчиненное мѣсто въ объясненіи общественныхъ явленій. Субъективисты народники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они исходятъ въ своихъ рассужденіяхъ изъ «идеаловъ», нисколько не задумываясь о томъ, что эти идеалы могли явиться только извѣстнымъ отраженіемъ дѣйствительности, что ихъ, слѣдовательно, необходимо провѣрить фактами, свести къ фактамъ. — Народнику, впрочемъ, безъ поясненій будетъ непонятно это послѣднее положеніе. Какъ это такъ?—думаетъ онъ,—идеалы должны осуждать факты, указывать, какъ измѣнить ихъ, провѣрять факты, а не провѣряться фактами. Это послѣднее кажется народнику, привыкшему витать въ заоблачныхъ сферахъ, примиреніемъ съ фактомъ. Объяснимся.

Наличность «хозяйничанья за чужой счетъ», наличность эксплуатаціи всегда будетъ порождать какъ въ самихъ эксплуатируемыхъ, такъ и въ отдаленныхъ представителяхъ «интеллигенціи» идеалы, противоположные этой системѣ.

Эти идеалы чрезвычайно цѣнны для марксиста; онъ только на ихъ почвѣ и полемизируетъ съ народничествомъ, онъ полемизируетъ несключительно по вопросу о построеніи этихъ идеаловъ и осуществленія ихъ.

Для народника достаточно констатировать фактъ, порождающій такіе идеалы, затѣмъ привести указанія на законность идеала съ точки зрѣнія «современной науки и современныхъ нравственныхъ идей» (причемъ онъ не понимаетъ, что эти «современныя идеи» означаютъ только уступки западно-европейскаго «общественнаго мнѣнія» новой нарождающейся силѣ) и взывать далѣе къ «обществу» и «государству»: обезпечьте, оградите, организуйте!

Марксистъ исходитъ изъ того же идеала, во сличаетъ его не съ «современной наукой и современными нравственными идеями»¹⁾, а съ *существующими классовыми противорѣчїями* и формулируетъ его

¹⁾ Энгельсъ въ своей книгѣ «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft» превосходно замѣтилъ, что это—старый психологическій методъ: сли-

потому не какъ требованіе «науки», а какъ требованіе такого-то класса, порожаемое такими-то общественными отношеніями (которыя подлежатъ объективному изслѣдованію) и достижимое лишь такъ-то вслѣдствіе такихъ-то свойствъ этихъ отношеній. Если не свести такимъ образомъ идеалы къ фактамъ, то эти идеалы останутся невинными пожеланіями, безъ всякихъ шансовъ на принятіе ихъ массою и, слѣдовательно, на ихъ осуществленіе. —

Указавъ такимъ образомъ общія теоретическія положенія, заставляющія признать матеріализмъ единственно правильнымъ методомъ общественной науки, г. Струве переходитъ къ изложенію взглядовъ Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочиненія послѣдняго. Это—чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указаніе автора, что «нигдѣ не приходится наткнуться на такое непониманіе Маркса, какъ у русскихъ публицистовъ» (44). Въ примѣрѣ приводится прежде всего г. Михайловскій, усматривающій въ «историко-философской теоріи» Маркса только вынесеніе «генезиса капиталистическаго строя». Г. Струве съ полнымъ правомъ протестуетъ противъ этого. Дѣйствительно, это въ высшей степени характерный фактъ. Г. Михайловскій писалъ о Марксѣ много разъ, но никогда и не заикался о томъ отношеніи, въ которомъ находится *методъ Маркса* къ «субъективному методу въ социологіи». Г. Михайловскій писалъ о «Капиталѣ», заявлялъ свою «солидарность» (?) съ экономической доктриной Маркса, но обходился строгимъ молчаніемъ въ вопросѣ—къ примѣру скажемъ—о томъ, не подходятъ ли русскіе субъективисты подъ методъ Прудона, желающаго передѣлать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости? ¹⁾ Чѣмъ отличается этотъ критерій (справедливости — *justice éternelle*) отъ критерія г-на Михайловскаго: «современная наука и современныя нравственныя идеи»? И почему г. Михайловскій, такъ энергично протестовавшій всегда противъ отождествленія метода общественныхъ наукъ съ методомъ наукъ естественныхъ, не спорилъ противъ заявленія Маркса, что подобный методъ Прудона совершенно такъ же негоденъ, какъ еслибы химикъ пожелалъ вмѣсто «изученія дѣйствительныхъ законовъ обихъна веществъ» преобразовать этотъ обихъ по законамъ «средства»? не спорилъ противъ того взгляда Маркса, что социальный процессъ есть «естественно-историческій процессъ»? Незнакомствомъ съ литературой этого не объяснишь: дѣло, очевидно, въ полнѣйшемъ непониманіи или нежеланіи

чать свое понятіе не съ фактомъ, который оно отражаетъ, а съ другимъ понятіемъ, съ слѣшкомъ съ другого факта.

¹⁾ Das Kapital, I B. 2-te Aufl. s. 62 n. 88.

понять. Г. Струве первый, кажется, въ нашей литературѣ заявилъ это,— и въ этомъ его большая заслуга.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ заявленіямъ автора по поводу марксизма, которыя вызываютъ критику. «Мы не можемъ не признать—говоритъ г. Струве,—что *чисто философское обоснованіе* этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нужно, очевидно, пересмотрѣть фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены» (46). Не совсемъ ясно, что разумѣть авторъ подъ «чисто философскимъ обоснованіемъ»? Съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, философія не имѣетъ никакого права на отдѣльное самостоятельное существованіе, и ея матеріалъ распадается между разными отраслями положительной науки. Такимъ образомъ подъ философскимъ обоснованіемъ можно разумѣть или сопоставленіе посылокъ ея съ твердо установленными законами другихъ наукъ [и г. Струве самъ призналъ, что уже психологія даетъ положенія, заставляющія отказаться отъ субъективизма и принять матеріализмъ], или опытъ примѣненія этой теоріи. А въ этомъ отношеніи мы имѣемъ заявленіе самого г. Струве, что «за матеріализмомъ всегда останется та заслуга, что онъ далъ глубоко-научное, по истинѣ *философское* (курсивъ автора) истолкованіе цѣлому ряду (это NB) историческихъ фактовъ огромной важности». (50). Последнее заявленіе автора содержитъ признание, что матеріализмъ—единственно научный методъ социологіи, и поэтому, конечно, нужно «пересмотрѣть фактовъ» съ этой точки зрѣнія, особенно пересмотрѣть фактовъ русской исторіи и дѣйствительности, такъ усердно искажавшихся російскими субъективистами. Что касается до послѣдняго замѣчанія насчетъ возможныхъ «односторонностей» и «слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній», то мы, не останавливаясь на этомъ общемъ и потому неясномъ замѣчаніи, обратимся прямо къ одной изъ тѣхъ поправокъ, которую вноситъ «не зараженный ортодоксіей» авторъ въ «слишкомъ поспѣшныя обобщенія» Маркса.

Дѣло идетъ о государствѣ. Отрицая государство, «Марксъ и его послѣдователи» «увлеклись» «слишкомъ далеко въ критикѣ *современнаго государства*» и впали въ «односторонность». «Государство—исправляетъ это увлеченіе г. Струве—есть прежде всего *организация порядка*; организацией же господства (классоваго) оно является въ обществахъ, въ которыхъ подчиненіе однихъ группъ другимъ обуславливается его экономической структурой». (53). Родовой бытъ, по мнѣнію автора, знаетъ государство, которое останется и при уничтоженіи классовъ, ибо признакъ государства—принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что авторъ съ такимъ поразительнымъ отсутствіемъ аргументовъ критикуетъ Маркса съ своей профессорской точки зрѣнія. Прежде всего, онъ совершенно неправильно видитъ отличительный признакъ государства въ принудительной власти: принудительная власть есть во всякомъ человѣческомъ обществѣ, и въ родовомъ устройствѣ, и въ семьѣ, но государства тутъ не было. «Существенный признакъ государства — говоритъ Энгельсъ въ томъ самомъ сочиненіи, изъ котораго г. Струве взялъ цитату о государствѣ — состоитъ въ публичной власти, отдѣльной отъ массы народа» [Ursprung der Familie u. s. w., 2-te Aufl., s. 84; русск. пер., с. 109] и нѣсколько выше онъ говоритъ объ учрежденіи навикарій, что оно подрывало двоякимъ образомъ родовое устройство: во-первыхъ, оно создавало публичную власть (öffentliche Gewalt — въ русск. пер. невѣрно передано: общественная сила), которая уже не совпадала просто на просто съ совокупностью вооруженнаго народа» (ib., s. 79; русск. пер., с. 105). Итакъ, признакъ государства — наличность особаго класса лицъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается *власть*. Общину, въ которой «организацией порядка» заведывали бы поочередно *все* члены ея, никто, разумеется, не могъ бы назвать государствомъ. Далѣе, по отношенію къ современному государству разсужденіе г-на Струве еще болѣе несостоятельно. Говорить о немъ, что оно «прежде всего (sic!?) организациа порядка» — значитъ не понимать одного изъ очень важныхъ пунктовъ теоріи Маркса. Тотъ особый слой, въ рукахъ котораго находится власть въ современномъ обществѣ, это — бюрократія. Непосредственная и тѣснѣйшая связь этого органа съ господствующимъ въ современномъ обществѣ классомъ буржуазіи явствуетъ и изъ исторіи (бюрократія была первымъ политическимъ орудіемъ буржуазіи противъ феодаловъ, вообще противъ представителей «старо-дворянскаго» уклада, первымъ выступленіемъ на арену политическаго господства не породистыхъ земельвладѣльцевъ, а разночинцевъ, «мѣщанства») и изъ самыхъ условий образованія и комплектованія этого класса, въ который доступъ открытъ только буржуазнымъ «выходцамъ изъ народа» и который связанъ съ этой буржуазіей тысячами крѣпчайшихъ нитей¹⁾. Ошибка автора тѣмъ болѣе досадна, что именно россійскіе народники, противъ которыхъ онъ

¹⁾ Ср. 1 Marx, Bürgerkrieg in Frankreich, s. 28 (Лж. 1876) и Der achtzehnte Brumaire, s. 45—6 (Ниб. 1885): «Материальный интересъ французской буржуазіи тѣснѣйшимъ образомъ совмѣщается съ сохраненіемъ этого широкаго и широко развѣтвляющагося механизма [рѣчь идетъ о бюрократіи]. Сюда сбываетъ она свое извѣстное населеніе и поволазаетъ въ формѣ казеннаго жалованья то, чего она не смогла запозлуть въ формѣ прибыли, процентовъ, ренты и говораронъ».

возникла такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о томъ, что всякая бюрократія и по своему историческому происхожденію и по своему современному источнику и по своему назначенію представляетъ изъ себя чисто и исключительно буржуазное учрежденіе, обращаться къ которому съ точки зрѣнія интересовъ производителя только и въ состояніи идеологи желякой буржуазіи.

Стоитъ остановиться еще нѣсколько на отношеніи марксизма къ этикѣ. Авторъ приводитъ на с. 64—5 прекрасное разъясненіе Энгельсомъ отношенія свободы къ необходимости: «Свобода есть пониманіе необходимости». Детерминизмъ не только не предполагаетъ фатализма, а напротивъ, именно и даетъ почву для разумнаго дѣйствованія. Нельзя не добавить къ этому, что російскіе субъективисты не сумѣли разобраться даже въ столь элементарномъ вопросѣ, какъ вопросъ о свободѣ воли. Г. Михайловскій безпомощно путался въ смѣшеніи детерминизма съ фатализмомъ и находилъ выходъ..., усаживаясь между двумя стульями: не желая отрицать законсообразности, онъ утверждалъ, что свобода воли—фактъ нашего сознанія (собственно, идея Муртова, перенятая г. Михайловскимъ) и потому можетъ служить основой этики. Понятно, что въ примѣненіи къ социологич. эти идеи не могли дать ничего кромѣ утопіи или пустой морали, игнорирующей борьбу классовъ, происходящую въ обществѣ. Нельзя не признать поэтому справедливости утвержденія Зомбарта, что «въ самомъ марксизмѣ отъ начала до конца нѣтъ ни грама этики»: въ отношеніи теоретическомъ, «этическую точку зрѣнія» онъ подчиняетъ «принципу причинности»; въ отношеніи практическомъ—онъ сводитъ ее къ классовой борьбѣ.

Изложеніе матеріализма г. Струве дополняетъ оценкой съ матеріалистической точки зрѣнія «двухъ факторовъ, играющихъ весьма важную роль во всѣхъ народническихъ построеніяхъ»—«интеллигенція» и «государства» (70). На этой оценкѣ онъ такъ отразился та же «неортодоксальность» автора, которая была отиѣчена выше по поводу его объективизма. «Если... всѣ вообще общественныя группы представляютъ изъ себя реальную силу только постольку... они совпадаютъ съ общественными классами или къ нимъ примыкаютъ, то очевидно, что «безсловная интеллигенція» не есть реальная общественная сила» (70). Въ абстрактномъ теоретическомъ смыслѣ авторъ, конечно, правъ. Онъ ловитъ, такъ сказать, народниковъ на словѣ. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россію интеллигенція—вы не понимаете, что, не примыкая къ классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская безсловная интеллигенція отличалась всегда «чистотой» идей—поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставленіемъ нелѣпой на-

роднической *идеи* о всемогуществе интеллигенции съ своей совершенно справедливой *идеей* о «бесилии интеллигенции въ экономическомъ процесѣ» (71). Но такого сопоставленія мало. Чтобы судить о русской «бесословной интеллигенции», какъ объ особой группѣ русскаго общества, которая такъ характеризуетъ всю пореформенную эпоху—эпоху окончательнаго вытѣсненія дворянина разночинцемъ,—которая, несомнѣнно, играла и продолжаетъ играть вѣдѣстную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще болѣе программы нашей «бесословной интеллигенции» съ *положеніемъ и интересами данныхъ классовъ русскаго общества*. Чтобы устранить возможность заподозрѣть насъ въ пристрастности, мы не будемъ дѣлать этого сопоставленія сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья котораго была комментирована въ I главѣ. Выводъ изъ всѣхъ его отзывовъ вытекаетъ совершенно опредѣленный: русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенція была интеллигенціей буржуазной. «Бесословность» нисколько не исключаетъ классоваго происхожденія идей интеллигенции. Всегда и вездѣ буржуазія возставала противъ феодализма во имя бесословности—и у насъ противъ стародворянскаго, сословнаго строя выступила бесословная интеллигенція. Всегда и вездѣ буржуазія выступала противъ отжившихъ сословныхъ рамокъ и др. средневѣковыхъ учрежденій во имя всего «народа», классовымъ противорѣчія внутри котораго были еще не развиты, и она была, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи, права, такъ какъ критикуемыя учрежденія стѣсняли дѣйствительно *всѣхъ*. Какъ только сословности въ Россіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ (1861),—тотчасъ же сталъ обнаруживаться антагонизмъ внутри «народа», а на ряду съ этимъ и въ силу этого антагонизма внутри бесословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри котораго первые русскіе идеологи непосредственныхъ производителей не видѣли, да и не могли еще видѣть, образованія противоположныхъ классовъ). Дальнѣйшее экономическое развитіе повело къ болѣе полному обнаруженію социальныхъ противоположностей въ русскомъ обществѣ, заставило признать фактъ разложенія крестьянства на деревенскую буржуазію и пролетаріатъ. Народничество совсѣмъ уже почти превратилось въ идеологию мелкобуржуазія, отбѣивъ отъ себя марксизмъ. Поэтому русская «бесословная интеллигенція» представляетъ изъ себя «реальную общественную силу» *поскольку она заступаетъ общеполитическіе интересы* ¹⁾. Если гдѣмъ не менѣе эта сила не смогла создать подходящихъ

¹⁾ Мелкобуржуазный характеръ громадной массы народническихъ пожеланій отмеченъ былъ въ I главѣ. Пожеланія, не подходящія подъ эту характеристику (въ родѣ «обобществленія труда») занимаютъ въ современномъ народ-

для защищаемых ею интересовъ учреждений, не сумѣла передѣлать «атмосферы современной російской культуры» (г. В. В.), если «активный демократизмъ въ эпоху политической борьбы» смѣнился «общественнымъ индифферентизмомъ» (г. В. В. въ «Недѣль» 94 г. № 47), — то причина этого лежитъ не только въ мечтательномъ характерѣ отечественной «бесспорной интеллигенціи», но и главнымъ образомъ въ положеніи тѣхъ классовъ, изъ которыхъ она выходила, и отъ которыхъ черпала силу, въ ихъ двуличности. Неспоримо, что російская «атмосфера» представляла для нихъ много минусовъ, но она давала имъ и нѣкоторые плюсы.

Въ Россіи особенно велика историческая роль того класса, который по мѣткую народниковъ, не является носителемъ «чистой идеи труда»; его «активность» нельзя усыплять «свержушкой съ хлѣбомъ». Поэтому указанія на него со стороны марксистовъ не только не «обрываютъ демократической нити», какъ утверждаетъ г. В. В., специализирующійся на выдумываніи самыхъ невѣроятныхъ нехлѣбностей про марксистовъ, а напротивъ, подхватываютъ эту «нить», которую выпускаетъ изъ рукъ индифферентное «общество», требуютъ ея развитія, укрѣпленія, приближенія къ жизни.

Въ связи съ непознотой въ оцѣнкѣ интеллигенціи стоитъ у г. Струве не вполне удачная формулировка слѣдующаго положенія. «Надо доказать, — говоритъ онъ, — что разложеніе стараго экономическаго строя необходимо». (71). Во-первыхъ, что разумѣетъ авторъ подъ «старымъ экономическимъ строемъ»? Крѣпостничество? — но разложеніе его нечего и доказывать. — «Народное производство»? но онъ самъ же говоритъ ниже и говорить совершенно справедливо, что это словосочетаніе «не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку» (177), что это, другими словами, — мифъ, такъ какъ послѣ отмены «крѣпостнаго права» у насъ ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду ту стадію развитія капитализма, когда онъ не вполне еще вытѣсненъ изъ средневѣковыхъ учреждений, когда силенъ еще торговый капиталъ и мелкое производство еще держится для большой части производителей. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ авторъ критеріи этой необходимости? Въ господствѣ такихъ-то классовъ? въ свойствахъ данной системы производственныхъ отношеній? Въ обоихъ случаяхъ вопросъ сводится къ

качествахъ послѣднихъ уже капиталистическаго міста. И „Рус. Богатство“ (93 № 11—12, ст. Южанова „Вопросы экон. развитія Россіи“) и г. В. В. („Очерки теоретической экономіи“, Сиб. 1895) протестуютъ противъ г. Н.—она, отзывающагося „сурово“ (выраженіе г. Южанова) объ истасканной пашацѣй кредитовъ, расширенія землевладѣнія, переселеній и т. д.

констатированію *наличности* тѣхъ или другихъ (капиталистическихъ) порядковъ; вопросъ сводится къ констатированію *факта*, и это ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало переносить въ область разсужденій о будущемъ. Подобныя разсужденія слѣдовало бы оставить въ монопольномъ владѣніи гг. народниковъ, ищущихъ «иныхъ путей для отечества». Авторъ самъ говоритъ на слѣдующей же страницѣ, что всякое государство есть «выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ», что «нужно перераспределеніе социальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой курсъ» (72). Все это — глубоко вѣрно и очень мѣтко направлено противъ народниковъ, и сообразно съ этимъ вопросъ слѣдовало поставить иначе: надо доказать (не «неизбѣжность разложенія» и т. д.) *наличность* въ Россіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній; надо доказать, что и на русскихъ данныхъ оправдывается тотъ законъ, что «товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое», т. е. что и у насъ товарное хозяйство повсюду перерастаетъ въ капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуютъ порядки въ существѣ своемъ буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутыя народническія «случайности» или «политика» и т. п., вызываютъ освобожденіе производителя отъ средствъ производства и повсемѣстное хозяйничанье его за чужой счетъ.

Этимъ закончимъ разборъ первой части книги г. Струве, носящей общій характеръ.

ГЛАВА III.

Постановка экономическихъ вопросовъ у народниковъ и у г. Струве.

Покончивъ съ социологіей, авторъ переходитъ къ болѣе «конкретнымъ экономическимъ вопросамъ» (73). Онъ считаетъ при этомъ естественнымъ и законнымъ начать съ «общихъ положеній и историческихъ справокъ», съ «бесспорныхъ, общечеловѣческихъ опытомъ установленныхъ посылокъ» — какъ онъ говоритъ въ предисловіи.

Нельзя не замѣтить, что этотъ пріемъ грѣшитъ той же абстрактностью, которая была отмѣчена съ самаго начала какъ основной недостатокъ разбираемой книги. Въ тѣхъ главахъ, къ которымъ мы теперь переходимъ (третья, четвертая и пятая), этотъ недостатокъ привнесъ къ двойного рода нежелательнымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, онъ ослабилъ тѣ определенныя теоретическія положенія, которыми авторъ выста-

вить противъ народниковъ. Г. Струве разсуждаетъ *вообще*, обрисовываетъ переходъ отъ натурального къ товарному хозяйству, указываетъ, что бывало на свѣтѣ дѣло по большей части вотъ такъ-то и такъ-то, и при этомъ отдѣльными, бѣглыми указаниями переходить и къ Россіи, распространяя и на нее общій процессъ «историческаго развитія хозяйственнаго быта». Безспорно, что такое распространеніе совершенно законно и что «историческія справки» автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющаго исторію не одной только Россіи. Но слѣдовало бы конкретнѣе высказать эти положенія, опредѣленнѣе противопоставить ихъ доводамъ народниковъ, которые отрицаютъ правильность распространенія общаго процесса на Россію; слѣдовало бы сопоставить такое-то пониманіе русской дѣйствительности народниками съ *другимъ* пониманіемъ той же дѣйствительности марксистами. Съ другой стороны, абстрактный характеръ разсужденій автора ведетъ къ недоговоренности его положеній, къ тому, что онъ, правильно указывая на наличие такого-то процесса, не разбираетъ, какіе классы складывались при этомъ, какіе классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другіе, подчиненные имъ слои населенія; однимъ словомъ, объективизмъ автора не доходитъ тутъ до матеріализма—въ вышеупомянутомъ значеніи этихъ терминовъ¹⁾.

Доказательства такой оцѣнки указанныхъ главъ сочиненія г. Струве мы приведемъ сейчасъ, разбирая отдѣльными, наиболѣе важными положеніями.

Чрезвычайно вѣрно замѣчаніе автора, что «Въ русской исторіи зависимость (юридическая и экономическая) непосредственныхъ производителей отъ господъ встрѣчается намъ чуть не съ первыхъ страницъ, какъ историческій спутникъ идилліи «народнаго производства» (81). Въ эпоху натурального хозяйства крестьянинъ былъ поработенъ землевладѣльцу, онъ работалъ не на себя, а на боярина, на монастырь, на помѣщика,—и г. Струве съ полнымъ правомъ противопоставляетъ этотъ *историческій*

¹⁾ Такое соотношеніе объективизма и матеріализма указано, между прочимъ, Марксомъ въ предисловіи къ его сочиненію: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes». Марксъ говоритъ, что объ этомъ же историческомъ событіи писалъ Прудонъ (Сour d'état) и отыскиваетъ о его точкѣ зрѣнія въ противоположность своей слѣдующимъ образомъ:

„Прудонъ, съ своей стороны, стремился представить государственный переворотъ [2-го дек.] результатомъ предшествующаго историческаго развитія. Но историческая конструкція государственнаго переворота превращается у него въ руну въ историческую апологію героя этого переворота. Онъ владѣетъ такимъ образомъ въ ошибку нашихъ т.-наз. *объективизма* историковъ. Я напротивъ показываю, какимъ образомъ *классовая борьба* во Франціи создала условія и обстоятельства, давшія возможность доживанной и свѣтлой личности сыграть роль героя“. (Vorwort).

фактъ рассказамъ нашихъ самобитныхъ социологовъ о томъ, какъ «средства производства принадлежали производителю» (81). Эти рассказы представляютъ изъ себя одно изъ тѣхъ искаженій русской исторіи въ угоду мѣщанской утопій, на которыя такъ щедръ была всегда народники. Боясь прямо взглянуть на дѣйствительность, боясь назвать это угнетеніе его настоящимъ именемъ, они обращались къ исторіи, изображая дѣло такимъ образомъ, что принадлежность средствъ производства производителю была «исконнымъ» началомъ, «вѣковымъ устоемъ» крестьянскаго труда и что современная экспроприация крестьянства объясняется поэтому не силой феодальнаго прибавочнаго продукта буржуазною сверхстойкостью, не капиталистическою организаціей нашего общественнаго хозяйства, а случайностью неудачной политики, временнымъ «отклоненіемъ отъ пути, предписываемаго всею историческою жизнью націи» (с. Южаконъ, цитировано у П. Струве, с. 15). И эти вздорныя побасенки не стыдились рассказывать про страну, въ которой только очень недавно прекратилась ¹⁾ крѣпостническая эксплуатація крестьянства въ самыхъ грубыхъ, античскихъ формахъ, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались отъ какого-нибудь «средства производства». Г. Струве очень мѣтко противопоставляетъ этому «слащавому оптимизму» рѣзкій отзывъ Салтыкова о связи «народнаго производства» и крѣпостнаго права, о томъ, какъ «изобиліе» эпохи «вѣковыхъ устоевъ» «выпадало только [это замѣйте] на долю потопковъ леббиканпанцевъ и прочихъ дружинниковъ» (83).

Далѣе, отиѣтимъ слѣдующее замѣчаніе г. Струве, опредѣленно касающееся опредѣленныхъ фактовъ русской дѣйствительности и содержащее чрезвычайно вѣрную мысль. «Когда производители начинаютъ работать не на мѣстный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопредѣленный рынокъ, и развивается конкуренція, борьба за рынокъ, то эти условія приводятъ къ техническому прогрессу... Разъ возможно раздѣленіе труда, оно должно быть проведено какъ можно шире, но, прежде чѣмъ производство реорганизуется въ техническомъ отношеніи, вліяніе новыхъ условий обиха (сбыта) скажется въ томъ, что производитель попадетъ въ экономическую зависимость отъ торговца (скупицака), и въ социальномъ отношеніи этотъ моментъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Это упускаютъ изъ виду наши «истинные марксисты» въ родѣ г. В. В., ослѣпленные зна-

¹⁾ Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. Съ одной стороны, мы имѣемъ выкупные платежи (а известно, что въ нихъ вошла не только цѣна земли, но и выкупъ крѣпостнаго права); съ другой стороны, на примѣръ, отработки крестьянъ за «отрѣзными землями»—прямое переживаніе феодальнаго способа производства.

ченіем чисто технического прогресса» (98). Это указание на рѣшающее значеніе появленія скупщика—глубоко вѣрно. Рѣшающимъ является оно въ томъ отношеніи, что безусловно доказываетъ уже наличность капиталистической организаціи производства, доказываетъ приближенность и къ Россіи положенія, что «торарное хозяйство—денежное хозяйство—есть хозяйство капиталистическое», создаетъ то подчиненіе производителя—капиталу, изъ котораго не можетъ быть иного выхода, кромѣ самостоятельности производителя. «Съ того момента, что между потребителемъ и производителемъ становится капиталист—предприниматель,—а это неизбежно при производствѣ на широкой и неопредѣленный рынокъ—мы имѣемъ передъ собой одну изъ формъ капиталистическаго производства». И авторъ справедливо добавляетъ, что, «если подѣ кустарнымъ производствомъ разумѣть такое, при которомъ производитель, работая на неопредѣленный и отдаленный рынокъ, пользуется *полной экономической самостоятельностью*, то окажется, пожалуй что этого настоящаго кустарнаго производства въ русской *дѣйствительности* почти не имѣется». Навпрасно только употреблено тутъ выраженіе «пожалуй» и будущее время: преобладаніе домашней системы крупнаго производства и полнѣйшаго порабощенія кустарей скупщикамъ—общераспространенный и преобладающій *фактъ* дѣйствительной организаціи нашихъ кустарныхъ промысловъ. Эта организація—не только капиталистическая, но, по вѣрному замѣчанію автора, это еще организація «чрезвычайно выгодная для капиталистовъ», обезпечивающая имъ гигантскіе барыши, безобразно низкую заработную плату и въ высшей степени затрудняющая организацію и развитіе рабочихъ (с. 99—101). Нельзя не отмѣтить, что фактъ преобладанія капиталистической эксплуатаціи въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ извѣстенъ давно, но народники игнорируютъ его самымъ беззастѣчивымъ образомъ. Въ каждомъ почти номерѣ ихъ журналовъ и газетъ, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ, встрѣтите вы сѣтованія на то, что правительство поддерживать «искусственно» крупный капитализмъ [всѣ «искусственность» котораго состоитъ въ томъ, что онъ крупный, а не мелкій, фабричный, а не кустарный, механическій, а не ручной] и ничего не дѣлаетъ для «нужды *народной* промышленности». Съ полной наглядностью выказывается тутъ ограниченность мелкаго буржуа, борющагося за мелкій *капиталъ* противъ крупнаго и упорно закрывающаго глаза на бесспорно установленный фактъ, что и въ этой «народной» промышленности существуетъ такая же противоположность интересовъ и что, слѣдовательно, не въ жадныхъ кредитахъ и т. п. заключается выходъ. Такъ какъ для мелкаго хозяина, привязаннаго къ своему хозяйству и боящагося постоянно потерять его, все это представляется чѣмъ-то ужаснымъ, какой-то «аги-

тацей» «о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создаетъ это вознагражденіе»,—то понятно, что единственному представителю трудящейся массы кустарей можетъ быть только производитель, стоящій въ «искусственныхъ», «тепличныхъ» условіяхъ фабрично-заводской промышленности¹⁾.

Остаиваясь еще на разужденіи г. Струве о земледѣліи. Паровой транспортъ вынуждаетъ переходъ къ мѣловому хозяйству, онъ дѣлаетъ сельскохозяйственное производство товарнымъ. Товарный же характеръ производства безусловно требуетъ «его экономической и технической рациональности» (110). Положеніе это авторъ считаетъ особенно важнымъ аргументомъ противъ народниковъ, которые съ торжествомъ указываютъ на недоказанность (будто бы) преимуществъ крупнаго производства въ земледѣліи. «Тѣмъ, кто опирается на ученіе Маркса — отвѣчаетъ имъ авторъ—не пристало отрицать значеніе экономическихъ и техническихъ особенностей сельскохозяйственнаго производства, благодаря которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ мелкія предпріятія имѣютъ экономическія преимущества надъ крупными,—хотя бы самъ Марксъ и отрицалъ значеніе этихъ особенностей» (111). Очень неясное мѣсто. О какихъ это особенностяхъ говорить авторъ? Почему не указывать ихъ точно? Почему не указываетъ, гдѣ и какъ выражалъ объ этомъ свое мнѣніе Марксъ и на какихъ основаніяхъ признается нужнымъ исправить это мнѣніе?

«Мелкое земледѣльческое производство — продолжаетъ авторъ — все больше и больше должно принимать товарный характеръ и для того, чтобы быть жизнеспособными *предпріятіями*, мелкія земледѣльческія хозяйства должны удовлетворять общимъ требованіямъ экономической и технической рациональности» (111). «Дѣло вовсе не въ томъ, будутъ ли мелкія земледѣльческія предпріятія поглощены крупными—такого исхода экономической эволюціи врядъ ли можно ждать—а въ томъ метаморфозѣ, которому подвергается все народное хозяйство подъ вліяніемъ обмѣна. Народники упускаютъ изъ виду, что вытѣсненіе натурального хозяйства мѣловымъ въ связи съ констатированнымъ выше «разрѣзаніемъ промышленности» совершенно измѣняетъ всю структуру общества. Прѣжнее отношеніе между земледѣльческимъ (сельскимъ) и неземледѣльческимъ (городскимъ) населеніемъ нарушается въ пользу послѣдняго. Самый экономическій типъ и психическій складъ сельскохозяйственныхъ производителей кореннымъ образомъ измѣняется подъ вліяніемъ новыхъ условій хозяйственной жизни» (114).

¹⁾ „Весь процессъ выражается въ томъ, что мелкое производство (романо) однимъ своими элементами сближается съ „капитализмомъ“, другимъ—съ наемнымъ трудомъ, свободнымъ отъ средствъ производства“. (с. 104).

Приведенное мѣсто заставляетъ насъ, что хотѣлъ сказать авторъ своей тирадой о Маркскѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно иллюстрируетъ вышесдѣланное замѣчаніе, что догматичный способъ изложенія, не опирающійся на изображеніе конкретного процесса, затемняетъ мысли автора и оставляетъ ихъ ведоговоренными. Положеніе его о невѣрности народническихъ взглядовъ совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указаніемъ на тѣ новыя формы классоваго антагонизма, которыя развиваются при этой замѣтѣ нераціональнаго производства рациональнымъ. Авторъ, напримѣръ, ограничивается бѣглымъ упоминаніемъ, что «экономическая рациональность» означаетъ «наивысшую ренту» (110), но забываетъ добавить, что *рента* предполагаетъ *буржуазную организацію земледѣлія*, т. е., во-первыхъ, полное подчиненіе его рынку, и, во-вторыхъ, образованіе въ земледѣліи такихъ же классовъ буржуазіи и пролетаріата, которые свойственны и капиталистической индустріи.

Народники, разсуждалъ о некапиталистической, будто бы, организаціи нашего земледѣлія, ставятъ вопросъ безобразно убого и неправильно, сводя все къ вытѣсненію мелкихъ хозяйствъ крупными, и только. Г. Струве совершенно справедливо говоритъ имъ, что при такомъ разсужденіи они упускаютъ изъ виду общій характеръ земледѣльческаго производства, который можетъ быть (и дѣйствительно является у насъ) буржуазнымъ и при мелкомъ производствѣ, какъ является буржуазнымъ хозяйство западноевропейскихъ крестьянъ. Условія, при которыхъ мелкое самостоятельное хозяйство («народное» — по терминологіи російской интеллигенціи) становится буржуазнымъ, извѣстны: это, во-первыхъ, господство товарнаго хозяйства, которое при изолированности¹⁾ производителей порождаетъ среди нихъ конкуренцію и, разоряя массу, обогащаетъ немногихъ; это, во-вторыхъ, превращеніе рабочей силы въ товаръ и средствъ производства въ капиталъ, т. е. освобожденіе производителя отъ средствъ производства и капиталистическая организація важнѣйшихъ отраслей промышленности. При этихъ условіяхъ мелкій самостоятельный производитель становится въ исключительное положеніе по отношенію къ массѣ производителей, — какъ и у насъ сейчасъ *дѣйствительно самостоятельные* хозяева представляютъ исключеніе среди массы, работающей за чужой счетъ, не имѣющей не только «самостоятельнаго» хозяйства, но даже и жизненныхъ средствъ на недѣлю. Положеніе и интересы самостоятельнаго хозяина обособляютъ его отъ массы производителей, живущихъ *главнымъ образомъ*

¹⁾ Понятно, что рѣчь идетъ о *домашней* изолированности. Общинное земледѣліе нисколько ее не устраняетъ. При самыхъ „уравнительныхъ“ переделахъ крестьянства въ одиночку хозяйничаетъ на своей позосѣ, слѣдовательно, является изолированнымъ, обособленнымъ производителемъ.

заработной платой. Между тѣмъ какъ послѣдніе выдвигаютъ вопросъ о «справедливомъ вознагражденіи», являющійся по необходимости предвѣріемъ кореннаго вопроса объ иномъ устройствѣ общественнаго хозяйства, — перваго интересуется гораздо живѣе совѣтъ другое: кредитъ, и особенно мелкій «народный» кредитъ, улучшенныя удешевленныя орудія, «организация сбыта», «расширеніе землевладѣнія» и т. п.

Самый законъ о преимуществѣ крупныхъ хозяйствъ надъ мелкими есть законъ только товарнаго производства и, слѣдовательно, не можетъ быть прилагаемъ къ хозяйствамъ, не втянутымъ еще окончательно въ товарное производство, не подчиненнымъ рынку. Поэтому такая аргументация (въ которой, между прочимъ, упражнялся и г. В. В.), что унадокъ дворянскихъ хозяйствъ послѣ реформы и аренда крестьянами частновладельческихъ земель опровергаетъ мнѣніе о капиталистической эволюціи нашего земледѣлія, — эта аргументация доказываетъ только полное непониманіе дѣла у прибѣгавшихъ къ ней. Понятно, что разрушеніе крѣпостныхъ отношеній, при которыхъ *культура* была въ рукахъ крестьянъ, вызвало кризисъ помѣщиковъ. Но не говоря уже о томъ, что этотъ кризисъ повелъ только къ примѣненію все въ большихъ и большихъ размѣрахъ труда батраковъ и полениковъ, смѣнявшаго отживавшія формы полуфеодалнаго труда (за отработки), — не говоря уже объ этомъ, самое крестьянское хозяйство стало существенно измѣнять свой характеръ: оно вынуждено было работать на рынокъ, что и не замедлило повести къ расколу крестьянства на деревенскую мелкую буржуазію и сельскій пролетаріатъ. Этотъ расколъ окончательно рѣшаетъ вопросъ о капитализмѣ въ Россіи. Г. Струве полениаетъ указанный процессъ въ V главѣ, гдѣ онъ замѣчаетъ: «Мелкій земледѣлецъ дифференцируется: развивается, съ одной стороны, «экономически крѣпкое» крестьянство [надо было сказать: буржуазное], съ другой — крестьянство пролетарскаго типа. Черты народнаго производства соединяются съ капиталистическими въ одну картину, надъ которой явственно значится надпись: чумазый идеть» (стр. 177).

Вотъ на эту сторону дѣла, на *буржуазную организацию* новаго, «раціональнаго» земледѣлія и слѣдовало обратить вниманіе. Слѣдовало показать народникамъ, что, игнорируя указанный процессъ, они превращаются изъ идеологовъ крестьянства въ идеологовъ мелкой буржуазіи. «Поднятіе народнаго производства», котораго они жаждутъ, можетъ означать, при такой организационнѣ крестьянскаго хозяйства, только «поднятіе» мелкой буржуазіи. Напротивъ, тѣ, кто указываетъ на производителя, живущаго въ наиболее развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ, выражаютъ правильно интересы не одного только этого производителя, а и всей гигантской массы «пролетарскаго» крестьянства.

Неудовлетворительность положенія у г. Струве, его неполнота и не- договоренность привела къ тому, что говоря о рациональномъ земледѣліи, онъ не характеризировалъ его общественно-экономической организаціи, — что, показывая, какъ паровой транспортъ замѣняетъ нераціональное производство рациональнымъ, натуральное товарнымъ, онъ не характеризировалъ той новой формы классоваго антагонизма, которая складывается при этомъ.

Этотъ же недостатокъ въ постановкѣ вопросовъ сказывается на большей части разсужденій въ разбираемыхъ главахъ. Для иллюстраціи приведу еще нѣсколько примѣровъ. Товарное хозяйство — говоритъ авторъ — и широкое общественное раздѣленіе труда «развиваются, опираясь на институтъ частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма» (91). Прогрессъ національнаго производства связанъ съ «мѣрой господства института частной собственности надъ обществомъ». «Быть можетъ, это печально, но такъ происходитъ дѣло въ дѣйствительности, это — эмпирически, исторически установленное сосуществованіе. Въ настоящее время, когда съ такимъ легкомысліемъ третируются идеи и принципы XVIII вѣка, при чемъ въ сущности повторяется его же ошибка, — слишкомъ часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса съ институтомъ частной собственности, принципами экономической свободы и чувствомъ индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно рассчитывать на то, что безъ осуществленія названныхъ началъ возможенъ для экономически и культурно неразвитаго общества хозяйственный прогрессъ. Мы не чувствуемъ никакой особенной симпатіи къ этимъ началамъ и прекрасно понимаемъ ихъ исторически-*переходящій* характеръ, но въ тоже время мы не можемъ не видѣть въ нихъ огромной культурной силы, не только отрицательной но и положительной. Не видѣть ее можетъ только идеализмъ, нинящій себя въ своихъ построеніяхъ не связаннымъ никакой исторической преемственностью» (91).

Авторъ совершенно правъ въ своемъ «объективномъ» констатированіи «историческихъ сосуществованій», но тѣмъ болѣе досады возбуждаетъ не- договоренность его аргументаціи. Такъ и хочется сказать ему: договаривайте же! сведите эти общія положенія и историческія справки къ определенному періоду вашей русской исторіи, формулируйте ихъ такъ, чтобы показать, почему и въ чемъ именно отличается ваше пониманіе отъ народническаго, сопоставляйте ихъ съ той дѣйствительностью, которая должна служить критеріемъ для русскаго марксиста, показывайте классовыя противорѣчія, складываемыя всѣми этими прогрессами и культурами ¹⁾.

¹⁾ Contra principia negantem disputari non potest — говоритъ авторъ о спорѣ

Тот «прогресс» и та «культура», которые привнесла съ собой пореформенная Россія, несомнѣнно, связаны съ «институтами частной собственности» — онъ не только былъ проведенъ впервые со всей полнотой созданиемъ новаго «сознательнаго» гражданского процесса, обезпечиваемаго такое же «равенство» на судѣ, которое воплощалось въ жизни «свободнымъ трудомъ» и его продажей капиталу; онъ былъ распространенъ на землевладѣнiе какъ помѣщиковъ, освобожденныхъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и обязанностей, такъ и крестьянъ, превратившихся въ крестьянъ-собственниковъ; онъ былъ положенъ даже въ основанiе политическихъ правъ «гражданъ» на участiе въ мѣстномъ самоуправленiи (дензъ) и т. д. Еще болѣе несомнѣнна «связь» нашего «прогресса» съ «принципами экономической свободы»: мы уже слышали въ I главѣ отъ нашего народника, какъ эта «свобода» состояла въ освобожденiи «скромныхъ и бородастыхъ» собирателей земли русской отъ необходимости «смиряться предъ малымъ полицейскимъ чиномъ». Мы уже говорили о томъ, какъ «чувство индивидуализма» создавалось развитiемъ товарнаго хозяйства. Своди вмѣстѣ всѣ эти черты отечественнаго прогресса, нельзя не придти къ выводу (сдѣланному и народникомъ 70-хъ годовъ), что этотъ прогрессъ и культура были сплошь буржуазными. Современная Россія гораздо лучше дореформенной, но такъ какъ все это улучшенiе дѣлкомъ и исключительно обязано буржуазии, ея агентамъ и идеологамъ, то производители имъ и не воспользовались. Для нихъ эти улучшенiя означали только перемѣну формы прибавочнаго продукта, означали только улучшенныя и усовершенствованныя приемы освобожденiя производителя отъ средствъ производства. Поэтому гг. народники проявляютъ самое невѣроятное «легкомыслие» и забывчивость, когда съ протестомъ противъ русскаго капитализма и буржуазности обращаются къ тѣмъ, кто именно и былъ ихъ носителемъ и проводникомъ. Про нихъ только и можно сказать: «своихъ своихъ не познаша».

Согласиться съ такой квалификацiей пореформенной Россii и «общества» современному народнику будетъ не подъ силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характеръ пореформенной Россii, отрицать то самое, во имя чего поднимался его отдаленный предокъ, народникъ 70-хъ годовъ и «шелъ въ народъ» искать «залоговъ будущаго» у самихъ непосредственныхъ производителей. Конечно, *современный* народникъ не только рѣшится, чего добраго, отрицать это, но и станетъ, пожалуй, доказывать, что въ разсматриваемомъ отношенiи произошла

съ народниками. Это зависитъ отъ того, какъ формулировать эти *principia*, — какъ общи ли положенiя и справки, или какъ иное пониманiе такихъ-то и такихъ-то *фактовъ* русской исторii и действительности.

перемѣна къ лучшему; но этимъ онъ только показалъ бы всѣмъ, кто еще этого не видитъ, что онъ не представляетъ изъ себя рѣшительно ничего болѣе какъ самаго обыкновеннаго *маленькаго буржуа*.

Какъ видитъ читатель, мнѣ приходится только договаривать положенія г. Струве, давая имъ иную формулировку, — «тоже слово да иначе молвить». Спрашивается, есть ли нужда въ этомъ? Стоитъ ли останавливаться съ такой подробностью на этихъ дополненіяхъ и выводахъ? Не разумѣются ли они сами собой?

Мнѣ кажется, — стоитъ, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, узкій объективизмъ автора крайне опасенъ, такъ какъ доходитъ до забвенія граней между старыми, такъ искоренившимися въ нашей литературѣ, профессорскими разсужденіями о путяхъ и судьбахъ отечества, — и точной характеристикой дѣйствительнаго процесса, двигаемаго такими-то классами. Этотъ узкій объективизмъ, эта невыдержанность марксизма — основной недостатокъ книги г. Струве, и на немъ необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что онъ вытекаетъ именно не изъ марксизма, а изъ недостаточнаго проведенія его; не изъ того, чтобы авторъ видѣлъ иные критеріи своей теоріи кромѣ дѣйствительности, чтобы онъ дѣлалъ другіе практическіе выводы изъ доктрины (они невозможны, повторяю, немислимы безъ искаженія всѣхъ главнѣйшихъ ея положеній), а потому, что авторъ ограничился одной, наиболѣе общей, стороной теоріи и не проявилъ ее съ полной послѣдовательностью. Во-вторыхъ, нельзя не согласиться съ той мыслью, которая высказана авторомъ въ предисловіи, что прежде чѣмъ критиковать народничество на частныхъ вопросахъ, необходимо было «раскрыть самыя основы разногласія» (VII) посредствомъ «принципальной полемики». Но именно для того, чтобы эта цѣль автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать болѣе конкретный смыслъ почти всѣмъ его положеніямъ, необходимо свести его слишкомъ общія указанія на конкретные вопросы русской исторіи и дѣйствительности. По всѣмъ этимъ вопросамъ предстоитъ еще русскимъ марксистамъ большая работа «пересмотра фактовъ» съ матеріалистической точки зрѣнія, — раскрытія классовыхъ противорѣчій въ дѣятельности «общества» и «государства», за теоріями «интеллигенція», — наконецъ, работа по установленію связи между всѣми отдѣльными, безконечно разнообразными, формами присвоенія прибавочнаго продукта въ російскихъ «народныхъ» производствахъ и той передовой, наиболѣе развитой капиталистической формой этого присвоенія, которая содержитъ въ себѣ «залогъ будущаго» и выдвигаетъ въ настоящее время на первый планъ идею и историческую задачу «производителя». Поэтому какъ бы ни казалась смѣлой попытка указать рѣшеніе этихъ вопросовъ, сколько измѣненій, исправленій ни привнесло бы даль-

и́йшее, детальное изученіе,—все-таки стоитъ труда намѣтить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно болѣе общее и широкое обсужденіе ихъ.

Кульминаціонной точкой того узкаго объективизма г. Струве, который порождаетъ у него неправильность постановки вопросовъ, является разсужденіе его о Листѣ, о его «замѣчательномъ ученіи» насчетъ «конфедерации національныхъ производительныхъ силъ», о важности для сельскаго хозяйства развитія фабричной промышленности, о превосходствѣ мануфактурно-земледѣльческаго государства надъ земледѣльческимъ и т. п. Авторъ находитъ, что это «ученіе» чрезвычайно «убѣдительно говоритъ объ исторической необходимости и законности капитализма въ широкомъ смыслѣ слова» (123), о «культурно-исторической мощи торжествующаго товарнаго производства» (124).

Профессорскій характеръ разсужденій автора, какъ бы понимающагося выше всякихъ опредѣленныхъ странъ, опредѣленныхъ историческихъ періодовъ, опредѣленныхъ классовъ, сказывается тутъ особенно наглядно. Какъ ни смотрѣть на это разсужденіе,—съ теоретической ли чисто или съ практической стороны,—одинаково правильна будетъ такая оцѣнка. Начнемъ съ первой. Не странно ли думать, что можно «убѣдить» кого бы то ни было въ «исторической необходимости и законности капитализма» для известной страны абстрактными, догматичными положеніями о значеніи фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопросъ на эту почву, столь любезную либеральнымъ профессорамъ изъ «Рус. Богатства»? Не обязательно ли для марксиста свести все дѣло къ выясненію того, что есть и почему есть именно такъ, а не иначе?

Народники считаютъ нашъ капитализмъ искусственнымъ, тепличнымъ растеніемъ, потому что не понимаютъ связи его со всей товарной организаціей нашего общественнаго хозяйства, не видятъ корней его въ нашемъ «народномъ производствѣ». Покажите имъ эти связи и корни, покажите, что капитализмъ господствуетъ въ наименѣ развитой и потому въ наихудшей формѣ и въ народномъ производствѣ,—и вы докажете «неизбѣжность» русскаго капитализма. Покажите, что этотъ капитализмъ, повышая производительность труда и обобществляя его, развиваетъ и выясняетъ ту классовую, социальную противоположность, которая повсюду сложилась въ «народномъ производствѣ»,—и вы докажете «законность» русскаго крупнаго капитализма. Что касается до практической стороны этого разсужденія, соприкасающагося съ вопросомъ о торговой политикѣ, то можно замѣтить слѣдующее. Русскіе марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнѣе всего, что вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ есть вопросъ капиталистическій, вопросъ буржуазной политики, должны

стоять за свободу торговли, такъ какъ въ Россіи съ особенной силой сказывается реакціонность протекціонизма, задерживающаго экономическое развитіе страны, служащаго интересамъ не всего класса буржуазіи, а лишь кучки олигарховъ-гузовъ, — такъ какъ свобода торговли означаетъ ускореніе того процесса, который несетъ средства избавленія отъ капитализма.

Послѣдній § (XI) III-ей главы посвященъ разбору понятія «капитализмъ». Авторъ очень справедливо указываетъ, что это слово употребляется «весьма вольно», приводитъ примѣры «очень узкаго» и «очень широкаго» его пониманія, но никакихъ точно опредѣленныхъ признаковъ не устанавливаетъ; «понятіе—капитализмъ», несмотря на разборъ автора, осталось неразобраннымъ. А между тѣмъ, казалось бы, это не должно представить особеннаго труда, потому что понятіе это введено въ науку Марксомъ и имъ же обосновано фактически. Но г. Струве и тутъ не желалъ бы заражаться «ортодоксіей». «Марксъ самъ—говоритъ онъ—представлялъ себѣ процессъ превращенія *товарнаго* производства въ *товарно-капиталистическое*, быть можетъ, болѣе стремительнымъ и прямолинейнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ» (стр. 127, прим.). Быть можетъ. Но такъ какъ это единственное представленіе, обоснованное научно и подкрѣпленное исторіей капитала, такъ какъ съ другими представленіями, «быть можетъ» менѣе «стремительными» и менѣе «прямолинейными», мы не знакомы, то мы и обратимся къ Марксу. Существенными признаками капитализма, по его ученію, являются (1) товарное производство, какъ *общая* форма производства. Продуктъ принимаетъ форму товара въ самыхъ различныхъ общественныхъ производственныхъ организаціяхъ, но только въ капиталистическомъ производствѣ такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признакъ капитализма—(2) принятіе товарной формы не только продуктомъ труда, но и самимъ трудомъ, т. е. рабочей силы человѣка. Степень развитія товарной формы рабочей силы характеризуетъ степень развитія капитализма¹⁾—При помощи этого опредѣленія мы легко разберемся въ приводимыхъ г. Струве примѣрахъ неправильнаго пониманія этого термина. Несомнѣнно, что противопоставленіе русскихъ порядковъ капитализму, основанное на технической отсталости нашего народнаго хозяйства, на преобладаніи ручнаго производства и т. п., и такъ часто приводяемое народни-

¹⁾ Das Kapital, II Band (1885), s. 93.—Необходимо оговориться, что Марксъ въ указанномъ мѣстѣ вовсе не даетъ *дефиниціи* капитализма. Онъ вообще дефиниціями не занимался. Здѣсь указывается лишь на отношеніе товарнаго производства къ капиталистическому, о чемъ въ текстѣ и идетъ рѣчь.

ками,—совершенно нелѣпо, ибо капитализмъ существуетъ и при низкой и при высоко развитой техникѣ, и Марксъ много разъ подчеркиваетъ въ «Капиталѣ», что капиталъ сначала подчиняетъ себѣ производство такимъ, какимъ онъ его находитъ, и лишь впоследствии преобразуетъ его технически. Несомнѣнно, что пѣмецкая *Hausindustrie*, русская «домашняя система крупнаго производства» представляютъ изъ себя капиталистическую организацію промышленности, ибо тутъ не только господствуетъ товарное производство, но и владѣлецъ денегъ господствуетъ надъ производителемъ и присваиваетъ себѣ сверхстолмость. Несомнѣнно, что любимое народническое противопоставленіе зап.-европейскому капитализму русского «владѣющаго землей» крестьянства показываетъ тоже только непониманіе того, что такое капитализмъ. И на Западѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, сохраняется кое-гдѣ «полунатуральное хозяйство крестьянъ» (124), но этотъ фактъ ни на Западѣ ни въ Россіи не устраняетъ ни преобладанія товарнаго производства, ни подчиненія преобладающаго большинства производителей капиталу,—подчиненія, которое до своего высшаго, предѣльнаго развитія проходимъ много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемыхъ несмотря на совершенное точное разъясненіе дѣла Марксомъ. Начинается это подчиненіе *торговымъ* и *ростовщическимъ капиталомъ*, затѣмъ переходитъ въ индустриальный капитализмъ, который въ свою очередь сначала является технически совершенно примитивнымъ и ничѣмъ не отличается отъ старыхъ системъ производства, затѣмъ организуетъ мануфактуру, — которая все еще основывается на ручномъ трудѣ, покоится на преобладающихъ кустарныхъ промыслахъ, не нарушая связи наемнаго рабочаго съ землей,—и завершаетъ развитіе крупной машинной индустріей. Только послѣдняя, высшая стадія представляетъ кульминаціонную точку развитія капитализма, *только она* создаетъ совершенно экспропрированнаго, свободнаго какъ птица, рабочаго ¹⁾, *только она* порождаетъ (и въ матеріальномъ и въ социальномъ отношеніи) то «объединяющее значеніе» капитализма, которое народники привыкли связывать съ капитализмомъ вообще, *только она* противопоставляетъ капитализму его «кровное дѣтище».

Четвертая глава книги: «Прогрессъ экономической и прогрессъ социальный» составляетъ прямое продолженіе третьей главы, относясь къ той части книги, которая выдвигаетъ противъ народниковъ данныя «общечеловѣческаго опыта». Намъ придется тутъ подробно остановиться, во-первыхъ, на одномъ неправильномъ взглядѣ автора [или неудачномъ

¹⁾ Народники всегда изображаютъ дѣло такъ, что обезземеленный рабочій—необходимое условіе капитализма вообще, а не только машинной индустріи.

выраженіи?] насчетъ послѣдователей Маркса и, во-вторыхъ, на формулировку задачъ экономической критики народничества.

Г. Струве говоритъ, что Марксъ представлялъ себѣ переходъ отъ капитализма къ новому общественному строю въ видѣ рѣзкаго паденія, крушенія капитализма. (Онъ находитъ, что это даютъ основаніе думать «нѣкоторыя мѣста» у Маркса, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ взглядъ содержится *во всемъ сочиненіяхъ* Маркса). Послѣдователи его борются за реформы. Въ точку зрѣнія Маркса 40-хъ годовъ «внесены были важныя коррективы»: вмѣсто «пропасти», отдѣляющей капитализмъ отъ новаго строя, были признаны «цѣлый рядъ переходовъ».

Мы никакъ не можемъ признать это правильнымъ. Никакого «корректива» (*исправленія* по русски) ни важнаго ни неважнаго не вносили «послѣдователи Маркса» въ его точку зрѣнія. Борьба за реформы нисколько не свидѣтельствуетъ о «коррективѣ», нисколько не исправляетъ ученія о пропасти и рѣзкомъ паденіи, такъ какъ эта борьба ведется съ открыто и опредѣленно признанной цѣлью — дойти именно до «паденія»; а что для этого необходимы «цѣлый рядъ переходовъ» — одного фазиса борьбы, одной ступени ея въ слѣдующія, — это признавалъ и Марксъ въ 1840-хъ гг., говоря въ «Манифестѣ», что нельзя *отдѣлять* движеніе къ новому строю отъ рабочаго движенія (и, слѣд., отъ борьбы за реформы), выставляя самъ въ заключеніе рядъ практическихъ мѣропріятій.

Если г. Струве хотѣлъ указать на *развитіе* точки зрѣнія Маркса, то онъ, конечно, правъ. Но тогда мы видимъ тутъ не «коррективъ» къ его взглядамъ, а какъ разъ наоборотъ: *проведеніе, осуществленіе* ихъ.

Мы не можемъ также согласиться съ отношеніемъ автора къ народничеству.

«Наша народническая литература — говоритъ онъ — подхватила противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія, прогресса социальнаго, прогресса распределенія» (131).

Народничество не «подхватило» этого противопоставленія, а только *констатировало* наличность въ пореформенной Россіи той же противоположности между прогрессомъ, культурой, богатствомъ и — освобожденіемъ производителя отъ средствъ производства, уменьшеніемъ доли производителя въ продуктѣ народнаго труда, ростомъ нищеты и безработицы, которая создала это противопоставленіе и на Западѣ.

... «Въ силу своего гуманнаго, народолюбиваго характера, эта литература сразу рѣшила вопросъ въ пользу народнаго благосостоянія и, такъ какъ нѣкоторыя народно-экономическія формы (община, артель), повидному, воплощали въ себѣ идеаль экономическаго равенства и такимъ

образомъ обезпечивали народное благосостояніе, а прогрессъ производства подъ вліяніемъ усиленнаго объѣма отнюдь не обѣщала благоприятствовать этимъ формамъ, устраняя ихъ экономическія и психическія основы, то народники, указывая на печальный опытъ Запада съ производственнымъ прогрессомъ, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству—капитализму такъ называемое «народное производство», гарантирующее народное благосостояніе, какъ общественно-экономическій идеалъ, за сохраненіе и дальнѣйшее развитіе котораго надлежитъ бороться русской интеллигенціи и русскому народу».

Въ этомъ разсужденіи съ полною наглядностью выступаютъ недостатки изложенія у г. Струве. Народничество изображается какъ «гуманная» теорія, которая «подхватила» противопоставленіе національнаго богатства и народной бѣдности, «рѣшила вопросъ» въ пользу распределенія, ибо «опытъ Запада» «не обѣщала» народнаго благосостоянія. И авторъ начинаетъ спорить противъ такого «рѣшенія» вопроса, упуская изъ виду, что онъ воюетъ только противъ идеалистическаго и притомъ наивно-мечтательнаго облаченія народничества, а не противъ его содержанія, упуская изъ виду, что онъ самымъ уже допущеніемъ обычной у гг. народниковъ профессорской постановки вопроса дѣлаетъ крупную ошибку.—Какъ уже было замѣчено, *содержаніе* народничеству даетъ отраженіе точки зрѣнія зрѣнія и интересовъ русскаго мелкаго производителя. «Гуманность и народолюбивость» теоріи была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя, терпѣвшаго жестокаго невзгоды и отъ «стародворянскихъ» порядковъ и традицій и отъ гнета крупнаго капитала. Отношеніе народничества къ «Западу» и его вліянію на Россію опредѣлилось, конечно, уже не тѣмъ, что оно «подхватило» у него ту или иную идею, а условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ, заимствующій западно-европейскую технику¹⁾, и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи, объяснявшія не капиталистическую политику капиталистическимъ хозяйствомъ, а капитализмъ—политикой, объявлявшія крупный капитализмъ чѣмъ-то чуждымъ русской жизни, наносимымъ. Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства,—и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго («народнаго») производства. Незрелость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теорія этихъ идеологовъ мѣщавства выступила какъ представительница интересовъ труда вообще.

¹⁾ Ср. вышеприведенную статью изъ „От. Зап.“.

Вмѣсто того, чтобы показать нецѣльность самой уже постановки вопроса у народниковъ и объяснить ихъ «рѣшеніе» этого вопроса матеріальными условіями жизни мелкаго производителя, авторъ самъ въ своей постановкѣ вопроса проявляетъ догматизмъ, напоминающій о народническомъ «выборѣ» между экономическимъ и социальнымъ прогрессомъ.

«Задачей критики экономическихъ основъ народничества ... является... доказать слѣдующее:

1) «Прогрессъ экономическій есть необходимое условіе прогресса социальнаго; послѣдній исторически вытекаетъ изъ перваго, и на известной ступени развитіи между обоими процессами должно явиться и на самомъ дѣлѣ является органическое взаимодействіе, взаимная обусловленность» (131).

Вообще говоря, положеніе это, разумѣется совершенно справедливо. Но оно намѣчаетъ скорѣе задачи критики социологическихъ, а не экономическихъ основъ народничества: къ сущности, это — иная формулировка того ученія, по которому развитіе общества опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ и о которомъ шла рѣчь въ I и II главахъ. Для критики «экономическихъ основъ народничества» этого недостаточно. Надо конкретнѣе формулировать вопросъ, свести его отъ прогресса вообще къ «прогрессу» капиталистическаго русскаго общества, къ тѣмъ неправильностямъ въ пониманіи этого прогресса, которыя породили смѣшныя народническія сказки о *tabula rasa*, о «народномъ производствѣ», о безпочвенности русскаго капитализма и т. д. Вмѣсто того, чтобы говорить между экономическимъ и социальнымъ прогрессомъ должно явиться взаимодействіе, — надо указать (или хотя бы намѣтить) опредѣленные явленія социальнаго прогресса въ Россіи, у которыхъ народники не видятъ *никакихъ* экономическихъ корней¹⁾.

2) «Поэтому вопросъ объ организаціи производства и степени производительности труда есть вопросъ, первенствующій надъ вопросомъ о распределеніи; при известныхъ историческихъ условіяхъ, когда производительность народнаго труда и абсолютно и относительно очень низка первостепенное значеніе производственнаго момента сказывается особенно рѣзко».

Авторъ опирается тутъ на ученіе Маркса о подчиненномъ значеніи распределенія. Эпиграфомъ къ IV главѣ взяты слова его изъ замѣчаній

¹⁾ Могутъ возражать, что я просто забыла впередъ авторъ, вѣдь, сказалъ, что отъ общихъ вопросовъ намѣренъ постепенно переходить къ конкретнымъ, которые онъ и разбираетъ въ VI главѣ. Но дѣло въ томъ, что указанная абстрактность критики г. Струве составляетъ отличительное свойство всей его книги, и VI-я глава и даже заключительной части. Нуждается въ исправленіи у него больше всего именно постановка вопроса.

на Готскую программу, гдѣ Марксъ противопоставляетъ вульгарный социализмъ—научному, который не придаетъ существеннаго значенія распредѣленію объясняя общественный строй организаціей *производственныхъ отношеній* и считая, что данная организація ихъ уже включаетъ въ себя опредѣленную систему распредѣленія. Эта идея, по совершенно справедливому замѣчанію автора, проникаетъ собой все ученіе Маркса, и она имѣетъ крайне важное значеніе для усненія мѣщанскаго содержанія народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затуманиваетъ ее, особенно благодаря неясному термину «производственный моментъ». Можетъ, пожалуй, возникнуть недоумѣніе, въ какомъ смыслѣ понимать этотъ терминъ. Народникъ стоитъ на точкѣ зрѣнія мелкаго производителя, объясняющаго свои невзгоды крайне поверхностно: тѣмъ, что онъ «бѣденъ», а сосѣдъ скупщикъ «богатъ», тѣмъ, что «начальство» помогаетъ только крупному капиталу и т. д., однимъ словомъ, особенностями распредѣленія, ошибками политики и т. п. Какую же точку зрѣнія противопоставляетъ ему авторъ: точку ли зрѣнія крупнаго капитала, съ презрѣніемъ смотрящаго на низерное хозяйствованіе крестьянина-кустара и гордищагося высокою степенью развитія своего производства, своей «заслугой», состоящей въ повышеніи и абсолютно и относительно низкой производительности народнаго труда? или точку зрѣнія его антагониста, который живетъ уже въ отношеніяхъ настолько развитыхъ, что не можетъ удовлетвориться ссылками на политику да на распредѣленіе, который начинаетъ понимать, что причина лежитъ глубже—въ самой организаціи (общественной) производства, въ самомъ устройствѣ общественнаго хозяйства на началахъ индивидуальной собственности подъ контролемъ и руководствомъ рынка? Такой вопросъ естественно могъ бы возникнуть у читателя, тѣмъ болѣе, что авторъ иногда употребляетъ выраженіе «производственный моментъ» наряду съ выраженіемъ «хозяйственность» (см. с. 171: «игнорированіе производственнаго момента» у народниковъ, «доходящее до отрицанія всякой хозяйственности»), тѣмъ болѣе, что авторъ иногда соотношеніемъ «нерациональнаго» и «рациональнаго» производства заслоняетъ отношеніе мелкаго производителя и производителя, окончателъно уже потерявшаго средства производства. Спору нѣтъ, что вѣрность возложенія автора съ *объективной стороны* отъ этого не уменьшается; что представить себя дѣло съ точки зрѣнія послѣдняго отношенія легко для всякаго понимающаго антагонистичность капиталистическаго строя. Но такъ какъ общеизвѣстно, что именно господа русскіе народники этого не понимаютъ, то въ спорахъ съ ними и желательнее видѣть больше опредѣленности и договоренности и какъ можно меньше слишкомъ общихъ абстрактныхъ положеній.

Какъ мы старались показать на конкретномъ примѣрѣ въ I главѣ, все отличие народничества отъ марксизма состоитъ въ характеръ критики русскаго капитализма. Народникъ для критики капитализма считаетъ достаточнымъ констатировать наличие эксплуатаціи, взаимодѣйствіе между ней и политикой и т. п. Марксистъ считаетъ необходимымъ объяснить и связать вмѣстѣ эти явленія эксплуатаціи какъ систему извѣстныхъ производственныхъ отношеній, какъ особую общественно-экономическую формацію, законы функционирования и развитія которой подлежатъ объективному изученію. Народникъ считаетъ достаточнымъ для критики капитализма — осудить его съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ, съ точки зрѣнія «современной науки и современныхъ нравственныхъ идей». Марксистъ считаетъ необходимымъ прослѣдить со всей подробностью тѣ классы, которые образуются въ капиталистическомъ обществѣ, считаетъ основательной только критику съ точки зрѣнія опредѣленнаго класса, — критику, основывающуюся не на моральныхъ сужденіяхъ «личности», а на точной формулировкѣ дѣйствительно происходящаго общественнаго процесса.

Если попытаться, исходя изъ этого, формулировать задачи критики экономическихъ основъ народничества, то онѣ выразились бы примѣрно такимъ образомъ:

Надо доказать, что крупный капитализмъ въ Россіи относится къ «народному производству» какъ вполне развитое явленіе къ неразвитому, какъ высшая стадія развитія капиталистической общественной формаціи къ низшей ея стадіи ¹⁾; — что освобожденіе производителя отъ средствъ производства и присвоеніе продукта его труда владѣльцемъ денегъ должно быть объяснено какъ на фабрикѣ, такъ и въ самой хотя бы общинной деревнѣ не политикой, не распределеніемъ, а тѣми отношеніями производства, которыя необходимо складываются въ товарномъ хозяйствѣ, тѣмъ образованіемъ противоположныхъ по своимъ интересамъ классовъ, которое характеризуетъ капиталистическое общество ²⁾; — что та дѣйствительность (мел-

¹⁾ Анализъ экономической стороны долженъ быть, разумеется, дополненъ анализомъ социальныхъ, юридико-политическихъ и идейныхъ настроеній. Невниманіе связи капитализма съ «народнымъ производствомъ» породило у народниковъ идею о не-классовомъ характерѣ крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенціи и т. д. Материалистическій анализъ, исходя всѣ эти явленія къ классовой борьбѣ, долженъ показать конкретно, что нашъ русскій пореформенный «соціальный прогрессъ» былъ только слѣдствіемъ капиталистическаго «экономическаго прогресса».

²⁾ «Пересмотръ фактовъ» русской экономической дѣйствительности, особенно той, изъ которой народники почерпнули матеріалъ для своихъ институтскихъ мечтаній, т. е. крестьянскаго и кустарнаго хозяйства, — долженъ показать

кое производство), которую народники хотят поднять на высшую ступень, минуя капитализм, уже включает въ себя капитализм и присущую ему противоположность классовъ и столкновения ихъ,—но только въ наихудшей ея формѣ, затрудняющей самостоятельную дѣятельность производителя и что поэтому народники, игнорируя сложившіяся уже социальныя противоположности и мечтая объ «иныхъ путяхъ для отечества», являются утопистами-реакціонерами, такъ какъ крупный капитализмъ только развиваетъ, очищаетъ и выясняетъ содержаніе этихъ противоположностей, существующихъ въ Россіи неадѣ и повсюду.

Въ непосредственной связи съ слишкомъ абстрактной формулировкой задачъ экономической критики народничества стоитъ и дальнѣйшее изложеніе автора, доказывающаго «необходимость» и «прогрессивность» не русского капитализма, а западноевропейскаго. Не затрогивая непосредственно экономического содержанія народнической доктрины, это изложеніе даетъ однако много интереснаго и поучительнаго. Въ нашей народнической литературѣ не разъ раздавались голоса недобѣры къ западноевропейскому рабочему движенію. Особенно ярко выразилось это во время послѣдней полемики противъ марксистовъ гг. Михайловскаго и К^о (Р. Бог., 1893—4). Мы еще ничего хорошаго не видали отъ капитализма—писали тогда г. Михайловской ¹⁾). Неудѣльность этихъ мѣщанскихъ взглядовъ прекрасно опровергается данными г. Струве, тѣмъ болѣе, что данныя эти заимствованы изъ новѣйшей буржуазной литературы, которую никакъ нельзя заподозрить въ преувеличеніи. Цитаты, приводимыя авторомъ, по-

что причина угнетеннаго положенія производителя лежитъ не въ распредѣленіи («музыка бѣденъ, скупичить богатъ»), а въ самыхъ уже отношеніяхъ производства, въ самой общественной организаціи современнаго крестьянскаго и кустарнаго хозяйства. Отсюда выясняется, что и въ «народномъ» производствѣ «вопросъ объ организаціи производства первенствуетъ надъ вопросомъ о распредѣленіи.»

¹⁾ Нельзя не отметить, что въ отвѣтъ г. Струве г. Михайловскій усматриваетъ «влюбленность въ себя» у Энгельса, который говоритъ, что доминирующимъ, гигантскимъ фактомъ современности, дѣлающимъ эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающимъ исторію ея происхожденія, является рабочее движеніе на Западѣ.

Этотъ, просто возмутительный упрекъ Энгельсу крайне характеренъ для оцѣнки современнаго русскаго народничества.

Эти господа умѣютъ болтать о «народной правдѣ», умѣютъ разговаривать съ нашимъ «обществомъ», журятъ его на неправильный выборъ пути для отечества, умѣютъ сладко пѣть о томъ, что «либо сейчасъ, либо никогда» и пѣть это «10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе»,—но абсолютно неспособны понять какое всеобъемлющее значеніе имѣетъ самостоятельное выступленіе тѣхъ, во имя кого и пѣлись эти сладкія пѣсни.

казываютъ, что на Западѣ всё, даже буржуа, видятъ, что переходъ капитализма въ новую общественно-экономическую формацию неизбеженъ.

Обобществленіе труда капитализмомъ подвинулось такъ далеко, что даже и въ буржуазной литературѣ громко говорятъ о необходимости «плановой организаціи народнаго хозяйства». Авторъ совершенно правъ, говоря, что это—«признакъ времени», признакъ полного разложенія капиталистическихъ порядковъ. Крайне интересны приводимыя имъ заявленія не только буржуазныхъ профессоровъ, но и консерваторовъ, вынужденныхъ признать то, что и по сѣ пору хотять отрицать російскіе радикалы,—именно что рабочее движеніе создано тѣми матеріальными условіями, которыя порождены капитализмомъ, а не «просто» культурой или иными политическими условіями.

Послѣ всего вышеназложеннаго, намъ едва ли уже есть надобность останавливаться на разсужденіи автора, что распредѣленіе можетъ прогрессировать только опираясь на рациональное производство. Ясно, что смыслъ этого положенія—тотъ, что только крупный капитализмъ, основанный на рациональномъ производствѣ, ставитъ производителя въ условія, позволяющія ему поднять голову, подумать и позаботиться и о себѣ и о тѣхъ, кто благодаря отсталому производству не находится въ этихъ условіяхъ.

Мы замѣтимъ только два слова по поводу такой фразы г. Струве: «Крайне неравномерное распредѣленіе, задерживающее экономическій прогрессъ, не создано капитализмомъ: оно перешло къ нему по наслѣдству» отъ той эпохи, въ которой романтики видятъ молочныя рѣчки и кисельные берега (с. 159). Это вѣрно, если при этомъ авторъ хочетъ сказать только, что и до капитализма было неравномерное распредѣленіе, о которомъ склонны забывать гг. народники. Но это невѣрно, если отрицать усиленіе неравномерности капитализмомъ. При крѣпостномъ правѣ не было и быть не могло такого рѣзкаго неравенства между совершенно обнищавшимъ крестьянствомъ или босякомъ,—и банковскіимъ, желѣзнодорожнымъ, промышленнымъ тузомъ, которое создано пореформенной капиталистической Россіей.

Перейдемъ къ V-й главѣ. Авторъ даетъ тутъ общую характеристику «народничества, какъ экономическаго міровоззрѣнія». «Народники», по мнѣнію г. Струве, «идеологи натурального хозяйства и первобытнаго равенства» (167).

Съ такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станемъ здѣсь повторять доводовъ, приведенныхъ въ I-ой главѣ, въ пользу того, что народники—идеологи мелкаго производителя. Тамъ было уже показано, какъ именно матеріальныя условія жизни мелкаго производителя, его пе-

реходное, срединное положеніе между «хозяевами» и «рабочими», — порождает и непониманіе классовых противорѣчій народниками и странную смѣсь прогрессивныхъ и реакціонныхъ пунктовъ ихъ программы.

Здѣсь добавимъ только, что первой т. е. прогрессивной своей стороной русское народничество сближается съ западноевропейскимъ демократизмомъ, и потому къ нему цѣлкомъ приложима гениальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лѣтъ тому назадъ по поводу событій французской исторіи:

«Демократъ, представляя мелкую буржуазію, т. е. *переходный классъ*, въ которомъ взаимно притупляются интересы двухъ классовъ, — воображаетъ поэтому, что онъ вообще стоитъ выше классового антагонизма. Демократы допускаютъ, что противъ нихъ стоитъ привилегированный классъ, но вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ націи они составляютъ *народъ*. Они стоятъ за *народное право*; они представляютъ *народные интересы*. Поэтому имъ нѣтъ надобности касаться интересовъ и положеніе различныхъ классовъ. Имъ нѣтъ надобности слишкомъ строго извѣшивать свои собственные средства ¹⁾... Если оказывается, что ихъ интересы не заинтересовываютъ, что ихъ сила есть *бессиліе*, то виноваты тутъ либо вредные софисты, расказывающіе *единный народъ* на различные враждебные лагеря ²⁾,... либо все рухнуло изъ за какой нибудь детали исполненія, либо наконецъ непредусмотрѣнная случайность повела на этотъ разъ къ неудачѣ. Во всякомъ случаѣ демократъ выходитъ изъ самаго позорнаго пораженія на столько же не занятннмъ, на сколько невиннымъ онъ туда вошелъ, выходитъ съ укрѣпившимся убѣжденіемъ, что онъ долженъ побѣдить, что не онъ самъ и его партія должна оставить старую точку зрѣнія, а напротивъ обстоятельства должны дорости до него» (ihm entgegenzureifen haben. Der achtzehnte Brumaire u. s. w., s. 39).

О неправильности той характеристики народниковъ, которая виднть въ нихъ идеологовъ натурального хозяйства и первобытнаго равенства, говорятъ приведенные самимъ авторомъ примѣры. «Какъ курьезъ слѣду-

¹⁾ Точь къ точь россіейскіе народники. Они не отрицаютъ, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убавиваютъ себя разсужденіями о ничтожности этихъ „хищниковъ“ передъ „народомъ“ и не хотятъ заняться точнымъ изслѣдованіемъ положенія и интересовъ наждаго отдѣльнаго класса, не хотятъ разобрать, не переплетаются-ли интересы нѣкотораго разряда производителей съ интересами „хищниковъ“, ослабили силу сопротивленія первыхъ противъ послѣднихъ.

²⁾ Для россіейскихъ народниковъ — виноваты зловерные марксисты, искусственно привваивающіе капитализмъ и его классовые антагонизмы къ почвѣ, на которой такъ пышно растутъ цвѣты есоціального взаимоприиспособленія⁴ и „солидарной дѣятельности“ (г. В. В. у Струве, с. 161).

еть отыскать—говорить г. Струве—что г.—онъ до сихъ поръ называетъ Васильчикова либеральнымъ экономистомъ» (169). Если брать это наименование *по существу*, то оно вовсе не курьезно. Васильчиковъ ставитъ въ свою программу дешевый и широко распространенный кредитъ. Г. Николай—онъ не можетъ не видѣть, что на почвѣ капиталистическаго общества, каково русское, кредитъ только усилитъ буржуазію, поведетъ къ «развитію и упроченію капиталистическихъ отношеній» («Очерки», с. 77). Васильчиковъ, какъ и всѣ народники, своими практическими мѣропріятіями представляетъ интересы одной лишь мелкой буржуазіи. Курьезно тутъ разитъ только то, что г.—онъ, возсѣдая рядомъ съ публицистами «Рус. Богатства», «до сихъ поръ» не видитъ, что они представляютъ изъ себя совершенно такихъ же маленькихъ «либеральныхъ экономистовъ», какъ и кн. Васильчиковъ. Теорія утопииа легко мирится на практикѣ съ мѣщанскими прогрессами. Еще болѣе подтверждаетъ такую квалификацію народничества Головачевъ, сознающій бессмысленность поголовнаго надѣла и предлагающій «дешевый кредитъ для рабочаго люда». Критикуя эту «изумительную» теорію, г. Струве обращаетъ вниманіе только на ея теоретическую вздорность, но не замѣчаетъ какъ будто ея мелкобуржуазнаго содержанія.

Нельзя не остановиться еще, по поводу V главы, на «законѣ среднихъ потребностей» г. Щербины. Это важно для оцѣнки мальтузіанства г. Струве, которое рельефно выступаетъ въ VI главѣ. «Законъ» состоитъ въ томъ, что при группировкѣ крестьянъ *по надѣлу* получается очень мало колеблющаяся (по группамъ), средняя величина потребностей крестьянской семьи (т. е. расходовъ на разные нужды), причемъ расходы г. Щербины расчисляютъ на 1 душу населенія.

Г. Струве съ удовольствіемъ подчеркиваетъ, что этотъ «законъ» «имѣетъ огромное значеніе», такъ какъ, дескать, подтверждаетъ «общезвѣстный» законъ Мальтуса, что «благосостояніе и размноженіе населенія опредѣляется доступными ему средствами существованія».

Непонятно, почему обрадовался этому закону г. Струве. Непонятно, какимъ образомъ можно усматривать «законъ» да еще съ «огромнымъ значеніемъ» въ расчетахъ г. Щербины. Очень естественно, что при не особенно большихъ различіяхъ въ образѣ жизни отдельныхъ крестьянскихъ семей мы получаемъ мало колеблющуюся среднѣю, если разобьемъ крестьянъ по группамъ; особенно если за основаніе при дѣленіи на группы возьмемъ размѣръ надѣла, не опредѣляющій непосредственно благосостоянія семьи (такъ какъ надѣлъ можетъ быть сдѣянъ, а можетъ быть и еще арендована земля) и достигающійся одинаково и богатому и бѣдному крестьянину, властвующимъ одинаковымъ числомъ окладныхъ душъ. Расчеты г. Щербины

только и доказываютъ, что онъ избралъ неудачный пріемъ группировки. Если г. Щербина видитъ тутъ какой-то открытый имъ законъ, — то это совсѣмъ странно. Не менѣе странно усматривать тутъ подтвержденіе закона Мальтуса, какъ будто бы по величинѣ надѣла можно было судить о «доступныхъ крестьянину средствахъ существованія», не принимая во вниманіе ни аренды, ни «зарботковъ», ни экономической зависимости крестьянина отъ помещика и скупщика. — По поводу этого «закона» г. Щербини (изложеніе его у г. Щербини показываетъ, что самъ авторъ «закона» придастъ невѣроятно большое значеніе своимъ ровно ничего не доказывающимъ среднимъ цифрамъ) г. Струве говоритъ: «Народное производство» въ данномъ случаѣ означаетъ просто хозяйство безъ приложенія наемнаго труда. Что при такой организаціи хозяйства «прибавочная стоимость» остается въ рукахъ производителя, — это бесспорно» (176). И авторъ указываетъ, что при низкой производительности труда это не мѣшаетъ представителю такого «народнаго производства» жить хуже рабочаго. Увлеченіе мальтузианствомъ привело автора къ неточной формулировкѣ выписаннаго положенія. Торговый и ростовщическій *капитализмъ* подчиняетъ себѣ трудъ въ каждой русской деревнѣ и — не обращая производителя въ наемнаго рабочаго — отнимаютъ у него не меньше прибавочной стоимости, чѣмъ капиталъ индустриальный беретъ у работника. Г. Струве справедливо указалъ выше, что капиталистическое производство наступаетъ съ того момента, когда между производителями становится *капитализмъ*, хотя бы онъ только покупалъ у самостоятельнаго (по виду) производителя готовый товаръ (стр. 99 и пр. 2), и изъ русскихъ «самостоятельныхъ» производителей было бы не легко найти такихъ, которые не работаютъ на капиталиста (купца, скупщика, кузачка и пр.). Одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ народниковъ состоитъ въ томъ, что они не видятъ тѣснѣйшей и неразрывной связи между капиталистической организаціей русскаго общественнаго хозяйства и полновластнымъ господствомъ въ деревнѣ торговаго капитала. Поэтому замѣчательно вѣрно говоритъ авторъ, что «самое словосочетаніе «народное производство» въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ гг. народники, не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку. У насъ въ Россіи до 1861 г. «народное производство» было тѣсно связано съ крѣпостнымъ правомъ, а затѣмъ послѣ 1861 г. ускореннымъ темпомъ происходило развитіе товарнаго хозяйства, которое не могло не исказить чистоты народнаго производства» (177). Когда народникъ говоритъ, что принадлежность производителю средствъ производства — исконное начало русскаго быта, онъ просто на-просто извращаетъ исторію въ угоду своей утопіи, извращаетъ посредствомъ словеснаго ухищренія: при крѣпостномъ правѣ средства производства

давался производителю помѣщикомъ для того, чтобы производитель могъ отработать на него барщину; надѣлъ былъ какъ бы натуральной заработной платой, — «исконнымъ» средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта. Разрушеніе крѣпостнаго права вовсе не было «освобожденіемъ» производителя; оно означало только *перемѣну формы* прибавочнаго продукта. Если гдѣ нибудь въ Англіи паденіе крѣпостнаго права создало дѣйствительно самостоятельныхъ и свободныхъ крестьянъ, то наша реформа сразу совершила переходъ отъ «позорнаго» крѣпостнаго прибавочнаго продукта къ «свободной» буржуазной сверхстоимости.

ГЛАВА IV.

Объясненіе нѣкоторыхъ чертъ пореформенной экономики Россіи у г. Струве.

Последняя (шестая) глава книги г. Струве посвящена самому важному вопросу — экономическому развитію Россіи. Теоретическое содержаніе ея распадается на слѣдующіе отаѣлы: 1) перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи, его характеръ и причины; 2) разложеніе крестьянства, его значеніе и причины; 3) роль промышленнаго капитализма въ разореніи крестьянства; 4) частновладѣльческое хозяйство; характеръ его развитія, и 5) вопросъ о рынкахъ для русскаго капитализма. Прежде чѣмъ перейти къ разбору аргументаціи г. Струве по каждому изъ этихъ вопросовъ, остановимся на замѣчаніяхъ его о крестьянской реформѣ.

Авторъ заявляетъ протестъ противъ «идеалистическаго» ея пониманія и указываетъ на потребности государства, которыя требовали подъема производительности труда, на *оыкунъ*, на давленіе «снизу». Жаль, что авторъ не договорилъ своего законнаго протеста до конца. Народники объясняютъ реформу развитіемъ въ «обществѣ» «гуманныхъ» и «освободительныхъ» идей. Фактъ этотъ несомнѣненъ, но *объяснять* имъ реформу значитъ впнать въ безсодержательную тавтологію, сводя «освобожденіе» къ «освободительнымъ» идеямъ. Для матеріалиста необходимо особое разсмотрѣніе *содержанія* тѣхъ мѣропріятій, которыя во имя идей были осуществлены. Не было въ исторіи ни одной важной «реформы», хотя бы и носившей классовый характеръ, въ пользу которой не приводились бы высокія слова и высокія идеи. Точно также и въ крестьянской реформѣ. Если обратить вниманіе на дѣйствительное содержаніе произведенныхъ ею перемѣнъ, то окажется, что характеръ ихъ таковъ: часть

крестьянъ была обезземелена, и—главное—остальнымъ крестьянамъ, которымъ была оставлена часть ихъ земли, пришлось *выкупать* ее какъ совершенно чужую вещь у помещиковъ и притомъ еще выкупать по цѣнѣ, искусственно поднятой. Такія реформы не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ облекались теоріями «свободы» и «равенства», и было уже показано въ «Капиталѣ», что почвой, взростившей идеи свободы и равенства, было именно товарное производство. Во всякомъ случаѣ, какъ ни сложенъ былъ тотъ бюрократическій механизмъ, который проводилъ реформу въ Россіи, какъ ни далеко онъ былъ, *новидимому*¹⁾, отъ самой буржуазіи,—остается неоспоримымъ, что на почвѣ *такой* реформы только и могли вырасти *порядки буржуазные*. Г. Струве совершенно справедливо указываетъ, что ходячее противоположеніе русской крестьянской реформы—западно-европейскимъ неправильно: «совершенно невѣрно (*въ столь общей формѣ*) утвержденіе, что въ 3. Европѣ крестьяне были освобождены безъ земли или, другими словами, обезземелены законодательнымъ путемъ» (196). Я подчеркиваю слова: «въ столь общей формѣ», такъ какъ обезземеленіе крестьянъ законодательнымъ путемъ—несомнѣнный историческій фактъ всюду, гдѣ была произведена крестьянская реформа, но это фактъ не всеобщій, ибо *часть* крестьянъ, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, *выкупила* землю у помещиковъ на Западѣ, выкупаютъ и у насъ. Только буржуа способны затушевывать этотъ фактъ *выкупа* и толковать о томъ, будто «освобожденіе крестьянъ съ землей²⁾ сдѣлало изъ Россіи *tabula rasa*» (слова нѣкоего г. Яковлева, «отъ души привѣтствуемая» г-номъ Михайловскимъ— см. стр. 10 у П. Струве).

I.

Перейдемъ къ теоріи г. Струве о «характерѣ перенаселенія въ земельческой Россіи». Это—одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, въ которыхъ г. Струве отступаетъ отъ «доктрины» марксизма къ доктринѣ мальтузианства. Сущность его взглядовъ, развиваемыхъ имъ въ полемикѣ

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, какъ было указано выше, этотъ механизмъ только и могъ служить буржуазіи и по своему составу и по своему историческому происхожденію.

²⁾ Если бы говорить правду, то сдѣлало бы сказать: предоставленіе *части* крестьянъ *выкупать* у помещиковъ *часть* ихъ надѣльной земли за двойную цѣну. И даже еще не годится слово «предоставленіе», потому что за отказъ крестьянина отъ такого «обезпеченія надѣломъ» ему грозитъ порка въ волостномъ правленіи.

противъ г. Н — она, состоитъ въ томъ, что перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи — «не капиталистическое, а, такъ сказать, простое, соответствующее натуральному хозяйству»¹⁾.

Такъ какъ г. Струве говоритъ, что его возраженіе г. — ону «вполнѣ совпадаетъ съ общимъ возраженіемъ Ф. А. Ланге противъ теоріи относительнаго перенаселенія Маркса» (183, пр.), то мы и обратимся сначала къ этому «общему возраженію» Ланге для его провѣрки.

Ланге разсуждаетъ о законѣ народонаселенія Маркса въ своемъ «Рабочемъ вопросѣ» въ главѣ V-ой (русск. пер., с. 142—178). Онъ начинаетъ съ основнаго положенія Маркса, что «вообще каждому исторически особенному способу производства соответствуетъ свой собственный законъ возрастанія народонаселенія, имѣющій только историческое значеніе. Абстрактный законъ размноженія существуетъ только для растений и животныхъ». Ланге говоритъ на это:

«Да будетъ намъ позволено замѣтить, что и для растений и животныхъ, строго говоря, не существуетъ никакого «абстрактнаго» закона размноженія, такъ какъ вообще абстракція есть только выдѣленіе въ цѣломъ рядѣ однородныхъ явленій» (143), и Ланге съ подробностью разъясняетъ Марксу, что такое абстракція. Очевидно, что онъ просто не понялъ смысла заявленія Маркса. Марксъ противопоставляетъ въ этомъ отношеніи человѣка — растениямъ и животнымъ на томъ основаніи, что первый живетъ въ *различныхъ*, исторически смѣняющихся, *соціальныхъ организмахъ*, опредѣляемыхъ системой общественнаго производства а, слѣдовательно, и распределенія. Условія размноженія человѣка непосредственно зависятъ отъ устройства различныхъ соціальныхъ организмовъ, и потому законъ народонаселенія надо изучать для каждаго такого организма отдѣльно, а не «абстрактно», безъ отношенія къ исторически различнымъ формамъ общественнаго устройства. Разъясненіе Ланге, что абстракція есть выдѣленіе общаго изъ *однородныхъ* явленій обращается цѣлкомъ противъ него самого: мы можемъ считать однородными условія существованія только животныхъ и растений, но никакъ не человѣка, разъ мы знаемъ, что онъ жилъ въ различныхъ по типу своей организаціи соціальныхъ союзахъ.

Изложивши затѣмъ теорію Маркса объ относительномъ перенаселеніи въ капиталистической странѣ, Ланге говоритъ: «съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта теорія порываетъ длинную нить, проходящую черезъ всю органическую природу вплоть до человѣка, что она объясняетъ основанія рабочаго вопроса такъ, какъ будто бы общія изысканія о су-

¹⁾ Такъ формулируетъ г. Струве въ своей статьѣ въ Socialpolitisches Centralblatt (1893 № 1, отъ 2 oct.). Онъ прибавляетъ, что не считаетъ этого взгляда «мальтузианскимъ».

ществованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода для нашей цѣли, т. е. для пониманія рабочаго вопроса, вопліи измѣненія» (154)¹⁾.

Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человѣка, теорія Маркса нисколько не прерывается: она требуетъ только, чтобы «рабочій вопросъ» — такъ какъ таковой существуетъ лишь въ капиталистическомъ обществѣ — рѣшался не на основаніи «общихъ изысканій» о размноженіи человѣка, а на основаніи особенныхъ изысканій о законахъ капиталистическихъ отношеній. Но Ланге другаго мнѣнія: «въ дѣйствительности же—говоритъ онъ—это не такъ. Прежде всего ясно, что фабричный трудъ уже въ первыхъ начаткахъ своихъ предполагаетъ *нищету*» (154). И Ланге посвящаетъ полторы страницы доказательствамъ этого положенія, которое очевидно само собой и которое ни на волосъ не двигаетъ насъ впередъ: во-первыхъ, мы знаемъ, что капитализмъ самъ создаетъ нищету еще ранѣе той стадіи его развитія, когда производство принимаетъ фабричную форму, ранѣе того, какъ машины создаютъ избыточное населеніе; во-вторыхъ, и предшествующая капитализму форма общественнаго устройства—феодалная, крѣпостническая, сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наслѣдству капитализму.

«Но даже съ такимъ могучимъ помощникомъ [т. е. съ нуждой] первому предпринимателю лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается переманить значительное количество рабочихъ силъ къ новому роду дѣятельности. Обыкновенно дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность отвоєвала уже себѣ права гражданства, предприниматель привозитъ съ собой контингентъ рабочихъ; къ нему онъ присоединяетъ нѣсколькихъ «бобылей»²⁾, не имѣющихъ въ данный моментъ работы, и дальнѣйшее пополненіе наличнаго фабричнаго контингента производится уже среди *подростающаго мношества*» (156). Два послѣднія слова Ланге писаны курсивомъ. Очевидно, «общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода» выразились именно въ томъ положеніи, что фабрикантъ набираетъ новыхъ рабочихъ изъ «подростающаго мношества», а не изъ умирающей старости. Добрый Ланге на цѣлой страницѣ еще (157) продолжаетъ эти «об-

¹⁾ И въ чемъ могутъ состоять эти «общія изысканія»? Если они будутъ игнорировать особенныя экономическія формации человѣческаго общества, — они сведутся къ банальностямъ. А если они должны охватывать нѣсколько формаций, тогда очевидно, что имъ должны предшествовать особенныя изысканія о каждой формации отдѣльно.

²⁾ Между прочимъ: откуда взялись эти «бобыли»? Впрочемъ, по мнѣнію Ланге, это—не остатки крѣпостныхъ порядковъ и не продуктъ господства капитала, а результатъ того, что «въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рождаемости» (стр. 157)?

щія изысканія», рассказывая читателю, что родители стремятся обезпечить своих дѣтей,—что досужіе моралисты напрасно осуждаютъ стремленіе выбиться изъ того состоянія, въ которомъ родился, что стремиться пристроить дѣтей къ собственному заработку—вполнѣ естественно. Только преодолевъ все эти разсужденія, умѣтныя развѣ въ пропискахъ, доходимъ мы до дѣла:

«Въ земледѣльческой странѣ, почва которой принадлежать мелкимъ и крупнымъ владѣльцамъ, неизбежно возникаетъ, если только въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рожденій, постоянный избытокъ рабочихъ рукъ и потребителей, желающихъ существовать на произведенія данной территоріи» (157—8). Это чисто мальтузианское положеніе Ланге просто выставляетъ, безъ всякихъ доказательствъ. Онъ повторяетъ его еще и еще разъ, говоря, что «во всякомъ случаѣ, народонаселеніе такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень рѣдко, представляетъ обыкновенно признаки относительнаго перенаселенія», что «на рынкѣ *постоянно преобладаетъ* предложеніе труда, между тѣмъ какъ спросъ остается незначительнымъ» (158),—но все это остается совершенно голословнымъ. Откуда это слѣдуетъ, чтобы «избытокъ рабочихъ» получался дѣйствительно «неизбежно»? Откуда явствуетъ связь этого избытка съ отсутствіемъ въ народныхъ нравахъ тенденціи добровольнаго ограниченія рожденій? Не слѣдовало ли, прежде чѣмъ разсуждать о «народныхъ нравахъ», посмотреть на тѣ производственныя отношенія, въ которыхъ живетъ этотъ народъ? Представимъ себѣ, напр., что тѣ мелкіе и крупныя владѣльцы, о которыхъ говоритъ Ланге, были соединены по производству матеріальныхъ цѣнностей такимъ образомъ: мелкіе владѣльцы получали отъ крупныхъ земельныя надѣлы на свое содержаніе и за это работали на крупныхъ барщинахъ, обрабатывая ихъ поля. Представимъ далѣе, что эти отношенія разрушены, что гуманныя идеи до того закружили голову крупнымъ владѣльцамъ, что они «освободили своихъ крестьянъ съ землей», т. е. отрѣзали у нихъ, примѣрно, 20% надѣловъ, а за остальные 80% заставили платить покупную цѣну земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обезпеченные такимъ образомъ отъ «язвы пролетаріата», по прежнему должны работать на крупныхъ владѣльцевъ, чтобы существовать, но работаютъ они теперь уже не по наряду крѣпостного бурмистра, какъ прежде, а по свободному договору—слѣдовательно, перебиваютъ другъ у друга работу, такъ какъ теперь они уже вмѣстѣ не связаны и каждый хозяйничаетъ за свой счетъ. Этотъ порядокъ перебиванія работы неизбежно вытолкнетъ нѣкоторыхъ крестьянъ: такъ какъ они вслѣдствіе уменьшенія надѣловъ и увеличенія платежей стали слабѣе по отношенію къ помещику, то кон-

куренція ихъ увеличить норму прибавочнаго продукта, и помѣщаясь обойдется меньшимъ числомъ крестьянъ. Сколько бы ни укрѣплялась въ народныхъ правахъ тенденція добровольнаго ограниченія рожденій,—образованіе «избытка» все равно неизбежно. Разсужденіе Ланге, игнорирующее общественно-экономическія отношенія, служить только нагляднымъ доказательствомъ негодности его приѣмовъ. А Ланге ничего не даетъ еще кромѣ такихъ же разсужденій. Онъ говоритъ, что фабриканты охотно переносятъ производство въ деревенскую глушь, но той причинѣ, что тамъ *«сеида имьется наготовь потребное количество дѣтскаго труда для любого дѣла»* (161), не изслѣдуя, какая исторія, какой способъ общественнаго производства создалъ эту «готовность» родителей отдавать своихъ дѣтей въ кабалу. Его приѣмы всего рельефнѣе выливаются на такомъ его разсужденіи: онъ цитируетъ Маркса, который говоритъ, что машинная индустрія, давая возможность капиталу покупать трудъ женщинъ и дѣтей, дѣлаетъ рабочаго «работоторговцемъ».

«Такъ вотъ къ чему клонилась рѣчь!» — побѣдоносно восклицаетъ Ланге.— «Но развѣ можно думать, что рабочій, который изъ нужды продаетъ свою собственную рабочую силу, такъ легко перешелъ бы и къ торговлѣ женой и дѣтьми, если бы его и къ этому шагу не побуждали, съ одной стороны, нужда, а съ другой—соблазнъ?» (163).

Добрый Ланге довелъ свое усердіе до того, что защищаетъ рабочаго отъ Маркса, доказывая Марксу, что рабочаго «толкаетъ нужда».

...«Да и что иное въ сущности представляетъ собою эта, все дальше развивающаяся нужда, какъ не метаморфозу борьбы за существованіе?» (163).

Вотъ къ какимъ открытіямъ приводятъ «общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода»! Узнаемъ ли мы хоть что нибудь о причинахъ «нужды», объ ея политико-экономическомъ содержаніи и ходѣ развитія, если намъ говорить, что это — метаморфоза борьбы за существованіе? Вѣдь это можно сказать про все, что угодно, и про отношенія рабочаго къ капиталисту, и землевладѣльца къ фабриканту и къ крѣпостному крестьянину и т. д. и т. д. Ничего кромѣ подобныхъ безсодержательныхъ банальностей, или наивностей не даетъ намъ попытка Ланге исправить Маркса. Посмотримъ теперь, что даетъ въ подтвержденіе этой поправки послѣдователь Ланге, г. Струве—на разсужденіи о конкретномъ вопросѣ, именно перенаселеніи въ земледѣльческой Россіи.

Товарное производство — начинается г. Струве—увеличиваетъ емкость страны. «Обиѣтъ проявляетъ такое дѣйствіе не только путемъ полной, технической и экономической, реорганизаціи производства, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда и техника производства остается на прежней ступени, и

натуральное хозяйство удерживаетъ, въ общей экономіи населенія, прежнюю доминирующую роль. Но въ этомъ случаѣ послѣ короткаго оживленія совершенно неизбежно наступаетъ «перенаселеніе»; въ немъ, однако, товарное производство если и виновато, то только: 1) какъ *возбудитель*, 2) какъ усложняющій моментъ» (182). Перенаселеніе наступило бы и безъ товарнаго хозяйства: оно носитъ неканиталистическій характеръ.

Вотъ тѣ положенія, которыя выставляетъ авторъ. Съ самаго начала они поражаютъ той же голословностью, какую мы видѣли у Ланге: утверждается, что натуральнохозяйственное перенаселеніе неизбежно, но не поясняется, какимъ именно процессомъ оно создается. Обратимся къ тѣмъ фактамъ, въ которыхъ авторъ находитъ подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Данныя за 1762—1846 годъ показываютъ, что населеніе въ общемъ размножалось вовсе не быстро: ежегодный приростъ— $1,07$ — $1,0\%$. При этомъ быстрее размножилось оно, по словамъ Арсеньева, въ губерніяхъ «хлѣбопашественныхъ». «Фактъ» этотъ, заключаетъ г. Струве, «чрезвычайно характеренъ для примитивныхъ формъ народнаго хозяйства, гдѣ размноженіе стоитъ въ непосредственной зависимости отъ естественнаго плодородія, зависимости, которую можно, такъ сказать, осознать руками». Это—дѣйствіе «закона соответствія между размноженіемъ населенія и средствами существованія» (185). «Чѣмъ ниже земельный просторъ и чѣмъ выше естественное плодородіе земли, тѣмъ больше естественной приростъ населенія» (186). Выводъ совершенно безоказательный: на основаніи одного того факта, что въ губерніяхъ центральной области Евр. Россіи населеніе всего меньше возрасло съ 1790 по 1846 годъ въ Владимірской и Калужской губерніяхъ, строится цѣлый законъ о соответствіи между размноженіемъ населенія и средствами существованія. Да развѣ по «земельному простору» можно судить о средствахъ существованія населенія? (Если бы даже и признать, что столь немногочисленные данныя позволяютъ дѣлать общіе выводы). Вѣдь «населеніе» это не прямо обращало на себя добытые имъ продукты «естественнаго плодородія»: оно дѣлилось ими съ помещиками, съ государствомъ. Не ясно ли, что та или другая система помѣщичьяго хозяйства, — оброкъ или барщина, размѣръ повинностей и способы ихъ взиманія и т. д.—неизмѣримо болѣе вліяли на величину достигающаго населенію «средствъ существованія», чѣмъ земельный просторъ, находившійся не въ исключительномъ и свободномъ владѣніи производителей? Да мало этого. Независимо отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя выражались въ крѣпостномъ правѣ, населеніе связано было и тогда обихомъ: «отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія—справедливо говоритъ авторъ—т. е. общественное, національное раздѣленіе труда существовало и въ дореформенную эпоху»

(189). Спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ должны мы думать, что «средства существованія» были менѣе обильны у владимірскаго кустика или прасола, жившихъ на болотѣ, чѣмъ у тамбовскаго сѣраго земледѣльца со всѣмъ его «естественнымъ плодородіемъ земли»?

Затѣмъ г. Струве приводитъ данныя объ уменьшеніи крѣпостнаго населенія передъ освобожденіемъ. Экономисты, мнѣніе которыхъ онъ сообщаетъ, приписываютъ это явленіе «упадку благосостоянія» (189). Авторъ заключаетъ:

«Мы остановились на фактѣ уменьшенія числа крѣпостнаго населенія передъ освобожденіемъ, потому что онъ — по нашему мнѣнію — бросаетъ яркій свѣтъ на экономическое положеніе Россіи въ ту эпоху. Значительная часть страны была... насыщена населеніемъ при данныхъ технико-экономическихъ и социально-юридическихъ условіяхъ: послѣднія были прямо неблагоприятны для сколько нибудь быстраго размноженія почти 40% всего населенія» (189). При чемъ же тутъ «законъ» Мальтуса о соответствіи размноженія со средствами существованія, когда крѣпостническіе общественные порядки направляли эти средства существованія въ руки кучки крупныхъ землевладѣльцевъ, минуя массу населенія, размноженіе которой подвергается изученію? Можно-ли признать какую нибудь цѣлу за такимъ, напримѣръ, соображеніемъ автора, что наименьшій приростъ оказался или въ малоплодородныхъ губерніяхъ со слабымъ развитіемъ промышленности или въ густонаселенныхъ чистоземледѣльческихъ губерніяхъ? Г. Струве хочетъ видѣть въ этомъ проявленіе «некапиталистическаго перенаселенія», которое должно было бы наступить и безъ товарнаго хозяйства, которое «соответствуетъ натуральному хозяйству». Но съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ можно было бы сказать, что это перенаселеніе соответствуетъ крѣпостному хозяйству, что медленный ростъ населенія всего болѣе зависѣлъ отъ того усиленія эксплуатаціи крестьянскаго труда, которое произошло вслѣдствіе роста товарнаго производства въ помещичьихъ хозяйствахъ вслѣдствіе того, что они стали употреблять барщинный трудъ на производство хлѣба для продажи, а не на свои только потребности. Примѣры автора говорятъ противъ него: они говорятъ о невозможности построить абстрактный законъ народонаселенія, по формулѣ о соответствіи размноженія со средствами существованія, игнорируя исторически особыя системы общественныхъ отношеній и стадій ихъ развитія.

Перехода къ пореформенной эпохѣ, г. Струве говоритъ: «въ исторіи населенія послѣ паденія крѣпостнаго права мы видимъ ту же основную черту, что и до освобожденія. Энергія размноженія въ общемъ стоитъ въ прямой зависимости отъ земельнаго простора и земельнаго надѣла» (198).

Это доказывается табличкой, группирующей крестьян по размеру надѣла и показывающей, что приростъ населенія тѣмъ больше, чѣмъ больше размеръ надѣла. «*Да оно и не можетъ быть иначе при услови натуральнаго, «самопотребительскаго»... хозяйства, служащаго прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя» (199).*

Дѣйствительно, *еслибы это было такъ*, еслибы надѣлы служили прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ производителя, еслибы они представляли единственный источникъ удовлетворенія этихъ нуждъ,—тогда и только тогда можно было бы выводить изъ подобныхъ данныхъ общій законъ размноженія. Но мы знаемъ, что это не такъ. Надѣлы служатъ «прежде всего» для удовлетворенія нуждъ помещиковъ и государства: они отбираются отъ владѣльцевъ, если эти «нужды» не удовлетворяются въ срокъ; они облагаются платежами, превышающими ихъ доходность. Далѣе, это—не единственный ресурсъ крестьянина. Дефицитъ въ хозяйствѣ—говоритъ авторъ—долженъ превентивно и репрессивно отражаться на населеніи. Отхожіе промыслы, оталекая взрослое мужское населеніе, сверхъ того задерживаютъ размноженіе (199). Но если дефицитъ надѣльнаго хозяйства покрытъ арендой или промысловымъ заработкомъ, то средства существованія крестьянина могутъ оказаться вполне достаточными для «энергичнаго размноженія». Безспорно, что такъ благоприятно обстоятельства могутъ сложиться лишь для меньшинства крестьянъ, но—при отсутствіи спеціальнаго разбора производственныхъ отношеній внутри крестьянства—ни откуда не видно, чтобы этотъ приростъ шелъ равномерно, чтобы онъ не вызывался преимущественно благосостояніемъ меньшинства. Наконецъ, авторъ самъ ставитъ условіемъ доказательности своего положенія—натуральное хозяйство, а послѣ реформы, по его собственному признанію, широкой волной проникло въ прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что *для установленія общаго закона размноженія* данныя автора абсолютно недостаточны. Мало того—абстрактная «простота» этого закона, предполагающаго, что средства производства въ разсматриваемомъ обществѣ «служатъ прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя», даетъ совершенно неправильное, ничѣмъ не доказанное освѣщеніе въ высшей степени сложнымъ фактамъ. Напримѣръ: послѣ освобожденія—говоритъ г. Струве—помѣщикамъ выгодно было сдавать крестьянамъ земли въ аренду. «Такимъ образомъ, пищевая площадь, доступная крестьянству, т. е. его средства существованія увеличились» (200). Это прямолинейное отнесеніе всей аренды на счетъ «пищевой площади» совершенно голословно и невѣрно. Авторъ самъ указываетъ, что помещики брали себѣ львиную долю продукта, производимаго на ихъ землѣ (200), такъ что еще во-

прось, не ухудшала ли такая аренда (за отработку, напр.) положеніе арендаторовъ, не возлагала ли она на нихъ обязательства, приводившихъ въ концѣ концовъ къ уменьшенію пищевой площади. Далѣе, авторъ самъ указываетъ, что аренда подъ силу лишь закяточнымъ (216) крестьянамъ, въ рукахъ которыхъ она должна являться скорѣе средствомъ расширенія товарнаго хозяйства, чѣмъ укрѣпленія «самопотребительскаго». Если бы даже было доказано, что въ общемъ аренда улучшила положеніе «крестьянства»,—то какое значеніе могло бы имѣть это обстоятельство, когда, по словамъ самого автора, бѣдняки разорялись арендами (216)—т. е. это улучшение для однихъ означало ухудшеніе для другихъ? Въ крестьянской арендѣ, очевидно, переплетаются старыя, крѣпостническія отношенія и новыя, капиталистическія; абстрактное разсужденіе автора, не принимающаго во вниманіе ни тѣхъ, ни другихъ, не только не помогаетъ разобраться въ этихъ отношеніяхъ, а напротивъ, запутываетъ дѣло.

Остается еще одно указаніе автора на данныя, подтверждающія, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что «старое слово *малоземелье* есть только общекитейскій терминъ для того явленія, которое наука называетъ перенаселеніемъ» (186). Авторъ какъ бы опирается такимъ образомъ на всю нашу народническую литературу, которая безспорно установила тотъ фактъ, что крестьянскіе надѣлы «недостаточны», которая тысячи разъ «подкрѣпляла» свои пожеланія о «расширеніи крестьянскаго землевладѣнія» такимъ «простымъ» соображеніемъ: населеніе увеличилось—надѣлы измельчали—естественно, что крестьяне разораются. Едва ли однако это избитое народническое разсужденіе о «малоземельѣ» имѣетъ какое нибудь научное¹⁾ значеніе, едва ли оно можетъ годиться на что нибудь иное кромѣ какъ на «благонамѣренный рычъ» въ комиссіи по вопросу о безболѣзненномъ шествованіи отечества по правильному пути. Въ этомъ разсужденіи за деревьями не видно лѣса, за выѣшинки контурами явленія не видно основного общественно-экономическаго фона картинны. Принадлежность огромнаго земельного фонда представителямъ «старо-дворянскаго» уклада—съ одной стороны, приобрѣтеніе земли покупкой, съ другой—вотъ тотъ основной фонъ, при которомъ всякое «расширеніе землевладѣнія» останется жалкимъ паллаktivомъ. И народническія разсужденія о малоземелья, и Мальтусовы «законы» о соответствіи размноженія со средствами существованія грѣшатъ именно своей абстрактной «простотой», игнорирующей данныя, конкретныя общественно-экономическія отношенія.

¹⁾ Т. е. это разсужденіе совершенно не пригодно для объясненія разоренія крестьянства и перенаселенія, хотя самый фактъ «недостаточности» стоитъ вне спора, равно какъ и обостреніе его послѣдствіе роста населенія. Требуется не констатировать фактъ, а объяснить, откуда онъ вышелъ.

Этот обзор аргументов г. Струве приводит насъ къ тому выводу, что положеніе его, будто перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи объясняется несоотвѣтствіемъ размноженія со средствами существованія, рѣшительно ничѣмъ не доказано. Свои аргументы онъ заключаетъ такимъ образомъ: «и вотъ—передъ нами картина натурально-хозяйственнаго перенаселенія, осложненнаго товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаслѣдованными отъ соціального строя крѣпостной эпохи» (200). Конечно, про всякій экономическій фактъ, происходящій въ странѣ, которая переживаетъ переходъ отъ «натуральнаго» хозяйства къ «товарному», можно сказать, что это—явленіе «натурально-хозяйственное, осложненное товарнохозяйственными моментами». Можно и наоборотъ сказать: «товарнохозяйственное явленіе, осложненное натуральнохозяйственными моментами», — но все это не въ состояніи дать не только «картины», но даже и малѣйшаго представленія о томъ, какъ именно создается перенаселеніе на почвѣ *данныхъ общественно-экономическихъ отношеній*. Окончательный выводъ автора противъ г. Н.—она и его теорія капиталистическаго перенаселенія въ Россіи гласитъ: «наши крестьяне производятъ недостаточно пищи» (237).

Земледѣльческое производство крестьянъ до сихъ поръ даетъ продукты, идущіе помѣщикамъ, получающимъ чрезъ посредство государства выкупные платежи,—оно служитъ постояннымъ объектомъ операцій торговаго и ростовщическаго капитала, отбирающаго громадныя доли продукта у преобладающей массы крестьянства,—наконецъ, среди самаго «крестьянства» это производство распределено такъ сложно, что общій и средній плюсъ (аренда) оказывается для массы минусомъ, и всю эту сѣть общественныхъ отношеній г. Струве разрубаетъ какъ Гордіевъ узелъ абстрактнымъ и голословѣйшимъ рѣшеніемъ: «недостаточно производство». Итъ, эта теорія не выдерживаетъ никакой критики: она только загромождаетъ то, что подлежитъ изслѣдованію,—производственные отношенія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ крестьянъ. Мальгузіанская формула изображаетъ дѣло такъ, какъ будто передъ нами *tabula rasa*, а не крѣпостническія и буржуазныя отношенія, переплетающіеся въ современной организаціи русскаго крестьянскаго хозяйства.

Разумѣется, мы никакъ не можемъ удовлетвориться одной критикой взглядовъ г. Струве. Мы должны еще задаться вопросомъ: въ чемъ основанія его ошибки? и кто изъ противниковъ (г. Н.—онъ и г. Струве) правъ въ своихъ объясненіяхъ перенаселенія?

Г. Н.—онъ основываетъ свое объясненіе перенаселенія на фактъ «освобожденія» массы рабочихъ вслѣдствіе капитализаціи промысловъ. При этомъ онъ приводитъ только данныя о ростѣ крупной фабрично-заводской

промышленности и оставляет без вниманія параллельный фактъ роста кустарных промысловъ, выражающій углубленіе общественнаго раздѣленія труда¹⁾. Онъ переноситъ свое объясненіе на земледѣліе, даже и не пытается обрисовать точно его общественно-экономическую организацію и *степень ея развитія*.

Г. Струве указываетъ въ отвѣтъ на это, что «капиталистическое перенаселеніе въ смыслѣ Маркса тѣсно связано съ прогрессомъ техники» (183) и такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ г. — ономъ находятъ, что «техника» крестьянскаго «хозяйства почти не прогрессировала» (200), — то онъ и отказывается признать перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи капиталистическимъ и ищетъ другихъ объясненій.

Указаніе г. Струве въ отвѣтъ г. Н. — ому правильно. Капиталистическое перенаселеніе создается тѣмъ, что *капиталъ* овладѣваетъ производствомъ и, уменьшая число необходимыхъ (для производства данного количества продуктовъ) рабочихъ, создаетъ излишнее населеніе. Марксъ говоритъ о капиталистическомъ перенаселеніи въ земледѣліи слѣдующее:

«Какъ скоро капиталистическое производство овладѣваетъ сельскимъ хозяйствомъ или по мѣрѣ того, какъ оно овладѣваетъ имъ,—спросъ на сельскихъ рабочихъ абсолютно уменьшается вмѣстѣ съ накопленіемъ функционирующаго въ этой области капитала, причемъ выталкиваніе рабочихъ не сопровождается, какъ въ промышленности не земледѣльческой, большимъ привлеченіемъ ихъ. Поэтому часть сельскаго населенія постоянно готова перейти въ городское или мануфактурное населеніе²⁾. (Мануфактура—здесь въ смыслѣ всякой неzemледѣльческой промышленности). Этотъ источникъ относительнаго перенаселенія течетъ такимъ образомъ постоянно. Но его постоянное теченіе предполагаетъ уже въ деревнѣ постоянное скрытое перенаселеніе, размѣръ котораго становится видѣнъ только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. Въ силу этого сельскій рабочий вынужденъ ограничиваться минимумомъ

¹⁾ Известенъ фактъ роста нашихъ кустарныхъ промысловъ и появленія массы новыхъ послѣ реформы. Известно также теоретическое объясненіе этого факта наряду съ капитализаціей другихъ промысловъ, данное Марксомъ при объясненіи «созданія внутренняго рынка для промышленнаго капитала» [Das Kapital, 2 Aufl., s. 776 u. ff].

²⁾ Между прочимъ. Наблюденіе этого факта и, подало, ибродитво, поводъ Ланге сочинять поправку къ теоріи Маркса, которую онъ недостаточно понялъ. Вмѣсто того, чтобы анализировать этотъ фактъ, взять исходнымъ пунктомъ данный (капиталистическій) способъ общественнаго производства и слѣдить за его проявленіемъ въ земледѣліи, онъ вздумалъ сочинять изъ головы разные особенности „народныхъ правотъ“.

заработной платы и постоянно стонет одной ногой въ болотѣ пауперизма». (Das Kapital, 2 Aufl. s. 668).

Г. Н.—онъ же доказала капиталистическаго характера перенаселенія въ земледѣльческой Россіи потому, что не поставилъ его въ связь съ капитализмомъ въ земледѣліи: ограничившись бѣглымъ и неполнымъ указаніемъ на капиталистическую эволюцію частновладельческаго хозяйства, онъ совершенно упустилъ изъ виду буржуазныя черты организаціи крестьянскаго хозяйства. Г-ну Струве слѣдовало исправить эту неудовлетворительность изложенія г. Н.—она, имѣющую очень важное значеніе, ибо игнорированіе капитализма въ земледѣліи, его господства и въ тоже время его слабаго еще развитія, естественно повело къ теоріи объ отсутствіи или сокращеніи внутренняго рынка. Вѣсто того, чтобы свести теорію г. Н.—она къ конкретнымъ даннымъ нашего земледѣльческаго капитализма, г. Струве впасть въ другую ошибку, отрицая совершенно капиталистическій характеръ перенаселенія.

Вторженіемъ капитала въ земледѣльческое хозяйство характеризуется вся пореформенная исторія. Помѣщики переходили (медленно или быстро, это—другой вопросъ) къ вольнонаемному труду, который получилъ весьма широкое распространеніе и опредѣлилъ собой даже характеръ преобладающей части крестьянскихъ заработковъ; они повышали технику и вводили въ употребленіе машины. Даже вымирающая крѣпостническая система хозяйства—отдача крестьянамъ земли за отработку—подвергалась буржуазному превращенію вълѣдствіе конкуренціи крестьянъ, повзвешей къ ухудшенію положенія сѣмщиковъ, къ болѣе тяжелымъ условіямъ¹⁾ и, слѣд., къ уменьшенію числа рабочихъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ обнаружилось совершенно ясно разложеніе крестьянства на деревенскую буржуазію и пролетаріатъ. «Богатѣи» расширяли запашку, улучшали хозяйство [ср. В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.] и вынуждены были прибѣгать къ наемному труду. Все это—давно установленныя, общепризнанныя факты, которые указываютъ (какъ сейчасъ увидимъ) и самъ г. Струве. Возьмемъ еще для иллюстраціи самый обыкновенный въ русской деревнѣ случай: «кузакъ» оттягалъ у «общины», вѣрнѣе, у сособщинниковъ пролетарскаго типа, лучший кусокъ надѣльной земли и ведетъ на немъ хозяйство трудомъ и инвентаремъ тѣхъ же «обезпеченныхъ надѣломъ» крестьянъ, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны къ своему благодѣтелю—для социальнаго взаимоприспособленія

¹⁾ См. напр. Карышева (Итоги земской статистики, т. II, с. 266)—указаніе сборника по Ростовскому и/Д уѣзду на постепенное уменьшеніе доли крестьянъ въ снопщницѣ. Тамъ-же гл. V, § 6—о доплатахъ крестьянъ трудомъ при издольной арендѣ.

и солидарной дѣятельности—силою любимыхъ народниками общинныхъ началъ. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренныхъ крестьянъ и требуетъ гораздо меньше рабочихъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда этотъ кусокъ былъ въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ. Что подобныя факты не единичны, а всеобщы,—этого ни одинъ народникъ отрицать не можетъ. Самобытность ихъ теорій состоитъ только въ томъ, что они не хотятъ назвать эти факты ихъ настоящимъ именемъ, не хотятъ видѣть, что они означаютъ *господство капитала въ земледѣліи*. Они забываютъ, что первичной формой *капитала* всегда и вездѣ былъ капиталъ торговый, денежный, что капиталъ всегда беретъ техническій процессъ производства такимъ, какимъ онъ его застасть, и лишь впоследствии подвергаетъ его техническому преобразованію. Они не видятъ поэтому, что «отставая» (словами, разумеется,—не болѣе того) современные земледѣльческіе порядки отъ «грядущаго» (?) капитализма, они отстаиваютъ только *средневѣковыя* формы капитала отъ натиска его новѣйшихъ, чисто буржуазныхъ формъ.

Такимъ образомъ нельзя отрицать капиталистическаго характера перенаселенія въ Россіи, какъ нельзя отрицать господства капитала въ земледѣліи. Но совершенно нельзя, разумеется, игнорировать *степень развитія капитала*, какъ это дѣлаетъ г. Н.—онъ, который въ своемъ увлеченіи представляетъ его почти завершеннымъ, и потому сочиняетъ теорію о сокращеніи или отсутствіи внутреннего рынка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ капиталъ, хотя уже и господствуетъ, но въ очень неразвѣтой сравнительно формѣ; до полнаго развитія, до полнаго отдѣленія производителя отъ средствъ производства еще много промежуточныхъ ступеней, и каждый шагъ впередъ земледѣльческаго капитализма означаетъ *ростъ* внутреннего рынка, который, по теоріи Маркса, именно земледѣльческімъ капитализмомъ и создается,—который въ Россіи не сокращается, а напротивъ складывается и развивается.

Далѣе мы видимъ изъ этой, хотя бы и самой общей, характеристики нашего земледѣльческаго капитализма¹⁾, что онъ не покрываетъ собой *всѣхъ* общественно-экономическихъ отношеній въ деревнѣ. Рядомъ съ нимъ мы видимъ все еще и феодальныя отношенія—и въ хозяйственной области (напр., сдача отрубныхъ земель за отработку и взносы натурой—тутъ на лицо всѣ признаки феодальнаго хозяйства: и натуральный «обмѣнъ услугъ» между производителемъ и владѣльцемъ средствъ производства, и эксплуатация производителя посредствомъ *прикрытія* его

¹⁾ о немъ будетъ подробнѣе говориться ниже, по отношенію къ крестьянскимъ и помещичьимъ отдѣльно.

къ землѣ, а не отдѣленія отъ средствъ производства), и еще болѣе въ социальной и юридико-политической (обязательное «обезпеченіе надѣломъ», прикрѣпленіе къ землѣ т. е. отсутствіе свободы передвиженія, платежъ выкупныхъ т. е. того же оброка помѣщику, подчиненіе привилегированнымъ землевладѣльцамъ въ области суда и управленія и т. д.); эти отношенія тоже ведутъ, несомнѣнно, къ разоренію крестьянъ и къ безработицѣ, «перенаселенію» прикрѣпленныхъ къ землѣ батраковъ. Капиталистическая основа современныхъ отношеній не должна скрывать этихъ все еще могущественныхъ остатковъ «старо-дворянскаго» наслоенія, которые *еще не разрушены* капитализмомъ именно послѣдствіе его неразвитости. Неразвитость капитализма, «отсталость Россіи», которую народники считаютъ «счастьемъ»¹⁾, является «счастьемъ» только для эксплуататоровъ благороднаго званія. Въ современномъ «перенаселеніи» кромѣ основныхъ капиталистическихъ чертъ есть, слѣд., еще крѣпостническія.

Если мы сравнимъ это послѣднее положеніе съ положеніемъ г-на Струве о томъ, что въ «перенаселеніи» есть естественно-хозяйственная и товарно-хозяйственная черты, то увидимъ, что первое не исключаетъ второго, а, напротивъ, включается въ него: крѣпостное право относится къ явленіямъ «натурально-хозяйственнымъ», капитализмъ — къ «товарно-хозяйственнымъ». Положеніе г-на Струве, съ одной стороны, точно не указываетъ, какія именно *отношенія* натурально-хозяйственная и какія товарно-хозяйственная, а съ другой стороны, ведетъ насъ назадъ къ голословнымъ и безсодержательнымъ «законамъ» Мальтуса.

Изъ этихъ недостатковъ естественно вытекла неудовлетворительность послѣдующаго изложенія. «Какимъ же образомъ, — спрашиваетъ авторъ, — на какихъ началахъ *можетъ* быть реорганизовано наше народное хозяйство?» (202). Странный вопросъ, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно такъ, какъ привыкли ставить вопросы гг. народники, констатирующіе неудовлетворительность настоящаго и выбирающіе лучшіе пути для отечества. «Наше народное хозяйство» есть капиталистическое хозяйство, организація и «реорганизація» котораго опредѣляется буржуазіей, «завѣдующей» этимъ хозяйствомъ. Въместо вопроса о возможной реорганизаціи и слѣдовало поставить вопросъ о послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія этого буржуазнаго хозяйства, — слѣдовало съ точки зрѣнія той именно теоріи, по имя которой авторъ такъ прекрасно отвѣчаетъ г-ну В. В., аттестующему г. Н.—она «несомнѣннымъ марксистомъ», что этотъ «несомнѣнный марксистъ» понятія не имѣетъ о классовой борьбѣ и о классовомъ происхожденіи государства. Измѣненіе поста-

¹⁾ Г. Южаковъ въ „Р. Бог.“

новки вопроса въ указанномъ смыслѣ гарантировало бы автора отъ такихъ сбивчивыхъ разсужденій о «крестьянствѣ», которыми мы читаемъ на стр. 202—4.

Авторъ начинаетъ съ того, что крестьянству недостаточно надѣльной земли, что если оно и покрываетъ этотъ недостатокъ арендой, то «у значительной части его» тѣмъ не менѣе *оседа* бываетъ дефицитъ; говорить о крестьянствѣ какъ о цѣломъ нельзя, ибо это значить говорить о фикціи ¹⁾ (с. 203). И непосредственно изъ этого выводится:

«Во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—*основой, доминирующей* фактъ нашего народнаго хозяйства» (с. 204). Совершенно голословно и ни въ какой связи не стоитъ съ предыдущимъ: почему «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» не является тотъ, что крестьянство какъ цѣлое есть фикція, ибо внутри его складываются враждебные классы? Авторъ дѣлаетъ свой выводъ безъ всякихъ данныхъ, безъ всякаго анализа фактовъ, относящихся къ «недостаточному производству» [которое однако не мѣшаетъ большинству обзаводиться достаткомъ на счетъ большинства] или къ расчлененію крестьянства,—просто въ силу какого-то предубѣжденія въ пользу мальтузіанства.—«Поэтому,—продолжаетъ онъ,—увеличеніе производительности земледѣльческаго труда прямо выгодно и благотвѣтельно для русскаго крестьянства» (206). Мы въ недоумѣніи: сейчасъ только авторъ выставлялъ противъ народниковъ серьезное (и въ высшей степени справедливое) обвиненіе за разсужденія о «фикціи»—«крестьянствѣ» вообще, а теперь самъ вводитъ въ свой анализъ эту фикцію! Если отношенія внутри этого «крестьянства» таковы, что меньшинство становится «экономически крѣпкимъ», а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяетъ земельладѣніе и богатѣетъ, а большинство имѣетъ всегда дефицитъ и разоряется, то какимъ образомъ можно говорить о «выгодности и благотвѣтельности» процесса вообще? Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что процессъ выгоденъ и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первыхъ, онъ долженъ былъ разобрать положеніе каждой отдѣльной группы и изслѣдовать его особо, а во-вторыхъ, при наличности антагонизма между группами, необходимо было опредѣленно установить, съ точки зрѣнія какой группы говорится о «выгодности и благотвѣтельности». Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г-на Струве еще и еще разъ подтверждается на этомъ примѣрѣ.

Такъ какъ г. Н.—онъ по данному вопросу держится противнаго мнѣнія, утверждая, что увеличеніе производительности земледѣльческаго тру-

¹⁾ „Главный недостатокъ разсужденій г. Голубева въ его замѣчательныхъ статьяхъ состоитъ именно въ томъ, что онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ той фикціи“ (203).

да ¹⁾, если продукты будут производиться въ видѣ товара, не можетъ служить къ поднятію народнаго благосостоянія» («Очерки», с. 266),—то г. Струве и переходить теперь къ опроверженію этого мнѣнія.

Во-первыхъ, говоритъ онъ, тотъ крестьянинъ, на котораго современный кризисъ обрушился всей своей тяжестью, производитъ хлѣбъ для собственнаго потребленія; онъ не продаетъ хлѣбъ, а покупаетъ его. Для такого крестьянина—а ихъ до 50% (одношадные и безлошадные) и уже никакъ не менѣе 25% (безлошадные)—увеличеніе производительности труда во всякомъ случаѣ выгодно, несмотря на пониженіе цѣны хлѣба.

Да, конечно, увеличеніе производительности было бы для такого крестьянина выгодно, еслибы онъ могъ удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но въ этихъ-то условіяхъ и нѣтъ у одношадныхъ и безлошадныхъ крестьянъ. Имъ не подъ силу удержать теперешнее свое хозяйство, съ его примитивными орудіями, съ небрежной обработкой почвы и т. д., а не то, чтобы повышать технику. Это повышеніе техники является результатомъ роста товарнаго хозяйства. И если уже на данной ступени развитія товарнаго производства продажа хлѣба является необходимою даже для тѣхъ крестьянъ, которымъ приходится покупать хлѣбъ, то послѣдующая ступень сдѣлаетъ эту продажу еще болѣе обязательной (авторъ самъ признаетъ необходимость перехода отъ натурального хозяйства къ товарному), и конкуренція повысившихъ культуру хозяйствъ неминуемо и немедленно экспроприруетъ его до конца, обратитъ изъ пролетарія, прикѣпченнаго къ землѣ, въ пролетарія, свободнаго какъ птица. Я вовсе не хочу сказать, чтобы такая перемѣна была для него невыгодна. Напротивъ, разъ производитель уже попалъ въ лапы капитала—а это бесспорно совершившійся фактъ по отношенію къ разсматриваемой группѣ крестьянства—ему весьма «выгодна и благодѣтельна» полная свобода, позволяющая мѣнять хозяевъ, развязывающая ему руки. Но поленика гг. Струве и Н.—она ведется совсѣмъ не въ области такихъ соображеній.

Во-вторыхъ, продолжаетъ г. Струве, г. Н.—онъ «забываетъ, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда возможно только путемъ измѣненій въ *техникѣ* и въ *системѣ* хозяйства или полеводства» (206). Дѣйствительно, г. Н.—онъ забываетъ это, но это соображеніе только усиливаетъ положеніе о неизбежности окончательной экспроприации несостоятельныхъ крестьянъ, крестьянъ «пролетарскаго типа». Для измѣненія техники къ лучшему нужны свободныя денежныя средства, а у этихъ крестьянъ нѣтъ даже продовольственныхъ средствъ.

¹⁾ „Какъ бы ни было“ оно „желательно и необходимо“, — добавляетъ г. Н.—онъ.

Въ третьихъ—заключаетъ авторъ—не правъ г. Н.—онъ, утверждая что повышение производительности земледѣльческаго труда заставитъ конкурентовъ понизитъ цѣну. Для такого пониженія—справедливо говорить г. Струве—необходимо, чтобы производительность нашего земледѣльческаго труда не только догнала западно-европейскую [въ этомъ случаѣ мы будемъ продавать продуктъ по уровню общественно-необходимого труда], но и перегнала ее.—Это возраженіе вполне основательно, но оно ничего еще не говоритъ о томъ, для какой именно части «крестьянства» и въ силу чего будетъ выгодно это повышение техники.

«Вообще г. Н.—онъ напрасно такъ боится увеличенія производительности земледѣльческаго труда» (207). Происходитъ это у него, по мнѣнію г. Струве, оттого, что онъ не можетъ себѣ иначе представить прогрессъ сѣльского хозяйства, какъ въ видѣ прогресса экстенсивнаго земледѣлія, сопровождающагося все большимъ и большимъ выталкиваніемъ рабочихъ машинами.

Авторъ очень мѣтко характеризуетъ отношеніе г. Н.—она къ росту земледѣльческой техники словомъ: «боязнь»; онъ совершенно правъ, что эта боязнь—нездѣла. Но его аргументація затрогиваетъ, кажется намъ, не основную ошибку г. Н.—она.

Г. Н.—онъ, придерживаясь будто бы со всею строгостью доктрины марксизма, рѣзко отличаетъ тѣмъ не менѣе капиталистическую эволюцію земледѣлія въ капиталистическомъ обществѣ отъ эволюціи обрабатывающей промышленности,—различаетъ въ томъ отношенія, что для послѣдней онъ признаетъ прогрессивную работу капитализма, обобществленіе труда, а для первой не признаетъ. Поэтому для обрабатывающей промышленности онъ не «боится» увеличенія производительности труда, а для земледѣлія—«боится», *хотя общественно-экономическая сторона дѣла и отраженіе этого процесса на разныхъ классахъ общества совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ..* Марксъ выразилъ это положеніе особенно рельефно въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Филантропическіе англійскіе экономисты, какъ Милль, Роджерсъ, Гольдвинъ Смитъ, Фаусеттъ и т. д., и либеральные фабриканты, какъ Джонъ Врайтъ и К°, спрашиваютъ англійскихъ поземельныхъ аристократовъ, какъ Богъ спрашивалъ Каина о его братѣ Авелѣ,—куда дѣвались тысячи нашихъ крестьянъ?—Да откуда же вы-то произошли? Изъ уничтоженія этихъ крестьянъ. И почему вы не спрашиваете, куда дѣвались самостоятельные ткачи, прядальщики, ремесленники?» (Das Kapital, I, s. 780, прим. 237). Послѣдняя фраза наглядно отождествляетъ судьбу мелкихъ производителей въ земледѣліи съ судьбой ихъ въ обрабатывающей промышленности, подчеркиваетъ образо-

ваніе классовъ буржуазнаго общества въ обоихъ случаяхъ ¹⁾). Основная ошибка г. Н.—она состоитъ именно въ томъ, что онъ игнорируетъ эти классы, ихъ образованіе въ нашемъ крестьянствѣ, не задается цѣлью прослѣдить со всей точностью каждую послѣдовательную ступень развитія противоположности этихъ классовъ.

Но г. Струве совсѣмъ не такъ ставитъ вопросъ. Онъ не только не исправляетъ указанной ошибки г. Н.—она, а, напротивъ, сама *посторонна* ее, рассуждая съ точки зрѣнія профессора, стоящаго *надъ* классами, о «выгодности» прогресса для «крестьянства». Это покушеніе подняться выше классовъ приводитъ къ крайней туманности положеній автора, туманности, доходящей до того, что изъ нихъ могутъ быть сдѣланы буржуазные выводы: противъ неоспоримо вѣрнаго положенія, что капитализмъ въ земледѣліи (какъ и капитализмъ въ индустріи) ухудшаетъ положеніе производителя—онъ выдвигаетъ положеніе о «выгодности» этихъ измѣненій *вообще*. Это все равно, какъ еслибы кто-нибудь, рассуждая о машинахъ въ буржуазномъ обществѣ, сталъ опровергать теорію экономиста-романтика, что онѣ ухудшаютъ положеніе трудящихся, доказательствами «выгодности и благодѣтельности» процесса вообще.

На соображеніе г-на Струве народники, вѣроятно, отвѣтятъ: г. Н.—онъ боится не увеличенія производительности труда, а буржуазности.

Что прогрессъ техники въ земледѣліи при нашихъ капиталистическихъ порядкахъ связанъ съ буржуазностью,—это несомнѣнно, но «боязнь», пролившаяся народниками, разумеется, совершенно нецѣльна. Буржуазность—уже фактъ дѣйствительной жизни, трудъ подчиненъ капиталу уже и въ земледѣліи,—и «бояться» надо не буржуазности, а отсутствія сознанія этой буржуазности у производителя, отсутствія у него способности отстаивать свои интересы противъ нея. Поэтому надо желать не задержки развитія капитализма, а, напротивъ, полного его развитія, развитія до конца.

Чтобы подробнѣе и точнѣе указать основанія той ошибки, которую допустилъ г. Струве, трактуетъ о земледѣліи въ капиталистическомъ обществѣ, попробуемъ обрисовать (изъ самыхъ общихъ чертахъ) процессъ образованія классовъ рядомъ съ тѣми измѣненіями въ технику, которыя подали поводъ къ разсужденію. Г. Струве различаетъ при этомъ строго экстенсивное земледѣліе и интенсивное, усматривая корень заблужденій г. Н.—она въ томъ, что онъ кромѣ экстенсивнаго земледѣлія не хочетъ ничего знать. Мы постараемся доказать, что *основная* ошибка г. Н.—она не въ этомъ, что, при переходѣ земледѣлія въ интенсивное, образованіе

¹⁾ См. особенно § 4 главы XXIV: „Гезелись капиталистическихъ арендаторовъ“, Ss. 773—776.

классовъ буржуазнаго общества въ сущности однородно съ тѣмъ, которое происходитъ при развитіи экстенсивнаго земледѣлія.

Объ экстенсивномъ земледѣліи говорить много не приходится, потому что и г. Струве признаетъ, что тутъ получается выталкиваніе буржуазіей «крестьянства». Отмѣтимъ только два пункта. Во-первыхъ. Прогрессъ техники вызывается товарнымъ хозяйствомъ; для осуществленія его необходима наличность у хозяина свободныхъ, избыточныхъ [по отношенію къ его потребленію и воспроизведенію его средствъ производства] *демежмыга* средствъ. Откуда могутъ взяться эти средства? Очевидно, они не могутъ взяться ни откуда, кромѣ какъ изъ того, что обращеніе: товаръ—деньги—товаръ, превратится въ обращеніе: деньги—товаръ—деньги съ плюсомъ. Другими словами, средства эти могутъ взяться исключительно отъ капитала, отъ *торговаго и ростовщическаго капитала*, отъ тѣхъ самыхъ «коштановъ, кузановъ, кущцовъ» и т. д., которыхъ наименее російскіе впродолженіи относятъ не къ капитализму, а къ «хищничеству» (какъ будто капитализмъ не есть хищничество! какъ будто русская дѣйствительность не показываетъ намъ взаимной связи всевозможныхъ формъ этого «хищничества»—отъ самаго примитивнаго и первобытнаго кулачества до самаго новѣйшаго, рациональнаго предпринимательства!)¹⁾. — Во-вторыхъ, отмѣтимъ странное отношеніе г. Н.—она къ этому вопросу. Въ примѣчаніи 2-мъ на стр. 233-й онъ опровергаетъ автора «Южно-русскаго крестьянскаго хозяйства» В. Е. Постникова, который указываетъ, что машины повысили рабочую площадь крестьянскаго двора ровно вдвое, съ 10 дес. до 20 дес. на рабочаго и что поэтому причина «бѣдности Россіи»—«малый размѣръ крестьянскаго хозяйства». Другими словами: ростъ техники въ буржуазномъ обществѣ ведетъ къ экспроприаціи мелкихъ и отсталыхъ хозяйствъ. Г. Н.—онъ возражаетъ: завтра техника можетъ еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-ти-десятинныя хозяйства надо будетъ превратить въ 200 или 300-десятинныя.—Такой аргументъ про-

¹⁾ Есть у гг. народниковъ еще одна, весьма глубокая, пріемъ заглушивать корни нашего промышленнаго капитализма въ „народномъ производствѣ“, т. е. въ „народномъ“ ростовщичествѣ и кулачествѣ. Кулакъ несетъ свои «сбереженія» въ Государственный Банкъ; вклады его позволяютъ банку, опираясь на ростъ народнаго богатства, народныхъ сбереженій, народной предприимчивости, народной кредитоспособности, занять денегъ у англичанина. Занятые деньги „государство“ обращать на помощь... — канал ведавальновидная политика! какое печальное игнорированіе „современной науки“ и „современныхъ нравственныхъ идей“! — „минимализмажъ. Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталысто) не на капитализмъ, а на „народное производство“,—то у насъ на Руси былъ бы не капитализмъ, а „народное производство“?

тивъ положенія о буржуазности нашего земледѣія такъ же смѣшны, какъ еслибы кто-нибудь сталъ доказывать слабость и безсиліе фабричнаго капитализма на томъ основаніи, что сегодняшнюю паровую машину придется «завтра» замѣнить электрической. «Также остается неизвѣстнымъ, куда дѣваются милліоны освобожденныхъ рабочихъ силъ» — добавляетъ г. Н.—онъ, призывая на судъ передъ собой буржуазію и забывалъ, что судить-то ее некому кромѣ самого производителя. Образование резервной арміи безработныхъ—такой же необходимый результатъ примѣненія машинъ въ буржуазномъ земледѣіи, какъ и въ буржуазной индустріи.

Итакъ, по отношенію къ развитію экстенсивнаго земледѣія нѣтъ сомнѣній, что прогрессъ техники при товарномъ хозяйствѣ ведетъ къ превращенію «крестьянина» въ фермера, съ одной стороны (понимая подъ фермеромъ предпринимателя, капиталиста въ земледѣіи),—въ батрака и поденщика, съ другой. Посмотримъ теперь на тотъ случай, когда экстенсивное земледѣіе переходитъ въ интенсивное. Г. Струве именно отъ этого процесса ждеть «выгодъ» для «крестьянина». Чтобы устранить споръ о пригодности того матеріала, по которому мы описываемъ этотъ переходъ, воспользуемся сочиненіемъ: «Вліяніе пароваго транспорта на сельское хозяйство» г-на А. Н. Скворцова¹⁾, котораго такъ безмѣрно восхваляетъ г. Струве.

Въ главѣ 3-ей отдѣла IV-аго своей книги г. А. Скворцовъ разсматриваетъ «измѣненіе техники земледѣія подъ вліяніемъ пароваго транспорта» въ странахъ экстенсивныхъ и интенсивныхъ. Возьмемъ описаніе этого измѣненія въ *густо-населенныхъ экстенсивныхъ странахъ*. Можно думать, что центральная Европейская Россія подойдетъ подъ такую характеристику. Г. Скворцовъ предсказываетъ для такой страны тѣ же измѣненія, которыя неминуемо должны произойти, по мнѣнію г-на Струве, и въ Россіи, именно: превращеніе въ страну интенсивнаго земледѣія съ развитымъ фабричнымъ производствомъ

Послѣдуемъ за г. А. Скворцовымъ (§§ 4—7, с. 440—451).

Страна экстенсивная²⁾. Весьма значительная часть населенія занята

¹⁾ Въ нашей литературѣ принято относить его къ марксистамъ. На это такъ же мало основаній, — какъ и на зачисленіе въ марксисты г-на Н.—она. Г. А. Скворцовъ тоже не знакомъ съ ученіемъ о классово́й борьбѣ и классовомъ характерѣ государства. Его притяческія предложенія въ „Экономическихъ взглядахъ“ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ буржуазныхъ предложеній. Если онъ гораздо трезвѣе смотритъ на русскую действительность, чѣмъ гг. народники, то на этомъ основаніи слѣдовало бы зачислять въ марксисты и г. Б. Чичерина и многихъ другихъ.

²⁾ Г. А. Скворцовъ понимаетъ, что обыкновенно подъ экстенсивной страной разумѣютъ малонаселенную (с. 439, пр.). Онъ считаетъ это опредѣленіе

земледѣіемъ. Однообразіе занятій вызываетъ отсутствіе рынка. Населеніе бѣдно, во-первыхъ, вслѣдствіи малого размѣра хозяйствъ и, во-вторыхъ, вслѣдствіе отсутствія обмѣна: «удовлетвореніе остальныхъ потребностей, кромѣ пищи, производимой самимъ земледѣльцемъ, совершается, можно сказать, исключительно на счетъ произведеній первобытнаго ремесла, такъ называемаго у насъ кустарнаго промысла».

Проведеніе желѣзной дороги понижаетъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ и, слѣд., увеличиваетъ покупательную силу населенія. «Вмѣстѣ съ жел. дорогой страна наводняется дешевыми произведеніями мануфактуръ и фабрикъ», которыя разоряютъ мѣстныхъ кустарей. Это—первая причина «крушенія многихъ хозяйствъ».

Вторая причина того же явленія—неурожай. «Земледѣіе также вездѣ до сихъ поръ первобытнымъ способомъ т. е. всегда нерационально и, слѣд., неурожай составляютъ перѣдкое явленіе, а съ проведеніемъ жел. дороги издорожаніе продукта, бывшее прежде послѣдствіемъ неурожаевъ, или совсѣмъ не имѣетъ мѣста, или, во всякомъ случаѣ значительно уменьшается. Поэтому естественнымъ послѣдствіемъ перваго же неурожаевъ здѣсь является обыкновенно крушеніе многихъ хозяйствъ. Такой результатъ является тѣмъ скорѣе, чѣмъ вообще меньше бывае избытки нормальныхъ урожаевъ и чѣмъ болѣе населеніе должно было полагаться на заработокъ отъ кустарныхъ промысловъ».

Для того, чтобы обойтись безъ кустарныхъ промысловъ и обезпечить себя отъ неурожаевъ переходомъ къ интенсивному (раціональному) земледѣію,—необходимы, во-1-хъ, большіе избытки денежныхъ средствъ (отъ продажи по болѣе высокимъ цѣнамъ земледѣльческихъ продуктовъ) и во-2-хъ, интеллигентная сила населенія, безъ которой невозможно повышеніе раціональности и интенсивности. У массы населенія, конечно, этихъ условій нѣтъ: имъ удовлетворяетъ лишь меньшинство¹⁾.

«Избыточное населеніе, образовавшееся такимъ образомъ [т. е. вслѣдствіе «ликвидациі» многихъ хозяйствъ, разоренныхъ паденіемъ кустарныхъ промысловъ и болѣе высокими требованіями отъ земледѣлія], частью будетъ поглощено тѣми хозяйствами, которыя выйдутъ изъ этого поло-

неправильнымъ, указывая слѣдующіе признаки экстенсивности: 1) сильная колебанія урожаевъ; 2) однообразіе культуръ и 3) отсутствіе внутреннихъ рынковъ т. е. большихъ городовъ, концентрирующихъ къ себѣ обрабатывающую промышленность.

¹⁾ «Для такой страны (насыщенной населеніемъ при данной степени хозяйственной культуры) мы должны допустить, что съ одной стороны малые избытки, съ другой—низкая образовательная ступень населенія заставляють, при шибившихся условіяхъ, многихъ хозяйства перейти къ ликвидациі» (442).

женія болѣе счастливо и будутъ имѣть возможность увеличить интенсивность производства». — (т. е., конечно, будутъ «поглощены» въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, батраковъ и подельщиковъ. Г. А. Скворцовъ не говорить этого, считая, можетъ-быть, что это слишкомъ ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщенія, даетъ возможность производить трудно транспортируемые продукты, «производство которыхъ по большей части требуетъ значительной затраты живой рабочей силы». «Обыкновенно однако—продолжаетъ г. Скворцовъ—процессъ разрушенія идетъ гораздо быстрѣе процесса улучшенія сохранившихся хозяйствъ, и часть разоренныхъ хозяйствъ должна выселиться если не вонъ изъ страны, то по крайней мѣрѣ въ города. Эта-то часть составила главный контингентъ прироста населенія европейскихъ городовъ со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ».

Далѣе. «Избытокъ населенія означаетъ дешевыя рабочія руки». «При плодородной почвѣ (и благоприятномъ климатѣ...) здѣсь даны всѣ условія для культуры растений и вообще производства земледѣльческихъ продуктовъ, требующихъ большого расхода рабочей силы на единицу пространства» (443) тѣмъ болѣе, что мелкіе размѣры хозяйствъ («хотя они, быть можетъ, и увеличатся противъ прежняго») затрудняютъ введеніе машинъ. «Рядомъ съ этимъ не останется безъ измѣненія и основной капиталъ, и прежде всего долженъ измѣнить свой характеръ мертвый инвентарь». И появившіяся машинъ «необходимость лучшей обработки почвы поведетъ къ замѣнѣ прежнихъ первобытныхъ орудій болѣе совершенными, къ замѣнѣ дерева желѣзомъ и сталью. Это преобразование необходимо вызоветъ образованіе здѣсь фабрикъ, занятыхъ приготовленіемъ такихъ орудій, ибо они не могутъ быть изготовляемы сколько нибудь спесно кустарнымъ путемъ». Развитію этой отрасли промышленности благоприятствуютъ слѣдующія условія: 1) необходимость получить машину или часть ея въ скоромъ времени; 2) «рабочихъ рукъ здѣсь изобиліе и онѣ дешевы»; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) «мелкость хозяйственныхъ единицъ ведетъ къ тому, что потребление орудій увеличивается, ибо извѣстно, что мелкія хозяйства требуютъ относительно больше инвентаря». Развиваются и производства иного рода. «Вообще развивается городская жизнь». Развиваются въ силу необходимости *горные промыслы*, «такъ какъ, съ одной стороны, является масса свободныхъ рукъ, а съ другой—благодаря жел. дорогамъ и развитію перерабатывающей машиной и другой промышленности усиливается запросъ на продукты горнаго промысла».

«Такимъ образомъ такой районъ, бывшій до проведенія жел. дороги густонаселеннымъ райономъ экстенсивнаго земледѣлія, болѣе или менѣе быстро обращается въ районъ очень интенсивнаго земледѣлія съ болѣе

или менше развитимъ фабричнымъ производствомъ». Увеличеніе интенсивности проявляется измѣненіемъ системы полеводства. Трехполье невозможно вследствие колебанія урожаявъ. Необходимъ переходъ къ «плодосѣвной системѣ полеводства», устраняющей колебанія урожаявъ. Конечно, *полная плодосѣвная система*¹⁾, требующая очень высокой интенсивности, не можетъ войти въ употребленіе сразу. Сначала поэтому введется *зерновой плодосѣвный севооборотъ* [правильное чередованіе растеній], разовьется скотоводство, *посѣвъ кормовыхъ травъ*.

«Въ концѣ концовъ, слѣд., нашъ густонаселенный экстенсивный районъ болѣе или менше быстро, по мѣрѣ развитія путей сообщенія, превратится въ районъ высоко-интенсивнаго хозяйства, причемъ интенсивность его, какъ сказано, будетъ расти прежде всего на счетъ увеличенія переѣвшаго капитала».

Это подробное описаніе процесса развитія интенсивнаго хозяйства показываетъ наглядно, что и въ этомъ случаѣ прогрессъ техники при товарномъ производствѣ ведетъ къ буржуазному хозяйству, раскалываетъ непосредственнаго производителя на *фермера*, пользующагося всеми выгодами отъ интенсивности, улучшенія орудій и т. д., — и *рабочаго*, достигающаго своей «свободы» и своей «дешевизны» самымъ «благоприятнымъ условіемъ» для «прогрессивнаго развитія всего народнаго хозяйства».

Основная ошибка г. Н.—она не въ томъ, что онъ игнорируетъ интенсивное земледѣліе, ограничиваясь однимъ экстенсивнымъ, а въ томъ, что онъ вмѣсто анализа классовыхъ противорѣчій въ области русскаго земледѣльческаго производства угощаетъ читателя безсодержательными lamentаціями, что «мы» идемъ невѣрнымъ путемъ. Г. Струве повторляетъ эту ошибку, заслоня классовыя противорѣчія «объективными» разсужденіями, и направляетъ лишь второстепенныя ошибки г. Н. —она. Это тѣмъ болѣе странно, что самъ же онъ совершенно справедливо упрекаетъ этого «несомнѣннаго марксиста» въ непониманіи теоріи классовой борьбы. Это тѣмъ болѣе досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляетъ доказательное значеніе своей совершенно вѣрной мысли, что «боязнь» технического прогресса въ земледѣліи нецѣльна.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о капитализмѣ въ земледѣліи, резюмируемъ вышесказанное. Какъ ставить вопросъ г. Струве? Онъ исходитъ изъ апіорнаго, голословаго объясненія перенаселенія несоотвѣтствіемъ размноженія со средствами существованія, указываетъ далѣе, что производство пищи у нашего крестьянина «недостаточно» и рѣшаетъ вопросъ

¹⁾ Признаки ея: 1) вся земля обращается въ пашню; 2) паръ по возможности исключается; 3) въ севооборотѣ правильно чередуются растенія; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержаніе скота.

тѣмъ, что прогрессъ техники выгоденъ для «крестьянства», что «земледѣльческая производительность должна быть повышена» (211). Какъ долженъ онъ былъ поставить вопросъ, если бы былъ «связанъ доктринами» марксизма? Онъ долженъ былъ начать съ анализа данныхъ производственныхъ отношеній въ русскомъ земледѣліи и—показавши, что угнетеніе производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господствомъ *капитала*, необходимо складывающагося на почвѣ товарнаго хозяйства,—слѣдить далѣе за тѣмъ, какъ этотъ капиталъ разрушаетъ мелкое производство и какія формы при этомъ принимаютъ классовыя противорѣчія. Онъ долженъ былъ затѣмъ показать, какъ дальнѣйшее развитіе ведетъ къ тому, что капиталъ перерастаетъ изъ торговаго въ индустріальный (принимая такіа-то формы при экстенсивномъ, такіа-то при интенсивномъ хозяйствѣ), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполнѣ уже положена при старой ея формѣ, окончательно противопоставляя «свободный» трудъ «раціональному» производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставленія этихъ двухъ послѣдовательныхъ формъ буржуазнаго производства и буржуазной эксплуатаціи, чтобы «прогрессивный» характеръ измѣненія, его «выгодность» для производителя выступила съ полной очевидностью: въ первомъ случаѣ подчиненія труда капиталу прикрыто тысячами обложковъ средневѣковыхъ отношеній, которыя мѣшаютъ производителю видѣть сущность дѣла и порождаютъ у его идеолога нелѣпыя и реакціонныя идеи о возможности ждать помощи отъ «общества» и. т. п.; во второмъ случаѣ подчиненіе это совершенно свободно отъ средневѣковыхъ путъ, и производитель получаетъ возможность и понимаетъ необходимость самостоятельной, сознательной дѣятельности противъ своего «антипода». На мѣсто разсужденій о «трудномъ, болѣзненномъ переходѣ» къ капитализму выступила бы теорія, не только говорящая о классовыхъ противорѣчіяхъ, но и дѣйствительно вскрывающая ихъ въ каждой формѣ «нераціональнаго» и «раціональнаго» производства, «экстенсивнаго» и «интенсивнаго» хозяйства.

Результаты, къ которымъ привелъ насъ разборъ первой части VI-ой главы книги г. Струве, посвященной «характеру перенаселенія въ земледѣльческой Россіи», можно формулировать слѣдующимъ образомъ: 1) Мальтузіанство г-на Струве не подкрѣплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильныхъ догматическихъ посылкахъ.— 1) Перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи объясняется господствомъ капитала, а не отсутствіемъ соответствія между размноженіемъ и средствами существованія населенія.— 3) Положеніе г-на Струве о натурально-хозяйственномъ характерѣ перенаселенія вѣрно только въ томъ смыслѣ, что земледѣльческой капиталъ задерживается въ неразвитыхъ и потому осо-

бенно тяжелыхъ для производителя формахъ переживаніемъ крѣпостническихъ отношеній.—4) Г. Н.—онъ не доказалъ капиталистическаго характера перенаселенія въ Россіи потому, что не изслѣдовалъ господства капитала въ земледѣліи.—5) Основная ошибка г. Н.—она, повторяемая и г. Струве, состоитъ въ отсутствіи анализа тѣхъ классовъ, которые складываются при развитіи буржуазнаго земледѣлія.—6) Это игнорированіе классовыхъ противорѣчій у г. Струве естественно привело къ тому, что совершенно вѣрное положеніе о прогрессивности и желательности техническихъ улучшеній выражено было въ крайне неудачной и туманной формѣ.

II.

Перейдемъ теперь къ второй части главы VI, посвященной вопросу о разложеніи крестьянства. Эта часть стоитъ въ прямой и непосредственной связи съ предыдущей частью, служа дополненіемъ къ вопросу о капитализмѣ въ земледѣліи.

Указавши на повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ послѣ реформы, на расширеніе товарнаго производства въ земледѣліи, г. Струве совершенно справедливо говоритъ, что отъ этого «выиграли по преимуществу землевладельцы и зажиточные крестьяне» (214). «Дифференціація въ средѣ крестьянскаго населенія должна была увеличиться, и къ этой эпохѣ относятся первые ея усилья». Авторъ цитируетъ указанія мѣстныхъ изслѣдователей, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ подняло только благосостояніе зажиточной части крестьянства, что аренда порождаетъ среди крестьянъ «чистый бой», приводящій всегда къ побѣдѣ экономически сильныхъ элементовъ (216—7). Онъ цитируетъ изслѣдованіе В. Постникова, по которому хлѣбство крестьянъ зажиточныхъ настолько уже подчиняется рынку, что 40% посѣвной площади даютъ продуктъ, идущій на продажу, и—добавляя, что на противоположномъ полюсѣ крестьяне «теряютъ свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границѣ батрачества»—справедливо заключаетъ: «Только провинновеніемъ мѣловаго хозяйства объясняется тотъ фактъ, что экономически сильныя крестьянскія хозяйства могутъ извлекать выгоду изъ разоренія слабыхъ дворовъ» (223). «Развитіе денежнаго хозяйства и ростъ населенія—говоритъ авторъ—приводитъ къ тому, что крестьянство распадется на двѣ части, одну экономически крѣпкую, состоящую изъ представителей новой силы, капитала во всѣхъ его формахъ и степеняхъ, и другую, состоящую изъ полусамостоятельныхъ земледѣльцевъ и настоящихъ батраковъ» (239).

Какъ ни кратки замѣчанія автора объ этой «дифференціаціи», тѣмъ

не менѣе они даютъ намъ возможность отыскать слѣдующія важныя черты разсматриваемаго процесса: 1) Дѣло не ограничивается созданіемъ одного только имущественнаго неравенства: «создается «новая сила»—*капиталъ*. 2) Созданіе этой новой силы сопровождается созданіемъ новыхъ типовъ крестьянскихъ хозяйствъ: во-первыхъ, зажиточнаго, экономически крѣпкаго, ведущаго развитое товарное хозяйство, отбивающаго аренду у бѣдности, приобретающаго къ эксплуатаціи чужого труда ¹⁾;—во-вторыхъ, «пролетарскаго» крестьянства, продающаго свою рабочую силу капиталу. 3) Всѣ эти явленія прямо и непосредственно выросли на почвѣ товарнаго хозяйства. Г. Струве самъ указалъ, что безъ товарнаго производства они были невозможны, а съ его проникновеніемъ стали необходимы. 4) Явленія эти («новая сила», новые типы крестьянства) относятся къ области *производства*, а не ограничиваются областью обмѣна, товарнаго обращенія: капиталъ проявляется въ земледѣльческомъ *производствѣ*; тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо опредѣляютъ, что мы имѣемъ дѣло съ чисто капиталистическимъ явленіемъ, что въ крестьянствѣ складываются классы, свойственные капиталистическому обществу,—буржуазія и пролетариатъ. Мало этого: эти факты свидѣтельствуютъ не только о господствѣ капитала въ земледѣліи, но и о томъ, что капиталъ сдѣлалъ уже, если можно такъ выразиться, второй шагъ. Изъ торговаго капитала онъ превращается въ индустріальный, изъ господствующаго на рынкѣ въ господствующій въ производствѣ; классовая противоположность богача-скупщика и бѣдняка-крестьянина превращается въ противоположность рациональнаго буржуазнаго хозяина и свободнаго продавца свободныхъ рукъ.

Но г. Струве и тутъ не могъ обойтись безъ своего малъгузіанства; въ указанномъ процессѣ, по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла («только прогрессивная сторона»), рядомъ съ которой есть и другая: «техническая нерациональность всего крестьянскаго хозяйства»: «въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивелируетъ» крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя «въ связи съ ростомъ населенія» (223—224).

Въ этомъ довольно туманномъ разсужденіи только и видно, что авторъ предпочитаетъ крайне абстрактныя положенія конкретнымъ указаніямъ, что онъ ко всему приниживаетъ «законъ» о соответствіи размноженія со

¹⁾ Г. Струве не упоминаетъ объ этой чертѣ. Она выражается и въ употребленіи наемнаго труда, играющемъ не малую роль въ хозяйствѣ зажиточныхъ крестьянъ, и въ операціяхъ ростовщическаго и торговаго капитала въ ихъ рукахъ, равнымъ образомъ отнимающаго сверхстоимость у производителя. Безъ этого признака нельзя и говорить о «капиталѣ».

средствами существованія. Говорю: принудяется,—потому что, если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самимъ авторомъ, невозможно найти указанія на такія конкретныя черты процесса, которыя бы не подходили подъ «доктрину» марксизма и требовали признанія мальтузіанства. Намѣтимъ еще разъ этотъ процессъ: сначала мы имѣемъ натуральныхъ производителей, крестьянъ, сравнительно однородныхъ ¹⁾. Проникновение товарнаго производства ставитъ богатство отдѣльнаго двора въ зависимость отъ рынка, создавая такимъ образомъ путемъ рыночныхъ колебаній неравенство и обостряя его, сосредоточивая у однихъ въ рукахъ свободныя деньги и разоряя другихъ. Эти деньги служатъ, естественно, для эксплуатаціи немущихъ, превращаются въ капиталъ. Покуда еще разоряющіеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капиталъ можетъ эксплуатировать ихъ, оставляя ихъ хозяйничать по прежнему, на старыхъ, технически нерациональныхъ основаніяхъ, можетъ основывать эксплуатацію на покупкѣ продукта ихъ труда. Но разореніе достигается, наконецъ, такой степени развитія, что крестьянинъ вынужденъ совсѣмъ бросить хозяйство; онъ не можетъ уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать трудъ. Капиталъ беретъ тогда хозяйство въ свои руки, причемъ онъ вынужденъ уже—силою конкуренціи—организовать его рационально; онъ получаетъ возможность къ тому благодаря «сбереженнымъ» ранѣ свободнымъ денежнымъ средствамъ, онъ эксплуатируетъ уже не хозяина, а батрака, поденщика. Спрашивается, какія же это дѣй стороны отягчаютъ авторъ въ этомъ процессѣ? Какимъ образомъ находитъ онъ возможнымъ дѣлать такой чудовищный мальтузіанскій выводъ: «Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализмъ [замѣйте это «а не»]—вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ хлѣбъ насущный у нашего крестьянства» (224). Какъ будто бы этотъ насущный хлѣбъ доставался когда-нибудь цѣликомъ производителю, а не дѣлился на необходимый продуктъ и прибавочный, получаемый помещикомъ, кулакомъ, «крѣпкимъ» крестьяниномъ, капиталистомъ!

Нельзя не добавить однако, что по вопросу о «нивелировкѣ» у автора есть нѣкоторое дальнѣйшее разъясненіе. Она говоритъ, что «результатомъ указанной выше нивелировки» является «констатируемое во многихъ мѣстахъ *уменьшеніе или даже исчезновеніе средняго слоя крестьянскаго населенія*» (223). Приведа цитату изъ земскаго изданія, констатирующаго «еще большее увеличеніе разстоянія, отдѣляющаго сельскихъ

¹⁾ Работавшихъ на помещика. Эта сторона отодвигается, чтобы яснѣе представить переходъ отъ натурального хозяйства къ товарному.—Что остатки «старо-дворянскихъ» отношеній ухудшаютъ положеніе производителя и приводятъ къ разоренію особенно тяжелой формы,—объ этомъ было уже говорено.

богатствъ отъ безземельнаго и безошаднаго пролетаріата», онъ заключаетъ: «*Нисоедмливовка* въ данномъ случаѣ, конечно, въ то же время и *дифференціація*, но на почвѣ такой дифференціаціи развивается только одна *кабала*, могущая быть лишь тормазомъ экономическаго прогресса» (236).—Итакъ, оказывается уже теперь, что дифференціацію, создаваемую товарнымъ хозяйствомъ, слѣдуетъ противопоставлять не «*нивеллировкѣ*», а тоже дифференціаціи, но только дифференціаціи *имого рода*, а именно *кабалѣ*. А такъ какъ кабала «*тормозитъ*» «экономическій прогрессъ», то авторъ и называетъ эту «сторону»—«*регрессивною*».

Разсужденіе построено по крайне страннымъ, никакъ уже не марксистскимъ приемамъ. Сравниваются «кабала» и «дифференціація», какъ какія-то двѣ самостоятельныя, особыя «системы»; одна восхваляется за то, что содѣяствуетъ «прогрессу»; другая осуждается за то, что тормозитъ прогрессъ. Куда дѣлось у г. Струве то требованіе анализа классовыхъ противоположностей, за неисполненіе котораго онъ такъ справедливо нападалъ на г. Н.—она, то ученіе о «стихійномъ процессѣ», о которомъ онъ такъ хорошо говорилъ? Вѣдь эта кабала, которую онъ сейчасъ уничтожилъ за ея регрессивность, представляетъ изъ себя не что иное, какъ первоначальное проявленіе капитализма въ земледѣіи, того самаго капитализма, который ведетъ далѣе къ прогрессивному подъему техники. Въ самомъ дѣлѣ, что такое кабала? Это—зависимость владѣющаго своими средствами производства хозяина, вынужденнаго работать на рынокъ, отъ владѣльца денегъ,—зависимость, которая, какъ бы она различно ни выражалась (въ формѣ ли ростовщическаго капитала или капитала скупщика, который монополизировалъ сбытъ),—всегда ведетъ къ тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владѣльцу денегъ. Слѣдовательно, сущность ея—чисто капиталистическая ¹⁾, и вся особенность заключается въ томъ, что эта первичная, зародышевая форма капиталистическихъ отношеній дѣйкомъ опутана прежними, крѣпостническими отношеніями: тутъ нѣтъ свободнаго договора, а есть слѣзка вынужденная

¹⁾ Тутъ налицо всѣ признаки: товарное производство, какъ почва,—монополизация продукта общественнаго труда въ формѣ денегъ, какъ результатъ,—и обращеніе этихъ денегъ въ капиталъ.—Я нисколько не забываю, что эти первичныя формы капитала встрѣчались въ отдѣльныхъ случаяхъ и до капиталистическихъ порядковъ. Но дѣло именно въ томъ, что онѣ являются въ современномъ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ не какъ единичные случаи, а какъ правило, какъ господствующая система отношеній. Онѣ связаны уже (торговыми оборотами, банками) съ крупными фабрично-заводскими машиннымъ капитализмомъ и тѣмъ показали свою тенденцію;—показали, что представители этой «кабалы» только боевые солдаты единой и нераздѣльной арміи буржуазіи.

(иногда приказомъ «начальства», иногда желаніемъ сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тутъ привязанъ къ опредѣленному мѣсту и къ опредѣленному эксплуататору: въ противоположность безличному характеру товарной сдѣлки, свойственному чисто капиталистическимъ отношеніямъ, здѣсь сдѣлка носитъ непременно личный характеръ «помощи», «благодѣянія»,—и этотъ характеръ сдѣлки неизбежно ставитъ производителя въ зависимость личную, полу-крѣпостническую. Такія выраженія автора, какъ «нивелировка», «тормазъ прогресса», «регрессивность»,—не означаютъ ничего иного, кромѣ того, что капиталъ овладѣваетъ сначала производствомъ на старомъ основаніи, подчиняетъ производителя, технически отсталого. Указаніе автора, что наличие капитализма не даетъ еще права считать его «виновнымъ во всѣхъ бѣдствіяхъ», вѣрно въ томъ смыслѣ, что нашъ работающій на другихъ крестьянинъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Другими словами: въ громадной массѣ крестьянства нѣтъ почти уже вовсе самостоятельнаго производства на себя; на ряду съ работой на «рациональныхъ» буржуазныхъ хозяевъ мы видимъ только работу на владѣльцевъ денежнаго капитала, т. е. тоже капиталистическую эксплуатацию, но только неразвитую, примитивную, которая въ силу этого, во-1-хъ, несенетеро ухудшаетъ положеніе трудящагося, опутывая его сѣтью особыхъ, добавочныхъ пражимокъ, а, во-2-хъ, отнимаетъ у него (и его идеолога-народника) возможность понять классовый характеръ совершаемыхъ по отношенію къ нему «непріятностей» и собразовать свою дѣятельность съ таковымъ ихъ характеромъ. Слѣдовательно, «прогрессивная сторона» «дифференціація» (говоря языкомъ г. Струве) состоитъ въ томъ, что она выводитъ на свѣтъ ту противоположность, которая причется въ формѣ кабалы, и отнимаетъ у нея ея «стародворинскія» черты. «Регрессивность» народничества, отстаивающаго крестьянское раненіе (предъ... кулакомъ), состоитъ въ томъ, что оно желаетъ задержать капиталъ въ его средневѣковыхъ формахъ, соединяющихъ эксплуатацию съ раздробленнымъ, технически отсталымъ производствомъ, съ личнымъ зависіемъ на производителя. Въ обоихъ случаяхъ (и въ случаѣ «кабалы» и въ случаѣ «дифференціаціи») причинной угнетенія является капитализмъ, и противоположныя заявленія автора, что дѣло «не въ капитализмѣ», а въ «технической нераціональности», что «не капитализмъ—виновникъ крестьянской бѣдности» и т. п.,—показываютъ только, что г. Струве слишкомъ увлекелъ, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма передъ неразвитымъ, и благодаря абстрактности своихъ положеній противо-

поставил первое второму не как двѣ послѣдовательныя стадіи развитія даннаго явленія, а какъ особые случаи ¹⁾.

III.

Увлеченіе автора скрывается и на слѣдующемъ разсужденіи о томъ, что причину разоренія крестьянства нельзя видѣть собственно въ крупномъ промышленномъ капитализмѣ. Онъ вступаетъ тутъ въ полемику съ г. Н.—ономъ.

Дешевое производство фабричныхъ продуктовъ—говоритъ г. Н.—онъ о фабричной одеждѣ—вызвало сокращеніе домашней ихъ выработки (с. 227 у г. Струве).

«Дѣло представлено тутъ какъ разъ наизуворотъ, — восклицаетъ г. Струве,—и это не трудно показать. Уменьшеніе крестьянскаго производства прядильныхъ матеріаловъ повело къ увеличенію производства и потреблевія продуктовъ капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборотъ» (227).

Авторъ едва ли удачно ставитъ вопросъ, грозящая суть дѣла второстепенными частностями. Если исходить изъ наблюденія надъ фактомъ развитія фабричной промышленности (а г. Н.—онъ именно изъ наблюденія этого факта и исходить), то невозможно отрицать, что и дешевизна фабричныхъ продуктовъ ускоряетъ ростъ товарнаго хозяйства, ускоряетъ вытѣсненіе домашнихъ продуктовъ. Возражая противъ такого заявленія г-на Н.—она, г. Струве только ослабляетъ этимъ свою аргументацію противъ этого автора, основная ошибка котораго состоитъ въ томъ, что онъ пытается представить «фабрику» чѣмъ то оторваннымъ отъ «крестьянства», случайно, извнѣ нагрянувшимъ на него, тогда какъ на самомъ дѣлѣ «фабрика» является (я по той теоріи, которой г. Н.—онъ хочетъ вѣрно слѣдовать, и по даннымъ русской исторіи) только завершениемъ развитія товарной организаціи всего общественнаго, слѣдовательно, и крестьянскаго хозяйства. Крупно-буржуазное производство на «фабрикѣ»—прямое и непосредственное продолженіе мелко-буржуазнаго производства въ деревнѣ,

¹⁾ На какомъ основаніи—спросить, пожалуй, читатель—относится это лишь къ *увлеченію* г-на Струве?—На томъ основаніи, что авторъ вполнѣ определенно признаетъ капитализмъ, какъ основной фонъ, на которомъ совершаются всѣ описываемыя явленія. Онъ совершенно ясно указалъ на быстрый ростъ товарнаго хозяйства, на разложеніе крестьянства, на «распространеніе улучшенныхъ орудій» (245) и т. п., съ одной стороны,—на «освобожденіе крестьянъ отъ земли, созданіе сельскаго пролетаріата» (238), съ другой. Онъ самъ, наконецъ, характеризовалъ это, какъ созданіе новой силы—*маломала* и отметилъ рѣшающее значеніе появленія капиталиста между производителемъ и потребителемъ.

въ пресловутой «общинѣ» или въ кустарномъ промыслѣ. «Для того, чтобы «фабричная форма» стала «болѣе дешевой»—совершенно справедливо говорить г. Струве—крестьянинъ долженъ стать на точку зрѣнія экономической рациональности при условіи денежнаго хозяйства». «Еслибы крестьянство держалось... за натуральное хозяйство, никакіе ситцы... его не соблазнили бы».

Другими словами: «фабричная форма»—это не болѣе какъ развитое товарное производство, а развилось оно изъ того неразвитого товарнаго производства, которое мы видимъ въ крестьянскомъ и кустарномъ хозяйствѣ. Авторъ желаетъ доказать г. Н.—оному, что «фабрика» и «крестьянство» взаимно связаны, что хозяйственныя «начала» ихъ порядковъ не антагонистичны¹⁾, а тождественны. Для этого ему и слѣдовало свести вопросъ къ экономической организаціи крестьянскаго хозяйства, выставить противъ г. Н.—она положеніе, что нашъ мелкій производитель (крестьянинъ-земледѣлецъ и кустарь) есть мелкій буржуа. Такой постановкой вопроса онъ свелъ бы его изъ области разсужденій о томъ, что «должно» быть, что «можетъ» быть и т. д., въ область выясненія того, что есть, и объясненія, почему оно есть именно такъ, а не иначе. Чтобы опровергнуть это положеніе, народникамъ пришлось бы либо отрицать общезвѣстные и безпорные факты о ростѣ товарнаго хозяйства и разложеніи крестьянства [а эти факты доказываютъ мелко-буржуазность крестьянства], либо отрицать азбучныя истины политической экономіи. Принять это положеніе—значитъ признать нелѣпость противопоставленія «капитализма»—«паровому строю», признать реакціонность проектовъ «искать новыхъ путей для отечества» и обращаться съ своими пожеланіями объ «обобществленіи» къ буржуазному «обществу» или на половину еще «старо-дворянскому» «государству».

А г. Струве вмѣсто того, чтобы начать съ начала²⁾, извѣщаетъ съ конца: «мы отвергаемъ—говоритъ онъ—одно изъ самыхъ краеугольныхъ положеній народнической теории экономического развитія Россіи, — положеніе, что развитіе крупной обрабатывающей промышленности разоряетъ крестьянина-земледѣльца» (246). Это ужъ значить, какъ говорятъ иѣмцы, выискивать изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка! «Развитіе крупной обрабатывающей промышленности» означаетъ и выражаетъ развитіе капитализма. А что разоритъ крестьянина именно капитализмъ, это—крае-

¹⁾ Народники это говорили открыто и прямо, а „несомнѣнный марксизмъ“ г. Н.—онъ преподноситъ эту же бессмыслицу въ туманныхъ фразахъ о „народномъ строѣ“ и „народномъ производствѣ“, уснащенныхъ цитатами изъ Маркса.

²⁾ Т. е. начать съ мелко-буржуазности „крестьянина-земледѣльца“ для доказательства „неизбѣжности и законности“ крупнаго капитализма.

угальное положеніе совсѣмъ не народничества, а *марксизма*. Народники видѣли и видятъ причины освобожденія производителя отъ средствъ производства не въ той специфической организаціи русскаго общественнаго хозяйства, которая носитъ названіе капитализма, а въ политикѣ правительства, которая, де, была неудачна («мы» шли невѣрнымъ путемъ и т. д.), въ косности общества, недостаточно сивотившагося противъ хищниковъ и прайдохъ и т. п. Поэтому и «мѣропріятія» ихъ сводились къ дѣятельности «общества» и «государства». Напротивъ, указаніе причинъ эконпріяціи въ наличности капиталистической организаціи общественнаго хозяйства приводитъ неминуемо къ ученію о *борьбѣ классовъ* (ср. у Струве, стр. 101, 288 и ми. др.). Неточность выраженія автора состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о «земледѣльцѣ» вообще, а не о противоположныхъ классахъ буржуазнаго земледѣлія. Народники говорятъ, что капитализмъ губитъ земледѣліе и потому неспособенъ обнять все производство страны и ведетъ это производство неправильнымъ путемъ, марксисты говорятъ, что капитализмъ какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ и въ земледѣліи давитъ *производителя*, но, поднимая производство на высшую ступень, создаетъ условія и силы для «обобществленія». ¹⁾

Заключеніе г-на Струве по этому вопросу таково: «одна изъ самыхъ коренныхъ ошибокъ г. Н.—она заключается въ томъ, что онъ на современное, до сихъ поръ болѣе натуральное, чѣмъ денежное, крестьянское хозяйство цѣлкомъ перенесъ представленія и категоріи *сложившагося* капиталистическаго строя» (237).

Мы видѣли выше, что только полное игнорированіе конкретныхъ данныхъ русскаго земледѣльческаго капитализма повело къ смѣшной ошибкѣ г. Н.—она, толкующаго о «сокращеніи» внутренняго рынка. Но произошла эта ошибка не оттого, что онъ перенесъ на крестьянство всѣ категоріи капитализма, а оттого, что онъ никакихъ *категорій капитализма* не приложилъ къ даннымъ о земледѣліи. Важнѣйшей «категоріей» капитализма являются, конечно, классы буржуазіи и пролетаріата. Г. Н.—онъ не только не «перенесъ» ихъ на «крестьянство» (т. е. не проанализировалъ, къ какимъ именно группамъ или разрядамъ крестьянства приложимы эти категоріи и насколько онъ развиты), а напротивъ, разсуждалъ чисто по

¹⁾ „Великая заслуга капиталистическаго способа производства состоитъ, съ одной стороны, въ рационализированіи земледѣлія, возможность общественнаго веденія котораго создаетъ только этотъ способъ производства,—а съ другой стороны, въ доведеніи поземельной собственности до абсурда. Какъ и всѣ его другіе историческіе прогрессы, такъ и этотъ былъ купленъ капитализмомъ цѣной полнаго обнищанія непосредственнаго производителя“. (Das Kapital, III B., 2 Ть., стр. 157).

народнически, игнорируя противоположные элементы внутри «общины», разсуждая о «крестьянствѣ» вообще. Это и повело къ тому, что положеніе его о капиталистическомъ характерѣ перенаселенія, о капитализмѣ, какъ причинѣ экспроприаціи земледѣльца, осталось не доказаннымъ и послужило лишь для реакціонной утопіи.

IV.

Въ § VIII-омъ шестой главы г. Струве излагаетъ свои мысли о частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Онъ совершенно справедливо указываетъ на тѣсную и непосредственную зависимость тѣхъ формъ, которыя принимаетъ это хозяйство, отъ крестьянскаго разоренія. Разоренный крестьянинъ не «соблазняется» уже помѣщика «баснословными арендными цѣнами», и помѣщикъ переходитъ къ батрацкому труду. Въ доказательство приводятся выписки изъ статьи Распоина, обработавшаго данныя земской статистики помѣщичьяго хозяйства, и изъ земскаго изданія по текущей статистикѣ, отмѣчающаго «вынужденный» характеръ увеличенія экономическихъ запасекъ. Въ отвѣтъ гг. народникамъ, столь охотно загромаждающимъ разсужденіями о «будущности» капитализма въ земледѣліи и его «возможности» фактъ господства его въ настоящемъ, авторъ даетъ точное указаніе на *дѣйствительность*.

Мы должны остановиться тутъ лишь на оцѣнкѣ этого изложенія авторомъ, который говоритъ, что это—«прогрессивныя теченія въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ» (244), что эти теченія создаются «неумолимой логикой экономической эволюціи» (240). Мы боимся, что эти совершенно вѣрныя положенія, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя, незнакомаго съ марксизмомъ; что читатель не пойметъ—безъ опредѣленнаго указанія на смѣну такихъ то системъ хозяйства, такихъ-то формъ классовой противоположности,—почему это данное теченіе «прогрессивно» (съ той точки зрѣнія, разумѣется, съ которой только и можетъ ставиться вопросъ марксизма, съ точки зрѣнія опредѣленнаго класса), въ чемъ именно «неумолимость» происходящей эволюціи. Попробуемъ поэтому обрисовать эту смѣну (хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ) въ параллель съ народническимъ изображеніемъ дѣла.

Народникъ изображаетъ процессъ развитія батрацкаго хозяйства какъ переходъ отъ «самостоятельнаго» крестьянскаго хозяйства къ подневольному, и—естественно—считаетъ это регрессомъ, упадкомъ и т. д. Такое изображеніе процесса прямо *фактически неверно*, совершенно не соответствуетъ дѣйствительности, а потому нецѣльны и выводы изъ него. Изображая дѣло такимъ оптимистическимъ (по отношенію къ прошлому

и настоящему) образом, народникъ просто *отворачивается отъ фактовъ*, установленныхъ народнической же литературой, въ сторону утопій и возможностей.

Возьмемъ за исходный пунктъ дореформенное крѣпостническое хозяйство.

Основное содержаніе производственныхъ отношеній при этомъ было таково: помѣщикъ давалъ крестьянину землю, тѣсь для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждаго отдѣльнаго двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себѣ пропитаніе, заставляя *все прибавочное время* работать на себя, въ барщинѣ. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отиѣтить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системѣ не можетъ быть и рѣчи ¹⁾. «Надѣлъ», которымъ «обеспечивалъ» крестьянина помѣщикъ, служилъ не болѣе какъ *натуральной заработной платой*, служить исцѣлю и исключительно для эксплуатаціи крестьянина помѣщикомъ, для «обезпеченія» помѣщику рабочихъ рукъ, никогда для дѣйствительнаго обезпеченія самого крестьянина ²⁾.

Но вотъ вторгается товарное хозяйство. Помѣщикъ начинаетъ производить хлѣбъ на продажу, а не на себя. Это вызываетъ усиленіе эксплуатаціи труда крестьянъ, — затѣмъ, затруднительность системы надѣловъ, такъ какъ помѣщику уже невыгодно надѣлать подроставшія поколѣнія крестьянъ новыми надѣлами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнѣе отграничить разъ на всегда крестьянскую землю отъ помѣщичьей (особенно ежели отрѣзать при этомъ часть надѣловъ и получить «справедливый» выкупъ) и пользоваться трудомъ *толь же* крестьянъ, поставленныхъ матеріально въ худшія условія и вынужденныхъ конкурировать и съ бывшими дворовыми, и съ «дарственниками», и съ болѣе обезпеченными бывшими государственными и удѣльными крестьянами и т. д.

Крѣпостное право падаетъ.

Система хозяйства, — рассчитаннаго уже на рынокъ (это особенно важно), — мѣняется, но мѣняется не сразу. Къ старымъ чертамъ и «началамъ» присоединяются новыя. Эти новыя черты состоятъ въ томъ, что основой *Plusmachers* дѣлается уже не снабженіе крестьянина средствами производства, а, напротивъ, «свобода» его отъ средствъ производства, его нужда въ деньгахъ; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмѣнъ «услугъ» (помѣщикъ даетъ крестьянину землю,

¹⁾ И ограничиваюсь исключительно хозяйственной стороной дѣла.

²⁾ Поэтому ссылаюсь на крѣпостническое «надѣленіе земель» для доказательства «исконности» принадлежности средствъ производства производителю — сплошная фальшь.

а крестьянин—продукты прибавочного труда, хлѣбъ, холстъ и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договоръ. Эта именно форма хозяйства, совмѣщающая старыя и новыя черты, и воцарилась въ Россіи послѣ реформы. Къ стариннымъ приѣмамъ ссуды земли за работу (хозяйство за отрубанія земли, напр.) присоединилась «зимняя наемка»—ссуда денегъ подъ работу въ такой моментъ, когда крестьянинъ особенно нуждается въ деньгахъ и въ традешеву продаетъ свой трудъ, ссуда хлѣба подъ отработки и т. п. Общественно-экономическія отношенія въ бывшей «вотчинѣ» свелись, какъ видите, къ самой обыкновенной *ростовщической* сдѣлкѣ: это операциі — совершенно аналогичныя съ операциями скупщика надъ кустарями.

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типомъ послѣ реформы, и наша народническая литература дала превосходныя *описанія* этой особенно непривлекательной формы *Риизмашегей*, соединенной съ крѣпостническими традиціями и отношеніями, съ полной безпомощностью связаннаго своимъ «надѣломъ» крестьянина.

Но народники не хотѣли и не хотятъ видѣть, въ чемъ же экономическая основа этихъ отношеній?

Основой господства здѣсь является уже не только владѣніе землей, какъ въ старину, а еще владѣніе деньгами, въ которыхъ нуждается крестьянинъ (а деньги, это—продуктъ общественнаго труда, организованнаго товарнымъ хозяйствомъ),—и «свобода» крестьянина отъ средствъ къ жизни. Очевидно, что это — отношеніе капиталистическое, буржуазное. «Новыя» черты—не что иное, какъ первичная форма господства *капитала* въ земледѣліи, форма, не высвободившаяся еще отъ «стародворянскихъ» путъ, форма, создавшая классовую противоположность, присутствующую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ея.

Но вотъ съ развитіемъ товарнаго хозяйства ускользаетъ почва изъ подъ этой первичной формы господства капитала: разореніе крестьянства, дошедшее теперь уже до полнаго краха, означаетъ потерю крестьянами своего инвентаря,—на основаніи котораго держалась и крѣпостная и кабальная форма труда — и тѣмъ вынуждаетъ помещика переходить къ своему инвентарю, крестьянина—дѣлаться батракомъ.

Что этотъ переходъ и началъ совершаться въ пореформенной Россіи,—это опять таки безспорный фактъ. Фактъ этотъ показываетъ тенденцію той кабальной формы, которую народники рассматриваютъ чисто метафизически — вѣдь связи съ прошлымъ, вѣдь стремленія къ развитію; фактъ этотъ показываетъ *дальнѣйшее* развитіе капитализма, дальнѣйшее развитіе той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая въ предыдущую эпоху выразилась

въ отношеніи «кулака» къ крестьянину, а теперь начинается выражаться въ отношеніи рациональнаго хозяина къ батраку и поденщику.

И вотъ эта-то послѣдняя переѣна и вызываетъ отчаяніе и ужасъ народника, который начинаетъ кричать объ «обезземленіи», о «потерѣ самостоятельности», о «поввореніи» капитализма» и «грозящихъ» отъ него бѣдствіяхъ и т. д. и т. д.

Посмотрите на эти разсужденія безпристрастно,—и вы увидите въ нихъ, во-первыхъ, ложь, хотя бы и благонамѣренную, такъ какъ предшествуетъ этому батрацкому хозяйству не «самостоятельность» крестьянина, а другія формы отдаванія прибавочнаго продукта тому, кто не участвовалъ въ его созданіи. Во-вторыхъ, вы увидите поверхностность, мелкость народническаго протеста, обращающую его, по мѣткому выраженію г. Струве, въ вульгарный социализмъ. Почему это «поввореніе» усматривается лишь во второй формѣ, а не въ обѣихъ? почему протестъ направляется не противъ того основнаго историческаго факта, который сосредоточилъ въ рукахъ «частныхъ землевладѣльцевъ» средства производства, а лишь противъ одного изъ приѣмовъ утилизаціи этой монополіи? почему корень зла усматривается не въ тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, которыя ведаѣ и повсюду подчиняютъ трудъ владѣльцу денегъ, а лишь въ той неравномѣрности распредѣленія, которая такъ рельефно выступаетъ въ *послѣдней* формѣ этихъ отношеній? Именно это основное обстоятельство — протестъ противъ капитализма, остающійся на почвѣ капиталистическихъ же отношеній,— и дѣлаетъ изъ народниковъ идеологовъ мелкой буржуазіи, боящейся не буржуазности, а лишь обостренія ея, которое одно только и ведетъ къ коренному измѣненію.

V.

Переходимъ къ послѣднему пункту теоретическихъ разсужденій г-на Струве, къ «вопросу о рынкахъ для русскаго капитализма» (245).

Разборъ построенной народниками теоріи объ отсутствіи у насъ рынковъ авторъ начинаетъ вопросомъ: «что понимаетъ г. В. В. подъ капитализмомъ?» Такой вопросъ поставленъ очень уиѣстно, такъ какъ г. В. В. (да и всѣ народники вообще) всегда сличали русскіе порядки съ какою нибудь «западной» формою» (247) капитализма, а не съ основными его чертами, измѣняющими свою физиономію въ каждой странѣ. Жаль только, что г. Струве не даетъ полнаго опредѣленія капитализма, указывая вообще на «господство мѣноваго хозяйства» [это — одинъ признакъ; второй — присвоеніе прибавочной стоимости владѣльцемъ денегъ, господство этого послѣдняго надъ трудомъ], на «тотъ строй, который мы

видимъ на Западѣ Европы» (247), «со всеми его послѣдствіями», съ «концентраціей промышленнаго производства, капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ слова» (247).

«Г. В. В.—говоритъ авторъ—въ анализѣ понятія: «капитализмъ» не вдался, а заимствовалъ его у Маркса, который имѣлъ въ виду, по преимуществу, капитализмъ въ узкомъ смыслѣ, какъ уже вполнѣ сложившійся продуктъ отношеній, развивающихся на почвѣ подчиненія производства обмѣну» (247). Съ этимъ невозможно согласиться. Во-первыхъ, еслибы г. В. В. дѣйствительно заимствовалъ свое представленіе о капитализмѣ у Маркса, то онъ имѣлъ бы правильное представленіе о немъ и не могъ бы смѣшивать «англійскую форму» съ капитализмомъ. Во-вторыхъ, совершенно несправедливо, что Марксъ по преимуществу имѣлъ въ виду «централизацію или концентрацію промышленнаго производства» [это разумѣтъ г. Струве подъ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ]. Напрѣтивъ, онъ преслѣдовалъ развитіе товарнаго хозяйства съ первыхъ его шаговъ, онъ анализировалъ капитализмъ въ его примитивныхъ формахъ простой кооперации и мануфактуры.—формахъ, на цѣлыя вѣка отстоящихъ отъ концентраціи производства машинами,—онъ показалъ связь промышленнаго капитализма съ земледѣльческимъ. Г. Струве самъ суживаетъ понятіе капитализма, говоря: «...объектомъ изученія г-на В. В. являлись *первыя* шаги народнаго хозяйства на пути отъ натуральной организаціи къ товарной». Надо было сказать: *послѣдніе* шаги. Г. В. В., несколько извѣстно, изучалъ только пореформенное хозяйство Россіи. *Начало* товарнаго производства относится къ дореформенной эпохѣ, какъ указываетъ самъ г. Струве (189—190), и даже *капиталистическая* организація хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобожденія крестьянъ. Реформа дала толчокъ *окончательному* развитію въ этомъ смыслѣ; она выдвинула на первое мѣсто не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкціонировала господство не товарнаго, а уже капиталистическаго производства. Неясное различіе капитализма въ широкомъ и узкомъ смыслѣ¹⁾ приводитъ г. Струве къ тому, что онъ смотритъ, новидимому, на русскій капитализмъ, какъ на нѣчто будущее, а не настоящее, вполнѣ уже и окончательно сложившееся. Онъ говоритъ, напримѣръ:

«Прежде чѣмъ ставить вопросъ: неизбеженъ ли для Россіи капита-

¹⁾ Не видно, по какому признаку отличаетъ авторъ эти понятія? Если подъ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ разумѣть капитальную индустрію только, тогда непонятно, почему не выдѣлать особо и мануфактуру? Если подъ капитализмомъ въ широкомъ смыслѣ разумѣть товарное только хозяйство, тогда тутъ нѣтъ капитализма.

лизмъ въ англійской формѣ, г. В. В. долженъ былъ поставить и разрешить другой, болѣе общій и потому болѣе важный вопросъ: неизбеженъ ли для Россіи переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному и каково отношеніе капиталистическаго производства *sensu stricto* къ товарному производству вообще?» (247). Едва ли удобно такъ ставить вопросъ. Если данная, существующая теперь въ Россіи, система производственныхъ отношеній будетъ выяснена, тогда вопросъ о «неизбѣжности» того или другого развитія будетъ уже рѣшенъ *eo ipso*. Если же она не будетъ выяснена, тогда онъ не разрешимъ. Вмѣсто разсужденій о будущемъ (излюбленныхъ гг. народниками) слѣдуетъ *объяснить* настоящее. Въ пореформенной Россіи крупнѣйшимъ фактомъ выступило вышнее, если можно такъ выразиться, проявленіе капитализма, т. е. проявленіе его «вершинъ» (фабричнаго производства, жел. дорогъ, банковъ и т. п.), и для теоретической мысли тотчасъ же всталъ вопросъ о капитализмѣ въ Россіи. Народники старались доказать, что эти вершины — случайны, не связаны со всѣмъ экономическимъ строемъ, безпочвенны и потому бесцѣльны; при этомъ они оперировали съ слишкомъ узкимъ понятіемъ «капитализма», забывая, что порабощеніе труда капиталу проходитъ очень длинную и различную стадію отъ торговаго капитала до «англійской формы». Марксисты и должны доказать, что эти вершины — не болѣе какъ послѣдній шагъ развитія товарнаго хозяйства, давно сложившагося въ Россіи и *по-сюду*, во всѣхъ отрасляхъ производства, порождающаго подчиненіе капиталу труда.

Съ особенной наглядностью воззрѣніе г-на Струве на русскій капитализмъ какъ на нѣчто будущее, а не настоящее, — сказалось въ слѣдующемъ разсужденіи: «пока будетъ существовать современная община, закрѣпленная и укрѣпленная закономъ, на ея почвѣ разовьются такіа отношенія, которыя съ «народнымъ благосостояніемъ» не имѣютъ ничего общаго. [Неужели только еще «разовьются», а не развились уже такъ давно, что вся народническая литература, съ самаго своего возникновенія, болѣе четверти вѣка тому назадъ, описывала эти явленія и протестовала противъ нихъ?] На Западѣ мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ существованія парцеллярнаго хозяйства рядомъ съ крупнымъ капиталистическимъ. Наша Польша и нашъ юго-западный край представляютъ явленія того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россія, поскольку разоренное крестьянство остается на землѣ, и въ его средѣ нивелирующія вліянія оказываются сильнѣе дифференцирующихъ, приближается къ этому типу» (280). Неужели только еще приближается, а не представляетъ уже сейчасъ именно этотъ *типъ*? Для опредѣленія «типа» надо брать, конечно, основныя экономическія черты порядковъ, а не юридическія формы. Если мы посмотримъ на эти основныя

черты экономии русской деревни, то увидим изолированное хозяйство крестьянских дворов на мелких участках земли, увидим растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчас. Это именно те черты, которые дают содержание понятию: «парцеллярное хозяйство». Мы видим даже ту же задолженность крестьян ростовщикам, ту же экспроприацию, о которой свидетельствуют данные Запада. Вся разница—в особенности наших юридических порядков (гражданская неравноправность крестьян; формы землевладения), которые сохраняют ძѣльнѣе слѣды «старого режима» вслѣдствіе болѣе слабого развитія у нас капитализма. Но однородности *типа* наших крестьянских порядков съ западными эти особенности нисколько не нарушаютъ.

Переходя къ самой теоріи рынковъ, г. Струве замѣчаетъ, что гг. В. В. и Н.—онъ путаются въ порочномъ кругѣ: для развитія капитализма нуженъ ростъ рынка, а капитализмъ разоряетъ населеніе. Авторъ исправляетъ этотъ порочный кругъ своимъ мальтузианствомъ крайне неудачно, относя причину разоренія крестьянства не къ капитализму, а къ «росту населенія»!! Ошибка указанныхъ авторовъ совсемъ иная: капитализмъ не разоряетъ только, а *разлагаетъ* крестьянство на буржуазію и пролетаріатъ. Процессъ этотъ не сокращаетъ внутренний рынокъ, а *создаетъ* его: товарное хозяйство растетъ у обоихъ полюсовъ разлагающагося крестьянства, и у «пролетарскаго», вынужденнаго продавать «свободный трудъ», и у буржуазнаго, поднимающаго технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобренія и т. д. Ср. «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» г. В. В.) и развивающаго потребности. Несмотря на то, что такое пониманіе процесса непосредственно основано на теоріи Маркса о соотношеніи индустріальнаго и земледѣльческаго капитализма, г. Струве игнорируетъ его,—можетъ быть, оттого, что введенъ въ заблужденіе «теоріей рынковъ» г-на В. В. Этотъ послѣдній, опираясь якобы на Маркса, предпослѣдуетъ россійской публикѣ «теорію», будто бы въ капиталистическомъ развитомъ обществѣ неизбеженъ «излишекъ товаровъ»; внутренний рынокъ не можетъ быть достаточнымъ, необходимъ внѣшній. «Эта теорія вѣрна (?)—заявляетъ г. Струве—поскольку она констатируетъ тотъ фактъ, что прибавочная стоимость не можетъ быть реализована въ потребленіи ни капиталистовъ, ни рабочихъ, а предполагаетъ потребленіе 3-хъ лицъ» (251). Съ заявленіемъ этимъ нѣтъ никакой возможности согласиться. «Теорія» г-на В. В. (если можно тутъ говорить о теоріи) состоитъ просто въ игнорированіи того различія личнаго и производительнаго потребленія, различія средствъ производства и предметовъ потребленія, безъ котораго (различія) невозможно усвоеніе воспроизводства всего общественнаго капитала въ капиталистическомъ обществѣ. Марксъ показалъ это со

всю подробностью во II-мъ томѣ «Капитала» (третій отдѣлъ: «Воспроизводство и образованіе всего общественнаго капитала»), и отмѣтилъ рельефно и въ I-мъ, критикуя то положеніе классической политической экономіи, по которому накопленіе капитала состоитъ въ превращеніи сверхстоимости въ заработную плату только, а не въ постоянный капиталъ (средства производства) плюсъ заработная плата. Для подтвержденія такой характеристики теоріи г. В. В. ограничимся двумя цитатами изъ указанныхъ г-номъ Струве статей,

«Каждый рабочій—говорить г. В. В. въ статьѣ »Излишекъ снабженія рынка товарами»—производитъ больше, чѣмъ онъ потребляетъ, и всѣ эти излишки скопляются въ немногихъ рукахъ; владѣльцы этихъ излишковъ потребляютъ ихъ сами, для чего обывиваютъ ихъ внутри страны и за границей на разнообразныя продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ѣли и ни плясали (sic!)—всей прибавочной стоимости имъ не извести» (От. Зап. 1883 г. № 5, стр. 16) и «для большей наглядности» авторъ «разсматриваетъ главнѣйшія траты» капиталиста въ родѣ обѣдовъ, пѣздовъ и т. д. Еще рельефнѣе въ статьѣ «Мизитаризмъ и капитализмъ»: «Ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ невозможности для предпринимателей потребить весь свой доходъ» (Рус. Мысль, 1889 г. № 9, стр. 81). «Ротшильдъ не сумѣетъ потребить всего приращенія своего дохода... просто потому, что это приращеніе... представляетъ такую значительную массу предметовъ потребленія, что Ротшильдъ, всѣ прихоти котораго и безъ того исполняются, рѣшительно затруднился бы» и т. д.

Всѣ эти разсужденія, какъ видите, основаны на томъ наивномъ мнѣніи, будто капиталистъ имѣетъ цѣлью личное потребленіе, а не накопленіе сверхстоимости,—на той ошибкѣ, будто общественный продуктъ распадается на $v + m$ (переменный капиталъ плюсъ сверхстоимость), какъ училъ А. Смитъ и вся политическая экономія до Маркса, а не на $c + v + m$ (постоянный капиталъ, средства производства, и затѣмъ уже зар. плата и сверхстоимость), какъ показалъ Марксъ. Разъ исправлены эти ошибки и принято во вниманіе то обстоятельство, что въ капиталистическомъ обществѣ громадную и все растущую роль играютъ средства производства (та часть общественныхъ продуктовъ, которая идетъ не на личное, а на производительное потребленіе, на потребленіе не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая «теорія». Марксъ доказалъ во II-омъ томѣ, что вполне мыслимо капиталистическое производство безъ внѣшнихъ рынковъ, съ растущимъ накопленіемъ богатства и безъ всякихъ «3-хъ лицъ», привлеченіе которыхъ г-номъ Струве въ высшей степени неудачно. Разсужденіе г. Струве объ этомъ предметѣ тѣмъ болѣе вызываютъ

недоумѣніе, что самъ же онъ указываетъ на преобладающее значеніе для Россіи внутренняго рынка и ловить г. В. В. на «программѣ развитія русскаго капитализма», опирающагося на «крѣпкое крестьянство». Процессъ образованія этого «крѣпкаго» (сирѣчь буржуазнаго) крестьянства, идущій въ настоящее время въ нашей деревнѣ, прямо показываетъ намъ зарожденіе капитала, пролетаризированіе производителя и *ростъ внутренняго рынка*: «распространеніе улучшенныхъ орудій», напр., означаетъ именно накопленіе⁴⁾ капитала на счетъ средствъ производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вмѣсто изложенія «возможностей» дать изложеніе и объясненіе того дѣйствительнаго процесса, который выражается въ созданіи внутренняго рынка для русскаго капитализма⁵⁾.

Заключивъ этия разборъ теоретической части книги г. Струве, мы можемъ теперь попытаться дать общую, сводную, такъ сказать, характеристику основныхъ приемовъ его разсужденій и подойти такимъ образомъ къ разрѣшенію вопросовъ, выставленныхъ въ началѣ: «что именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма?», «какія положенія доктрины (марксизма) авторъ отвергаетъ, поопланяетъ или поправляетъ и что въ этихъ случаяхъ получается?».

Основная черта разсужденій автора, отмѣченная съ самаго начала, это его узкій объективизмъ, ограничивающійся доказательствомъ неизбѣжности и необходимости процесса и не стремящійся вскрывать въ каждой конкретной стадіи этого процесса присущую ему форму классоваго антагонизма,—объективизмъ, характеризующій процессъ вообще, а не тѣ антагонистическіе классы въ отдаленности, изъ борьбы которыхъ складывается процессъ.

Мы вполнѣ понимаемъ, что для такого ограниченія своихъ «замѣтокъ» одной «объективной» и притомъ наиболѣе общей частью у автора были свои основанія: во-1-хъ, желая противопоставить народникамъ основы крашедебныхъ воззрѣній, онъ излагалъ одни *principia*, предоставляя развитіе и болѣе конкретное ихъ выясненіе дальнѣйшему развитію полемики, во-2-хъ, мы въ 1-ой главѣ старались показать, что *все* отличіе народничества отъ марксизма состоитъ въ *характерѣ критики* русскаго капитализма, въ *иниѣ объясненіи* его,—откуда естественно и прорастаетъ то, что марксизмъ ограничивается иногда одними общими «объективными» положеніями, направляетъ исключительно на то, что отличаетъ наше пониманіе (*общенствительныхъ фактовъ*) отъ пониманія народническаго.

⁴⁾ Такъ какъ это очень важный и сложный вопросъ, то мы намерены посвятить ему отдельную статью.

Но у г. Струве, кажется намъ, дѣло зашло уже слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи. Абстрактность изложенія давала часто положенія, не могущія не вызвать недоразумѣній; постановка вопроса не отличалась отъ ходячихъ, царичихъ въ нашей литературѣ приемовъ рассуждать по-профессорски, сверху—о путяхъ и судьбахъ отечества, а не объ отдѣльныхъ классахъ, идущихъ такимъ-то и такимъ-то путемъ; чѣмъ конкретнѣе становились рассужденія автора, тѣмъ болѣе становилось невозможнымъ разъяснить рѣшительнаго марксизма, оставался на высотѣ общихъ абстрактныхъ положеній, тѣмъ необходимѣе было давать опредѣленные указанія на такое-то положеніе такихъ-то классовъ русскаго общества, на такое-то соотношеніе разныхъ формъ *Plusmacherei* къ интересамъ производителей.

Поэтому и казалось намъ не совсемъ неумѣстной попытка дополнять и пояснять положенія автора, прослѣдить шагъ за шагомъ его изложеніе, чтобы отиѣтить необходимость *мног* постановки вопросовъ, необходимость *болѣе последовательно* проведенія теорій классовыхъ противорѣчій.

Что касается до примыхъ отступленій г. Струве отъ марксизма—по вопросамъ о государствѣ, о перенаселеніи, о внутреннемъ рынкѣ—то объ нихъ достаточно было уже говорено.

VI.

Въ книгѣ г. Струве кромѣ критики теоретическаго содержанія народничества помѣщены, между прочимъ, еще нѣкоторые замѣчанія, касающіяся народнической экономической политики. Хотя замѣчанія эти брошены бѣгло и не развиты авторомъ, но мы не можемъ тѣмъ не менѣе не коснуться ихъ, чтобы не оставлять мѣста никакимъ недоразумѣніямъ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ содержатся указанія на «раціональность», прогрессивность, «разумность» и т. п. либеральной т. е. буржуазной политики по сравненію съ политикой народнической ¹⁾.

¹⁾ Укажемъ образчики этихъ замѣчаній: «Если государство ... жаждетъ укрупнить не крупное, а мелкое землевладѣніе, то при данныхъ экономическихъ условіяхъ оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ гоняться на неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ къ средѣ крестьянства, а только—путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически крѣпкого крестьянства» (240). „Я не могу не видѣть, что политика, которая направлена на созданіе *мелкаго* крестьянства (именно: „экономически крѣпкого, приспособленнаго къ товарному производству“) будетъ единственною разумною и прогрессивною политикою“ (281). „Россия изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной“ (251) и т. д. вплоть до заключительной фразы: «пойдемъ на выучку къ капитализму».

Очевидно, авторъ хотѣлъ сопоставить двѣ политики, остающіеся на почвѣ существующихъ отношеній,—и съ *этимъ* смысломъ онъ совершенно справедливо указалъ, что «разумна» политика, развивающая, а не задерживающая капитализмъ,—«разумна», конечно, не потому, что служба буржуазіи все сильнѣе подчиняетъ ей производители [какъ пытаются истолковать разные «простяки» или «акробаты»], а потому, что, обостряя и очищая капиталистическія отношенія, она просвѣтляетъ разумъ того, отъ кого только и зависитъ переѣмна, и развиваеетъ ему руки.

Мы не можемъ не замѣтить однако, что это совершенно вѣрное положеніе выражено г-номъ Струве неудачно, высказано имъ благодаря свойственной ему абстрактности такъ, что иногда хочется сказать ему: представьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Никогда не было въ Россіи недостатка въ людяхъ, всю душу полагавшихъ на созданіе теорій и программъ, выражающихъ интересы нашей буржуазіи, выражающихъ всѣ эти «долженствованія» сильнаго и крупнаго капитала раздавить маленькій капиталъ и разрушить его примитивные и патриархальные приемы эксплуатаціи.

Еслибы авторъ и тутъ строго выдержалъ требованія «доктрины» марксизма, обязывающей сводить изложеніе въ формулировкѣ дѣйствительнаго процесса, обязывающей вскрывать классовыя противорѣчія за каждой формой «разумной», «раціональной» и прогрессивной политики,—онъ высказалъ бы ту же мысль иначе, далъ другую постановку вопроса. Онъ привелъ бы тѣ теоріи и программы либерализма, т. е. буржуазіи, которая какъ грибы послѣ дождя росла послѣ великой реформы, въ параллель съ съ фактическими данными о развитіи капитализма въ Россіи. Онъ бы показалъ такимъ образомъ на русскомъ примѣрѣ ту связь общественныхъ идей съ экономическимъ развитіемъ, которую онъ доказывалъ въ первыхъ главахъ и которая можетъ быть окончательно установлена только материалистическимъ анализомъ русскихъ данныхъ. Онъ бы показалъ такъ обр., во-вторыхъ, какъ нашимъ народникамъ, воюющимъ въ своей литературѣ противъ буржуазныхъ теорій такъ, какъ будто бы эти теоріи представляли только ошибочныя разсужденія, а не интересы могущественнаго класса, который глухо усовѣщевать, который можетъ быть «убѣжденъ» только внушительной силой другого класса. Онъ показалъ бы такимъ образомъ, въ третьихъ, какой классъ на самомъ дѣлѣ опредѣляетъ у насъ «долженствованіе» и «прогрессъ», и какъ смѣшны народники, разсуждающіе о томъ, какой «путь» «выбрать».

Гг. народники съ особеннымъ удовольствіемъ подхватили эти выраженія г-на Струве, алорадаствуя по поводу того, что неудачная формулировка ихъ позволила разнымъ буржуазнымъ экономистамъ (въ родѣ г. Янжула)

и крепостникамъ въ родѣ г. Головина) цѣлаться за отдѣльные, вырванные изъ общей связи, фразы. Мы видѣли, въ чемъ состоитъ неудовлетворительность г. Струве, данная противникамъ такое оружіе въ руки.

Попытки критиковать народничество просто какъ теорію, неправильно указывающую пути для отечества ¹⁾, привели автора къ неясной формулировкѣ своего отношенія къ «экономической политикѣ» народничества. Тутъ могутъ увидѣть, пожалуй, огульное отрицаніе этой политики, а не одной только ея половинны. Необходимо поэтому остановиться на этомъ пунктѣ.

Философствованіе о возможности «иныхъ путей для отечества», это—только вышнее облаченіе народничества. Содержаніе же его—представительство интересовъ и точки зрѣнія русскаго мелкаго производителя, мелкаго буржуа. Поэтому народникъ въ теоріи точно такъ же является Инусомъ, который смотритъ однимъ ликомъ въ прошлое, другимъ—въ будущее, какъ въ жизни является Инусомъ мелкій производитель, который смотритъ однимъ ликомъ въ прошлое, желая укрѣпить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая объ общемъ экономическомъ строе и о необходимости считаться съ завѣдующимъ имъ классомъ,—а другимъ ликомъ въ будущее, настраиваясь враждебно противъ разоряющаго его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу цѣлкомъ, безъ разбора было бы абсолютно неправильно. Въ ней надо строго отличать ея реакціонную и прогрессивную стороны. Народничество реакціонно, поскольку оно предлагаетъ мѣропріятія, привязывающія крестьянина къ землѣ и къ старымъ способамъ производства, въ родѣ неотчуждаемости надѣловъ и т. п. ²⁾, поскольку они хотятъ задержать развитіе денежнаго хозяйства, поскольку они ждутъ не частичныхъ улучшеній, а перемѣны пути отъ «общества» и отъ воздѣйствія представителей бюрократіи (примѣръ: г. Юскаковъ, разсуждавшій въ «Рус. Бог.», 94, № 7, объ общественныхъ запашкахъ, проектируемыхъ однимъ земскимъ начальникомъ, и занимавшійся внесеніемъ поправокъ въ эти проекты). Противъ подобныхъ пунктовъ народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у нихъ и другіе пункты, относящіеся къ самоуправленію, свободному и широкому доступу знаний къ «народу», къ

¹⁾ Авторъ „Критическихъ Замѣтокъ“ указываетъ на экономическую почву народничества (стр. 166—7), но его указаніе представляется намъ недостаточнымъ.

²⁾ Чрезвычайно верно говорить г. Струве, что эти мѣры могли бы лишь „осуществить пламенные мечтанія нѣкоторыхъ западноевропейскихъ и россійскихъ землевладѣльцевъ о ирѣвннхъ земляхъ батракахъ“ (279).

«подъему» «народваго» (сирѣчь мелкаго) хозяйства посредствомъ дешевыхъ кредитовъ, улучшеній техники, упорядоченій сбыта и т. д. и т. д. и т. д. Что подобныя, обще-демократическія, мѣропріятія прогрессивны,— это признавать, конечно, иолнѣ и г. Струве. Они не задержатъ, а ускорятъ экономическое развитіе Россіи по капиталистическому пути, ускорятъ созданіе внутренняго рынка, ускорятъ ростъ техники и машинной индустріи улучшеніемъ положенія трудящагося и повышеніемъ его уровня потребностей, ускорятъ и облегчатъ его самостоятельное мышленіе и дѣйствіе.

Тутъ можетъ только развѣ возникнуть вопросъ: кто ибрыѣ и лучше указываетъ подобныя, безусловно желательныя, мѣры,—народники ли или публицисты à la г. А. Скворцовъ, который тоже распинается за техническій прогрессъ и къ которому такъ чрезвычайно расположенъ г. Струве? Мнѣ кажется, что съ марксистской точки зрѣнія нельзя сомнѣваться въ абсолютной предпочтительности народничества въ *этомъ отношеніи*. Мѣропріятія гг. Скворцовыхъ такъ же относятся къ интересамъ всего класса мелкихъ производителей, мелкой буржуазіи, какъ программа «Московскихъ Ведомостей» къ интересамъ крупной. Они рассчитаны не на всѣхъ ¹⁾, а только на отдѣльныхъ избранниковъ, удостоивающихся вниманія начальства. Они безобразно грубы, наконецъ, потому что предполагають полицейское вѣдательство въ хозяйство крестьянъ. Взятая въ совокупности, эти мѣры не даютъ никакихъ серьезныхъ гарантій и шансовъ на «производственный прогрессъ крестьянскаго хозяйства».

Народники неизмѣримо правильнѣе понимаютъ и представляютъ въ *этомъ отношеніи* интересы мелкихъ производителей, и марксисты должны отвергнуть всѣ реакціонныя черты ихъ программы, не только принять обще-демократическіе пункты, но и провести ихъ точнѣе, глубже и дальше. Чѣмъ рѣшительнѣе будутъ такія реформы въ Россіи, чѣмъ выше поднимутъ жизненный уровень трудящихся массъ,—тѣмъ рѣзче и чище выступитъ важнѣйшая и основная (уже сейчасъ) социальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не «обрываютъ демократической нити» или теченія, какъ клеветаетъ на нихъ г. В. В.,—напротивъ, они хотятъ развитія и усиленія этого теченія, хотятъ приближенія его къ жизни, хотятъ поднять ту «нить», которую выпускаетъ изъ рукъ «общество» и «интеллигенція» ²⁾.

¹⁾ Т. е., конечно, на всѣхъ, кому *доступенъ* техническій прогрессъ.

²⁾ „Недѣля“ 1894 г. № 44, г. В. В.: «Въ пореформенный періодъ нашей исторіи социальныя отношенія въ нѣкоторыхъ чертахъ приближались къ западноевропейскимъ, съ античнымъ демократизмомъ въ эпоху политической борьбы, и общественнымъ индифферентизмомъ въ послѣдующее время». Мы стара-

Это требование—не бросать «пти», а напротив укрѣплять ее—вовсе не случайно вытекаетъ изъ личнаго настроенія тѣхъ или другихъ «марксистовъ», а необходимо опредѣляется положеніемъ и интересами того класса, которому они хотятъ служить, необходима и безусловно предпринимается коренными требованіями ихъ «доктрины». Я не могу, по легко понятнымъ причинамъ, останавливаться здѣсь на разборѣ первой части этого положенія, на характеристикѣ «положенія» и «интересовъ»: да тутъ, кажется, дѣло само говорить за себя. Коснусь только второй части, именно отношенія марксистской доктрины къ вопросамъ, выражающимъ «обрызающуюся птицу».

Марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы, чѣмъ это дѣлали и дѣлаютъ гг. народники. У послѣднихъ вопросъ становится съ точки зрѣнія «современной науки, современныхъ нравственныхъ идей»; дѣло изображается такъ, будто вѣтъ какихъ-нибудь глубокихъ, въ самыхъ *производственныхъ отношеніяхъ* лежащихъ причинъ неосуществленія подобныя реформъ, а есть препятствія только въ грубости чувствъ: въ слабости «свѣтѣ разума» и т. п., будто Россія—*tabula rasa*, на которой остается только правильно начертать правильные пути. *При такой постановкѣ вопроса* ему обезначивалась, понятно, «чистота», которой хвастается г. В. В. и которая на самомъ дѣлѣ означаетъ лишь «чистоту» институтскихъ мечтаній, которая дѣлаетъ народническія разсужденія столь пригодными для бесѣдъ въ кабинетахъ.

Постановка этихъ же вопросовъ у марксистовъ необходимо должна быть совершенно иная ¹⁾. Обязанные отыскивать корни общественныхъ явленій въ производственныхъ отношеніяхъ, обязанные сводить ихъ къ *интересамъ* опредѣленныхъ классовъ, они должны формулировать тѣ же desiderata, какъ «пожеланія» такихъ-то общественныхъ элементовъ, встрѣчающія противодѣйствіе такихъ-то другихъ элементовъ и классовъ. Такая постановка будетъ уже абсолютно устранять возможность утилизациі ихъ «теорій» для профессорскихъ, поднимающихся *выше* классовъ, разсужденій, для какихъ-нибудь общающихся «блестящій усилъ» ²⁾ проектовъ и докладовъ. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой

здесь показать въ I главѣ, что этотъ „индифферентизмъ“ — не случайность, а неизбежный результатъ положенія и интересовъ того класса, изъ котораго выходятъ представители „общества“ и который рядомъ съ минусами отъ современныхъ отношеній получаетъ отъ нихъ весьма немаловажные плюсы.

¹⁾ Если они будутъ послѣдовательно проводить свою теорію. Мы много уже говорили о томъ, что неудовлетворительность изложенія у г. Струве произошла именно оттого, что онъ не выдержалъ со всей строгостью этой теоріи.

²⁾ Выраженіе г. Южанова.

перемены точки зрѣнія, но и оно очень велико, если принять во вниманіе, во какой крутой наклонной плоскости катится *современное* народничество въ болото оппортунизма. Но однимъ косвеннымъ достоинствомъ дѣло не ограничивается. Если ставить тѣ же вопросы примѣнительно къ теоріи классоваго антагонизма [для чего нуженъ, конечно, «пересмотръ фактовъ» русской исторіи и дѣятельности],—тогда отвѣты на нихъ будутъ давать формулировку насущныхъ интересовъ такихъ-то классовъ,—эти отвѣты будутъ предназначаться на практическую утилизацию ¹⁾ ихъ именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими,—они будутъ вѣдаться, говоря прекраснымъ выраженіемъ одного марксиста, изъ «тѣснаго кабинета интеллигенціи», къ самымъ участникамъ производственныхъ отношеній въ наиболѣе развигомъ и чистомъ ихъ видѣ, къ тѣмъ, на комъ всего сильнѣе сказывается «обрывъ нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что безъ нихъ имъ приходится плохо. Такая постановка вдохнетъ новую живую струю во всѣ эти старые вопросы—о податяхъ, паспортныхъ, переоселеніяхъ, волостныхъ правленіяхъ и т. п.—вопросы, которые наше «общество» обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, рѣшало и перерѣшало, и къ которымъ оно стало теперь терять всякій вкусъ.

Итакъ, какъ бы ни подходили мы къ вопросу,—разбирая ли содержаніе царящей въ Россіи системы экономическихъ отношеній и разныя формы этой системы въ ихъ исторической связи и въ ихъ отношеніи къ интересамъ трудящихся,—или же разбирая вопросъ объ «обрывѣ нити» и о причинахъ этого «обрыва»,—въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ одному выводу, къ выводу о великомъ значеніи той исторической задачи «дифференцированнаго отъ жизни труда», которая выдвигается переживаемой нами эпохой, къ выводу о всеобъемлющемъ значеніи идеи этого класса.

К. Тулинъ.

¹⁾ Конечно, для этой «утилизациі» требуется громадная подготовительная работа, притомъ работа, по самому существу своему, не видная. До этой утилизациі можетъ пройти болѣе или менѣе значительный періодъ времени, въ теченіе котораго мы будемъ прямо говорить, что нѣтъ еще никакой силы, способной дать лучшіе пути для отечества, — въ противоположность «слащавому оптимизму» гг. народниковъ, увѣряющихъ, что сила есть и остается лишь посоветовать имъ «сойти съ неправильнаго пути».

МОИМЪ КРИТИКАМЪ.

Книга «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» вызвала довольно значительное количество отзывовъ. Нѣкоторые изъ нихъ я не считаю возможнымъ оставить безъ отвѣта. Мой отвѣтъ критикамъ на ихъ возраженія и недоумѣнія я отнюдь не думаю ограничивать настоящей отвѣдью. Въ болѣе или менѣе стройномъ видѣ этотъ отвѣтъ будетъ данъ, однако, не въ полемической замѣткѣ, а въ тѣхъ задуманныхъ мною работахъ, въ которыхъ основныя положенія «Критическихъ Замѣтокъ» должны получить дальнѣйшее развитіе и обоснованіе. Предлагаемая же реплика—плодъ нѣкой естественной потребности по возможности скорѣе отвѣтить на цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ и устранить нѣкоторое, къ сожалѣнію изрядное, количество недоразумѣній, въ нихъ заключающихся. Долженъ при этомъ сказать напередъ, что нѣкоторые возраженія, въ особенности характера философскаго, будутъ мною теперь оставлены безъ отвѣта—не потому, чтобы мнѣ нечего было на нихъ отвѣтить, а, наоборотъ, потому, что мнѣ слишкомъ много пришлось бы говорить о вопросахъ, поднятыхъ этими возраженіями. Разобраться съ подлежащей основательностью въ этой области не такъ легко, какъ представляется, повидимому, моимъ критикамъ¹⁾, которые, воспользовавшись краткостью и сжатостью нѣкоторыхъ философскихъ моихъ разсужденій и ихъ недостаточною вразумительностью для непривычныхъ къ философской терминологіи читателей, упрекаютъ меня въ неточности, неясности и неполнотѣ. (г. Михайловскій «Русск. Бог.» 1894 г. № 10) или даже въ увлеченіи метафизической фразеологіей (г. Слонимскій «В. Евр.» 1894 г. № 12). Любопытно, что «жалкую» метафизическую фразеологію г. Слонимскій усматриваетъ въ фразѣ, въ которой, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни слѣда метафизики, и выражены въ сущности мысли, ставшія прочнымъ

¹⁾ Отчасти, поэтому, я въ философской части своей книжки выражаюсъ почти формально, намѣчая точныя вѣрнія и цитатами, такъ сказать, указывая, дальнѣйшее обоснованіе ихъ. Такой характеръ положенія сразу устраняетъ всякое подозрѣніе въ томъ, что авторъ хочетъ дать нѣчто большее, чѣмъ одинъ рупондція общія положенія.

достоинством научной философии (отрицание субстанциальности души, принадлежające разрушителям метафизики Юму и Канту, признание мышления и его законовъ продуктомъ коллективного социального творчества—одна изъ основныхъ идей современной научной психологіи). Что такія положенія—«тарабарщина» для г. Слонимскаго—въ этомъ я неповиненъ. Слова г. Слонимскаго о «жалкой метафизической фразеологіи» свидѣтельствуютъ лишь о прочности укоренившейся въ нашемъ обществѣ и даже—уны!—въ литературѣ дурной привычки называть метафизикой все, что мы... не понимаемъ, все, что для насъ—«тарабарщина». Привычка эта—печальный симптомъ философской необразованности и отсутствія серьезныхъ философскихъ интересовъ.

I.

Обращусь прежде всего къ г. Михайловскому. Свою критику онъ начинаетъ съ довольно характернаго недоразумѣнія. Характерно оно потому, что, такъ сказать, ad oculos демонстрируетъ противоположность между складомъ мышленія съ одной стороны г. Михайловскаго, съ другой—его современныхъ литературныхъ противниковъ, въ частности—автора «Критическихъ замѣтокъ». Г. Михайловскій недоволенъ тѣмъ, что я занимаюсь при помощи вопросительныхъ знаковъ «молчаливой, но тѣмъ не менѣе, выразительной грамматической критикой», и замѣчаетъ вполнѣ основательно, но слишкомъ вѣжливо, что подобная критика представляетъ «нѣкоторую роскошь въ трактатѣ объ экономическомъ развитіи Россіи». Я выражусь сильнѣе, и скажу, что заниматься грамматической критикой въ данномъ случаѣ было бы съ моей стороны просто глупо¹⁾.

Вопросительный знакъ мой относится не къ грамматикѣ и не къ логикѣ г. Михайловскаго, а къ пониманію имъ общественныхъ явленій. Столь немилый моему критику знакъ выражаетъ недоумѣніе по адресу того взгляда, который отсутствіемъ экономической науки и грубостью нравственныхъ идей объясняетъ развитіе цѣлаго социально-экономическаго строя (западно-европейскаго капитализма). Г. Михайловскій, повидимому, думаетъ, что экономическая наука, или, точнѣе, теорія экономической политики можетъ забываться кругомъ экономическихъ явленій, и что отъ степени совершенства этой науки зависитъ и степень совершенства социально-эко-

¹⁾ Эпизодъ съ производствомъ меня (включъ съ гг. Слонимскимъ и Волынскимъ) въ «иностранцы» самъ яростнѣе всего говорю о себѣ. Неизвиненъ, пожалуй, будетъ исправитъ здѣсь корректорскій грѣхъ, обрадовавшій г. Михайловскаго. Вместо «вѣнчанъ» въ моей книжкѣ, напечатано «вильчанъ». После этой поправки г. Михайловскаго, вѣроятно, перестанетъ смущать «шестіе товарнаго производства по вѣтамъ вильчанъ». Видѣть долженъ же онъ (не иностранецъ!) знать тяжесть: «шедшее убо научителски языкъ».

номического строя. Авторъ же «Критическихъ Замѣтокъ» раздѣляетъ тотъ взглядъ, что кругомъ экономическихъ явленій завѣдывали и завѣдуютъ общественные классы, и что экономическая наука принимаетъ участіе въ этомъ завѣдываніи постольку, поскольку ея указанія представляютъ теоретическое («научное») выраженіе интересовъ господствующихъ классовъ.

Буржуазная политическая экономія (въ смыслѣ системы экономической политики) дѣйствительно завѣдывала ¹⁾ кругомъ экономическихъ явленій и участвовала въ развитіи современнаго экономического порядка въ Европѣ—потому, что носителемъ процесса экономического развитія являлась буржуазія, а современный, такъ называемый катедерсоціализмъ, т. е. опять таки «наука», «завѣдующая кругомъ экономическихъ явленій», есть систематическое выраженіе той совокупности возможныхъ и необходимыхъ ²⁾ уступокъ буржуазіи рабочему классу, которая обычно фигурируетъ подъ кличкой соціальной реформы.

Итакъ, вотъ — истинный смыслъ заподозрѣннаго въ грамматической критикѣ вопросительнаго знака. Мой строгій критикъ оказался ужасно чувствительнымъ по части грамматической безупречности своихъ фразъ и крайне беззаботнымъ насчетъ научной продуманности своихъ соціологическихъ идей. Трехъязычное и прямо плоское объясненіе капитализма невѣжествомъ и грубостью нравовъ казалось ему стоящимъ выше «молчаливой, но тѣмъ не менѣ выразительной, критики». Я склоненъ скорѣе думать, что оно ниже даже самой молчаливой критики.

До сихъ поръ приходилось говорить о недоразумѣніи, а теперь на сцену появляется уже вѣчто, менѣе—какъ бы выразиться помилче—взывательное. Г. Михайловскій упрекаетъ меня въ томъ, что въ своей критикѣ народнической литературы я «допустилъ пробы, граничащія съ извращеніемъ» и прибавляетъ при этомъ поучительно, что «извращеніе не оправдывается никакою краткостью и бѣглостью». Мое извращеніе идей г. Михайловскаго, по мнѣнію послѣдняго, состоитъ въ томъ, что я стараюсь выставить его человекомъ, не признающимъ существованія причинной связи въ явленіяхъ общественной жизни, другими словами, не признающимъ ихъ законосообразности. Упрекъ г. Михайловскаго совершенно несправедливъ, въ чемъ, я надѣюсь, всякаго непредубѣжденнаго читателя убѣ-

¹⁾ Наука въ строгомъ смыслѣ слова ничѣмъ завѣдывать не можетъ: нормирова человѣческихъ отношеній и воздействие на жизнь *научнымъ* понятіемъ науки не объясняется.

²⁾ Возможныхъ—т. е. такихъ, которыя мыслимы безъ вмешательства изъ основнаго начала современнаго хозяйственнаго строя, необходимыхъ—т. е. такихъ, безъ которыхъ невозможно спокойное существованіе „общества“.

дуть следующее место из моей книги. Прочитывая несколько мест из сочинений г. Михайловскаго, я замѣчаю: «по этому взгляду историческій процессъ *«законосообразенъ»*, но въ то же время не существуетъ непреодолимыхъ историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить съ одной стороны исходнымъ пунктомъ, а съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ» (стр. 10—11 «Критич. Зам.»).

Неужели г. Михайловскій имѣлъ право, взводя на меня обвиненіе въ допущеніи предрѣзовъ, граничащихъ съ извращеніемъ, игнорировать столь ясныя слова, какъ: «по этому взгляду историческій процессъ *«законосообразенъ»*. Когда я писалъ эти слова, я имѣлъ ввиду именно тѣ заявленія г. Михайловскаго, которыя онъ цитируетъ для моего обвиненія. Г. Михайловскій могъ бы меня упрекнуть въ томъ, что я недостаточно или совсемъ не объяснилъ одновременной наличности въ его социологической теоріи признанія законосообразности общественныхъ явленій и отрицанія социологической необходимости для личности. Но это былъ бы уже другой упрекъ, существенно отличный и по своему содержанію, и по своему моральному значенію отъ упрека, сдѣланнаго г. Михайловскимъ. На первый упрекъ я бы отвѣтилъ словами поэта:

Aber was nicht zu begreifen
Wüst'ich auch nicht zu erklären;
Helfet alle mich belehren!

На второй—я скажу: извращеніе путемъ умолчанія совершено самимъ г. Михайловскимъ.

Весьма обрадовали г. Михайловскаго (и нѣкоторыхъ другихъ) мои слова, что чисто философское обоснованіе экономического матеріализма еще не дано; онъ даже привѣтствуетъ сказавшуюся въ этихъ словахъ «добросовѣстность и скромность», но—увы!—тутъ повторилась *«alte Geschichte, doch bleibt sie ewig neu»*: злоупотребленіе чужой скромностью. Мое замѣчаніе о философской необоснованности экономического матеріализма въ связи со всѣмъ моимъ изложеніемъ имѣло тотъ явнѣйшій опредѣленный смыслъ, что чисто философская точка зрѣнія основателей экономического матеріализма т. е. ихъ *теорія познанія* осталась невыясненной ¹⁾.

¹⁾ Пока экономическое пониманіе исторіи не будетъ обосновано на принципахъ критической философіи—какъ частный случай того матеріализма явленій (*„Materialismus, der Erscheinung“*—выраженіе Фр. Альб. Ланге), который является единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ для всякой науки,—до тѣхъ поръ я не могу считать экономическій матеріализмъ философски явнѣйшій обоснованнымъ.

Г. Михайловскій думаетъ, что я напрасно пытаюсь опереться на эстетическую философію. Онъ, повидимому, не подозреваетъ, что именно съ помощью

Это отнюдь не мешает экономическому материализму быть и строго научной теорией, и плодотворнейшим «эвристическим» принципом. Как эвристический принцип, указывающий куда следует направлять исследователю общественных явлений свое преимущественное внимание, как Ариаднина нить, экономический материализм обещает произвести полный переворот в науке.

Тѣхъ, кто какъ г. Михайловскій хитро указываютъ «что, «справедливо признавая теорію экономическаго материализма философски необоснованной и фактически непровѣренной», я тѣмъ не менѣе на ней строю «всѣ свои выходы вплоть до призыва на выучку капитализму», мы спросимъ: какая теорія общественнаго развитія болѣе обоснована научно и философски, чѣмъ экономическій материализмъ? Всѣ мои взгляды по отдѣльнымъ вопросамъ, затронутымъ въ моей книжкѣ дѣйствительно могутъ быть сведены къ основной концепціи экономическаго материализма, но для тѣхъ, кто не признаетъ его основаныхъ положеній, встаетъ, думается мнѣ, совершенно неслыхательно съ торжествомъ отдѣляться отъ моихъ выводовъ простымъ указаніемъ, что они опираются на теорію, «философски необоснованную». Экономическая эволюція во всякомъ случаѣ превосходно объясняется социологическимъ ученіемъ Маркса и потому освѣщеніе вопроса объ экономическомъ развитіи Россіи, съ точки зрѣнія этого ученія, конечно, гораздо болѣе научно, чѣмъ попытка выяснитъ тотъ же вопросъ при помощи теорій, опирающихся на пресловутую «роль личности» въ исторіи. Допустимъ, что всей человѣческой исторіи нельзя объяснить развитіемъ производительныхъ силъ и борьбою классовъ, но всежелеи гениальная социологическая теорія Маркса менѣе пригодна для выясненія условій нашего хозяйственнаго развитія, чѣмъ социологическія идеи гг. Михайловскаго и Южакова? Или г. Михайловскій полагаетъ, что въ трудахъ проф. Карѣева даго «философское обоснованіе» самобытной социологіи?

критической философіи можетъ быть окончательно показано, на какихъ грубыхъ недоразумѣніяхъ основанъ пресловутый субъективный методъ, принадлежащій къ категоріи западноевропейскихъ «старыхъ шляпочъ» самаго сомнительнаго достоинства.

До меня никто изъ марксистовъ не обращался къ критической философіи: наоборотъ, марксисты обнаруживали по отношенію къ этой философіи не только полное равнодушіе, но даже свѣтотичаніа, на мой взглядъ недостаточно мотивированный (см. напр. статью Бернштейна о Фр. Альб. Ланге въ *Neue Zeit*, X, 2). Между тѣмъ, въ тезисахъ Маркса о философіи Фейербаха, перепечатанныхъ Энгельсомъ въ его известномъ вступѣ «*Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie*» можно раскрыть зерно критическаго реализма. На это же обратилъ вниманіа авторъ спеціальной философской диссертациі о Маркxъ L. Veyhъ «*Marx als Philosoph*» (1894).

Въ своей книжкѣ я, между прочимъ, старался разсѣять туманъ, напускаемый самобытными социологами при помощи слова «личность» («Критическія Замѣтки» стр. 13, 31, 62). Но—увы!—повидимому, самая легкая вещь при нѣкоторыхъ условіяхъ не всегда и не всѣмъ возможно истолковать. Оказывается, что я обнаруживаю «презрѣніе» къ личности. Такъ, совершенно такъ обвиняли и обвиняютъ въ презрѣніи къ человѣческому духу всѣхъ не признающихъ независимости психической жизни отъ матеріальныхъ условій, въ разрушеніи нравственности, въ отрицаніи моральной отвѣтственности и т. д.—всѣхъ отвергающихъ свободу воли. Но нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ безцеремонно замалчивать, что въ одномъ случаѣ подъ личностью разумѣется одно, въ другомъ—другое. А между тѣмъ на этомъ пунктѣ строятся самыя побѣдоносныя противоположенія. «Вы помните, спрашиваетъ г. Михайловскій своихъ читателей (Русск. Бог. 1895 г. № 1-й) пазойбность, съ которою г. Струве твердилъ, что «экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ социологически ничтожную величину» и что «социологія можетъ игнорировать личность». Во приближеніи недоразумѣній, онъ это «повторялъ», онъ «вставалъ» на этомъ. Г. Бельтовъ возражая, правда, не г. Струве, иронически спрашиваетъ: «что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства» (232). И далѣе, уже не въ бровь, а прямо въ глаза: «материалисты—діалектики далеки отъ того, чтобы свести роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической».

Г. Михайловскій сильно ошибается, если полагаетъ, что въ данномъ случаѣ есть какое-либо разногласіе между г. Бельтовымъ и мной. Самъ же г. Михайловскій (въ № 10 Русскаго Богатства за 1894 г.) цитировалъ мои слова со стр. 55 «Критическихъ Замѣтокъ»: «въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе, какъ на дѣателей прогресса; что такимъ образомъ извѣстная доктрина: *Laissez faire, laissez passer*, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собою никакой теоретической почвы—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго». Конечно, г. Бельтовъ не раздѣляетъ теоріи г. Карьева о «роли личности въ исторіи», теоріи, по которой принципъ личности является «самоопредѣляемостью, т. е. самобытностью, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли и самостоятельностью, какъ стремленіе къ достиженію личнаго (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, лич-

пость, пассивно повинующаяся требованиям данной социальной организации, есть произведение над-органической среды, а она определяется извне; она не самобытная личность, а какъ бы клеточка социальной организации». (Н. Карфезъ. «Сущность исторического процесса» 613—614). А если г. Бельтовъ не разделяетъ теоріи «самобытныхъ и самоопредѣляемыхъ личностей», то почему г. Михайловскій противопоставляетъ взглядъ г. Бельтова на личность—моему? Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма «самобытная» и «несамобытная» личности, такъ сказать, одного и того же происхожденія; онъ и тутъ не признаетъ различія между «бѣлой» и «черной» костью. Съ этой точки зрѣнія различіе въ роли личностей не есть ничто первичное, чѣмъ можно было бы объяснить историческій процессъ. Разъ сами «самобытныя личности» подлежатъ объясненію, указаніе на ихъ роль ничего не объясняетъ. Отрицать роль личности въ исторіи въ только-что указанномъ смыслѣ не значить вовсе ни презрять личность, ни обрекать ее на пассивность.

Г. Михайловскій благоразумно воздержался отъ пространныхъ разсужденій о моемъ презрѣніи къ личности, но всетаки онъ ввелъ въ соблазнъ одного изъ малыхъ сихъ, наговорившаго совершенно невѣроятныя вещи на эту тему. Я имѣю въ виду брошюру г. Гофштеттера: «Доктринеры капитализма» (Спб. 1895 г.). Тутъ есть все до разглагольствованій о свободѣ воли исключительно, нѣтъ только ни логики, ни здраваго смысла. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ. «Если социальный законъ складается изъ желаній, то, следовательно, желанія становятся закономъ» (вотъ такъ силлогизмъ! Ich rate Euch drum hiest collegium logicum!). «Прямыхъ выводовъ изъ отрицанія роли личности въ исторіи и социологическаго фатализма марксистовъ является полная пассивность, упованіе на волю непреодолимыхъ законовъ социальнаго развитія и дряблый гражданскій индифферентизмъ» (10). Воля законовъ! Вѣдь, вы сами г. Гофштеттеръ сказали выше, что «всякій законъ . . . только констатируетъ порядокъ . . . явленій» (9). Откуда же у закона воля! Точно также Вы сами вѣрно замѣтили, что «смѣшно против(по)ставить эти (т. е. научные) законы свободной воли человечества» (человѣка?) (9). Зачѣмъ же Вы на слѣдующей страницѣ въ серьезъ дѣлаете смѣшное?! «Прямыхъ выводовъ . . . является . . . дряблый гражданскій индифферентизмъ». Образчикъ своихъ прямыхъ выводовъ г. Гофштеттеръ далъ намъ уже выше, и мы поневолѣ относимся скептически къ его «непреодолимой» логикѣ, но если она сочетается съ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ ученія Маркса, то г. Гофштеттеру лучше было бы о гражданскомъ индифферентизмѣ . . . помолчать. Онъ самъ дѣйствительно не индифферентенъ (стр. 27) къ такого рода союзамъ, къ которымъ мы болѣе чѣмъ индифферентны. И о гражданскомъ индифферентизмѣ марксистовъ сибѣтъ гово-

речь господина, который жалбеть о растрате силъ русской интеллигенции «въ бесплодной погонѣ за иными же *экономическими* (курсивъ г. Г.) идеалами» (19). Съ какихъ поръ, спросимъ мы г. Гофштеттера, индифферентизмъ къ т. н. «неэкономическимъ» идеаламъ считается гражданскимъ мужествомъ? Большое общественное значеніе экономического матеріализма, между прочимъ, заключается и въ томъ, что онъ устраняетъ самое вредное раздѣленіе «экономическаго» и «неэкономическаго»¹⁾. На практикѣ это приводитъ къ тому, что представителей экономического матеріализма ни на какой экономической мѣшкѣ провести нельзя. Народники же, какъ показываетъ примѣръ г. Гофштеттера, до сихъ поръ, несмотря на обильный и печальный опытъ, еще не все проникли въ тайну экономической мѣшкы. Или, быть можетъ, г. Гофштеттеръ принадлежитъ не къ тѣмъ, кого проводить, а къ тѣмъ, кто самъ другихъ проводитъ? Для такой миссіи, однако, слѣдовало бы обзавестись лучшимъ логическимъ аппаратомъ. Не жѣлало бы также просто поучиться. А то вѣдь не оберешься курьезовъ. Вотъ, напр., еще одинъ изъ многихъ. Указаніе автора «Критическихъ Замѣтокъ», что «при созданіи продуктоваго социальнаго творчества западно-европейскаго трудящагося населенія сознаніе и активность присутствовали въ гораздо большей степени, чѣмъ при созданіи и разложеніи самой общины» (Кр. Зам. 163), по мнѣнію г. Гофштеттера (10), противорѣчитъ теоріи экономического матеріализма. Г. Гофштеттеръ думаетъ, повидимому, что всякая активность и сознательность можетъ быть признаваема и объясняема только съ точки зрѣнія «роля личности въ исторіи». Онъ не знаетъ или не понимаетъ, что переходъ капитализма въ новую экономическую формацію съ точки зрѣнія *экономическаго матеріализма* немислимъ, безъ возрастающей сознательности и активности заинтересованнаго класса, и что самая эта доктрина составляетъ существенное содержаніе *сознаніемъ* западно-европейскаго трудящагося населенія. Словомъ, г. Гофштеттеръ или не знаетъ того ученія, о которомъ говоритъ, или же его собственное сознаніе совершенно «непреборимо» для логики. Этотъ глубокомысленный «штатскъ-народникъ» далъ дальнѣйшее развитіе и... законченную форму въкоторыхъ намекахъ г. Михайловскаго. «Что касается русскаго капитализма», писалъ послѣдній, «какъ социальной группы, то онъ можетъ быть и признаетъ г. Струне своимъ стремленіемъ и выраженіемъ. Часть этой группы въ отвѣтъ на призывъ на выучку къ

¹⁾ Справедливость требуетъ сказать, что отибыченныя ноты во есть оригинальное достояніе г. Гофштеттера: онъ цѣлкомъ занятъ или изучаетъ «реакціонныхъ теорій мастера», г. В. В. (противъ предисловія къ «Судьбамъ капитализма» см. «Наша направленія» стр. 81, 108, 143).

капитализму, по своему патриархальному невѣжеству, скажетъ пожалуй: не надо намъ тебя, еще грѣха съ тобой наживешь! Но другая часть будетъ рада вѣсть къ себѣ на выучку способныхъ людей, хотя бы и съ камнемъ за пазухой. Камень этотъ состоитъ въ томъ, что капитализмъ есть историческая категория, которая уступитъ съ теченіемъ времени мѣсто иному строю. Но вѣдь улита бѣлетъ, когда-то будетъ! Когда-то еще она доползетъ до послѣдняго термина гегелевской триады, да и такъ ли оно вообще будетъ, а пока погрѣть руки можно». (Р. Б., № 10, 1894). Г. Гофштеттеръ эту ловкую инсинуацію высклазалъ въ болѣе грубой формѣ. Типичнымъ образчикомъ «...прислужничества интеллигенціи капитализму служить вся книга г. Струве» (25). Еще до гг. Михайловскаго и Гофштеттера это обвиненіе было брошено въ лицо тогда анонимныхъ еще марксистовъ въ книгѣ г. В. В. «Наша направленія», и имъ же повторено по моему личному адресу въ статьяхъ «Нѣмецкій социалдемократизмъ и русскій буржуазизмъ» (Недѣля, №№ 47—49), и по адресу всѣхъ марксистовъ въ книгѣ «Очерки теоретической экономіи». Оно опирается на цѣлую цѣпь недоразумѣній, которую разъ навсегда слѣдуетъ разрушить. Прежде однако, чѣмъ, заняться этими дѣлами, я обращусь къ совершенно одиноко стоящему критику—г. Головину изъ Русскаго Вѣстника (1894 г. № 12). Здѣсь передъ нами попытка столь основательнаго извращенія или примѣръ столь глубокаго непониманія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ положеній моей книги, что я вынужденъ прибѣгнуть къ сопоставленію ея regard текста «благосклонной» рецензіи г. Головина и моего:

Г. Головинъ.

Струве.

„Г. Струве, довольно такъ живо пердъзываетъ по своему основную идею книги Маркса „Das Kapital“, утверждая, что главная ея задача—разъясненіе великой культурной роли капитализма. Плодотворную мощь капитала, какъ создателя добавочной цѣнности, Марксъ, конечно, признаетъ, но за это именно онъ его и клеймитъ, такъ какъ вся его книга не что иное, какъ обвинительный такъ противъ этого самаго капитала, какъ тенденціозное изобличеніе его въ систематическомъ ограбленіи рабочихъ“ (стр. 326).

„Капиталъ“ Маркса, представляя въ теоретическомъ отношеніи дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній Рикардо, въ одно и тоже время является и широкой исторической картиной и социально-политическимъ обличеніемъ капиталистическаго строя“ (стр. 123).

„Марксу принадлежитъ извѣстное противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія—прогресса въ области производства и прогресса въ области распределенія. Марксъ видитъ въ несоотвѣтствіи между способами производства и организаціей распределенія одно изъ тѣхъ противорѣчій капиталистическаго строя, отъ которыхъ ему суждено погибнуть“ (стр. 129-130).—„Противопоставленіе экономическаго прогресса

современности ее социальным неустройством иметь, конечно, свои глубокие основания. Это противопоставление составляет бессмертную заслугу всей критики капиталистического строя и возникших на его почве учений, критика, вершиной которой является знаменитый трактат о капитале* (стр. 134).

«Не более заслуживает похваления и другая мнимая заслуга Маркса,—установленная им зависимость распределения от данной формы производства. Г. Струве и на это похвалляет своего учителя, усматривая существенный момент народного хозяйства лишь в производстве, возможно большая интенсивность которого и составляет будто бы главную иль промышленного развития страны. Распределение здесь является уже второстепенным фактом, безусловно зависящим от данной формы производства. Здесь Маркс опять очень ловко перепутал карты с очевидною целью показать, что при капиталистическом производстве о справедливом распределении и речи быть не может, потому что каждое новое усиление производительности труда идет на пользу капиталиста и в ущерб рабочим. Неужели, однако, г. Струве не догадывается, что такая постановка вопроса нужна была Марксу в виду агитаторских целей, и что в безнадежном положении рабочих, каков он рисуется, немецкий публицист видеть лишь стимул к революционной пропаганде? Если бы для Маркса распределение, в самом деле, было чем то безразличным, ему незачем было бы и писать свою книгу. Он мог бы ограничиться простым похвалением благотворной роли капитала, как делали это Се и Бастиа. Г. Струве как будто не замечает, что сам он идет прямо по стопам этих эволюционистов, забывая исключительно об усилении производства и знаменитая полное равнове-

— «Наивная доктрина „Laissez faire, laissez passer“, с которой из уст Спенсера срывается Уорд, не имеет под собою никакой теоретической почвы» (стр. 55).

— «Подобно тому, как взгляду на органическое развитие права была противопоставлена идея борьбы за право (Pönging), так учению об естественном и органическом росте социального прогресса, может и должно быть противопоставлено учение о борьбе за социальный прогресс. „Техническое развитие способов производства—говорит Бернштейн— есть необходимый потенциальный фактор (социального прогресса), но не исключительный, не такой фактор, который действитель бы самопроизвольно, механически» (стр. 137).

— «Там, где капитализм достиг своего апогея, со стороны рабочих замечается совершенно яственная практическая тенденция к урегулированию производства. Таковы стремления рабочих в английской каменноугольной промышленности [ср. Auerbach. Die Ordnung des Arbeitsverhältnisses in d. Kohlengruben von Northumberland u. Durham (Schriften d. Vereines für Sozialpolitik. XLV Arbeitseinstellungen u. Fortbildung d. Arbeitsvertrages)]. Со стороны предпринимателей та же самая тенденция выражается в картеллизировании предприятий. Путь картеллизации совершается, по остроумному замечанию Шенлаппа (ср. его статью Der britische Kohlentrust Sozialpolitisches Centralblatt III № 2), конверсия капитализма в новую экономическую форму. О том, что

ше къ судьбѣ производителей. Съ его утилитарно-материалистической точки зрѣнія, личность является почти ничѣмъ, или „quantité négligeable“, и вся суть заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше производилось товару. Г. Струве, такимъ образомъ, очень близко сходитесь съ такъ называемой Манчестерской школой и его ученіе о роковомъ характерѣ экономической эволюціи, какъ нельзя болѣе похоже на знаменитый принципъ „Laissez faire“. Со стороны ученика Маркса это нѣсколько странно* (стр. 326—327).

бы эта конверсія имѣла не только экономическій, но и социальный смыслъ, должно позаботиться заинтересованный классъ.

Тамъ съ разныхъ сторонъ подготавливается крушеніе принципа свободной конкуренціи. Но это явленіе возможно только какъ результатъ определенной эволюціи самого производства, и поэтому, повторяемъ, Шульце-Гезерингъ правъ, что дальнейшій социальный прогрессъ мыслится только на почвѣ капитализма и не мирится съ устарѣвшими народнохозяйственными формами. Значеніе производственного прогресса для социального огромно и врядъ-ли можетъ быть преувеличено, если только помнить, что первый есть необходимое, но недостаточное условіе послѣдняго* (стр. 145—146).

„Гентонъ, указывая на то, что капитализмъ, обобществляя производство, можетъ а la longue существовать и имѣть смыслъ только при условіи широкаго потребленія народныхъ массъ, этимъ самымъ невольно признаетъ экономическую важность распределенія.

И, на самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ соображеній приводитъ къ выводу, что реформа въ области распределенія, если только она находится „въ неразрывной связи съ процессомъ производства“ является и справедливыми и, что еще болѣе важно, „экономическими“ (стр. 155).

Сдѣланныя сопоставленія въ достаточной мѣрѣ освѣщаютъ степень либо добросовѣстности, либо пониманія г. Головина. Характерно, что и г. Головинъ, приписывая мнѣ самую пошлую буржуазную точку зрѣнія: «чтобы какъ можно больше производилось товару», и приверженность къ теоріи «Laissez faire, laissez passer», повторяетъ народническое указаніе на презрѣніе къ личности и на роковой характеръ экономической эволюціи.

Повидимому гг. народники и г. Головинъ одинаково не понимаютъ, что можно не быть ни попомъ народникомъ, ни пошлымъ буржуа. Между тѣмъ, какъ разъ Марксъ и его послѣдователи представляютъ нѣкоторый третій типъ, идущій своимъ, совершенно особымъ, путемъ. Поэтому русскіе послѣдователи Маркса одинаково выступаютъ и противъ экономическаго

романтизма, и противъ утопизма, мечтающаго о преобразованіи общественно-экономическаго порядка безъ содѣйствія заинтересованныхъ общественныхъ силъ и даже при содѣйствіи силъ съ явно противоположными интересами и, наконецъ, противъ всякихъ буржуазныхъ пополюзованій, откровенныхъ и замаскированныхъ. И въ своей книжкѣ направилъ критику исключительно на экономическій романтизмъ и утопизмъ, но, думается, достаточно ясно отъѣнилъ свое отношеніе къ капитализму въ главѣ «Прогрессъ экономическій и прогрессъ социальный». Г. Головинъ отыскалъ въ моей книжкѣ какую-то положительную часть, съ которой онъ вполнѣ согласенъ, «не задавалъ себѣ даже вопроса, каковы его (т. е. моя) мечты насчетъ далекаго будущаго». «Когда можно идти съ кѣмъ либо рука объ руку по одной дорогѣ, не зачѣмъ останавливаться въ виду того, что спутнику быть можетъ, предстоитъ гораздо болѣе продолжительное путешествіе», поясняетъ съ добродушной наивностью (или лицевымъ добродушіемъ) критику Русскаго Вѣстника. Но никакой положительной части, во вкусѣ г. Головина, т. е. въ смыслѣ прожектовъ «преобразованія нашего экономическаго строя», въ моей книжкѣ нѣтъ. Въ отрицательномъ отношеніи къ нѣкоторымъ пунктамъ народнической программы мы сходимся съ г. Головинымъ, но такое же согласіе существуетъ въ Германіи по отношенію, напримѣръ, къ цехамъ между либералами и социалдемократами, въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сторонъ капитализма между реакціонерами и социалдемократами, въ оцѣнкѣ социалдемократическихъ требованій между либералами и реакціонерами, но изъ этого еще никто въ здравомъ умѣ и твердой памяти не думалъ выводить, что всѣ эти фракціи «идутъ по одному пути», въ смыслѣ г. Головина. Тутъ болѣе, чѣмъ когда нибудь имѣеть силу принципъ: *si duo dicant idem, non est idem*. Независимо отъ «мечтаній на счетъ далекаго будущаго», есть множество вопросовъ настоящаго, которые всѣ сводятся къ одному общему: интересы какого общественнаго класса выражаетъ данное социальное-политическое мировоззрѣніе? И отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ единственный прочный критерій для классификаціи направленій. Шестіе по историческому пути, къ счастью или къ несчастью, не есть увеселительная прогулка. Тутъ, и отдѣльные люди, и цѣлыя общественныя группы постоянно толкаютъ другъ друга и ведутъ непрерывную борьбу за свои интересы. Шествующіе идутъ по одному пути, но это вовсе не значитъ, что они представители одинаковыхъ интересовъ и общихъ задачъ.

Наши оппоненты, стремясь уличить насъ въ стремленіи прислуживаться къ буржуазіи, насаждать капитализмъ и обезземельвать крестьянъ, совершенно не понимаютъ теоретической позиціи, занимаемой нами, и поистину зря тратятъ заряды. Г. Михайловскій самъ давно безповоротво осудилъ всѣхъ тѣхъ, кто теперь старается (я, между прочимъ, значитъ и

самого себя) выставить «учеников» прислужниками капитализма. «Надо доподлинно знать, что исторический процесс действительно неизбежно таков, каковы его рисует Маркс» — и тогда «столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью должно разрешиться в пользу необходимости» (Соч. т. 2-ой, стр. 340).

Столкновение указываемое г. Михайловским, действительно устранено теми, или, точнее, никогда не существовало для тех, кто, взяв себя в руководство материалистическую теорию Маркса, не побоялся смело взглянуть в глаза действительности. В ней они констатировали условия, необходимые для развития капитализма. Не всякий исторический процесс неизбежно таков, каковы его рисует Маркс, но *хозяйственным условиям России XIX века* представляют картину развивающегося капитализма, и нет таких общественных сил, которые могли бы остановить его развитие (не говоря уже о том, что последнее несет с собою далеко не одно зло). Отсюда прямая обязанность — не просто поддаваться импульсам нравственного чувства, а сознательно сделать последнее фактором исторической необходимости. С точки зрения марксизма ясно каким путем простое и, по большей части, пустопорожнее «моральное негодование» может быть превращено в действительную историческую силу. Оно должно быть приурочено к интересам того общественного класса, которому по условиям развития производительных сил, («объективному ходу материального процесса») — Крит. Записки стр. 283) суждено быть носителем общественного прогресса и высших нравственных идеалов.

Многие оппоненты с г. Михайловским во главе очень возмущены заключительными словами критических записок, — «признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму». «Я слишком чуж», говорит г. Михайловский (Русск. Богатство за 1894 г. № 10) «друга, не философские заслуги основателей экономического материализма, чтобы дольше держать их рядом с г. Струве. Заслуги последнего пока довольно скромны, и начинается он свою научно-публицистическую карьеру при условиях, резко отличных от тех, при которых возник и окреп экономический материализм на своей родине. Поэтому-то он и говорит: «пойдем на выучку к капитализму», чего никогда не говорили, не говорят и не могут говорить его учителя. Оставим же учителей и остановимся на ученике хотя нам придется при этом приводить, между прочим, и слова учителей, учеником повторяемых». Об условиях при которых я начинаю, а г. Михайловский продолжает свою публицистическую карьеру, я не могу говорить с должной обстоятельностью и ясностью. Странно только, почему г. Михайловский без всякой надобности затронул столь невеселую материю? Но истолковывать смысл

своихъ словъ я буду по мѣрѣ силъ и возможности, и тутъ я долженъ съ полной опредѣленностью заявить, что инкриминируемыя слова «пойдемъ на выучку къ капитализму» вполне соответствуютъ моему убѣжденію. Всецѣло въ смыслѣ. А смыслъ «страшныхъ словъ» таковъ. Во-первыхъ, русское общество въ его цѣломъ потому нуждается въ капиталистической выучкѣ, что только эта выучка, развивая производительныя силы страны, создастъ и будетъ создавать условия культурнаго прогресса и предпосылки новой болѣе высокой экономической формации. Во-вторыхъ, только капиталистическая выучка можетъ взростить классовое самосознаніе—этотъ могущественный рычагъ общественнаго развитія. Въ-третьихъ, только капиталистическая выучка внесетъ во взаимныя отношенія общественныхъ классовъ полную ясность, которая сбѣлаетъ совершенно невозможной путаницу понятій о роли интеллигенціи и государства въ экономическомъ процессѣ, до самаго послѣдняго времени, можно сказать, безраздѣльно господствовавшую у насъ. Капиталистическая выучка уничтожитъ тотъ фантомъ неклассовой интеллигенціи, который до сихъ поръ есть главный устой вѣры въ самобытное экономическое развитіе. Фантомъ этотъ, конечно, объясняется реальнымъ фактомъ существованія задачъ, общихъ различнымъ общественнымъ классамъ. Но такой общей задачей не можетъ быть уничтоженіе капитализма, т. е. экономического господства одного класса надъ другимъ. И возлагать на интеллигенцію подобную задачу значитъ впадать въ утопізмъ, не только безплодный, но и вредный.

И кто можетъ утверждать, что Марксъ не признавалъ значенія капиталистической выучки въ только что указанномъ смыслѣ? Въ знаменитомъ манифестѣ есть краснорѣчивыя страницы, рисующія культурно-воспитательное значеніе буржуазіи, страницы, которыя еще недавно одинъ нѣмецкій ученый называлъ дямрамбическимъ прославленіемъ исторической миссіи капитализма (*Зомбартъ* «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx» въ Brauns «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» 1894, Heft 4, S. 588—589). Во всѣхъ трехъ томахъ «Капитала» достаточно аналогичныхъ мѣстъ. Значеніе же капитализма для развитія классового самосознанія—вѣдь это одна изъ основныхъ нотъ ученія Маркса. И не даромъ же эпиграфомъ своей заключительной главы я вывелъ слова изъ предисловія къ «Капиталу»: «Насъ мучаетъ не только развитіе капиталистическаго производства, но также недостаточное его развитіе». Этихъ словъ не могъ бы написать поюціи народники. Народники, наоборотъ, восторгались каждымъ доказательствомъ недостаточнаго развитія капитализма въ Россіи, забывая, что не отсутствіе противодействующихъ силъ, а наличность силъ, дѣйствующихъ въ опредѣленномъ направленіи, создастъ движеніе впередъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ сказалъ я: «пойдемъ на выучку капитализма».

Это значитъ—станемъ сознательно на почву данныхъ капиталистическихъ отношеній съ ихъ классовыми противорѣчiями. Это вовсе не значитъ—для меня, по крайней мѣрѣ—«будемъ служить буржуазiи», ибо капиталистическія отношенія подразумеваютъ не одну буржуазію, но и ея антипода, всездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, нуждающагося изъ капиталистической выучкѣ.

Народникъ разсуждаетъ такъ (типическій образецъ подобнаго разсужденія представляетъ статья г. Михайловскаго о моей книжкѣ): русскій крестьянинъ хочетъ экономической самостоятельности и я представитель его интересовъ требую для всѣхъ и каждаго изъ русскихъ крестьянъ такой самостоятельности. «Народный» идеалъ становится новымъ идеаломъ. Между тѣмъ марксизмъ, испорченный западно-европейской наукой, ищущій понять совершающуюся экономической процессъ, смичаетъ идеалъ съ дѣйствительностью. Сличеніе показываетъ, что въ дѣйствительности есть условія, искажавшія идеалъ настолько, что онъ становится совершенно непріемлемымъ. Условія эти могутъ быть формулированы въ трехъ словахъ: господство товарно-хозяйственныхъ отношеній. При этихъ условіяхъ, въ то время какъ Сидоръ достигаетъ экономической самостоятельности, и даже экономической силы, Петръ теряетъ ее—и это результатъ не какихъ-либо злоумышленій, и даже не дурной политики, а закономѣрнаго разлитія данной экономической формации, необходимо развивающей въ себѣ классовыя противорѣчiя. Русскій мужикъ никогда, даже въ эпоху блаженной памяти крѣпостного права или «народнаго производства», не былъ на одно лицо, а теперь ужъ такъ яственно раскололся, что всякій народолюбецъ обязанъ уженить себѣ, кого, Петра или Сидора, защищаетъ онъ, и кому изъ нихъ пойдутъ на пользу проектируемыя имъ реформы. Въдѣ съ нашей точки зрѣнія почти всѣ эти реформы (очень многія изъ нихъ безусловно необходимы) приведутъ Россію къ пышному расцвѣту капитализма даже гораздо болѣе вѣрнымъ и прочнымъ путемъ, чѣмъ вывозныя преміи и высокой таможенный тарифъ. Этому большинство народниковъ и народничаствующихъ либераловъ до сихъ поръ не понимаютъ; поэтому-то они недовольны скептическимъ отношеніемъ къ народническимъ реформамъ г. Николая—она, который, очень твердо зная, что товарное производство въ своемъ развитіи неизбежно родитъ капитализмъ, утѣшается только тѣмъ, что русскій капитализмъ—дитя якобы мертворожденное, и что вмѣсто него, мы увидимъ «общественный» трудъ, появленіе котораго объясняется до вѣрчивымъ россиянамъ приблизительно такъ же, какъ обыкновенно родители и няньки объясняютъ дѣтямъ появленіе на свѣтъ новаго брата или сестрицы.

Посмотримъ еще съ другой стороны на народническій идеалъ. Во мѣ,

напрямѣръ, мужикъ, у котораго всего всталъ, сейчасъ же порождаетъ представленіе о томъ, что для капитализма такой мужикъ—запа, какъ объ этомъ въ свое время докладывалъ русскимъ капиталистамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. В. В., тотъ самый, который... «доказалъ» невозможность развитія капитализма въ Россіи ¹⁾. Г. Михайловскій, повициному, можетъ удовольствоваться тѣмъ, что выставивъ идеалъ, удостовѣрить его совпаденіе съ заветными стремленіями русскаго мужика къ экономической самостоятельности. Но и, къ сожалѣнію, экономистъ и потому не въ силахъ отбиться отъ вопроса, что изъ сего идеала «по соображенію» съ условіями дѣйствительности выйдетъ. И вотъ именно изслѣдованіе этого вопроса и портитъ мнѣ все удовольствіе. Получается гармонія, но только не та, о которой столько лѣтъ утверждали народники, а совсѣмъ другая: гармонія экономической самостоятельности съ развитіемъ капитализма.

Игнорируя существованіе и развитіе классовыхъ противорѣчій, практическія предложенія народниковъ, поскольку они осуществимы, а не представляютъ простое фантазерство на тему объ «обратномъ ходѣ историческаго колеса», носятъ явно мелко-буржуазный характеръ. Г. В. В. замѣчаетъ, что «во абстрактные принципы теоріи, а практическіе изъ нихъ выводы опредѣляютъ истинный характеръ какого-либо направленія общественной мысли, и что логическая работа мысли легко на почвѣ существующаго раздѣленія общества на противоположныя, по своимъ интересамъ, классы, самая широкая общечеловѣческія идеи обращаетъ въ узкія формулы, соответствующія интересамъ одного класса, заявляющаго претензію на активную общественную роль» («Наши направленія», стр. 122). Это разсужденіе, которымъ г. В. В. думаетъ паразитъ марксизмъ, обращается—увы!—всѣмъ противъ народничества. Если относительно практическихъ предложеній народниковъ воставить вопросъ: чьи идеалы эти предложенія выражаютъ и кому они пойдутъ на пользу, то возможенъ только одинъ отвѣтъ: буржуазному слою крестьянства.

Какіе результаты дала крестьянская реформа, на специфически «народный» характеръ которой не уставали указывать народники до г.

¹⁾ Г. В. В. въ 1894 году не понимаетъ того, что онъ говорилъ въ 1883 г. («Недѣля», 1894 г. № 48). Въ своей книгѣ (стр. 252—253) и указала, что еще въ 1883 году г. В. В. самъ самъ *le vouloir et le savoir* далъ формулу капиталистическаго развитія Россіи, иоловъ устраняющую всякія препятствія, созданныя его же собственнымъ воображеніемъ.

Теперь г. В. В. не понимаетъ своей собственной формулы. Въ этой бѣдѣ и бессилевъ ему помочь.

Ник. — она исключительно? Какие результаты дала деятельность крестьянского банка? Какие результаты может дать мелкий кредит и содействие техническому прогрессу крестьянского хозяйства? На эти вопросы отвечают нам частью весьма известные факты, частью заявления самих гг. народниковъ. Приведу одно весьма типичное заявление. «Факты какт официальной такт и земской статистики убѣдительно доказываютъ, что крестьянская масса не остается однородной, въ ней начался процессъ дифференціаціи, выпаденіе середины, соответствующимъ одно и двумадцатьмъ хозяйствамъ и распределеніе остальной массы по двумъ крайнимъ полюсамъ, безземелья и безземелья—на одномъ, многоземелья и многоземелья—на другомъ. Приходи на помощь крестьянскому хозяйству, земскіе агрономы не должны забывать, что предъ ними не однородная масса, члены которой не въ одинаковой степени способны усвоить пропагандируемые ими улучшенные приемы земледѣльской техники. Совершающійся процессъ дифференцировка я не считаю роковымъ и допускаю возможность не только его остановить, но даже дать ему обратный ходъ, не только затормозить, но даже повернуть назадъ раскатившіеся «колесо исторіи». Агрономія является такой силой, отъ метода приложенія которой зависитъ, будетъ ли она ускорить дифференціацію или дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Западно-европейскій опытъ да послужитъ для насъ предостереженіемъ противъ увлеченія дѣйствующимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, безъ разбора кому оно принадлежитъ».

«Пусть идея *равномернаго распределенія* не забывается земскими агрономами, иначе наша внука явится факторономъ обездоленія народныхъ массъ».

«Пусть у русскихъ земскихъ агрономовъ надъ идеей о дѣйствующемъ сельскомъ хозяйствѣ господствуетъ идея *равномернаго распределенія*, за хозяйствомъ не забывается хозяйство, за желѣзными плугами кормовой свеклой и букширекими свиньями, не забывается человекъ! Десятина клевера или человеческая жизнь? вотъ вопросъ. Въ Мекленбургѣ его рѣшили въ пользу десятины клевера: я не сомнѣваюсь, что мы всѣ его рѣшимъ въ пользу человеческой жизни. Но многія дѣйствія наши произвольны: рѣшивъ про себя вопросъ въ пользу человека, нашей практической дѣятельностью мы можемъ *произвольно* рѣшить его въ пользу десятины клевера».

«Поэтому дѣйствія агронома должны быть сознательны: онъ долженъ знать, кому онъ помогаетъ, кто усваиваетъ пропагандируемые имъ приемы улучшенной техники, насколько усваиваетъ ихъ бѣдное, среднее и богатое крестьянство».

«Не безразлично по своимъ послѣдствіямъ, кому онъ приходитъ на по-

мощь: если его пропаганда находитъ подготовленную почву только между богатыми крестьянами, то агрономъ не долженъ приходить въ восторгъ отъ своего успѣха, а долженъ, наоборотъ, задуматься, не способствовалъ ли онъ этимъ, *неволью*, процессу дифференціаціи». (Статья П. В. Калкии крестьянамъ должна помогать земскій агрономъ? въ журналѣ «Хозяинъ» 1894 г. № 21) 1).

Вотъ вамъ, гг. народники, краснорѣчивый отвѣтъ изъ устъ одного изъ вашихъ на вопросъ: *qui prodest?* Стихійные результаты агрономическаго прогресса и вся совокупность экономическихъ условій, весь строй народнаго и государственнаго хозяйства—съ одной стороны, земскіе агрономы, одушевленные идеей равномернаго распредѣленія—съ другой стороны. Исходъ этой борьбы несомнѣненъ для тѣхъ, кто не зараженъ вѣрою въ возможность повертыванія «колеса исторіи»..... руками земскихъ агрономовъ. Ну, а для тѣхъ, кто не страдаетъ столь близорукимъ скептицизмомъ, открываются широчайшія перспективы. Помните, что значать земскіе агрономы? Вотъ, если идеей *равномернаго распредѣленія* проникнутся и земскіе начальники съ ихъ сильной и близкой къ народу властью, то всѣ невѣрующіе въ народническія пророчества будутъ устыжены, ибо тогда несомнѣнно «колесо исторіи» будетъ воющими руками 2) дать обратный ходъ и въ результатъ наступитъ пошехонское раздолье (не описано ли оно уже въ «Пошехонскихъ разсказахъ»?).

Вернемся однако къ г. В. В. «Въ борьбѣ знающаго и потому сильнаго съ невѣжественнымъ и слѣдовательно слабымъ тотъ изъ знающихъ, кто не стоитъ за послѣдняго, дѣйствуетъ въ пользу перваго, такъ какъ добровольно устраняется отъ помощи, какую могъ бы оказать нуждающемуся въ его услугахъ собрату. Поэтому простое безмолвное признаніе соціологической законности господства капиталистическаго режима есть уже шагъ въ пользу послѣдняго. Но разсматриваемое направленіе (т. е. русскій

1) На четвертомъ агрономическомъ съѣздѣ въ Виткѣ г. Баскинымъ поднятъ былъ вопросъ о значеніи дѣятельности земскихъ агрономовъ. Г. Баскинъ подвергъ послѣднюю съ точки зрѣнія ея соціально-экономическихъ результатовъ самой строгой критикѣ. Земская агрономія дѣйствуетъ «въ сторону наименьшаго сопротивленія, независимо отъ какихъ бы то ни было предопредѣленныхъ руслъ» (См. корреспонденцію въ «Новомъ Времени» за 1894 г. № 6736).

2) Характерно, что есть голоса, выступающіе земскимъ агрономамъ бороться съ «дифференціаціей» именно этимъ путемъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, пишетъ нѣкто г. Лашаевъ (ст. «Задачи экономическаго дѣятельности земскихъ агрономовъ» въ журн. Хозяинъ 1894 г. № 19) администрація и земство старается безуспѣшно посадить общественнымъ капиталомъ, дѣлая ихъ такъ или иначе обязательными для населенія. Нѣтъ повода возставать противъ подобной обязанности, такъ какъ это можетъ быть полезно лишь для крестьянства».

марксизм П. С.) не ограничивается такимъ безвольнымъ признаніемъ, а главную свою дѣятельность проявляетъ пока въ проповѣди упомянутой законности переворота, т. е. настраиваетъ общественное мнѣніе въ пользу грядущаго капиталистическаго режима, охлаждаетъ благожелательные порывы общества сдѣлать что либо для поддержанія падающаго крестьянскаго хозяйства, подготавливаетъ почву для экспроприации крестьянства въ пользу буржуазіи». (Наши направленія стр. 120—121, ср. Недѣля 1894 года № 49).

Эти разсужденія, откровенно говоря, поражаютъ своей несообразностью. Во-первыхъ, марксисты признаютъ социологическую законность не «господства капиталистическаго режима», а его наступленія и наличности. Во-вторыхъ, какъ слѣдуетъ понимать, что признаніе необходимости капитализма есть шагъ въ пользу послѣдняго? Неужели Марксъ и Энгельсъ, которые выступили на публицистическую арену въ то время, когда «героемъ» германской обрабатывающей промышленности былъ самостоятельный ремесленникъ, и число такихъ ремесленниковъ значительно превосходило число наемныхъ рабочихъ (подмастерья, Gesellen), когда Германія вывозила, а не ввозила хлѣбъ, неужели и они, настаивая на необходимости капитализма, «облегчали одному классу порабощеніе другого». Такъ слѣдуетъ по логикѣ г. В. В. Характерно, что народники, выступающіе съ дѣлой коллекціей экономическихъ реформъ, социально-экономическія послѣдствія которыхъ лучшимъ изъ нихъ представляются иногда очень сомнительными съ точки зрѣнія сохраненія т. н. экономической самостоятельности всей народной массы и поддержанія «устоя», въ то же время безцеремонно упрекаютъ въ буржуазности тѣхъ, кто *никакихъ такихъ* реформъ отъ своего имени не предлагаютъ, а лишь констатируютъ общую тенденцію экономического развитія. Вѣдь марксисты самое большое, что «охлаждаютъ» только «благожелательные порывы» извѣстнымъ образомъ настроенныхъ интеллигентовъ къ участию въ скорѣйшемъ превращеніи части крестьянства въ несомнѣнную буржуазію (во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности въ чисто политическомъ, это превращеніе будетъ фактомъ безспорно прогрессивнымъ).

Народническіе идеалы, какъ они выражены у Златовратскаго, чужды всякой буржуазности ¹⁾. Это чистѣйшая идеологія натурального хозяйства и перво-

¹⁾ «Въ представленіи народа, идеалъ общины—не группа отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, дворовъ, связанныхъ только правомъ отъ времени до времени производить „равненіе“ между собою. Далекъ нѣтъ. Идеалъ народной общины—это такая гармоническая организація, въ которой права слабого и мало-мощнаго гарантируются не условно, не юридически, а постоянно, неуклонно въ каждый моментъ общинной жизни. Принципъ общинной помощи провадывается здѣсь не въ видѣ филантропическихъ или только моральныхъ побужденій, не въ

бытнаго равенства, идеология, въ которой слышится громкая нота протеста противъ нарождающагося въ крестьянской средѣ буржуазнаго слон. Златовратскій— въ общемъ идеологъ недифференцированнаго крестьянства, но поскольку онъ видитъ надвигающуюся на послѣднее дифференціацию, онъ представляетъ интересы труда въ крестьянской массѣ.

Идеология Златовратскаго цѣна тѣмъ, что этотъ писатель, своимъ искреннимъ протестомъ противъ хозяйственности и унижающихся ею народниковъ и народничествующихъ либераловъ, указалъ всѣмъ народникамъ на ту наклонную плоскость, на которую они неизбежно ступаютъ, вступая въ компромиссы съ хозяйственностью ¹⁾. Эти компромиссы— начало неотвратимаго буржуазнаго грѣхопаденія народничества, являющагося идеологическимъ отраженіемъ важнѣйшаго социально-экономическаго процесса пореформенной Россіи—разлоенія крестьянства.

Лучшимъ выразителемъ буржуазнаго грѣхопаденія народничества является г. В. В. И не въ сознательномъ и даже не въ безсознательномъ прислужничествѣ буржуазіи тутъ дѣло—подобныя обвиненія только компрометируютъ тѣхъ, кто ихъ выставляетъ—а въ построеніи цѣлаго міровоззрѣнія, которое ограничивается полемъ зрѣнія и интересами мелкаго буржуа. Отсюда—эти тенденціи въ противоположность г.—онъ найти «не капиталистическое теченіе въ русской экономической жизни, какъ самостоятельный факторъ послѣдней» («Очерки теоретической экономіи», стр. 233), открыть «законы некапиталистической эволюціи промышленности» (I. с. 235), разграничить товарное хозяйство и капитализмъ не какъ двѣ послѣдовательныя ступени одного и того же историческаго процесса, а какъ двѣ различныя экономическія формации, отнюдь не соединенныя пресмыкающею связью, и представить товарное хозяйство способнымъ къ «самостоятельной некапиталистической эволюціи» ²⁾; отсюда—стремленіе защититъ кре-

видѣ разныхъ формъ „мелкаго кредита“ или „народнаго продовольствія“, а органически сливается со всѣмъ строемъ общины... сливается такъ, что дѣлается обиходомъ, началомъ, дѣйствующимъ постоянно» (Соч. т. II, стр. 437).

¹⁾ Обратная сторона медали—полное игнорированіе экономическаго и культурнаго значенія хозяйственности. Отсюда одновременно и презрѣніе къ хозяйственности и страхъ передъ нею. Оба одинаково неосновательны и безплодны. Въ „Критическихъ Замѣткахъ“ и обратилъ вниманіе только на эту сторону міровоззрѣнія Златовратскаго.

²⁾ Нельзя не отмѣтить здѣсь одного полемическаго увлеченія г. В. В. Онъ одинаково упрекаетъ г. —она и меня въ отождествленія товарнаго производства и капитализма; но г.—она г. В. В. почитаетъ и боится. Въ полемикѣ же со мной онъ увлечается. „Г. Струве поправляетъ не только г. В. В. но и Маркса, упреждая специфическій смыслъ слова „капитализмъ“ и расширяя это понятіе

даль от суровой оцѣнки г. — она (255); отсюда постоянныя указанія на прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, безъ всякаго анализа той социальной обстановки, въ которой констатируется этотъ прогрессъ. Отсюда же радость г. В. В. по поводу того, что «наша интеллигенція вообще, литература въ частности, даже представители наиболѣе буржуазныхъ теченій посятъ на себя, такъ сказать, народнической характеръ»¹⁾. Попробуйте, г. В. В., обернуть эту фразу и получите истинная характеристика положенія вещей въ современной русской литературѣ. Г. В. В. и въ другомъ мѣстѣ обнаруживаетъ нѣкоторое чутье истины, но только чутье его оказывается... недостаточнымъ. «Въ новѣйшее время совершенно ясно выразилось наше подчиненіе интеллектуальнымъ вліяніямъ, исходящимъ изъ западнаго буржуазнаго общества»²⁾. Бѣдный западъ! за все онъ является козломъ отпущенія! И гдѣ это открылъ г. В. В. за послѣднее время подчиненіе русскаго общества интеллектуальнымъ вліяніямъ запада? Не видимъ ли мы скорѣе подчиненіе разнымъ модамъ и вліяніямъ, идущимъ съ запада, рядомъ съ постыднымъ забвеніемъ лучшихъ идеаловъ западно-европейской культуры. Не проще ли было бы, г. В. В., не обращаясь къ интеллектуальнымъ вліяніямъ запада, сказать: «въ новѣйшее время совершенно ясно выразилось превращеніе нашего общества въ буржуазное» — и однимъ изъ симптомовъ такого превращенія является законченное развитіе теоріи, выдающей капиталистическую эволюцію, въ которой по историческимъ и другимъ условіямъ въ данный историческій моментъ очень крупная роль достается мелкой крестьянской буржуазіи съ ея еще неопредѣленнымъ, да и по существу, двойственнымъ, социальнымъ обанкомъ, за торжество «народнаго производства».

Непониманіе теоретической позиціи марксиста достигаетъ своего апогея именно у г. В. В. въ его статьяхъ въ «Недѣля» и въ книгѣ «Очерки теоретической экономіи» (Спб. 1895 г.). Здѣсь невозможно останавливаться на всѣхъ проявленіяхъ этого непониманія и я отмѣчу лишь наиболѣе рѣзкія. Г. В. В. все время старается представить дѣло такъ, будто авторъ «Критическихъ Замѣтокъ» проектируетъ «насажденіе мелкой буржуазіи». «Система г. Струве тѣмъ и прочна, что кромѣ стоящихъ другъ противъ друга враждебныхъ силъ, капиталистовъ и рабочихъ, она создаетъ третью

до того, чтобы вѣтъ марксовскія терминомъ можно было покрыть Листовское понятіе товарнаго производства» (стр. 282). Понятіе товарнаго производства заимствовано мною и г. — опомъ, который въ обращеніи къ Листу совершенно неоснованъ, не у Листа, а у Маркса, по которому капитализмъ есть обобщенное товарное производство, такъ сказать — его вершина и вѣчная стадія.

¹⁾ Недѣля 1894 г. № 47.

²⁾ Недѣля 1894 г. № 47.

силу мелкой земледельческой буржуазии, составляющей ту группу «третьих лиц», которая скрадывает противоречия капиталистического строя» (Недѣля, № 49). Не система г. Струве, а ход экономической эволюции создаст эту группу третьих лиц, необходимую для прочного развития промышленного капитализма въ Россіи, и всѣ осуществимые проекты народниковъ послужатъ именно на пользу этой группы, столь опасной для народническихъ мечтаній объ «особомъ пути развитія». Что же дѣлать, г. В. В., если дѣйствительное развитіе экономическихъ отношеній создастъ, вмѣстѣ съ сельскимъ и промышленнымъ пролетаріатомъ ¹⁾, также многочисленный классъ сельской буржуазіи, и если существованіе и развитіе этого класса имѣетъ огромное значеніе для нашего промышленного капитализма? Отъ факта не отвертись благороднымъ негодованиемъ по поводу того, что констатированіе данного факта равносильно признанію за русскимъ капитализмомъ прочной почвы для развитія.

«Распространеніе такого (марксистскаго) ученія среди лицъ, сочувствующихъ трудящемуся населенію, представляется совершенно естественнымъ на западѣ, гдѣ господство капиталистическихъ отношеній является совершившимся фактомъ, пролетаріатъ составляетъ большую половину населенія и задачей настоящаго момента является организація рабочаго класса» и т. д. и т. д.—вѣщаетъ г. В. В. ²⁾. Но, когда г. В. В. говоритъ о западѣ, будьте осторожны читатель, адѣсь нашъ самобытный экономистъ плаваеетъ «безъ руля и безъ вѣтриль». Послушаемъ лучше западнаго челоуѣка, во всѣхъ отношеніяхъ компетентнаго:

«Пролетаріатъ не только не тождественъ съ народомъ, онъ не только не составляетъ во всѣхъ государствахъ—быть можетъ за исключеніемъ Англіи—большинства населенія, но, наоборотъ: въ большинства странъ находится въ значительномъ меньшинствѣ. Правда, онъ быстро растетъ, но не такъ быстро, какъ того многіе ожидаютъ... Но число представителей класса не есть единственный факторъ, отъ котораго зависитъ его сила. Столь же важно, и даже, быть можетъ, еще важнѣе *значеніе класса въ общема процессѣ производства*» (Karl Kautsky Der Entwurf des neuen Partei-programms. Neue Zeit. IX, 2, 751—752). Тутъ важно еще

¹⁾ Слова мои о „маломъ сельскомъ пролетаріатѣ, въ культурномъ и другихъ отношеніяхъ совершенно безнадежномъ“ относятся вовсе не къ капиталистической эволюціи, какъ хочетъ представить г. В. В., а къ отвѣченно мысленному случаю ея задержки. Пользуясь этими словами, г. В. В. извращаетъ ихъ смыслъ и прямо совершаетъ передержку (въ № 49 „Недѣля“ за 1894 г.). Съ сожалѣніемъ констатирую это.

²⁾ Недѣля 1849 г. № 49.

и то, столь мастерски освещенное Марисомъ, обстоятельство, что къ пролетариату по своей двойственной социальной природѣ примыкаетъ мелкая буржуазія, какъ городская, такъ и сельская. Въ данный историческій моментъ сельская буржуазія представляетъ одинъ изъ устоевъ капитализма, но на известной ступени развитія послѣдней, развивая тащіяся въ нее противорѣчія, станетъ *разламать* мелкую буржуазію. Система, которую г. В. В. угодно называть системой г. Струве, прочна только въ данный историческій моментъ, но она таитъ въ себѣ противорѣчія, общій характеръ которыхъ можно предугадать уже и теперь.

Не понимаетъ г. В. В. не только русскихъ марксистовъ. Непониманіе ихъ западно-европейскихъ явленій столь-же, если не болѣе—*sit tibi terra levio*—чуждою. Но тутъ пронаглится, сверхъ неумѣія понять чужую точку зрѣнія, и изумительное невѣжество. Г. В. В. обвиняетъ меня въ томъ, что я въ своей книжкѣ, посвященной вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи обнаружилъ незнаніе предмета и литературы, позволительное лишь заѣзжему иѣмцу (О. т. э., стр. 285). Основаніемъ для такой оцѣнки послужило, между прочимъ, мое собственное признаніе къ томъ, что я не могу претендовать на сколько-нибудь полное, исчерпывающее знакомство со всей литературой народничества — опять значить злоупотребленіе чужой скромностью! Но теперь, послѣ изданія книги «Очерки теоретической экономіи», позволительно спросить: въ какомъ отношеніи находится мое знаніе русскихъ отношеній и русской экономической литературы къ познаніямъ г. В. В. по части Германіи и нѣмецкаго социального движенія, о которомъ онъ разсуждаетъ «съ видомъ знатока»? Увы! — существуютъ серьезныя основанія подозревать, что единственнымъ источникомъ мудрости г. В. В. по этой части служатъ корреспонденціи «Русскихъ Вѣдомостей». Корреспонденціи хороши — спору нѣтъ, мы всѣ ихъ читаемъ съ интересомъ, но онѣ... не могутъ замѣнить даже самаго неполнаго знакомства съ литературой¹⁾.

За подтвержденіями недалеко ходить. «Еслибы нѣмецкій социалдемократизмъ былъ выраженіемъ специализма, а не выступающаго на защиту своихъ интересовъ въ современномъ обществѣ пролетариата, впервые познающаго свое значеніе, то—послѣку не всѣ же иѣмцы идеалисты—рядомъ съ этой преслѣдуемой идеалистическія задачи партіей мы видѣли бы

¹⁾ Г. В. В., очень вѣрно говоритъ о себѣ подобныхъ россиянахъ: «мы охотно и внимательно наблюдаемъ западно-европейскую жизнь, такъ называемая политическая хроника составляетъ наиболее интересную и читаемую часть нашихъ газетъ и тѣмъ не менѣе врядъ ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ нѣкоторыя теченія западно-европейской исторіи» (О. т. э. стр. 246). Нельзя и понимать того, чего не знаешь.

еще больше сильную партию—рабочую, представляющую практические интересы идеалистической части немецкого пролетариата» (О. т. э. стр. 248). И далее: «Если бы социализм игралъ въ этомъ движеніи не роль простаго знака, отличающаго одну, опредѣленную организацію, еслибы онъ былъ движущей идеей, принципомъ, требующимъ отъ членовъ партіи извѣстнаго специфическаго служенія — въ такомъ случаѣ социалистическая партія отдѣлилась бы отъ общей рабочей, и масса пролетариата, стремящагося къ лучшему благоустройству на почвѣ существующаго строя и мало думающаго объ идеальномъ будущемъ, образовала бы самостоятельную рабочую партію» (ib. стр. 249—250). И только благодаря участию «высшей интеллигенціи», по инициативѣ г. В. В., немецкое рабочее движеніе окрасилось цвѣтомъ социализма. Всѣ эти разсужденія прямо изумляютъ своею, можно сказать, законченною... простотою. Тутъ все дѣйствительно. Вотъ что значитъ самобытная логика и свобода отъ всякихъ предвзятыхъ «точекъ зрѣнія». Около 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ двое ученыхъ, вышедшіе правда изъ одной философской школы, почти одновременно и въ общемъ независимомъ другъ отъ другаго объявили загадочное и совершенно новое явленіе европейской исторической жизни: социализмъ. Лоренцъ Штейнъ¹⁾ въ «Социализмъ и коммунизмъ современной Франціи» (1842), книга, составившей эпоху въ развитіи государственной науки, и Марксъ (съ Энгельсомъ) въ знаменитомъ «К. Манифестъ» (1848) прокламировали, что совершенно отвлеченныя, «чистая», поидвиному, теоріи и концепціи представляютъ собой идеологическое выраженіе интересовъ извѣстнаго класса, и что разсматривать эти концепціи внѣ ихъ связи съ классовыми интересами значитъ не понимать ни ихъ значенія, ни ихъ дѣйствительнаго происхожденія. Открытіе Штейна и Маркса оказало огромное вліяніе и на науку, и на жизнь: въ значительной мѣрѣ благодаря этому «лучу свѣта» западно-европейскіе люди стали «понимать новѣйшія теченія» своей исторіи. А мы — увѣ! — до сихъ поръ, оказывается, ихъ не понимаемъ, быть можетъ потому, что читаемъ только... газетную политическую хронику. «Мы» успѣли социализма въ Германіи объясняемъ тѣмъ, что немецкій рабочий, «какъ настоящій немецъ... можетъ одновременно и предаваться мечтамъ (социализмъ) и практически устраниваться въ жизни» (рабочее движеніе, какъ организованная борьба за социальныя реформы) (ib. стр. 253). Въ этомъ сочетаніи «мечтаний» и практическихъ стремленій «мы» видимъ «высшее соединеніе элементовъ идеальнаго и реальнаго».

¹⁾ Штейнъ раскрылъ глаза представителямъ профессиональной науки и буржуазіи, Марксъ—пролетариату. Замѣчу, что, по научной глубинѣ и послѣдовательности, тоненькая брошюрка Маркса несравненно выше толстой книги Штейна, въ послѣднемъ изданіи разросшейся въ цѣлое 3 тома («Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich». Leipzig 1850—1855).

Не будет ли ближе къ истинѣ сказать, что «наши» разсужденія представляютъ собой прихоть грубаго, плоскаго, съ точки зрѣнія современной науки, такъ сказать, допотопнаго *раздѣленія* элементовъ идеальнаго и реальнаго и яркій образчикъ той русской оригинальности, которая, по остроумному замѣчанію одного современнаго публициста, состоитъ въ «умственной безвѣщности»¹⁾, гарантирующей ее обладателямъ полную свободу отъ всякаго рода неудобнаго умственнаго багажа.

Критиковать и оцѣнивать какое-нибудь движеніе можно только съ двойкой точки зрѣнія. Можно или, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, слѣдить за ихъ развитіемъ въ данномъ движеніи и степенью послѣдовательности осуществленія этихъ принциповъ измѣрять внутреннюю силу и значеніе движенія, или же оцѣнивать самые руководящіе принципы послѣдняго, на основаніи какого-нибудь *высшаго критерія*. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя безъ всякихъ оговорокъ руководиться въ оцѣнкѣ цѣлаго направленія идеями, отрицаніе которыхъ составляетъ существенную часть идейнаго содержанія данного направленія. Ни съ чѣмъ несообразно, поэтому, оцѣнивать нѣмецкое рабочее движеніе, съ точки зрѣнія «чистой», «общечеловѣческой» «идеи социализма», какъ это дѣлаетъ г. В. В., разъ существенную часть идейнаго содержанія этого движенія составляетъ отрицаніе «чистой», «общечеловѣческой», «свѣтлассовой» идеи социализма. Для того чтобы стать «социалистическимъ» во вкусѣ г. В. В., нѣмецкое рабочее движеніе должно было бы отвергнуть доктрину Маркса и Энгельса и воспріять идеи гг. В. В. и К'. Поматно, что такая «критика» производитъ только смѣшное впечатлѣніе, и страницы изъ книжки г. В. В., посвященныя германскому движенію, могли бы съ успѣхомъ найти себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь юмористическомъ листкѣ для рабочихъ, въ «Glühlichter» или «Der wahre Jakob». Вотъ что значить, если незаблжій русской начнеть «отъ разума» разсуждать о западныхъ дѣлахъ. Есть еще другіе перлы въ новомъ Орыс'ѣ г. В. В. Научный социализмъ «рѣзко раздѣляетъ идеальную цѣль и реальныя средства». Помилуйте, г. В. В., зачѣмъ же вы свои собственные измышленія выдаете за научный социализмъ! Видѣ это изъ все стараетесь о томъ, чтобы отдѣлать «чистую идею» отъ классовыхъ интересовъ и классовой борьбы и, съ видомъ открывающаго Америку человѣка, констатируете отсутствіе дорогой вамъ «чистой идеи» въ нѣмецкомъ движеніи, для того чтобы съ торжествомъ воскликнуть: «идеальной цѣли» нѣтъ, есть только «практическіе интересы». Но это раздѣленіе «идеальной цѣли» и «реальныхъ средствъ» или «практическихъ интересовъ» — видѣ оно ваше собственное созданіе и съ научнымъ социализмомъ ничего общаго

¹⁾ Вл. Соловьевъ, Нац. вопросъ, вып. 1-й (изд. 2-е), стр. 161.

не имѣть. Худо ли хорошо ли это, но научный социализмъ неразрывно сливается и въ теоріи, и на практикѣ то, что вы раздѣляете. Но «врядъ ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ новѣйшія теченія западно-европейской исторіи». Совершенно вѣрно сказано, г. В. В., но требуетъ дополненія: мы не только не понимаемъ, но и не знаемъ того, о чемъ говоримъ. Стр. 246—269 «Очерковъ теоретической экономіи» написаны точно специально для того, чтобы иллюстрировать грустную истину объ «умственной безпечности». «Примиреніе (рабочаго класса съ капиталистическимъ стремлѣніемъ) выразилось въ томъ, что идеи социализма начала терять прежній практически-революціонный или, какъ нынѣ принято называть, утопическій характеръ» (стр. 251). Указанное г. В. В. примиреніе—плодъ его собственной фантазіи, которая разгуливаетъ необремененная никакимъ багажемъ. Но, если о настоящемъ, въ виду его явобы недостаточной выслепенности, еще такъ—скакъ дозволятельно фантазировать, то для фантазій о прошломъ, имѣющемъ свою документальную исторію, и такого оправданія нельзя привести. Утопическій социализмъ имѣлъ «практически-революціонный характеръ»,—это обвиненіе, къ счастью уже не опасно ни для Оуена, ни для Сен-Симона, ни для Фурье, которыхъ имъ ни подъ какую несприятность уже не подведешь, но все-таки покойникамъ надлежитъ болѣе, чѣмъ кому либо, «воздавать по дѣламъ ихъ». Въ «утопическомъ социализмѣ» какъ разъ отсутствовали тѣ черты, которыя можно подвести подъ «практически революціонный характеръ». Ксативъ, полная вздорность разсужденій г. В. В. объ отомедшемъ въ исторію утопическомъ социализмѣ служить дополнительнымъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что и современныхъ «теченій» представляются имъ въ совершенно превратномъ видѣ. Но самъ г. В. В. поблажился о томъ, чтобы на косвенныя доказательства приходилось смотрѣть, какъ на излишнюю роскошь. «Новѣйшій, такъ называемый, научный социализмъ примирилъ теоретическую революціонность социалистической идеи съ практической обязательностью для каждаго быть вѣрноподаннымъ существующаго государства и этимъ предотвратилъ громадную растрату силъ молодого движенія нѣмецкихъ рабочихъ, весьма вѣроятную въ случаѣ, еслибы социалистическая идея среди интеллигенціи сохранила прежній, такъ называемый утопическій характеръ» (стр. 252). Если г. В. В. хочетъ этими словами сказать, что нѣмецкое рабочее движеніе не носитъ бунтарскаго характера и что, наоборотъ, направляющая это движеніе доктрина прямо отрицаетъ бунтарство и такъ называемую «революціонную фразу» (Revolutionsphrase), то онъ правъ ¹⁾. Но онъ думаетъ и говоритъ совсѣмъ не

¹⁾ Знать ли г. В. В., а, если знаетъ, то зачѣмъ умалчиваетъ, говоря о „прав-

это. Он рассуждает о большей идейности нашего именно на «революционную фразу» французского рабочего класса сравнительно с немцами: первый, по мнению г. В. В., «политически несравненно более развит». В то же время г. В. В., так сказать, «одним духом», объясняет этой идейностью «бессилие и малоорганизованность французского рабочего класса»....., «политически несравненно более развитого» и не замечает, что таким объяснением он, во 1-х, сам безоговорочно компрометирует любезную ему идейность, а во 2-х, заставляет очень подозрительно относиться к «политической развитости», выражающейся в «бессилии и малоорганизованности». И действительно: идейность во вкусе гг. В. В. и К° никаких других плодов дать не может. Но чему же удивляться, если г. В. В. утверждает даже, что организация рабочего класса в Германии при других условиях могла бы идти под знаменем... анархизма? (стр. 253). «Организация класса» да еще «для систематического сознательного участия его в общественно-политической жизни» под знаменем анархизма — ведь это уже прямо относится к области наглядных несообразностей, коих в юридической литературе имеется, впрочем, достаточное количество. И тут небольшая историческая справка могла бы спасти г. В. В. от печального изображения подобной неглупости. История рабочего движения в Австрии за 80-ые гг. представляет характерный и поучительный пример дезорганизации рабочего класса анархизмом, а немцы же рабочие своей организованностью обязаны между прочим тому, что анархическая пропаганда в Германии никогда никакого успеха не имела.

Остается отметить еще одну черту в полемике г. В. В. Он сожалеет о том, что переселение к Марксу распространено в среде буржуазии и что выходящие из нее настоящие, патентованные ученые боятся учения Маркса; он желает, чтобы люди научились отделять доказанные положения системы Маркса от более или менее вброшенных или произвольных его гипотез (стр. 213). Но в то же время, когда автор «Критических замечаний» в чем-нибудь отстает от Маркса, г. В. В.

тической обязательности* и т. д., что немецкая рабочая партия с 1878 по 1890 г. жила в тисках исключительного закона, действие которого между прочим выразилось в том, что за десятилетие с 1878 по 1890 г. члены партии выжидали в общей сложности 831 год и 6 дней тюремного заключения. Нужно была истинная идейность, действительно высокое политическое развитие и упорная выдержка, чтобы при этих условиях мирным путем без растраты человеческих жизней заставить правительство и господствующее классы отказаться от исключительного закона. И таких людей, которые не хотели ценой отречения от своих идеалов, купить безмятежного житья и так называемых практических успехов, г. В. В. обвиняет в недостатке идейности!

кричить о буржуазности, о заимствованіяхъ у буржуазныхъ экономистовъ, о томъ, что въ «Критическихъ замѣткахъ» только терминологія взята у Маркса. Лицемерность этихъ упрековъ въ устахъ г. В. В., приглашающаго буржуазныхъ экономистовъ не бояться Маркса, бросается въ глаза. И этотъ же самый г. В. В., защищающій память Маркса отъ поруганія, якобы нанесеннаго ей авторомъ «Критическихъ замѣтокъ», съ развязностью говоритъ о томъ, что «Марксъ представляется намъ въ двухъ лицахъ: ученаго экономиста и диллетанта социолога»¹⁾. Точно экономическая доктрина Маркса въ ее основныхъ положеніяхъ и социологическое ученіе этого писателя не есть ничто цѣлое и нераздѣльное. Бѣда г. В. В. въ томъ то и состоитъ, что онъ знаетъ и понимаетъ лишь отрывки системы, которые и предлагаетъ «ad usum delphini» — буржуазной политической экономіи. Система же въ цѣломъ непригодна для буржуазнаго употребленія.

II.

Своей аргументаціи, что развитіе промышленнаго капитализма отнюдь не является — какъ утверждаетъ г. — оль — основной причиной крестьянскаго раззоренія, что самое развитіе промышленности есть, наоборотъ, результатъ вовлеченія земледѣлія въ сферу обмѣна, что фактъ вовлеченія земледѣлія въ сферу обмѣна стимулировалъ размноженіе и осложнилъ и, такъ сказать, окрасилъ его социальными послѣдствіями (перенаселеніе и раззореніе крестьянства), а не создалъ ихъ, другими словами, что перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи не есть капиталистическое перенаселеніе, всей этой аргументаціи я придаю очень существенное значеніе въ нашъ споръ. Эти положенія до сихъ поръ не опровергнуты критикой, а выставленныя противъ нихъ возраженія основаны на недоразумѣніи. Такъ одинъ критикъ²⁾ усомнился даже въ вѣрности общаго положенія, что товарное производство и капитализмъ повышаютъ емкость территоріи по отношенію къ населенію. Но это положеніе 1) прямо вытекаетъ изъ того, что товарно-капиталистическое производство повышаетъ производительныя силы всей подпадающей

¹⁾ Даже г. В. В. повторяетъ уже ранѣе сдѣланное въ нашей литературѣ и разумительно глубокое противопоставленіе толстой книги экономическаго содержанія („Капиталъ“) тоненькой брошюрѣ социологическаго содержанія („Б. манифестъ“). Вотъ, можно сказать, типографская оптика произведеній и идей великаго писателя. Сравненіе количества буквъ толстой книги и тоненькой брошюрки не даетъ никакого правильнаго критерія для оптики высказывающихся въ обоихъ произведеніяхъ идей, и это знаетъ всякій, скольконибудь знакомый съ литературной дѣятельностью Маркса въ ее цѣломъ.

²⁾ Саратовскій Дневникъ № 256 (1894 г.) ст. „Экономическій оптимизмъ“.

подъ его господство территорій, 2) блистательно доказывается исторіей населенія въ Европѣ за XIX столѣтіе. XIX вѣкъ—вѣкъ капитализма—характеризуется въ общемъ непрерывнымъ ростомъ европейскаго населенія; въ частности же это явленіе особенно рѣзко наблюдается въ странахъ съ наиболѣе стремительнымъ развитіемъ капитализма—въ Великобританіи и Германіи, *несмотря на огромную эмиграцію*. Мой оппонентъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ» думаетъ опровергнуть меня указаніемъ на русскую дѣйствительность, на стаціонарное или почти стаціонарное состояніе нашего сельскохозяйственнаго производства, на паденіе заработной платы, на примѣръ Ирландіи и на противоположное будто-бы мнѣніе г. Скворцова. Но недостаточное производство при постоянномъ ростѣ населенія именно и объясняется въ моей книжкѣ технической несостоятельностью нашего земледѣлія, являющейся послѣдствіемъ и спутникомъ его натурально-хозяйственной организаціи. Русское сельское хозяйство уже вовлечено въ обиходъ, но еще не реорганизовано ничъ технически, такъ сказать не вылучилось еще изъ своей натурально-хозяйственной скорлупы. Отсюда недостаточное производство по отношенію къ растущему населенію.

«Развѣ г-ну Струве не извѣстенъ классическій примѣръ Ирландіи съ ея «перенаселеніемъ», вызваннымъ быстрымъ развитіемъ товарнаго хозяйства, — примѣръ такъ основательно разобранный Марксомъ», спрашиваетъ мой критикъ. Конечно мнѣ извѣстенъ примѣръ такъ основательно разобранный Марксомъ и такъ... неосновательно выдвигаемый авторомъ статьи «Экономическій оптимизмъ». Перенаселеніе Ирландіи было вызвано не быстрымъ развитіемъ товарнаго хозяйства, а измѣненіемъ въ его направленіи, произведенномъ отменою хлѣбныхъ пошлинъ. «Англійскія хлѣбныя пошлины съ 1815 — пишетъ Марксъ (*Das Kapital I* 796 Anmerkung 188)—обеспечивали Ирландіи монополію свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію; они, такъ сказать, искусственно поощряли производство зерна. Эта монополія была въ 1846 г. внезапно устранена отменою хлѣбныхъ пошлинъ. Независимо отъ другихъ обстоятельствъ, одного этого событія было достаточно для того, чтобы могущественнымъ образомъ содѣйствовать преращенію ирландскихъ пашень въ пастбища, концентраціи фермъ и изгнанію мелкихъ степщиновъ». Но не надо забывать, что Ирландія, по словамъ того же Маркса, представляетъ только отдаленный широкимъ каналомъ земледѣльческой округъ Англій, которой она поставляетъ зерно, шерсть, скотъ, промышленныхъ и военныхъ повобранцевъ» (I. с. 726). А снискость всей территоріи Соединеннаго Королевства безспорно повысилась параллельно съ развитіемъ капитализма.

Указаніе на мнѣніе А. П. Скворцова основано на недоразумѣніи другого рода. Я утверждаю въ своей книжкѣ, что развитіе капитализма въ

Россія будетъ опираться на внутренний рынокъ, и это положеніе стоять въ связи со всей моею концепціей дѣйствительнаго развитія нашего пре-форменнаго хозяйства. Не промышленный капитализмъ и даже не проникнове-ніе товарнаго хозяйства вообще разоряетъ крестьянство, т. е. низводитъ его къ одному нищенскому уровню,—такое положеніе вещей создается технической нераціональностью крестьянскаго хозяйства въ связи съ непрерывнымъ ростомъ населенія и осложняется позитивнымъ бременемъ, эконо-мической зависимостью крестьянъ отъ землевладѣльцевъ и т. д. Проникнове-ніе же товарнаго хозяйства не разоряетъ крестьянства, а дифференцируетъ его, причѣмъ для нѣвѣстной части крестьянства эта дифферен-ціа конечно выражается въ потерю хозяйственной самостоятельности и разореніи. Но *массовое, пооловное раззореніе*—поскольку оно можетъ быть констатировано—*есть результатъ не проникновенія товарнаго хозяйства, а перенаселенія и технической нераціональности крестьянскаго земледѣлія*. Мой критикъ самъ путается въ своемъ про-тивоположеніи: онъ противопоставляетъ фактъ разоренія значительной ча-сти, допустимъ даже, большинства крестьянства повышенію емкости тер-риторіи по отношенію къ населенію. Но благосостояніе массы населенія можетъ падать, а населеніе будетъ въ тоже время возрастать, т. е. ем-кость территоріи повышаться. Первые шаги капитализма характеризуются почти повсюду именно такимъ отношеніемъ между ростомъ населенія и развитіемъ его благосостоянія. Самъ авторъ статьи совершенно вѣрно говоритъ, что пониженіе благосостоянія массы населенія и повышеніе его покупательной способности (его платящаго спроса) могутъ происходить параллельно. Но онъ совершенно напрасно поучаетъ меня въ этомъ отно-шеніи ¹⁾ и столь же напрасно видитъ въ моей аргументаціи какую-то «иде-ализацію товарнаго хозяйства и капитализма». Я ничего не идеализирую, и намѣчаю только совершенно объективно известную схему развитія, опираясь на факты дѣйствительности и положенія теоріи.

Основное положеніе теоріи гг. В. В. и Н.—она можетъ быть формули-ровано такъ: русскій капитализмъ, развиваясь, разоряя все населеніе, тѣмъ самымъ подрываетъ свое собственное существованіе. Мое же объясненіе того же процесса таково: на почвѣ технической нераціональности крестьянскаго хозяйства возникло натуральнохозяйственное перенаселеніе, представляющее почву для развитія капиталистическихъ отношеній. Почему же, можно спросить,

¹⁾ Этотъ случай прямо указанъ въ моей книгѣ (стр. 272) и даже даль-шего г. В. В. взять лишній разъ на меня свое моральное негодованіе (Не-дѣля № 49).

я называю это перенаселение натуральнохозяйственных, хотя и признаю, что оно осложнено проникновением товарного хозяйства, податным бременем, экономическою зависимою крестьянства от землевладельцев? А потому, что всё эти моменты могли бы совершенно отсутствовать, но если бы размножение совершалось такъ, какъ оно совершалось до сихъ поръ, перенаселение при технической неподвижности производства неизбежно наступило бы. Можно было бы пожалуй утверждать, что при отсутствии неблагоприятныхъ социальныхъ моментовъ растущее население приспособилось бы къ изменившимся условиямъ существованія. Но какъ? Только путемъ реорганизации народнаго хозяйства на началахъ объёма, ибо для другой реорганизации отсутствовали бы и общественныя ¹⁾ и техническія, и, наконецъ, чисто интеллектуальная предпосылки. Возникло бы товарное хозяйство и, въ силу своего объективнаго превосходства, вытѣснило бы натуральное. А, разъ возникши и утвердившись, товарное хозяйство развило бы всё тащіяся въ немъ противорѣчія, развило бы капитализмъ.

Законъ размноженія земледѣльческаго населенія Россіи эмпирически установленъ ²⁾; законъ этотъ самъ служитъ указаніемъ на преобладаніе земледѣлія и господство въ немъ натуральнохозяйственныхъ отношеній и только при этихъ условіяхъ и могъ бытъ констатированъ. Почти всё социальные моменты, могущіе считаться чуждыми натуральнохозяйственному строю, задерживали размноженіе и тѣмъ не менѣе оно въ земледѣльческой Россіи происходило весьма энергично, гораздо энергичнѣе, чѣмъ прогрессъ сельскохозяйственнаго производства. Такимъ образомъ создалась перенаселенность земледѣльческой Россіи. Объясненіе перенаселенія паденіемъ домашнихъ, кустарныхъ и другихъ подобныхъ промысловъ явно неудовлетворительно, потому что сокращеніе домашняго производства тканей явилось результатомъ расширенія записекъ, а не наоборотъ, да и само по себѣ никакъ не могло создать перенаселенія, кустарные же промыслы въ черноземной Россіи никогда серьезнаго значенія не имѣли. Капиталистическими отношеніями въ самомъ земледѣліи этого перенаселенія объяснить также нельзя. Тамъ, гдѣ земледѣліе носитъ наиболѣе капиталистическій характеръ (область южнаго экстенсивнаго чернозема съ производствомъ пшеницы на продажу), перенаселенности нѣтъ, а тамъ, гдѣ послѣдняя на лицо, въ самомъ производствѣ отнюдь не могутъ быть констатированы измѣненія, поведшія къ уменьшенію потребности въ живомъ

¹⁾ Общественныя предпосылки, т. е. заинтересованныя въ подобной реорганизации и активно выступившія для ея осуществленія общественныя классы.

²⁾ См. приложение I къ моему извѣстію.

трудъ. Точно также невозможно объяснить это явление паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, потому что послѣднее обнаружилось гораздо позже перенаселенности. Ростъ же арендныхъ цѣнъ не объясняется перенаселенности, а самъ ея, наоборотъ, объясняется.

Тяжесть налоговъ, высокая арендная плата, эксплуатація крестьянства торговымъ и ростовщическимъ капиталомъ страшно ухудшаютъ положеніе крестьянства, но всѣ эти факты не могутъ объяснить существующаго въ значительной части Россіи «утѣшенія». Самое классовое расчлененіе крестьянства, поскольку основы его не были унаследованы отъ дореформенной эпохи или не перенесены на «новыя земли» вмѣстѣ съ производствомъ хлѣба, какъ рыночнаго товара, развилось на почвѣ «утѣшенія» т. е. перенаселенности. Это объясненіе характера и значенія этой перенаселенности можетъ быть поддерживаемо независимо отъ общаго теоретическаго взгляда на вопросъ о населеніи. Это объясненіе укладывается вполне въ рамки Марксовской теоріи. Нужно только—вполнѣ въ духѣ Маркса—отказаться отъ приложеній категорій развито капиталистическаго строя къ явлениямъ совсѣмъ другого порядка, которые составляютъ почву для развитія капитализма, но не могутъ быть имъ объяснены. Указанная перенаселенность вытекаетъ съ одной стороны изъ самыхъ условій нераціональнаго натурального хозяйства, съ другой стороны изъ свойства этой экономической организаціи *въ данной ея обрисовкѣ* ¹⁾ эмпирически констатированнаго закона размноженія.

Такъ безъ всякихъ натяжекъ объясняется основной *производственный* механизмъ существующаго кризиса въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной Россіи. Этотъ производственный механизмъ приводитъ въ дѣйствіе дальнѣйшія пружины экономической эволюціи, классовыя противорѣчія. «Общественныя отношенія производителей, общественныя условія производства мѣняются . . . съ замѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства» (Марксъ). Степень развитія производительныхъ силъ, т. е. организація производства (въ данномъ случаѣ—натуральное земледѣльческое хозяйство, еще не приспособленное къ товарному обмѣну) въ взаимодействіи съ характерными для этой экономической организаціи условіями размноженія представляетъ матеріальную основу объясненій въ обществен-

¹⁾ Въ данной ея обрисовкѣ—очень важное ограниченіе. Не всякая натуральнохозяйственная организація благоприятствуетъ размноженію и приводитъ къ перенаселенности. Австрійское альпійское крестьянское хозяйство, наоборотъ, задерживаетъ размноженіе, такъ какъ по своимъ техническимъ условіямъ требуетъ недѣлимости и единонаследія съ одной стороны, безбрачія рабочаго персонала съ другой стороны (см. мою статью въ Вѣсти. Евр. 1894 г. № 2).

ныхъ условіяхъ производства, т. е. классового расчлененія¹⁾). Объяснять, наоборотъ, фактъ перенаселенія классовымъ расчлененіемъ было бы совершенно противно духу ученія Маркса, который и явленія капиталистическаго перенаселенія выводитъ изъ основной черты технико-экономической организаціи капиталистическаго производства, изъ его колебательнаго характера.

Перехожу въ возраженія г. Николая — она¹⁾). Статьи его въ отвѣтъ мнѣ загромождены массой совершенно ненужныхъ къ дѣлу разсужденій, проникнуты самыми нетерпимыми отношеніемъ къ личности противника, сочетающимися съ прямо отталкивающимъ самолюбіемъ, но тѣмъ не менѣе я открыто признаю, что это — самыя серьезныя и поучительныя возраженія. Такъ какъ мы ведемъ нашъ публичный споръ не для самоуслажденія, то я постараюсь отвѣчать г. — ому такъ, чтобы передъ читателемъ какъ можно рѣзче и отчетливѣе встала сущность нашего разногласія: пусть читатель пойметъ, что дѣло тутъ не въ невѣжествѣ, логомахія, отсутствіи критической мысли, фантазіяхъ и пр. пр. г. Н. фонъ-Струве съ одной стороны, глубинѣ познаній и пониманія, серьезной статистической разработкѣ вопроса у г. — она съ другой стороны. Вопросъ о степени пониманія и разиірѣ познаній можетъ быть иногда очень важенъ (мы видѣли это на примѣрахъ гг. В. В. и Гофштеттера), но въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія его ставить.

Если бы даже было вѣрно, что марксисты вродѣ гг. Бельтова и Струве никакого анализа русской дѣйствительности не производили (г. Ник. — овъ утверждаетъ это въ № 3 «Русскаго Богатства» за 1895 г.), если бы даже была вѣрна эта претенціозная ложь, то всетаки въ данномъ вопросѣ это обстоятельство не имѣло бы ровно никакого значенія. У марксистовъ имѣется въ рукахъ богатый матеріалъ, собранный ихъ литературными противниками. И если, пользуясь этимъ матеріаломъ и опирающимся на него *фактически* анализомъ, марксисты приходятъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ гг. — оны и В. В., то это объясняется не различіемъ въ «разиірѣхъ познаній», а именно различіемъ въ «точкахъ зрѣнія». Только въ безграничностъ самолюбія можно было написать такую фразу: «если кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ, можно быть вполнѣ въ томъ увѣренными, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришла мы,

¹⁾ «Коллѣнія классовъ обусловлены степенью развитія ихъ экономическаго положенія, характеромъ и способомъ ихъ производства и зависающаго отъ него объема» (Энгельсъ въ предисл. къ 3-му изд. «Der 18-te Brumaire» Маркса, Hamburg 1885).

²⁾ „Аполотин власти денегъ какъ признакъ времени“ (Русское Богатство 1895 №№ 1 и 2).

то близкимъ къ нимъ» (Р. В. 1895, № 3, стр. 53). Г. — онъ забываетъ, что въ фактахъ безъ «точки зрѣнія» (къ которой онъ съ высоты своего объективнаго статистическаго величія относится очень презрительно) нельзя совершенно разобраться. «Точка зрѣнія» по отношенію къ данному ряду фактовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляетъ то, что на философскомъ языкѣ называется аргіогі, хотя конечно не слѣдуетъ забывать, что по своему содержанію всякое аргіогі эмпирическаго происхожденія ¹⁾. Противопоставлять эмпирию «точку зрѣнія» и рассуждать о томъ, что важнѣе, значить совсѣмъ не понимать соотношенія между ними.

Г. — онъ ужасно обрадовался ошибкамъ, сдѣланнымъ мною на стр. 208 и 210 «Критическихъ Замѣтокъ». Конечно, если интенсивность и производительность труда растутъ въ одинаковой мѣрѣ, то цѣнность единицы продукта должна упасть, и мое противоположное утвержденіе неумѣно. Точно также неумѣно, что поднятіе интенсивности труда безъ повышенія его производительности не имѣетъ смысла (210). Я очень благодаренъ г. — ему за то, что онъ указалъ мнѣ мои ошибки. Но эти ошибки никакъ не имѣютъ значенія для основной нити моей аргументаціи не имѣютъ ²⁾. Г. — онъ подробно останавливается на нихъ, и затѣмъ, можно сказать, носится съ ними по всей своей статьѣ, точно въ нихъ ключъ къ пониманію всего нашего разногласія, и даже, въ частности, нашего спора объ эволюціи сельскаго хозяйства. Но это просто некрасивый полемическій приѣмъ, я думаю, неспособный никого убѣдить. Центръ тяжести моей аргументаціи заключается вовсе не въ томъ, что при повышеніи интенсивности труда не упадетъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, а въ томъ, что при разсужденіяхъ о развитіи земледѣлія и аграрныхъ отношеній нельзя, какъ это дѣлаетъ г. — онъ, игнорировать вліянія интенсификаціи хозяйства — на первомъ мѣстѣ — а

¹⁾ Г. — ону, какъ любителю научительныхъ примѣровъ изъ области естествознанія, я укажу на открытіе механическаго эквивалента тепла Робертомъ Майеромъ и Джоулемъ. «Майеръ, говоритъ Рилъ, признавалъ аргіогі всеобщій принципъ сохраненія (энергіи), который и руководилъ имъ въ исканіи механическаго эквивалента тепла и, благодаря открытію послѣдняго, получилъ эмпирическое подтвержденіе. Тамъ какъ я раздѣляю такое пониманіе принципа сохраненія энергіи и убѣжденъ, что къ великому открытію механическаго эквивалента теплоты Майеръ могъ быть приведенъ лишь своими вѣрными понятіями о причинности и силѣ, то мнѣ представляются важными и некоторыя замѣчанія Джоуля, выдѣтъ съ Майеромъ отырышаго механической эквивалентъ тонна и соотношеніе формъ энергіи: эти замѣчанія доказываютъ, что и для Джоуля логической принципъ сохраненія энергіи былъ ясенъ а priori, хотя онъ и высказывался объ этомъ съ гораздо меньшей ясностью» (Richl. Der philosophische Kriticismus etc. II, 1, S. 326).

²⁾ Одна изъ нихъ, которую г. — онъ перепечатываетъ курсивомъ (у меня его нѣтъ), представляетъ собой даже просто вводное предложеніе.

также—и это на второмъ мѣстѣ—интенсификаціи труда. Это указаніе, какія бы ошибки я ни сдѣлалъ по вопросу о соотношеніи между производительностью и интенсивностью труда, остается въ полной силѣ.

Сущность моего возраженія заключается въ слѣдующихъ строчкахъ, которыя г. —онъ самъ воспроизводитъ на стр. 167, № 1, Р. Б. за 1895 г. Г. —онъ, говорю я на стр. 209 моей книги, «не понимаетъ, что прочное повышение производительности земледѣлія требуетъ въ то же время повышения его интенсивности—въ смыслѣ *увеличенія затраты труда и капитала на единицу пространства* ¹⁾. И если... неѣрно знаменитое положеніе английской политической экономіи, что повышение интенсивности земледѣлія сопровождается всегда пониженіемъ его производительности, то еще менѣе возможно принять мнѣніе г. —она, что ростъ производительности въ земледѣліи имѣетъ тенденцію постоянно понижать мѣбовую цѣнность получаемыхъ съ данной площади продуктовъ, т. е. доходъ земледѣльца. Это положеніе было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы ростъ производительности могъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и роста интенсивности труда земледѣльца ²⁾, но эта возможность болѣе чѣмъ проблематична и противорѣчитъ эмпирическимъ даннымъ».

Я не даромъ подчеркнул въ данномъ случаѣ интенсификацію хозяйства, потому что я вполне понимаю что рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь не интенсификація труда, а интенсификація хозяйства. Указаніе на интенсификацію труда могло бы быть даже совершенно опущено, а мое возраженіе сохранило бы свою полную силу. Во всякомъ случаѣ, сюда совершенно нечего приписывать моихъ ошибокъ по вопросу о соотношеніи между интенсивностью и производительностью труда. И, въ самомъ дѣлѣ, на только что цитированное мѣсто изъ моей книги г. —онъ, какъ ему очевидно ни хотѣлось этого, не могъ возразить только указаніемъ на мои ошибки. Его отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ словахъ. «Ростъ производительности земледѣльческаго труда, въ противность мнѣнію г. Н. фонъ-Струве, можетъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и напряженности труда. Это значитъ, что при помощи меньшаго количества живаго труда при экстенсивномъ хозяйствѣ получается съ большей площади большее количество продуктовъ. И это станетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока не будутъ заняты всѣ земли, могущія быть распаханными»

¹⁾ Курсивъ въ моей книгѣ. Этотъ курсивъ г. —онъ игнорируетъ, но далѣе самъ перепечатываетъ курсивомъ другія слова, не отослывая, что у меня курсивъ нѣтъ.

²⁾ Слова «роста интенсивности труда земледѣльца» г. —онъ приводитъ въ курсивъ. Курсива этого у меня нѣтъ.

(Р. Б. 1895, № 1, стр. 168). Въ то же время г. — онъ говоритъ, что существующія условія мирового хозяйства «таковы, что въ земледѣльческомъ хозяйствѣ «ростъ производительности имѣетъ тенденцію понижать мѣговую цѣнность продуктовъ» ¹⁾ (хотя и не съ данной площади).» Но если мѣговая цѣнность продуктовъ получаемыхъ съ данной площади, т. е. валовой доходъ не падаетъ, то какъ возможно это безъ интенсификаціи хозяйства? Возможно ли вообще сколько нибудь продолжительное поддержаніе экстенсивнаго хозяйства на какой бы то ни было территоріи? Не видамы ли мы на самомъ дѣлѣ въ исторіи, что экстенсивное земледѣліе своего рода вѣчный жаль, который постоянно переходитъ на новыя земли. Г. — онъ совершенно вѣрно указываетъ, что отъ конкуренціи экстенсивнаго земледѣлія странамъ съ болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ часто приходится очень скверно, но онъ игнорируетъ совершенно, что эта конкуренція очень часто является также могущественнымъ стимуломъ къ интенсификаціи хозяйства. Г. — онъ въ сущности утверждаетъ, что при современныхъ условіяхъ мирового хозяйства нигдѣ не возможно ни существованіе интенсивнаго хозяйства, ни дальнѣйшая интенсификація земледѣлія. Это положеніе, по мнѣнію г. — она, подтверждается примѣромъ Англій и Соединенныхъ Штатовъ. Последніе особенно поучительны въ данномъ отношеніи, потому что здѣсь мы можемъ прослѣдить эволюцію экстенсивнаго хозяйства при условіяхъ современнаго мирового хозяйства, а главный, занимающій насъ, вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли, или вѣрнѣе должна ли, при современныхъ условіяхъ происходить реорганизация экстенсивнаго хозяйства въ интенсивное. Это есть общій вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію, ибо регрессивный метаморфозъ интенсивнаго хозяйства въ экстенсивное—подъ вліяніемъ конкуренціи—очень часто можетъ быть всего проще объясненъ прогрессомъ, т. е. интенсификаціей хозяйства въ конкурирующей странѣ.

Г. — онъ хочетъ представить дѣло такъ, будто я выдумалъ интенсификацію американскаго сельскаго хозяйства. Онъ указываетъ при этомъ на тотъ, отмѣченный и мною, фактъ, что конкуренція западныхъ штатовъ чрезвычайно тягостно отражается на фермерахъ восточныхъ штатовъ. Фактъ самъ по себѣ ничего еще не говорящій. Упадокъ земледѣлія въ нѣкоторыхъ восточныхъ штатахъ, т. е. въ частности въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англій, очень просто объясняется почвенными условіями этихъ штатовъ, при которыхъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ не стоить, разъ можно получать со стороны земледѣльческіе продукты. Развивается только высокоинтенсивное хозяйство въ густонаселенныхъ промышленныхъ шта-

¹⁾ Эти слова взяты у меня.

тахъ Новой Англіи (въ особенности въ Массачусетсѣ). Эволюція сельскаго хозяйства и въ этой области отнюдь не можетъ быть охарактеризована просто словомъ «упадокъ», какъ представляеть это г. —онъ. Безспорно переживается кризисъ; но, какъ замѣчаетъ Левассеръ, это даже «не столько кризисъ, сколько безвозвратное преобразованіе; положеніе однако вовсе не безнадежное, такъ какъ земли имѣеть разныя назначенія и, если въ одномъ имѣть поля возвращаются къ своему прежнему состоянію, запускаются подъ дѣсь, то въ другомъ они покрываются овощами». (О Новой Англіи см. у Levasseur. L'agriculture aux Etats-Unis, Paris 1894, 164—173) Что въ дѣсныхъ штатахъ съ гранитной почвой (Мэнь, Нью-Гэмпширъ, Вермонтъ) запускаются поля, впадѣи естественно и ничего печальнаго не представляеть.

Далѣе г. —онъ пользуется статистикой, которая говоритъ, что въ «восточныхъ штатахъ размѣръ фермъ мельчаетъ ¹⁾, что «цѣнность ихъ, обусловленная доходностью, повышается крайне незначительно», а отсюда вытекаетъ сокращеніе общей культивируемой площади этого района. Но всякая статистика должна быть разсмотрѣна съ извѣстной «точки зрѣніи». И тогда окажется, что самое раздѣленіе Соединенныхъ Штатовъ на западную и восточную части при помощи «раздѣльной линіи, представляемой теченіемъ Миссисипи, а на Сѣверѣ западной оконечностью Верхняго Озера» не имѣеть сельско-хозяйственнаго смысла и полученная путемъ такого раздѣленія сопоставленія лишены всякаго значенія. Дѣло въ томъ, что въ сельско-хозяйственномъ отношеніи Соединенные Штаты дѣлятся обыкновенно на 5—9 областей и только сравненіе процесса внутри такихъ областей даетъ возможность дѣлать какіе-нибудь выводы. Такъ, напримѣръ, Левассеръ дѣлитъ весь Союзъ на 9 сельско-хозяйственныхъ областей. Этимъ дѣленіемъ я воспользуюсь въ своемъ изложеніи.

Я говорилъ въ своей книжкѣ, что америкапекій фермеръ сокращаетъ площадь пшеничныхъ посѣвовъ и начинаетъ производить болѣе цѣнный продуктъ—скоть (Крит. Замѣтки, стр. 210). Г. —онъ заявляетъ, что говори это и «основывался на доктринерскомъ предразсудкѣ, что это должно быть именно такъ, какъ онъ говоритъ» (Р. Б. 1895 г. № 1, стр. 182). А опровергается мое утвержденіе тѣмъ, что ростъ западнаго района въ сельско-хозяйственномъ отношеніи быструе роста восточнаго. Но это понятно само собой—первыя шаги развитія почти всегда быструе дальнѣйшихъ; чѣмъ ниже абсолютно кака-нибудь величина, тѣмъ всегда больше ея относительный и очень часто абсолютный ростъ. Экстенсивное хозяйство, пока оно еще распространяется, всегда растетъ очень энергично.

¹⁾ Между прочимъ, воссвннное доказательство интенсификаціи хозяйства, П. С.

Но, опять-таки повторяемъ, раздѣленіе, принятое г. — ономъ, никуда не годится, а потому посмотримъ, не основаны ли его слова о доктринерскомъ предразсудкѣ на этомъ никуда негодномъ раздѣленіи. Новыл Англія, какъ мы видѣли, ничего не доказываетъ, и, конечно, не о сокращеніи посѣвовъ въ этой области говорилъ я въ своей книжкѣ, ибо сборъ пшеницы въ Новой Англіи совершенно минимальный. Замѣчу только, что и въ Новой Англіи число молочныхъ коровъ увеличилось съ 1860 по 1893 г. съ 676 т. головъ до 863 т. (Levasseur).

Для проверки моего утвержденія необходимо обратиться къ житницѣ Соединенныхъ Штатовъ, къ области центральныхъ равнинъ (штаты: Огайо, Мичиганъ, Индіана, Иллинойсъ, Миссури, Айова, Небраска, Канзасъ. Levasseur l. c, 201—217). «Было время, говоритъ Левассеръ, когда западная часть этой области была «преріей» «Far West» (отдаленный западъ). Но «Far West», не имѣющій опредѣленныхъ границъ, все удаляется по мѣрѣ заселенія страны и культура мѣстами покрывала уже прерію деревьями».

На эту область въ 1892 г. изъ общаго сбора: манса = 1,628 милл. бушелей, приходилось 1,031 м.; пшеницы = 515 м. б. — 248 м.; овса (1893) = 638 м. б. — 343 м. Здѣсь особенно поучительны въ разсматриваемомъ мною отношеніи два штата — Иллинойсъ и Айова (изъ нихъ первый относится къ восточной, второй — къ западной части, по раздѣленію г. — ономъ). По производству пшеницы Иллинойсъ занималъ въ 1880 г. первое мѣсто, въ 1891 г. — седьмое, Айова въ 1880 г. — седьмое, въ 1891 г. — девятое. По производству же манса (главный кормъ для скота, включая солоа и сивнеб) Иллинойсъ и Айова сохранили свое первенство, помѣнявшись только мѣстами: Айова обогнала Иллинойсъ и занимаетъ теперь первое мѣсто въ этомъ отношеніи [Fr. Oetken. Die Landwirtschaft in den Vereinigten Staaten von Nordamerika etc, Berlin 1893 (846 SSd S. 49—50)].

За тотъ же періодъ цѣнность молочныхъ коровъ возрасла: въ Айовѣ съ 21 милл. долл. до 24 ¹⁾, въ Иллинойсѣ съ 20 до 24 ²⁾. Количество другого скота увеличилось еще болѣе. Въ 1892 г. первое мѣсто по количеству свиней занимали именно Айова (7.105,320 штукъ) и Иллинойсъ (4.894,815 шт.). А «превращеніе манса въ свиное мясо есть одно изъ главныхъ употребленій этого зернового продукта» (Levasseur 158). Для всей области прогрессъ иллюстрируется слѣдующими цифрами: въ 1859 г. общее число скота на фермахъ было 28,6 милл. гол., въ 1893 г. оно

¹⁾ Въ 1893 г. уже 27 м. Въ Айовѣ молочное хозяйство стоять на очень высокомъ уровнѣ.

²⁾ Въ 1893 г. уже болѣе 25 м.

поднялось до 62 м. Въ 1868 г. весь сборъ манса и пшеницы составлялъ 560 милл. бушелей, въ 1888 г. онъ поднялся до 1496 м. Общая цѣнность фермъ утонула за 30 лѣтъ: въ 1860 г. она составляла 1,97, въ 1880 г.—4,565, въ 1890 г.—6,069 милл. долл.; средняя цѣнность одной фермы поднялась съ 2,879 долл. въ 1860 г. до 3,140 въ 1880 г. и до 4,200 въ 1890 (Levasseur 210). Этотъ ростъ отнюдь нельзя отнести на счетъ расширенія пшеничныхъ посѣвовъ; это не есть, словомъ, ростъ примитивнаго экстенсивнаго хозяйства. Сборъ пшеницы во всей области возросъ съ 150,228 милл. буш. въ 1869 г. до 248 м. въ 1892 г. (въ 1893 г. онъ опустился до 165,896 м.). Но въ Айовѣ и Иллинойсѣ сборъ пшеницы упалъ съ 29,435 и 30,128 м. б. въ 1869 г. до 6,749 и 15,507 м. б. въ 1893. Въ Айовѣ въ 1880 г. площадь подъ пшеничными посѣвами составляла 3.190.212 акровъ, въ 1893 лишь 587 т. акр. Именно про Айову, Oetken, практической сельской хозяйки, спеціально знакомый съ этимъ штатомъ, говорить: «полевое хозяйство въ общемъ... совершенно повятнымъ образомъ съ каждымъ годомъ приближается къ правильному плодосѣвану, хотя этотъ прогрессъ и происходитъ очень медленно и незамѣтно, если наблюдать короткіе періоды» (I, с. 141). Въ частности развивается *травосѣяніе*. Сокращеніе пшеничныхъ посѣвовъ въ значительной и въ сельско-хозяйственномъ отношеніи важнѣйшей области во всемъ союзѣ на счетъ производства скота выражается въ томъ общезнакомомъ фактѣ, что, въ то время какъ съ 1880 г. и сборъ и вывозъ пшеницы въ общемъ находятся въ стаціонарномъ состояніи, производство и вывозъ скота растутъ чрезвычайно энергично. «Вывозъ живого рогатаго скота увеличился съ 27,530 гол., цѣнностью въ 439,987 долл. или 15,98 д. за штуку въ 1870 до 374,679 гол. цѣнностью въ 30.445,249 долл. или 81,26 д. за штуку въ 1891 г. За этотъ короткій періодъ число головъ экспортируемаго скота увеличилось въдесятеро, цѣнность же его возрасла въ семьдесятъ разъ, и даже болѣе, если считать 1890 г.» (Oetken I, с. 293). Съ 1880 г. вывозъ живого скота возросъ къ 1890 г. съ 180,756 головъ до 394,836.

Вывозъ свѣжаго битаго мяса (I) и вывозъ солонины и копченаго мяса (II) представляли за соответствующіе годы въ слѣдующихъ цифрахъ:

	I	II
1880.	84.717,194 фунтовъ	45.237,472 ф.
1890.	173.237,596 —	97.508,419 —

Всѣ эти данныя объясняютъ, почему западно-европейскіе знатоки американской конкуренціи ¹⁾ считаютъ для европейскаго сельскаго хозяй-

¹⁾ Напр. Sering и Oetken.

ства осповой не столько хлѣбную конкуренцію Америки, сколько конкуренцію мясомъ, прямо мотивируя этотъ взглядъ тенденціей сокращенія хлѣбнаго производства насчетъ производства скота, замѣчаемой въ американскомъ сельскомъ хозяйствѣ. *А съ этой тенденціей и выражается интенсификація американскаго хозяйства.* Кроме того, при оцѣнкѣ успѣховъ скотоводства въ С. Америкѣ подлежитъ приниманію во вниманіе, что цифры головъ скота очень недостаточно выражаютъ прогрессъ, такъ какъ скотъ улучшается въ качественномъ отношеніи: его мясность и молочность увеличиваются ¹⁾. Въ центральной области, о которой мы говорили выше, широко практикуется наряду съ выращиваніемъ рожденина на мѣстѣ скота и откармливаніе степного. «Я не знаю, говоритъ Левассеръ объ этой области, другой большой территоріи, которая обладала бы на душу населенія такимъ изобиліемъ и въ то же время такимъ разнообразіемъ хлѣбовъ и скота». Повышеніемъ молочности скота и еще болѣе увеличеніемъ жирового содержанія въ молокѣ, быть можетъ, всего проще объясняется вѣзвначительный ростъ числа молочныхъ коровъ въ штатѣ Нью-Йоркъ, на что указываетъ г. — онъ. И этотъ техническій прогрессъ въ данномъ случаѣ естественно объясняется капиталистическимъ раздѣленіемъ труда въ указанномъ производствѣ. Тамъ, гдѣ развилось раціональное молочное хозяйство—въ связи съ маслодѣленіемъ и сыровареніемъ на началахъ чиста капиталистическаго производства—молоко фермеровъ оплачивается не по количеству, а по жировому содержанію. Естественно, что такой методъ стимулируетъ техническій прогрессъ.

Съ 1850 г. въ области раціональнаго молочнаго хозяйства средняя молочность и среднее жировое содержаніе молока увеличились въ два раза (Oetken). И «этотъ прогрессъ американскаго молочнаго хозяйства—по крайней мѣрѣ теперешній болѣе оживленный темпъ въ его развитіи—относится къ той эпохѣ, когда почти одновременно и въ Западной Европѣ были введены современныя совершенныя сливкоотдѣлительныя машины» (Oetken I. с. 358). Итакъ, по основанію на фактическихъ данныхъ взгляду компетентнаго лица, прогрессъ американскаго молочнаго хозяйства тѣсно связанъ съ тѣмъ самымъ явленіемъ, которымъ г. — онъ объясняетъ его упадокъ. И тутъ мы имѣемъ еще разъ поучительный для г. — она примеръ, показывающій, что и къ статистическимъ цифрамъ нужно подходить съ извѣстной «точкой зрѣнія», что знать кое что не «статистическое» полезно для того, чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе внушительными «цифрами» ²⁾.

¹⁾ Обстоятельно объ этомъ говорить Oetken I. с.

²⁾ Наше разногласіе относительно значенія и жизнеспособности *bonanza-farms*, конечно, вытекаетъ изъ различія нашихъ взглядовъ на прочность хищ-

Читатель видит теперь самъ, въ какихъ цифрахъ и фактахъ представляется.... «доктринерскій предрасудокъ» г. Струве.

Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ г. — онъ *самыми тупыми образомъ* обобщаетъ рядъ фактовъ, либо вообще очень мало выходящихъ общаго между собой, либо представляющихъ *различныя ступени одного и того же процесса*. Конечный результатъ процесса принимается г. — ономъ за базисный, и это происходитъ не случайно, а вытекаетъ изъ всего характера его мышленія, которое можно, по терминологіи Маркса и Энгельса, охарактеризовать какъ *абсолютное и метафизическое*. Поэтому-то г. — онъ совершенно все цитируетъ разными мѣста изъ всѣхъ трехъ томовъ «Капитала».

«Мораль исторіи—приводитъ г. — онъ одно мѣсто изъ 3-го тома Капитала—которую мы можемъ... извлечь, разсматривая земледѣліе также и съ другихъ сторонъ, заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ рациональному земледѣлію или что рациональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и содѣйствуетъ техническому развитію земледѣлія) и требуетъ или руки са-

ническаго экстенсивнаго хозяйства. Г. — онъ отъ моихъ возраженій, основанныхъ на мнѣніи такихъ общепризнанныхъ знатоковъ американскаго народнаго хозяйства, какъ Зерингъ и Руд. Мейеръ, отдѣляется смелкой на ... разсказъ одной чикагской газеты (Рус. Б.—во, №, стр. 176), и представляетъ дѣло такъ, будто высказанный мною взглядъ есть мое личное мнѣніе. Еще недавно Зерингъ на послѣднемъ собраніи «Verein'a für Sozialpolitik» повторилъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ взглядъ на bonanza-farms, высказанный имъ еще въ 1887 г. (Verhandlungen der am 28 u. 29. September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Sozialpolitik über die Kartelle u. das ländliche Erbrecht. Lpz. 1895 Ss. 304—306), «Конкуренцію намъ (т. е. западной Европѣ) дѣлаютъ не малочисленные и быстро уменьшающіеся въ числѣ (in starkem Rückgange begriffenen) bonanza-farms, а среднія предприятия, хозяйство въ которыхъ ведется съ необыкновенной утонченностью» («die mittelgrossen Betriebe, die mit ausserordentlichem Raffinement bewirtschaftet werden»). Къ Зерингу и Р. Мейеру въ послѣднее время присоединился и профессоръ агрономіи Бреславельскаго университета Вольфманъ (Wohltmann), побывшій въ 1893 г. Америку (Landwirtschaftliche Reise Studien 1894). Ср. еще статью Р. Мейера: Ueber Latifundien-Landwirthschaft in Nordamerika (Neue Zeit XII (1893—1894), 2, 682—688), которую авторъ заканчиваетъ слѣдующей фразой:.... «я остаюсь при томъ, что и въ Сѣверной Америкѣ, кромѣ Калифорніи, существующія теперь монополискія фермы перестаютъ приносить доходъ и должны прекратить свое существованіе» («Ich bleibe dabei, dass auch in Nordamerika, ausserhalb Kaliforniens, der jetzt übliche Riesenfarmbetrieb unrentabel wird u. also enden muss»). Эти фермы нецелесообразны именно потому, что онѣ практикуютъ совершенно хищническое экстенсивное хозяйство, ала longue по мѣруе быть и экономически рациональнымъ.

мих работающих мелких крестьян, или контроля ассоциированных производителей» (III, 1, 98).

Маленькая фраза: «хотя послѣдняя (т. е. капиталистическая система) содѣйствуетъ техническому развитію земледѣлія» содержитъ все громадное различіе между Марксомъ и г. —ономъ. Развитіе каждой данной экономической формы и ея противорѣчій съ точки зрѣнія Маркса представляетъ цѣлый процессъ, различные фазы котораго могутъ имѣть между собой нѣкоторое внѣшнее сходство, состоящее хотя бы въ томъ, что съ практической точки зрѣнія онѣ завершаются кризисомъ. Но это сходство не даетъ права отождествлять различные фазы, и только «точка зрѣнія» можетъ избавить исследователя отъ подобныхъ грубыхъ ошибокъ.

«Великая заслуга капитала—раціонализація земледѣлія» — говоритъ Марксъ (III, 1, 157), но въ своемъ развитіи капитализмъ въ земледѣліи приходитъ въ столкновение съ раціональностью.

Утверждая это, Марксъ имѣетъ въ виду англійское капиталистическое земледѣліе, гдѣ предприниматель и земельный собственникъ два различныхъ лица; изъ столкновения ихъ интересовъ выводитъ Марксъ свой взглядъ на то, что въ данный историческій моментъ данная система производственныхъ отношеній несовмѣстна съ дальнѣйшимъ техническимъ прогрессомъ¹⁾. Вырванная изъ связи съ другими положеніями, развиваемыми Марксомъ въ томъ же 3-мъ томѣ Капитала, эта фраза можетъ быть очень ложно истолкована: такъ изъ нея можно было бы, пожалуй, вывести, что Марксъ вѣрилъ въ возможность унѣковичить мелкое крестьянское земледѣліе съ его нераціональнымъ полу-натуральнымъ хозяйствомъ. Но Марксъ былъ очень далекъ отъ такого взгляда. Резюмируя свою оцѣнку капиталистическаго и мелкаго крестьянскаго земледѣлія, онъ говоритъ: «при мелкой культурѣ, цѣла земли, являющаяся формой и результатомъ частной собственности на землю, выступаетъ какъ преграда производства. При крупномъ земледѣліи и опирающейся на капиталистическій способъ производства крупной земельной собственности такой преградой является также институтъ собственности, потому что онъ ограничиваетъ производительное помѣщеніе капитала арендаторомъ, помѣщеніе, плоды котораго въ конечномъ счетѣ достаются не ему, а поземельному собственнику. При той и при другой формѣ на мѣсто сознательной, раціональной обработки земли, какъ общей вѣчной собственности, какъ неотчуждаемаго условія существованія и воспроизведенія цѣли смѣняющихся поколѣній человѣчества, является эксплуатация и расточеніе силъ земли (не говоря уже о зависи-

¹⁾ Книжнъ образомъ эта коллизія интересовъ задерживаетъ прогрессъ, будетъ ясно изъ дальнѣйшихъ, приводимыхъ ниже, разсужденій Маркса.

мости эксплуатаціи не отъ достигнутой высоты общественнаго развитія, а отъ случайныхъ и неравныхъ условій отдѣльнаго производителя). При мелкой собственности это происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ и познаній для примѣненія общественной производительной силы труда. При крупной собственности это вызывается путемъ эксплуатаціи этихъ средствъ въ интересахъ возможно быстраго обогащенія арендатора и собственника. При томъ и при другомъ размѣрѣ земельнаго владѣнія такой результатъ порождается зависимою производителя отъ рыночной цѣны» («Капиталъ», III, 2, 346—447).

Эти и другія разсужденія Маркса объ аграрныхъ отношеніяхъ, содержащіяся въ 3-мъ томѣ, не исчерпываютъ несколько вопроса объ экономической эволюціи сельскаго хозяйства при всѣхъ возможныхъ и дѣйствительно наблюдаемыхъ условіяхъ; нѣкоторые положенія назвѣрное нуждаются въ поправкахъ, основанныхъ на отвергнутыхъ уже теоріяхъ прежней агрономіи (ученіе Либиха о Каубваа на стр. 347), но во всякомъ случаѣ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ ясно выступаетъ основная точка зрѣнія Маркса.

Земледѣліе, основанное на изолированномъ хозяйствѣ разобщенныхъ производителей, подчиненное рыночнымъ колебаніямъ, страдаетъ отъ той же анархіи производства, что и промышленность. *При этой анархіи* даже технически вполне рациональное производство не можетъ быть прочно, и кромѣ того подчиненіе производителя рынку приводитъ къ столкновенію между экономической и технической рациональностью. Словомъ, по Марксу эволюція земледѣлія и промышленности при развитомъ товарномъ, т. е. капиталистическомъ, производствѣ въ главныхъ чертахъ *тождественна*, не въ смыслѣ полнаго сходства формъ, а въ смыслѣ конечнаго результата,—необходимости общественной организаціи. Но также прогрессивна, исторически-необходима и законна съ этой точки зрѣнія и роль въ земледѣліи товарнаго производства, частной собственности и капитала. «Оправданіе поземельной собственности, какъ и другихъ формъ собственности опредѣленнаго способа производства, заключается въ томъ, что самый способъ производства, а стало быть и вытекающія изъ него условія производства и обиха, представляютъ переходящую историческую необходимость» («Капиталъ», III, 2, 162 стр.).

Марксъ конечно понималъ, что конкуренція и кризисы на извѣстной ступени экономической эволюціи не задерживаютъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ, но, напротивъ, стимулируютъ его и что товарно-капиталистическое хозяйство не можетъ развитъ своихъ противорѣчій, находясь еще въ зачаточномъ состояніи. Это—«точка зрѣнія» и устанавливалась она не разъ основателями «новой школы»; она положена въ

основу ихъ анализа общественныхъ отношений. Отсюда ясно, что выдвигать противъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что ближайшая экономическая будущность Россіи необходимо сведется къ развитію капиталистическихъ отношений, въ наличности уже существующихъ, указаніе на конечныя противорѣчія капитализма, нисколько не соответствуетъ «точкѣ зрѣнія» Маркса.

«Ни г. Бельтовъ, ни г. П. фонъ-Струве и никто другой изъ подобныхъ имъ «учениковъ Маркса» никогда никакого такого анализа (т. е. анализа дѣйствительныхъ отношений) не производили» (Р. Б. № 3, стр. 46).

И не буду ссылаться на анализъ русской внутренней жизни, который— съ *моей* точки зрѣнія—былъ произведенъ задолго до появленія не только «Критическихъ Замѣтокъ», но и «Очерковъ нашего перереформеннаго хозяйства» (какъ книги) ¹⁾. Русскій читатель и безъ моихъ указаній сумеетъ оценить правдивость и добросовѣстность г. —она, отрицающаго существованіе этого анализа. Но и шестая глава «Критическихъ Замѣтокъ», не смотря на всю ея неполноту, содержитъ въ себѣ анализъ русской дѣйствительности. Анализъ этотъ ведется съ определенной точки зрѣнія, и потому-то онъ приводитъ автора къ выводамъ не только не «тождественнымъ», но даже и не «близкимъ» къ положеніямъ г. —она. Но отрицать анализъ противника, утверждать, что его работа кишитъ противорѣчіями и непониманіемъ основныхъ задачъ науки и т. д. и т. д. (стр. 53, № 3, «Р. Б.») не значитъ опровергнуть противника, это значитъ въ лучшемъ случаѣ обнаружить печальные признаки неизлечимой маніи величія. Авторъ «Критическихъ Замѣтокъ», хотя и не любитель бѣлыхъ перчатокъ въ литературѣ, но въ своей полемикѣ съ противниками онъ всюду старался не только показать ошибки, недостатокъ познаній и пониманія у противниковъ, но вскрыть самыя основы разногласія, вытекающаго изъ различія «точекъ зрѣнія». Такъ будетъ поступать онъ и теперь.

Исходнымъ пунктомъ анализа русской дѣйствительности въ «Критическихъ Замѣткахъ» служитъ констатированіе народно-хозяйственнаго перелома огромной важности—перехода отъ натурального хозяйства къ денежному. Первичнымъ моментомъ является тутъ не развитіе промышленнаго капитализма на почвѣ насильственной экспроприаціи непосредственнаго производителя ²⁾ а возлеченіе земледѣяна въ обмѣнъ, дифференцирующее

¹⁾ Ср. Socialpolitisches Centralblatt, № 1 за 1893—1894 г.

²⁾ Марксъ, повидному, считалъ такой ходъ процесса всеобщимъ при развитіи капитализма. Въ «Критическихъ Замѣткахъ» я указываю, что въ Россіи процессъ происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ нисколько не измѣняется его сущность—развитіе капиталистическихъ производственныхъ отношений.

сельское население на классъ сельской, болѣе или менѣе мелкой, буржуазіи и сельскаго пролетаріата, изъ котораго рекрутируется и пролетаріатъ промышленный. Развитие этой дифференціаціи обостряетъ перенаселенность въ центральной земледѣльческой области (см. выше). Рядомъ съ дифференцирующимъ дѣйствіемъ проникающаго иѣноваго хозяйства, техническая нерациональность крестьянскаго хозяйства, выражающаяся въ неурожаяхъ, нивелируетъ крестьянскую массу. Первый процессъ создаетъ и расширяетъ внутрений рынокъ для промышленнаго капитала, второй его сокращаетъ. Мы, конечно, также не раздѣляемъ мнѣнія, что Россіи «предстоитъ» участь Перу или Мексикки, или Месопотаміи (Р. В. № 2): «Русское буржуазное общество, — скажемъ мы, перефразируя высокопарныя слова г. — она на стр. 23 № 2 Р. В. — слишкомъ сильно» для того, чтобы не дать своей возникающей мелкой буржуазіи культурныхъ средствъ для устранения технической нерациональности. Въ этомъ, какъ указывалъ не какойнибудь марксистъ, а даже самъ г. В. В., заинтересована и крупная русская буржуазія; въ этомъ заинтересовано государство; для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ «героическому средству», рекомендуемому г. — ономъ (героическимъ «его совершенно вѣрно называетъ г. В. В. «Очерки теоретической экономіи», стр. 241). «Героическое средство» немислимо безъ «героическаго самосознанія» («Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію» стр. 235). А для примѣненія скромныхъ средствъ, рекомендуемыхъ г. В. В., достаточно самосознанія развивающейся мелкой буржуазіи и матеріальныхъ средствъ наличнаго общества. Но г. — оны не понимаетъ или не признаетъ указанного процесса. Онъ думаетъ что въ Россіи наблюдается лишь частный случай «заколдованнаго круга», въ которомъ вращается всемірное капиталистическое хозяйство, «Европейская крупная промышленность сама роетъ себѣ могилу», — цитируетъ онъ Маркса. «Съ опредѣленной точки развитія каждое дальнѣйшее расширение рынка означаетъ для нея возникновеніе новаго конкурента... Не говоря о Россіи и объ американскихъ штатахъ, Остъ-Индіи, Японіи, Китаю, Австраліи развиваются въ промышленныя государства, которыя въ промышленномъ отношеніи будутъ сами себя удовлетворять».

Но неужели г. — оны не видитъ, что цитируемое имъ разсужденіе совершенно ясно говоритъ, что для полученія «заколдованнаго круга», на который онъ указываетъ, необходимъ тотъ частный случай на русской почвѣ, возможность и развитіе котораго онъ отрицаетъ?

Тутъ же слѣдуетъ отвѣтить еще случай, когда г. — оны опять все цитируетъ Маркса: «Конечная причина всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ все-таки заключается въ бѣдности и ограниченности потребленія массъ (и цитируемый авторъ тоже запутывается «въ безвыходномъ кругѣ», выходя

изъ котораго по мнѣнію г. П. фонъ-Струве «очень просто») сравнительно со стремленіемъ капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто предѣлами имъ служить только абсолютная способность потребленія общества» (Р. Б. № 2, стр. 19).

Всякое мѣсто убѣдительно, поскольку оно не вырвано изъ контекста и смыслъ его такимъ образомъ не искаженъ. Между тѣмъ, тотъ абзацъ, изъ котораго замѣтовала цитата начинается слѣдующей фразой: «представимъ себѣ все общество состоящимъ исключительно изъ промышленныхъ капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ». Ясно, что цитата къ нашему частному случаю не относится и никакъ не можетъ облеплять его эволюціи. Еще менѣе можетъ она опровергать аргументацію автора «Критическихъ Замѣтокъ» (стр. 245—260), который прямо указываетъ, что «фикція, по которой все современное общество состоитъ только изъ капиталистовъ и рабочихъ, не можетъ ни на волосъ подвинуть насъ впередъ въ дѣлѣ выясненія какаго либо историческаго процесса». Эта фикція можетъ только затенить вопросъ о развитіи капиталистическаго хозяйства въ Россіи.

Г. — онъ ужасно ненавидитъ капитализмъ, но къ сожалѣнію его пониманіе капитализма не находится на уровнѣ ненависти. И опять дѣло тутъ въ «точкѣ зрѣнія», а не въ размѣрѣ познаній. Отъ сдѣланныхъ въ моей книгѣ указаній, что статистическія данныя о производствѣ и потребленіи волокнистыхъ матеріаловъ, на которыя опирается г. — онъ, никакого дополнительнаго значенія не имѣютъ, онъ отдѣмывается очень странными выраженіями. Статистическія данныя г. — она не убѣдительны, потому что 1) взяты за слишкомъ короткій періодъ, причемъ не приняты во вниманіе такіе «пертурбаціонные» факторы, какъ неурожаи, 2) сравниваются несравнимы ни въ потребительномъ, ни въ мѣновомъ отношеніи величины — пуды льна и хлопка. Теперь г. — онъ для того, чтобы поддержать свои выводы и отстоять свои совершенно несостоятельныя приемы доказательства, ссылается на то, «что потребительная стоимость льняныхъ и шерстяныхъ издѣлій во много разъ превышаетъ хлопчатобумажныя, что они и теплѣе и прочнѣе, долѣе носятъ. Выразить эти отношенія въ цифрахъ для потребленія всей Россіи довольно затруднительно, но фактъ остается фактомъ, худшая потребительная стоимость вытѣсняетъ лучшую» (Русское Богатство № 2, стр. 5). «Крайне глубокая и «оригинальная» мысль г. П. фонъ-Струве показываетъ, насколько онъ проникъ въ смыслъ того вопроса, который всталъ обсуждать, и вмѣстѣ съ тѣмъ насколько самъ онъ проникнутъ идеей «власти денегъ». Рѣчь идетъ вѣдь о *потребительныхъ стоимостяхъ*, объ измѣненіи ихъ количества и качества во времени, совершенно независимо отъ того, какова ихъ мѣновая стоимость» (Р. Б. № 2, стр. 6).

Но, во-первыхъ, о потребительной стоимости *издѣлій* двухъ родовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя судить по количеству сырья того и другого рода, не зная точно отношеній между сырьемъ и издѣліями. А во-вторыхъ—и это самое важное—для вопроса о *развитіи національнаго богатства, т. е. капитализма, совершенно безразлична потребительная стоимость.*

Г. — онъ не понимаетъ, что національное богатство есть понятіе капиталистическое, и что не г. П. фонъ-Струве проникнуть идеей «власти денегъ», а проникнуть ею капиталистической строй, для котораго имѣютъ значеніе только *мѣновья* стоимости, производимыя ради прибыли. Другими словами для развитія капиталистическаго хозяйства важно *платящее* потребленіе, а не потребленіе вообще. Эволюція же капиталистическаго хозяйства есть главный предметъ нашего спора. Тутъ мы переходимъ къ изумительному косвенному доказательству г. — она. Положенія г. — она доказываются яко-бы «законами потребленія» Энгеля. Развитіе народнаго хозяйства въ моментъ перехода отъ натурального хозяйства къ денежному выясняется путемъ аналогіи съ расходнымъ бюджетомъ рабочихъ семействъ—чистѣйшій случай денежнаго хозяйства, основаннаго на продажѣ рабочей силы!! Г. — онъ приводитъ подтверждающія законы Энгеля давняа американскаго изслѣдованія и говорить, что изъ этихъ данныхъ... «очевидно, что чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ больше увеличивается относительный расходъ на самую необходимую потребность существованія, на пищу; что уменьшающееся потребленіе хлѣба во всей странѣ указываетъ на то, что относительный расходъ на одежду и «прочія потребности»... понижается, следовательно производство продуктовъ обрабатывающей промышленности для всей страны *возрасти не можетъ*, не только абсолютно, но и относительно» (Р. В. № 2, стр. 11)

Вѣра ли все это? Нѣтъ, потому что забыто *маленькое обстоятельство*—переходъ отъ хозяйства натурального къ хозяйству денежному. Потребленіе пищи на душу въ такомъ случаѣ можетъ упасть (при несоотвѣстствіи между ростомъ производства и населенія), но платящее потребленіе продуктовъ обрабатывающей промышленности можетъ возрасти и абсолютно, и относительно. Абсолютно—потому, что прежнее натуральное удовлетвореніе потребностей уступаетъ мѣсто денежному, относительно—потому, что и экономически самостоятельная, зажиточная часть населенія, которое (очень важная черта!) дифференцируется, увеличиваетъ свое платящее потребленіе. Такъ безъ всякихъ патажекъ объясняется ростъ русскаго капиталистическаго производства за 80-е годы при обиднѣнн населенія. Этотъ случай указанъ въ «Критическихъ Замѣткахъ».

«Эти господа—говорить г. — онъ о марксетахъ,—на основаніи фактиче-

ских данных пришли къ заключенію, что вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ увеличивается, что народное благосостояніе, на которомъ основывается капиталистическое производство, возрастаетъ; что развитіе этого способа производства въ своемъ ходѣ не только не встрѣчаетъ никакихъ препятствій въ возрастающей бѣдности, но идетъ все впередъ, да впередъ; что «миссія» капитализма, состоящая по мнѣнію «учениковъ» Маркса въ относительномъ увеличеніи числа лицъ, занятыхъ въ обрабатывающей и добывающей промышленности, имъ выполняется; и во всему этому «ученики Маркса» пришли, произведя «анализъ» хода экономическаго развитія» (Р. Б. № 3, стр. 46).

Неужели г. — онъ серьезно думаетъ, что капиталистическое производство основывается на народномъ благосостояніи ¹⁾? Неужели такова его «точка зрѣнія»? Неужели г. — онъ серьезно думаетъ, что онъ самъ или г. Карышевъ доказали, что въ 80-е годы число фабрично-заводскихъ рабочихъ относительно уменьшилось? Этого доказать на отсутствіемъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ прямо невозможно. Но допустимъ даже, что фактъ, относительнаго уменьшенія числа фабричныхъ рабочихъ доказать. Доказываетъ-ли этотъ фактъ то, что хочеть доказать имъ г. — онъ? Отнюдь нѣтъ. Дѣло въ томъ, что населеніе чисто земледѣльской Россіи размножается гораздо быстрее, чѣмъ населеніе Россіи промышленной ²⁾ и, пока натуральное хозяйство продолжаетъ быть *преобладающимъ*, такой ходъ размноженія можетъ измѣнять соотношеніе между земледѣльскимъ и промышленнымъ населеніемъ въ пользу перваго. Но самый *ростъ населенія* (перенаселеніе, которое г. — онъ считаетъ только словомъ) ³⁾ необходимо положить или быть можетъ уже положило предѣлъ такому процессу: съ одной стороны, началось и прогрессируетъ бѣгство сельскаго населенія въ города и обращеніе его къ неземледѣльческому труду, съ другой стороны, именно въ 80-е годы ползла потокъ сельскихъ рабочихъ изъ средней Россіи на югъ и востокъ, переселенцевъ въ Сибирь.

Говорить ли о томъ, что исключительное паденіе цѣбныхъ цѣнъ въ

¹⁾ Конечно вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ возрастаетъ при развитіи капитализма но этотъ ростъ далеко не всегда тождественъ съ ростомъ народнаго благосостоянія.

²⁾ П. Н. Миллюковъ «Очерки по исторіи русской культуры» (Миръ Воинъ, № 2).

³⁾ Г. — онъ отблываетъ отъ вопроса о населенія фразой, что безъ при-
чинъ, о которыхъ говорилъ онъ въ своихъ очеркахъ не было бы перенаселенія (Р. Б. № 1 стр. 158). Очень смѣлое, но столь же неосновательное утвержденіе, предполагающее или что населеніе не размножалось бы, или же что при натуральномъ хозяйствѣ и полномъ экономическомъ равенствѣ оно всегда само приспособилось бы къ средствамъ существованія.

1894 г. и влияние его на состояние русской обрабатывающей промышленности ничего не доказывает, хотя г. — он и думает, что «три четыре мыслица . . . (sic!) . . . принесли с собой множество фактов, подтверждающих нашу основную мысль» (Р. Б., № 3, стр. 55). Такие доказательства нельзя даже опровергать, а приходится только отвергать и, так сказать, отбывать, как совершенно непригодны. Оценка доказательств также определяется «точкой зрения».

В ней все дбло. Видь «точкой зрѣнія» продиктована, наприкѣрь, такая фраза: «Чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891 г., тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства». (Р. Б. № 1, стр. 156).

Читатель можетъ замѣтить, что эта фраза—просто вздоръ, и конечно будетъ правъ. Но вздоръ вадору—розъ. Вадоръ г. —она, во первыхъ, насмѣшка надъ русской жизнью, отдающая маниловщиной, во вторыхъ, столь же явная насмѣшка надъ ученіемъ Маркса. Существуетъ въ странѣ нѣсколько милліоновъ (считая не работающихъ женщинъ и дѣтей) лицъ, живущихъ на счетъ фабричнаго труда, существуетъ очень много кустарей, совершенно зависимыхъ или полувисимыхъ отъ капитала, существуетъ рѣзко дифференцированная масса крестьянства, средніе и крупныя землевладѣльцы, мелкіе, средніе и крупныя фабриканты, многочисленная бюрократія. И вся эта компанія, все это общество—утверждаетъ нашу марксизмъ—стало проникаться одной экономической идеей. Тотъ кто пишетъ такія вещи, конечно, не идеологъ плутократіи и не идеологъ натурального хозяйства, онъ просто праздно и сладко болтающій Маниловъ. Марксистомъ такой Маниловъ никогда не будетъ, хотя бы онъ зналъ наизусть три тома «Капитала» и цитировалъ ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Г. Ник.—онъ забавляется такими кличками, какъ «идеологи плутократіи», онъ облачаетъ своихъ оппонентовъ въ лозыя принахъ, сводящихся къ неблаговному пользованію трудами такихъ авторовъ, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ интересахъ капитализма. Но прокуроръ, который обвиняетъ «вышше мѣры содѣяннаго», рискуетъ, даже если подсудимый въ чемъ нибудь и виновенъ, что присяжные его оправдаютъ. И г. Ник.—онъ ничего другого не добьется. Его обвиненія плодъ прокурорскаго усердія не по разу и сами уничтожаютъ себя. Но г. —онъ, облачая несогласно мыслящихъ, упорно продолжаетъ считать себя марксистомъ, и въ этомъ самообольщеніи кроется серьезное недоразумѣніе, которое въ интересахъ истины слѣдуетъ разрушить.

До сих пор предполагалось, что «по теории новой школы» плановая организация производства явится тогда, когда производительные силы общества перерастут данную хозяйственную форму, и что такая организация и общественные силы, которая ее создадут, вырастут на почве столкновения противоположных интересов, а не г. — ему выходить, что организация должна быть и будет осуществлена государством в виду недостаточности производительности земледельческого труда и что решение трудной задачи в России легко именно потому, что здесь отсутствуют противоположные интересы¹⁾ и все общество согласно с г. — номи в отрицательном отношении к капитализму. Изумительное совпадение идей «новой школы» со взглядами г. — она, несомненного марксиста! Называть г. — она марксистом значить заподозривать великого экономиста в чертах, совершенно ему чуждых: в утопизм известной бюрократической окраски и в сентиментальности, той сентиментальности, которую ильми удачно характеризуют словом «Daselei» и которой неизбежно отблеск всякий «Allerweltssocialismus».

У Щедрина есть замечание, что слово «регламентация» вызывает двойственное представление, с одной стороны — о социализме, с другой — об аракчеевщине. Должен признаться, что чтение произведений г. — она всегда оставляет во мнѣ двойственное впечатление аналогичного рода. Правда в духовном складе г. — она ильми ничего аракчеевского, но в его писаниях чувствуется бюрократ, мечтающий об организации производства без борьбы общественных интересов и классов, путем распространения «здравых идей» и торжества «правильной хозяйственной политики». Но кь наименованію такого бюрократического утописта марксистомъ можно приложить только известное объясненіе: *lucis a pop lucendo*. Г. — онъ — марксистъ, очевидно, потому, что онъ не признаетъ основныхъ социологическихъ идей Маркса. При этомъ слѣдуетъ подчеркнуть, что именно эти идеи изъ всего арсенала Маркса и ильми наибольшее практическое значеніе; ильми именно присуща магическая дѣйственная сила, способная перенести споръ о формахъ производства и путяхъ общественнаго развитія съ бумаги книгъ и журналовъ въ жизнь.

¹⁾ „„Больше чѣмъ иронично, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ отдѣльными крестьянскими хозяйствами будутъ соединяться въ группы такихъ хозяйствъ, чтобы ильми возможность вводить болѣе рациональную культуру и болѣе производительное, а слѣдовательно болѣе дешевое молочное и иное хозяйство, невозможное при мелкихъ разбѣрахъ хозяйствъ. Но разрѣшеніе этого вопроса для нихъ будетъ крайне затруднительно, при этомъ будутъ важнѣйшимъ самымъ разнообразнымъ противоположнымъ интересамъ. И только наше общинное земледѣліе даетъ совершенно простое его разрѣшеніе“ (Р. В. № 1 стр. 182).

Въ статьѣ «Что же значить экономическая необходимость» (Р. Б. 1895 г. № 3) точка зрѣнія г. — она высказана съ полной законченностью. ...«Задача... заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріальныхъ хозяйственныхъ условій отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, оставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда всего общества, взятаго въ цѣлостъ. А это возможно только послѣ детальнаго изученія связи общественно-хозяйственныхъ явленій».

«Въ этомъ смыслѣ надо, конечно, понимать тѣхъ, кто, указывая на упомянутое явленіе, говорятъ, что общественно-хозяйственныя условія должны быть направлены къ тому, чтобы законъ общественнаго раздѣленія труда не парализовалъ при своемъ проявленіи общественныя производительныя силы. Это совершенно равносильно тому, когда общество, видя разрушительное вліяніе обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр. и пр. не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться «объективно» къ разрушающему проявленію стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ также по опредѣленнымъ законамъ, а стремится урегулировать проявленіе ихъ настолько, что бы они не оказывали разрушительнаго вліянія» (стр. 51—52). отождествлять «обобществленіе труда» съ нѣрами противъ обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр., развѣ это не значить смотрѣть на процессъ развитія общественныхъ формъ сквозь очки размечтавшагося до утопическихъ бредей бюрократа?! «Нужно только чтобы общество и власть ижущіе прониклись *нашей идеей*, и тогда водворится всеобщее счастье» — такъ всегда разсуждаютъ утописты. «Нужно *изучить* данное *явленіе* и *изобрѣсти* соответствующее *мѣропріятіе* и тогда все зло будетъ устранено» — такъ всегда разсуждаютъ бюрократы. «Разъ... общество начинаетъ проникаться убѣжденіемъ, что законъ созданія прибыли во всѣхъ ея видахъ, при помощи удлиненія рабочаго дняступаетъ въ коллизію съ болѣе глубокими общественными интересами, съ интересами физическаго и умственнаго развитія большинства населенія, то сначала проявленію его ставать преградой сами непосредственно заинтересованныя лица при помощи организацій, стачекъ и пр., но затѣмъ само общество проникается сознаніемъ необходимости дѣятельнаго своего участія и принимаетъ на себя обязанность огражденія своей будущности при помощи фабричнаго законодательства и пр. и пр. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что законъ созданія прибыли вызваннымъ путемъ или законъ заработной платы не нѣры сами по себѣ» (Р. Б. 1895 г. № 3 стр. 52).

Изъ этого нѣсколько туманнаго разсужденія вполнѣ явствуется, однако,

полное непониманіе г. — ономъ «точки зрѣнія» тѣхъ писателей, на авторитетъ которыхъ онъ постоянно ссылается, и въ связи съ этимъ столь же глубокое непониманіе самой сущности совершающихся на нашихъ глазахъ общественно-экономическихъ явленій. На западѣ даже буржуазные экономисты начинаютъ понимать, что въ современномъ обществѣ прогрессъ осуществляется путемъ постоянныхъ столкновений общественныхъ интересовъ и классовъ, и что въ частности противъ «закона созиданія прибыли» борется не все «общество», а заинтересованный классъ. Всѣ даже самыя скромныя успѣхи на этомъ пути (фабричное законодательство и т. п.) достигнуты благодаря этой борьбѣ, а не являются результатомъ проникновенія въ «общественное» сознаніе гуманныхъ идей и научныхъ обобщеній. Общество не представляетъ изъ себя «пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона», потому что современное общество есть *система антагонистическихъ элементовъ*. А антагонистическіе элементы не могутъ обладать однимъ «сознательнымъ пониманіемъ явленій и законовъ». Не только «сначала дѣйствуютъ сами непосредственно заинтересованныя лица», они дѣйствуютъ и должны дѣйствовать *всегда и съ растущей энергіей* для того, чтобы само общество изъ системы антагонистическихъ элементовъ превратилось въ систему элементовъ гармоническихъ.

Все это — «точка зрѣнія», г. Ник — онъ, и въ ней центръ тяжести. «Дай мнѣ точку опоры и я поверну землю» ¹⁾ гласитъ знаменитое Архимедовское изреченіе. Дайте намъ «точку зрѣнія» и мы поймемъ дѣйствительность, а, понявъ, повернемъ. Нужно только надлежащій рычагъ приложить къ надлежащей точкѣ. Все дѣло, стало быть, въ «точкѣ зрѣнія».

II. Струве.

Сиб. Апрель 1895 г.

¹⁾ Δας πῆ στή και τῆν γῆν κινήσω.

зываетъ, что мы имѣемъ народныхъ потребностей». Настроеніе, вызванное такимъ взглядомъ, на свое состояніе не могло не быть много безнадежнѣе настроенія, вызваннаго въ свободолюбивомъ французскомъ философѣ и некоторыми неприятными для него распоряженіями «законодателя».

Славянофилы, повидимому, не могли ни на минуту сомнѣваться въ судбѣ «основъ». У нихъ было такъ много «воспоминаній» и такъ много надеждъ. Правда, петровскій переворотъ раскололъ Россію на двѣ части, изъ которыхъ одна, — высшее сословіе, совершенно утратила народную физиономію. За этотъ расколъ дорого заплатилась вся страна. Но теперь въ высшемъ сословіи начинается спасительный поворотъ къ народнымъ началамъ. Образованная Россія начинаетъ сознавать и стремится искупить грѣхъ своей безнародности. Поэтому мы можемъ не бояться теперь за будущее Россіи. Оно какъ нельзя болѣе отрадно. «Мы будемъ подвигаться впередъ смѣло и безошибочно, занимая случайныя открытія Запада, но придавая имъ смыслъ болѣе глубокій, или открывая изъ нихъ тѣ человѣческія начала, которыя для Запада остались тайной, спрашивая у исторіи церкви и ея законовъ свѣтилъ путеводительныхъ для будущаго нашего развитія, и воскрешая древнія формы нашей жизни русской, потому что онѣ были основаны на святости узъ семейныхъ и на неспорочной индивидуальности нашего племени»¹⁾. *Теперь намъ стыдно было бы не переимать Запада».*

Интересно, что, между тѣмъ какъ Чаадаевъ не видѣлъ ничего отраднаго въ нашей исторіи, славянофилы, наоборотъ, крайне отрицательно относились къ исторіи Запада, а въ русскомъ историческомъ развитіи видѣли проявленіе какой-то особой полноты народнаго духа. «Англичане, французы, иѣицы, — пишетъ А. С. Хомяковъ, — не имѣютъ ничего хорошаго за собой. Чѣмъ дальше они отяжеляются, тѣмъ хуже и безнравственнѣе представляется имъ общество. Наша древность представляетъ намъ примѣръ и начала всего добраго въ жизни частной, въ судопроизводствѣ, въ отношеніи людей между собою.... Западнымъ людямъ приходится все прежнее отстранять, какъ дурное, и все хорошее себѣ создавать; намъ довольно воскресить, уяснить старое, привести его въ сознаніе и жизнь. Недежда наша велика на будущее».

Казалось бы, ничто не можетъ быть *оптимистичнѣе* подобнаго взгляда. Его можно поставить въ параллель со взглядомъ французомъ, которые были убѣждены, что Франція шла, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени, по главѣ цивилизаціи. Но уже при ближайшемъ разсмотрѣніи параллель оказывается далеко не полной. Въ XVII и XVIII вѣкѣ можно

¹⁾ См. Полное Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова, т. I, стр. 377.

было думать, что «la législation fait tout». Въ девятнадцатомъ—наука выяснила, что сама «législation» является результатомъ *внутренняго развитія народа*. Следовательно, теперь надежды на будущее должны были въ послѣднемъ счетѣ приурочиваться не къ дѣятельности «законодателя» которая сама есть слѣдствіе, а не причина, а къ внутренней логикѣ общественной жизни. Съ славянофильской точки зрѣнія русская общественная жизнь представлялась, правда, очень богатой внутреннимъ содержаниемъ. Но замѣчательно, что даже славянофилы, не боявшіеся никакихъ преувеличеній и никакихъ натяжекъ, не уѣли сказать, въ чемъ же состояло *развитіе* тѣхъ богатыхъ началъ, которыми они восхищались такъ громко и, вѣроятно, искренно. Какъ ни хороши были «начала», но они, по признанію того же Хомякова, были *подавлены и уничтожены* «отсутствіемъ государственнаго начала, раздорами внутренними, итогомъ внѣшнихъ враговъ», и, кромѣ того, разумѣется, безнародной образованностью петербургскаго періода. Такимъ образомъ, *воскресить* старыя начала оказывалось дѣломъ не совсемъ легкимъ. Тѣмъ болѣе не легкимъ, что и «уяснить»-то себѣ «старое» у насъ, въ эпоху споровъ «о старомъ и новомъ», удалось только славянофильскому кружку, т. е. очень немногимъ. Этихъ немногихъ нужно было не только возвратитъ къ народности обившеюся съ дороги образованное общество, но и «привести» сознаніе «о жизни», т. е. приобрести рѣшающее вліяніе на послѣдующее русское законодательство. Дѣло по истинѣ колоссальное предстояло сдѣлать съ самыми ничтожными средствами. Будущее Россіи и у славянофиловъ оказывалось приуроченнымъ къ судьбѣ нѣкоторыхъ «выходовъ», т. е. известнаго теченія въ тогдашней нашей интеллигенціи. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ этой судьбѣ не могъ быть прочно увѣренъ ни одинъ изъ славянофиловъ. «Нашъ девизъ—*faciemus igitur*», сказали какъ-то въ небольшомъ кружкѣ Хомяковъ. Это была, конечно, шутка. Но въ этой шуткѣ отразилось нѣчто очень серьезное. Потому и нельзя удивляться, что даже и крайне оптимистическій взглядъ на русскую исторію не спасалъ славянофиловъ отъ тяжелаго унынія. «Человѣкъ этотъ, говоритъ объ Иванѣ Кѣрѣвскомъ цитированный нами авторъ воспоминаній, глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе.... Онъ страдаетъ—и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая себя въ правѣ сваять крестъ тяжелый и черный, вложенный фатумомъ на него».

Итакъ, даже *славянофильскій оптимизма* не могъ отдѣлаться отъ значительной примѣси *пессимизма*.

Пессимизмъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой мы придаемъ ему здѣсь, есть старинная болѣзнь нашей интеллигенціи. Первое, известное

пишущему эти строки, проявленіе этой болѣзни относится къ февралю 1660 года.

Почему именно къ февралю, и почему именно того года? А потому, что тогда случилось пѣкоторое, весьма знаменательное происшествіе. Сынъ думнаго дворянина и воеводы Аванасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина, будучи посланъ къ своему отцу съ порученіемъ отъ царя Алексѣя Михайловича, бѣжалъ за границу. Побѣгъ совершился безъ всякаго виѣшняго повода: и выдающееся положеніе его отца, и милостивое вниманіе государя, и собственныя выдающіяся способности, все сулило Воинѣ (такъ звали молодого Нащокина) счастье и блестящія успѣхи. Ему несомнѣнно предстояло дойти до степеней очень извѣстныхъ, а онъ предпочелъ сдѣлаться бездомнымъ скитальцемъ. Частѣйшее безуміе! Такъ и поняли это друзья и недруги Аванасія Лаврентьевича. Но безуміе Воинѣ было такъ необыкновенно, что современникамъ трудно было объяснить его себѣ иначе, какъ нарочитымъ виѣшательствомъ нечистой силы. «Учинилось намъ вѣдомо, писалъ царь удрученному горемъ отцу, что сынъ твой попустиемъ Божіимъ, а своимъ безумствомъ объявился въ Главскѣ (Данцигѣ), а тебѣ отцу своему лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мною, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, изшелю сему вѣзому вихрю и сматоша воздухъ аерный, и разлучна и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ отъ тебе отца и настыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на тя сея горькія болѣзни и зааго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга востившо» и т. д. Вместе съ тѣмъ тишайшій государь наказывалъ «Аванасью», чтобы тотъ «о сынѣ своемъ промыслилъ бы всячески, чтобы его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промыслить нельзя и если Аванасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому онъ отъ великаго государя къ отцу отущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Дѣло принимало, какъ видитъ читатель, совсѣмъ трагическій оборотъ.

Воислѣдствій оно узидилось; бѣглець просилъ прощенія и получилъ его. Но чѣмъ собственно вызвано было это дѣло? И почему сатанѣ удалось обработать именно молодого Нащокина, а не кого нибудь другого?

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человекъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человека было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ

давно уже приучилъ его съ благоговѣнiемъ смотрѣть на западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованiе, отецъ окружилъ его пѣвными поляками, и эти учителя постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбю къ своему, воспламеняли его разсказами о польской «вогѣ». Въ описываемое время онъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ стошило ему окончателно, и вотъ, получивъ отъ государя порученiя къ отцу, вмѣсто Ливонiи, онъ побѣжалъ за границу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францiю» ¹⁾).

Молодой Нащокинъ оказался государственнѣмъ измѣнникомъ. Это очень плохо; но государственная измѣна совершенно *случайный элементъ* въ его исторiи. Если бы онъ своевременно принялъ мѣры для передачи въ руки отца бумагъ, вѣрннхъ ему государемъ, то его можно было бы, съ точки зрѣнiя нашихъ современныхъ государственнхъ понятiй, обвинить развѣ лишь въ самовольномъ оставленiи службы и отечества.

Разумѣется, никто не похвалитъ и за подобное самовольство; но всякiй согласится, что тогда гораздо больше симпатiи заслуживалъ бы молодой человекъ, пораженный странной, прежде неслыханной въ Москвѣ, болѣзью.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказы о заграничной жизни и прежде не развѣ смущали нашихъ бояръ. Побѣги въ Литву были нередкимъ въ Московской Руси явленiемъ. Но настроенiе молодого Нащокина едва-ли имѣло много общаго съ настроенiемъ бѣглецовъ прежняго времени. Ихъ не «*тошнмло*», какъ его вообще отъ московскихъ порядковъ; они искали за рубежомъ не просвѣщенiя, а развѣ только аристократической болреской «*воли*». Они были недовольны частностями; онъ возмущался веѣмъ складомъ допетровской русской жизни. Молодой Нащокинъ былъ первой жертвой умственного влiянiя Запада на Россiю.

Гельвеция и его единомышленниковъ тоже «*тошнмло*» почасти въ современной имъ Францiи. Случалось и имъ отбѣзжать за границу. Но гдѣ бы ни искали они себѣ временнаго прiюта; какъ бы ни были горьки упреки, которые они посылали своей странѣ, духовный разрывъ съ ней былъ для нихъ психологически невозможенъ.

Они оставались французами, потому что ихъ идеи, какъ ни расходились онѣ со взглядами большинства тогдашнихъ французовъ, были идеями французскими *par excellence*. Онѣ были порождены французскими обще-

¹⁾ С. Соловьевъ, Исторiя Россiи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ одиннадцатый, изданiе второе, стр. 84 и сл.

ственными отношеніями, и именно потому онѣ, даже въ самыя тяжелыя для нихъ проповѣдниковъ эпохи, были во Франціи *дома* больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Увлекавшіеся ими *иностраницы* сами были въ значительной степени *обфранцужены*. У насъ не то. Идеи, разбудившія Нащокина, были продуктомъ совершенно *чуждой жизни*; онѣ не имѣли въ себѣ *ничего русскаго ни по формѣ, ни по содержанію*. Человѣкъ, увлекшійся ими, дѣлался иностранцемъ ровно настолько, насколько онъ ими увлекался, и его естественно тапужо въ чужіе края. Со времени Петра притокъ иностранныхъ идей къ намъ совершался почти безъ перерыва; не прекращалось возтому и то смѣтеніе воздуха вернаго, которое оплакивалъ Алексѣй Михайловичъ; не прекращалась и та умственная денационализація просвѣщенныхъ русскихъ людей, которой впоследствии такъ возмущались славянофилы. Не все эти люди, разумеется, покидали Россію, но все чувствовали себя «въ народныхъ потребностей», все являлись, по выраженію автора выше цитированныхъ воспоминаній, «иностраницами дома, иностранцами въ чужихъ краяхъ»; все представляли собою «какую-то умную ненужность». Былъ, правда, въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія періодъ, когда просвѣщенныхъ русскихъ людей не только «тошнило» въ ихъ странѣ, когда они твердо вѣрили, что имъ скоро удастся пересоздать русскую жизнь, сообразно тѣмъ идеямъ, которыя они усвоили съ запада. Но этотъ періодъ скоро миновалъ, людей александровскаго времени постигла тяжелая неудача, и просвѣщеннымъ русскимъ людямъ опять ничего не осталось, кромѣ «тошноты». Чаадаевъ вполнѣ, безъ всякихъ смягченій и оговорокъ, признавалъ бы себя «умною ненужностью». Что же касается славянофиловъ и западниковъ сороковыхъ годовъ, то хотя они и старались всѣми силами своей души и всѣми усиліями своей логики отговориться отъ такого сознанія, но оно не разъ навязывалось имъ противъ воли, и не разъ имъ приходилось чувствовать себя *въ народныхъ потребностей*.

Въ шестидесятыхъ и семилетнихъ годахъ у насъ опять было не мало людей, которыхъ спасала отъ «тошноты» вѣра въ скорое осуществленіе ихъ идеаловъ. Но и этихъ людей постигло тяжелое разочарованіе. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и симпатичныхъ жертвъ этого разочарованія явился Г. И. Успенскій.

Г. И. Успенскій принадлежалъ къ числу людей, стучавшихся въ крестьянскую избу съ самою лучшею просвѣдительною цѣлью. Цѣль этихъ людей осталась недостигнутой: имъ не удалось столковаться съ крестьяниномъ, отчасти потому, что онъ и въ нихъ увидѣлъ дары несущихъ Давайцевъ, а отчасти потому, что ихъ идеи оказались неподходящими для крестьянина. Успенскому хотѣлось привить крестьянамъ «новые взгляды на значеніе дружнаго артельного труда на общую пользу». Но онъ убѣ-

дился, что подобные разговоры «ни къ чему практически путному не приводятъ» и только вызываютъ въ слушателяхъ *«ужасныйную зѣвоту»*. Каждый добрый совѣтъ Успенскаго разбивался о «милліоны самыхъ топчайшихъ хозяйственныхъ ничтожностей», которыя не имѣли ни малѣйшаго значенія въ глазахъ благожелательнаго «интеллигента», но которыя, на самомъ дѣлѣ, являлись *«неодолимою преградой на пути ко всеобщему благополучію»*. Кончилось тѣмъ, что Успенскій далъ себѣ зарокъ не говорить съ крестьянами «объ ихъ крестьянскихъ распорядкахъ». Но что означалъ подобный зарокъ? Онъ означалъ, что *«въ мирѣ Г. И. Успенскаго «востоды» убѣдились въ полной невозможности повліять на «основы»*.

Г. И. Успенскій и его единомышленники сочли бы себя счастливыми, еслибы имъ удалось предупредить развитіе въ Россіи капитализма. Какъ могли бы они сдѣлать это? Ясно, что если подобная цѣль не была сама по себѣ несбыточной фантазіей, то образованный разночинецъ, не состоящій на государственной службѣ, могъ достигнуть ее единственно только путемъ владѣнія на крестьянское міросозерцаніе. А такъ какъ это владѣніе признано было невозможнымъ, то нельзя было, следовательно, мечтать и о борьбѣ съ капитализмомъ. Какъ человѣкъ, дорожащій истиной прежде всего, Успенскій не побоялся признаться въ этомъ: «и выходить, поэтому, для всякаго, что-нибудь думающаго о народѣ человѣка, задача, по истинѣ неразрѣшимая,—исалъ онъ: цивилизаціи (онъ хотѣлъ сказать: капитализмъ) идетъ, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того, что не можешь остановить этого шествія, но еще... не долженъ, не имѣешь права, ни резона совѣтаться въ виду того, что идеалы земледѣльческіе прекрасны и совершенны. Итакъ — остановить шествіе не можемъ, а совѣтаться не должны!»

О томъ, какое непрочное пренитствіе развитію капитализма представляютъ собою прекрасные и совершенные земледѣльческіе идеалы, свидѣтельствовалъ тотъ же Г. И. Успенскій. «Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей». Ея разрушительное вліяніе «отражается на простодушномъ поселеніи рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе, и тысячелѣтнія идеальная постройки превращаются въ щепки». Г. И. Успенскій думалъ, что если дѣло и впередъ пойдетъ такъ, какъ оно идетъ, то черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ (да и это еще «много-много») ибруому старымъ земледѣльческимъ идеаламъ крестьянину *«нельзя будетъ жить на сотнѣ»*.

Въ лицѣ Г. И. Успенскаго наша народническая интеллигенція опять увидѣла себя «въ народныхъ потребностей», признала себя *«улимою не-*

нужностью». Но такое положение безвыходно, как это знали еще авторы вышецитированных воспоминаний. Необходимым слѣдствіемъ его является «тошнота», тяжелое, пессимистическое настроеніе. Это настроеніе и выразилось въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго. Помириться съ такимъ настроеніемъ очень трудно. Прежде, чѣмъ подчиниться ему окончательно, всякій жинкой человѣкъ непременно будетъ стараться отдѣлаться отъ него, хватаясь, какъ утопающій за соломенку, за первое попавшееся, хотя бы и самое фантастическое, утѣшеніе. Такъ и поступилъ Г. И. Успенскій. Онъ то восхищался открытіемъ крестьянскаго банка (ст. «Хорошаго понемножку»), то приходилъ въ умиленіе передъ кустарною промышленностью («Живыя цифры»), избавляющей насъ «отъ фабричнаго распутства и грѣха», то мечталъ о счастіи жить «трусами рукъ своихъ», то придирался еще къ какому нибудь, столь же малоосновательному поводу, чтобы хоть на короткое время настроить себя на праздничный ладъ. Но эти судорожныя усилія, тѣмъ не менѣе, не приводили въ сущности ни къ чему. Основной тонъ его произведеній былъ и остался глубоко пессимистическимъ. Среди нашихъ беллетристовъ-народниковъ нѣтъ рѣшительно ни одного, зараженного пессимизмомъ въ такой мѣрѣ, какъ Г. И. Успенскій. За то, правда, между ними нѣтъ также ни одного, который могъ бы выдержать сравненіе съ нимъ по мѣткости своихъ характеристикъ и по глубинѣ своего взгляда. Онъ видѣлъ многое изъ того, чего не замѣтили другіе. Онъ и страдалъ больше, чѣмъ эти другіе.

Помните ли вы, читатель, очеркъ «Мелочи путевыхъ воспоминаний»? Г. И. Успенскій, возвращаясь домой послѣ плаванія по Каспійскому морю, чувствуетъ какую-то необъяснимую тоску. Съ пароходомъ, на которомъ ѣдетъ онъ, безпрестанно встрѣчаются наполненные рыбой лодки. На вопросъ, какая эта рыба, ему отвѣчаютъ, что это вобла и что теперь она сплошь пошла. «Да,—думаетъ Г. И. Успенскій,—вотъ отчего мнѣ и тоскливо... Теперь пойдетъ «все сплошь». И сомъ сплошь претъ, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что его разогнать невозможно, и вобла тоже «сплошь» идетъ, милліонами существъ «одна въ одну» и народъ пойдетъ тоже «одинъ въ одинъ» и до Архангельска, и отъ Архангельска до «Адесты», и отъ «Адесты» до Камчатки и отъ Камчатки до Владикавказъ и дальше, до персидской, до турецкой границы... До Камчатки, до Адесты, до Петербурга, до Ленкорана, все теперь пойдетъ сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужикъ, и бабы, все одно въ одно, одинъ въ одинъ, съ одинаки сплошными красками, мыслями, костюмами, съ одиѣми пѣснями... Все сплошное,—и сплошная природа, сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзія, словомъ однородное сто-

милліонное племя, живущее какой-то сплошной жизнью и только въ сплошномъ видѣ доступное пониманію. Отдѣлять изъ милліонной массы единицу, положить, хоть нашего деревенскаго старосту Семена Никитича и попробовать понять его—дѣло невозможное... Семена Никитича можно понимать только въ кучѣ другихъ Семеновъ Никитичей. Вобла сама по себѣ стоитъ грошъ, а милліонъ воблы—капиталъ, и милліонъ Семеновъ Никитичей составляетъ тоже полное интереса существо, организмъ, а одинъ онъ, со своими мыслями, нестижимъ и неизучимъ... Сейчасъ вотъ онъ сказалъ пословицу: кто чѣмъ не торгуется, тотъ тѣмъ и не воруетъ. Что же, это онъ самъ выдумалъ? Нѣтъ, это выдумалъ океанъ людской, въ которомъ онъ живетъ, точь въ точь какъ Каспійское море выдумало воблу, а Черное—камбалу. Самъ Семенъ Никитичъ не запомнить за собой никакой выдумки.—«Мы этимъ не занимаемся,—нѣшто имъ учены»,—говорить онъ, когда спросишь его о чемъ нибудь самого. Но опять таки этотъ Семенъ Никитичъ, исполненный всевозможной чепухи по части личного мнѣнія, дѣлается необыкновенно умнымъ, какъ только начинаетъ представлять мнѣнія, пословицы, цѣлыя нравоучительныя повѣсти, созданныя невѣдомо кѣмъ, океаномъ Семеновъ Никитичей, сплошнымъ умомъ милліонныъ. Тутъ и была, и поэзія, и юморъ, и умъ... Да, жутковато и страшновато жить въ этомъ людскомъ океанѣ... Милліоны живутъ «какъ прочіе», причемъ каждый отдѣльно изъ этихъ прочихъ чувствуетъ и сознаетъ, что «во всѣхъ смыслахъ» цѣна ему грошъ, какъ воблѣ, и что онъ что нибудь значить только въ кучѣ, жутковато было сознавать это».

Еще бы не жутковато! Немногими шутками Г. И. Успенскій нарисовалъ по истинѣ странную картину. Когда вглядываешься въ нее, то невольно спрашиваешь себя: да какъ же человекъ, ее нарисовавшій, могъ оставаться народникомъ? Вѣдь, чтобы быть народникомъ, надо вѣрить по крайней мѣрѣ въ возможное развитіе нѣкоторыхъ осколковъ стараго народнаго быта. А къ какому же развитію способны этотъ океанъ Семеновъ Никитичей, изъ которыхъ ни одинъ за собой никакой выдумки не запомнить, да и не занимается выдумкой, и каждый вполне сознаетъ, что ему, взятому въ одиночку, какъ воблѣ, кроме цѣнна. Эти милліоны живыхъ существъ, не имѣющіе другого ума, кромѣ «сплошного»,—способны «переть сплошь», какъ сома, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что и разогнать ихъ никакъ невозможно; они способны наводить собою необъятныя стени; заливъ и затопить даже культурныя страны; ихъ можно употребить въ качествѣ строительнаго матеріала для общественной постройки, которая, при благоприятныхъ вѣнскихъ условіяхъ, простоятъ цѣлыя тысячелѣтія и возбудитъ своей прочностью зависть въ самихъ китайцахъ, но пока они останутся Семенами Никитичами, они не сдѣлаютъ впередъ

ни одного шагу, а когда сдѣлають хоть одинъ шагъ впередъ, — перестанутъ быть Семеновы Никитичами, и тогда — что станется съ «основами»? Какъ *публициста*, Г. И. Успенскій остался народникомъ вплоть до перерыва, такъ несвоевременно случившагося въ его литературной дѣятельности. Какъ *художника*, онъ уже за долго до этого перерыва беспощадно разрушилъ всѣ главныя положенія народничества.

Въ доброе старое время писатели охотно придумывали фантастическія встрѣчи замѣчательныхъ людей различныхъ эпохъ, заставляя ихъ вести между собою болѣе или менѣе поучительныя бесѣды. У насъ нѣтъ не малѣйшаго желанія прибѣгать къ этому крайне искусственному и давно избитому приему. Но намъ приходило иногда въ голову вопросъ: что подумалъ бы П. Я. Чаадаевъ, если бы ему пришлось прочитать «*Мелочи путевого воспоминанія*» Г. И. Успенскаго? Не увидѣлъ-ли бы онъ въ нихъ художественной иллюстраціи къ «*философическому письму*»? Не замѣтилъ-ли бы онъ, что именно потому и нѣмы, холодны и невыразительны русскія лица, что въ нашемъ народѣ все сплошное, одинаковое, точно чеканенное? Не нашелъ-ли бы онъ, что именно благодаря сплошному быту мы и удивились въ своихъ пустыняхъ, не видя ничего происходившаго въ Европѣ? Что именно поэтому мы и прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины въ то время, когда вокругъ насъ пересоздавался цивилизованный міръ? Что именно оттого мы и не трогались съ мѣста, между тѣмъ какъ западные народы величественно шли по пути развитія? Что оттого мы и представляемъ собою пробѣлъ въ порядкѣ разумія? Наконецъ, не призналъ ли бы Чаадаевъ, читая Успенскаго, что не въ крови нашей, а именно въ нашемъ сплошномъ быту есть что-то враждебное совершенствованію? И не сказалъ ли бы онъ Успенскому: «Вамъ, какъ и мнѣ, ждать отъ русскаго народа нечего!»

Не знаемъ, что возразилъ бы Г. И. Успенскій П. Я. Чаадаеву по части *конечныхъ выводовъ*, но знаемъ, что этимъ замѣчательнымъ людямъ было бы о чемъ и поспорить между собою. Ихъ взгляды на русскую народную жизнь были диаметрально противоположными въ своихъ *основахъ*. П. Я. Чаадаевъ объяснял жизнь народа его *взглядами* (преимущественно его религіей), дополняя такое объясненіе гадательнымъ соображеніемъ о свойствахъ народной «*крови*» т. е. о расѣ. Г. И. Успенскій объяснял *взгляды народа его жизнью*; міросозерцаніе русскаго крестьянина — *условіями земледѣльческаго труда*. П. Я. Чаадаевъ былъ *идеалистъ*. Г. И. Успенскій очень близко, хотя и безсознательно, подошелъ къ *материалистической философіи исторіи*. И въ этомъ заключалось его громадное преимущество передъ авторомъ «*философическаго письма*», хотя онъ лично и не воспользовался этимъ громаднымъ преимуществомъ.

Если весь склад народной жизни определяется, въ послѣднемъ счетѣ, народными взглядами, то спрашивается, — какинъ образомъ могу я вліять на развитіе этой жизни въ желательномъ для меня направленіи? Намѣяйте взгляды народа сообразно вашимъ идеаламъ, отиѣчаютъ идеалисты, а также, разумѣется, и электики. Это сносный отиѣтъ и дѣльный совѣтъ въ томъ случаѣ, когда между взглядами народа, съ одной стороны, и мои — съ другой, нѣтъ коренного различія; когда я, человекъ интеллигенціи, являюсь лишь обобщителемъ и выразителемъ народной мысли и народныхъ стремленій. Ну, а что если народное міросозерцаніе отдѣлено отъ моихъ идеаловъ цѣлою пропастью: если поэтому, мои проповѣди вызываютъ въ моихъ слушателяхъ лишь «ужаснѣйшую зѣвоту», и если я вижу себя вынужденнымъ умолкнуть, сказавъ себѣ, какъ сказалъ Г. И. Успенскій, — «не суйся»? Не надо отчаиваться и въ этомъ случаѣ, говорить благонамѣренные люди, разумъ возьметъ свое, народъ дозрѣетъ когда нибудь и до пониманія вашихъ идеаловъ. Но, во-первыхъ, «богъ знаетъ, когда это будетъ», а, во-вторыхъ, въ исторіи было не мало народовъ, которые, просуществовавъ цѣлыя тысячелѣтія, такъ и сошли съ исторической сцены, ни на шагъ не приблизившись къ сколько нибудь просвѣщеннымъ идеаламъ. Кто же поручится мнѣ, что и съ моимъ народомъ не случится чего либо подобнаго? На этотъ вполне законный вопросъ идеализмъ, а тѣмъ болѣе электизмъ, не даетъ отвѣта, а пока отвѣта нѣтъ, — неудивительно, что меня *томимыи*, что я сомнѣваюсь, страдаю и отчаиваюсь. Съ материалистической точки зрѣнія дѣло представляется иначе. Конечно, у материалистовъ тоже нѣтъ магической палочки, однимъ взмахъ которой превращалъ бы застою въ движеніе, а отсталость въ богатый запасъ культурныхъ пріобрѣтеній. Но у материалистовъ есть опредѣленный критерій, избавляющій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ тяжелой неизвѣстности.

Возьмемъ хоть того же Г. И. Успенскаго и посмотримъ, что слѣдуетъ изъ сказаннаго имъ объ условіяхъ земледѣльческаго труда. Этими условіями опредѣлялось міросозерцаніе русскаго народа. Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія они мало измѣнились, а потому и современный намъ крестьянинъ думаетъ почти такъ, какъ думали его отцы, дѣды, прадеды и т. д. Это совершенно понятно и естественно. Но, вѣдь, условія земледѣльческаго труда сами по себѣ вовсе не неизмѣнны. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ русскаго крестьянина, когда значительно измѣнятся условія его труда? Это міросозерцаніе тоже значительно измѣнится. Это опять совершенно понятно и естественно. Далѣе. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ нашего народа въ томъ случаѣ, когда условія его труда станутъ похожи на тѣ условія, при которыхъ живутъ и трудятся народы Запада? Это міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ. И это

тоже вполне понятно и естественно. До такой степени понятно и до такой степени естественно, что это знали еще славянофилы, которые были как нельзя более далеки от материалистического взгляда на историю. «Двумя главнейшими условиями жизнестойкости и силы народной русской органической стихии, писал покойный И. С. Аксаков, служат: 1) влиятельная земля, т. е. что крестьяне все посажены на землю, 2) то, что у большинства крестьян существует общинное пользование землею, дающее им внутреннюю силу и крепость, признающее за каждым членом общины право на участок земли, гарантирующей его по возможности от нищеты¹⁾. Съ исчезновением этих условий необходимо исчезнет и народная русская стихия; народ обезнародится, прибавляя онъ; а обезнародитъ народъ, и западничество получить у насъ смыслъ и оправданіе²⁾. Разумѣется, славянофильскій публицистъ хватилъ тутъ черезъ край, совершенно произвольно и бездоказательно объявляя «народной русской стихіей»,—съ исчезновениемъ которой совершенно обезнародится русскій народъ,—то, что могло быть лишь временнымъ продуктомъ одного періода нашего общественнаго развитія, лишь *исторической категоріей*. Но намъ теперь до этого нѣтъ дѣла. Мы занимаемся теперь не споромъ со славянофилами, а анализомъ того вывода, который вытекаетъ изъ взгляда Г. И. Успенскаго на русскую крестьянскую жизнь. Выводъ же этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Когда условія русскаго народнаго труда станутъ похожи на западныя условія, тогда и взгляды нашего народа сблизятся со взглядами народовъ Запада. Но наша интеллигенція именно съ Запада заимствовала свои идеалы. Въ какомъ смыслѣ измѣнится отношеніе нашего народа къ этимъ идеаламъ, когда его міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ? Онъ перестанетъ видѣть въ нихъ нѣчто совершенно чуждое ему; онъ получитъ способность понимать и цѣнить ихъ; онъ перестанетъ *знать*, слушая проповѣдь «интеллигента». Но въ такомъ случаѣ и «интеллигенту» не надобно будетъ насаждать на себя зарокъ молчанія; его слово уже не будетъ падать на каменную почву; у него явится живое и плодотворное дѣло; онъ не будетъ говорить себѣ: *не суйся*; онъ перестанетъ быть умною ненужностью.

¹⁾ «Дель», 1865, статья отъ 20-го марта, перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій И. С. Аксакова. Москва. 1896. т. II стр. 306.

²⁾ И. С. Аксаковъ вводитъ крайне резко отрицательную зависимость «народной стихіи» отъ историческихъ условій народнаго быта. Онъ говорилъ, наиримѣрь, что западно-европейскій социализмъ есть логическій выводъ изъ западно-европейской исторіи; на западѣ социализмъ у себя дома, социаллисты—дѣтица современной цивилизаціи: «въ Азіи дѣлать имъ нечего». «Русь», отъ 15-го марта 1883 года.

Теперь скажите, изменяются-ли условия народного труда в указанном нами смысле? Все говорят, что изменяются. Г. И. Успенский категорически заявлял, что «цивилизация идет», разрушая наши старые народные «постройки», как карточные домики. Да иначе и быть не может: пришествие того, что Г. И. Успенский прощически называл цивилизацией, было необходимым, хотя и отдаленным, следствием *петровской реформы*.

Старая московская Русь отличалась совершенно азиатским характером. И ее социальный быт, и ее администрация, и психология ее обывателей,—все было в ней совершенно чуждо Европѣ и очень родственно Китаю, Персии, древнему Египту. В этой Руси во многом безусловно прихвильна мрачная Чаадаевская характеристика. Европеюцу она не могла не представиться какими-то «проблѣмъ въ порядкѣ разумѣнія». Съ точки зрѣнія европейскаго прогресса она, конечно, не составляла и не могла составить необходимой части человечества, отъ котораго она надолго удалилась въ своихъ пустыняхъ. Но эта страна, къ своему великому счастью, находилась не въ Азiи, а въ Европѣ, или хотя въ сосѣдствѣ съ Европой. Вслѣдствіе этой географической особенности своего положенія, московская Русь *вынуждена* была кое-что заимствовать отъ своихъ сосѣдей просто изъ инстинкта самосохраненія. Уже со времени Грезнаго она старалась подвинуться къ Балтійскому морю. Петръ прорубилъ, наконецъ, «окно въ Европу». У Петра была огромная власть и желѣзная энергія. Но онъ могъ сдѣлать не болѣе того, что было доступно власти. «На социальномъ основѣ, восходившей чуть ли не къ одиннадцатому вѣку,—справедливо говоритъ А. Разбо,—имѣлась дипломатія, постоянная армія, бюрократическая іерархія, промышленность, удовлетворяющая вкусамъ роскоши, школы, академія». Словомъ, Петръ лишь притѣлялъ *европейскія конечности къ туловищу*, которое все-таки оставалось *азиатскимъ*. Однако, новыя конечности оказали огромное вліяніе на природу стараго туловища. Для поддержанія переформеннаго порядка нужны были деньги. Петровская реформа дала толчокъ развитію товарнаго производства въ Россіи. Кроме того, для поддержанія переформеннаго порядка нужна была хоть какая нибудь *фабрично-заводская промышленность*. Петръ положилъ у насъ начало этой промышленности и тѣмъ тоже бросилъ на русскую почву сѣмена совершенно новыхъ экономическихъ отношеній. Въ теченіе долгаго времени насажденная Петромъ промышленность вела довольно жалкое существованіе, повидимому, вполнѣ подчиняясь общему тону русской общественной жизни. Она была закрѣпощена государству и сама стала крѣпостнической, держась обязательнымъ трудомъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣмъ не менѣе, она все-таки совершила

свою работу перерождения русскаго общественнаго тѣла, прѣчемъ ей сильно помогали тѣ самыя международныя отношенія, безъ которыхъ немислима была бы и дѣятельность гениальнаго Петра. Успѣхи русскаго экономическаго развитія видны изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ какъ петровская реформа требовала *упроченія* крѣпостнаго права, реформы императора Александра II предполагали его *отмену*. Начало новаго, «несимпатичнаго» народникамъ и субъективистамъ, экономического порядка относить у насъ обыкновенно къ 19 Февраля 1861 года. Мы видимъ, что оно было положено еще Петромъ Великимъ. Но то справедливо, что 19 Февраля дало сильнѣйшій толчокъ развитію этого порядка; оно вызвало наружу и превратило въ могучій потокъ то экономическое теченіе, которое скрывалось подъ землею, лишь медленно и незамѣтно разрушая старую экономическую формацію. Въ теченіе тринадцати съ лишнимъ лѣтъ, протекшихъ со времени отмены крѣпостнаго права, эта старая формація совершенно вывѣтрилась. Теперь нѣтъ такого захолустья, нѣтъ такого медвѣжьего уголка въ Россіи, гдѣ ни чувствовалось бы могучее вліяніе новыхъ экономическихъ отношеній. Петровская реформа дошла до своего логическаго конца, по крайней мѣрѣ, въ экономической области; новыя европейскія руки окончательно переродили старое московское туловище. И какъ бы кто ни вздыхалъ теперь о старой московской обломовщинѣ, се не воскресить уже никакая сила. И напрасно наши старонѣры пишутъ на ея могилѣ: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра». Теперь мы безвозвратно повлечены въ экономическое движеніе цивилизованнаго человѣчества, и никакаго утра для старой московской обломовщины не будетъ. *Finitis Moscoviae! Ты побѣдилъ, саардамскій плотникъ!*

Но если наша экономическая обломовщина похоронена на вѣки, то это именно и значитъ, что наступаетъ утро для новой Россіи, и что чаадаевскій «выстрѣлъ» былъ фальшивой тревогой. Такъ, съ матеріалистической точки зрѣнія, лишается всякаго основанія *пессимизмъ, выросшій на почвѣ идеализма*.

Чаадаевъ находилъ, что всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ не достаетъ основательности, методы и логики. «Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣбѣвѣютъ въ нашемъ мозгу, писалъ онъ. Человѣкъ терзается, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководитъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая». Все это въ значительной степени справедливо, и мы увидимъ сейчасъ, какъ странно заблуждаются въ мірѣ

идей нѣкоторые русскіе «интеллигенты». Все это какъ нельзя болѣе печально, но все это было совершенно неизбежно при томъ странномъ и ложномъ положеніи, въ которомъ находился русскій образованный человѣкъ, пока онъ былъ иностранцемъ на чужбинѣ и иностранцемъ на своей родинѣ. Всякій порятокъ идей развивается стройно лишь у себя дома, т. е. только тамъ, гдѣ онъ является отраженіемъ мѣстнаго общественнаго развитія. Перенесенный на чужую почву, т. е. въ такую страну, общественными отношеніями которой не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, онъ можетъ только прозябать въ головахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или грустить, но уже дѣлается неспособнымъ къ самостоятельному развитію. Такъ именно и было съ европейскими идеями, попавшими въ Россію. Если онѣ цѣлѣнѣли въ нашемъ мозгу, какъ бесплодные призраки, то не потому, что въ нашей крови было что-нибудь враждебное «совершенствованію», а потому, что онѣ не встрѣчали у насъ благопріятныхъ для ихъ развитія общественныхъ условій. Сегодня у насъ распространилось и дѣлалось моднымъ такое-то ученіе, по той причинѣ, что гдѣ нибудь на западѣ, положимъ во Франціи, оно выдвинуто было на первый планъ развитіемъ общественной жизни. Завтра оно смѣнялось другимъ ученіемъ, пришедшимъ, положимъ изъ Германіи, гдѣ оно тоже отражало собой борьбу и движеніе общественныхъ силъ. Разсматривая эти смѣны съ исторической точки зрѣнія, можно, конечно, и для нихъ найти достаточную причину во внутренней логикѣ *постепенно европеизирующейся русской жизни*. Но о формальной логикѣ, о связи и послѣдовательности *идей*, тутъ говорить невозможно. Мы были поверхностными дилеттантами, одобравшими, а потомъ покидавшими данное ученіе, не только не исчерпавъ его во всей его глубинѣ, но даже и не понявъ хорошенько, что оно собственно значитъ. Къ образованному русскому человѣку можно было приписать слова: что ему книга послѣдняя («послѣднее слово науки», идущее съ Запада) скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ. Какъ было не теряться намъ, какъ было не лишаться всякой твердости и утѣренности?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у насъ сильно увлекались ученіемъ Гегеля. Люди, ставшіе послѣдователями этого великаго мыслителя, сами были въ высшей степени замѣчательными, а нѣкоторые изъ нихъ (напр. В. Г. Бѣлинскій) по истинѣ *земляными* людьми. Несмотря на это, Гегель все-таки былъ не понятъ у насъ: припомните, какъ ошибочно было истолковано у насъ его ученіе о разумности всего дѣйствительнаго. Теорія Гегеля оказала свое благотворное вліяніе лишь на развитіе нашей *литературной критики*. Въ смыслѣ литературныхъ идей мы въ теченіи нѣкотораго времени, въ лицѣ В. Г. Бѣлинскаго, или рядомъ съ *Европой*. Но какъ только дѣло дошло до идей *общественныхъ*,

мы опять далеко отстали отъ Запада. Мы ударилась въ *утопію*, въ то время какъ на Западѣ теорія Гегеля логически развивалась, — *подъ вліяніемъ объективной логики общественнаго отношеній*, — въ научную общественную теорію Маркса.

На Западѣ теоретическая мысль развивалась тоже не равномерно: иногда подъ вліяніемъ общественной реакціи, господствующими теоріями, особенно въ средѣ «образованныхъ», высшихъ классовъ, тамъ становились реакціонныя теоріи. Наши «передовые» люди наивно увлекались ими, видя въ нихъ нечто до послѣдней степени прогрессивное. За приѣрами ходить не далеко: мало ли увлекались у насъ Отюстомъ Контюмъ? мало ли увлекаются у насъ такъ называемымъ неокантианствомъ? А между тѣмъ, и контювскій «позитивизмъ» и неокантианство являются лишь буржуазной реакціей противъ нѣкоторыхъ неудобныхъ для буржуазіи выводовъ, къ которымъ пришли теоретическіе представители рабочаго класса: во Франціи сенсимонисты, фурьеристы и другіе, въ Германіи явные идеалисты.

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ...

Ужасно неудобное это положеніе! Какъ тутъ не заблуждаться въ мірѣ!

«Видите, друзья, что вы ничего не можете истинно дѣльнаго приу-
мать, что вы въ обществѣ ходѣ человѣческаго знанія безплодны. Причина
нашей безплодности, нашей или лучше сказать нашей ничтожности въ
наукѣ — отсутствіе народной стихіи». Такъ говоритъ славянофилъ Тульцевъ
въ Хомяковскомъ «Разговорѣ съ подмосковной» ¹⁾. И замѣчательно, что на-
счетъ безплодности русскаго образованнаго ума Тульцевъ (т. е., лучше
сказать, Хомяковъ) повторяетъ лишь то, что было гораздо ранѣе и гораздо
сильнѣе сказано западникомъ Чаадаевымъ. Разумѣется, во мнѣніи о при-
чинѣ этой безплодности Хомяковъ сильно расходился съ Чаадаевымъ, а
мы расходимся теперь и съ тѣмъ, и съ другимъ, потому что для насъ
«народная стихія» есть не первичная причина, а послѣдствіе данныхъ
общественныхъ отношеній. Съ измѣненіемъ этихъ отношеній измѣняется и
«стихія». Точно такъ же, съ измѣненіемъ этихъ отношеній, измѣняется и судь-
ба западныхъ идей, усваиваемыхъ русскими образованными людьми: когда
то чуждыя Россіи, идеи эти становятся нашими собственными мест-
ными идеями, но мѣръ того какъ европеизируется нашъ обществен-
ный бытъ, т. е. прежде всего (и пока еще только) наша экономія.

Ни одинъ изъ западныхъ народовъ не жилъ въ условіяхъ, тождест-

¹⁾ Этотъ разговоръ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ Русской Вѣсды 1856 г. потому переиздана въ полномъ собраніи соч. Хомякова.

венныхъ съ тѣми, въ которыхъ жили его сосѣди. Тѣмъ не менѣе, общій складъ жизни былъ у этихъ народовъ одинаковъ по своему общему характеру. Вотъ почему все они шли, по справедливому замѣчанію Чаадаева, одну общую фizioномію, какою то отблескъ односемейности. Теперь и наши черты начинаютъ приближаться къ этой общей фizioноміи, а потому, скажемъ еще разъ, пессимизмъ Чаадаева лишается своего основанія. Теперь развитіе европейскіхъ идей можетъ стать и у насъ стройнымъ и логичнымъ благодаря внутренней логикѣ нашей европеизировавшейся жизни.

Но теперь у насъ возникаетъ другого рода пессимизмъ. Теперь у насъ оплакиваютъ нашу экономическую европеизацію на томъ основаніи, что она уменьшаетъ благосостояніе народа, что она, какъ говорить, напр., г. Н. — онъ, разрушаетъ его производительныя силы. Не мѣшаетъ сказать кое-что по поводу этого новаго пессимизма.

Помните ли вы, читатель, какъ рассуждалъ Рикардо, въ своихъ «Principles of Political Economy», о вліяніи машинъ на заработную плату? Машинны уменьшаютъ спросъ на рабочія руки, а слѣдовательно, и цѣну рабочей силы, говорилъ онъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, сѣбншилъ онъ прибавить, что какая нибудь цивилизованная страна можетъ теперь отказаться отъ употребленія машинъ. Если бы нашлась такая удивительная страна, то она жестоко пострадала бы отъ конкуренціи со стороны своихъ сосѣдей, и ея рабочей классъ, за отсутствіе машинъ, поплатился бы несравненно дороже, чѣмъ за ихъ употребленіе. Тоже приходится сказать о капитализмѣ вообще. Какъ бы худо ни приходилось яной странѣ отъ развитія въ ней капитализма, но еще несравненно хуже пришлось бы ей, если бы она задумала запереть передъ нимъ двери. Не мало возни современному солдату съ его усовершенствованнымъ оружіемъ; но отнимите у него, *для его облегченія*, это оружіе и пустите его противъ непріятеля съ голыми руками: вы увидите, *много ли его облегчили*. Какъ бы дорого ни обходился нашъ капитализмъ, но намъ еще безконечно хуже (и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ) приходилось отъ нашего застоя, отъ нашего уединенія въ нашихъ пустыняхъ. И намъ приходится сожалѣть не о томъ, что у насъ развивается капитализмъ, а о томъ, что онъ у насъ еще недостаточно развитъ.

Марксъ, которому мы обязаны окончательнымъ выясненіемъ противорѣчій капитализма, замѣчаетъ (въ своей брошюрѣ «Lohnarbeit und Kapital»): «а между тѣмъ, быстрый ростъ капитала является самымъ благоприятнымъ условіемъ для наемнаго труда». Марксъ никогда не подумалъ бы бороться съ капитализмомъ посредствомъ истребленія, способныхъ лишь замедлить его развитіе. Онъ предоставлялъ это сторонникамъ того реакцион-

наго социализма, которому онъ посвятилъ нѣсколько блестящихъ страницъ въ своемъ «Манифестѣ».

Но утописты и метафизики, разсуждающіе по формулѣ: «да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, идетъ отъ лукаваго», никогда не могли понять этой точки зрѣнія Маркса. Развитіе капитализма въ Германіи оплакивали не только нѣмецкіе утописты сороковыхъ годовъ. Его оплакивали нѣкоторые нѣмецкіе прудонисты не далѣе какъ въ семидесятыхъ. «У трополита есть своя пещера; у австрайлца своя хижина, у краснокожаго индѣйца свой домашній очагъ—восклицалъ прудонистъ *Мюльбергеръ*,—современный же пролетарій фактически виситъ въ воздухѣ». Эти жалобы вызвали суровую отвѣдь со стороны Энгельса.

«Въ этой іереміадѣ,—писалъ Энгельсъ, мы видимъ прудонизмъ во всемъ его реакціонномъ образѣ. Ткачъ, имѣвшій крохъ своего ручнаго станка своей собственннй доминшю, садикъ и клочекъ земли, былъ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и при всемъ своемъ закрѣпощеніи, тихимъ и всегда покорнымъ рабочимъ, смиренно снимавшемъ шапку передъ всякимъ, кто былъ богаче или сильнѣе его. Истинно новѣйшая крупная промышленность, превратившая нѣбогда привязаннаго къ землѣ работника въ ничего не имѣющаго, но свободнаго отъ всѣхъ старыхъ, наследственныхъ цѣпей пролетарія, именно этотъ эконоическій переворотъ создалъ условия, при которыхъ возможно уничтоженіе эксплуатаціи въ ея послѣдней формѣ—въ формѣ товарнаго производства. А этотъ слезливый прудонистъ, какъ будто по поводу огромнаго шага назадъ, по поводу этого изгнанія работника изъ его собственнаго дома, изгнанія бывшаго необходимымъ условіемъ его духовной эмансипаціи».

«Двадцать семь лѣтъ тому назадъ ¹⁾ въ книгѣ «положеніе рабочаго класса въ Англіи», я описалъ, какъ совершился въ Англіи 18-го столѣтія именно этотъ процессъ изгнанія работника изъ его собственнаго дома. Я оцѣнилъ по ихъ достоинству гнусности, которыя совершены были при этомъ землевладѣльцами и фабрикантами, а также и тѣ ближайшія вредныя для рабочаго матеріальныя и моральныя послѣдствія, которыя имѣло это изгнаніе. Не могло ли мнѣ придти въ голову увидѣть въ этомъ, при тогдашнихъ историческихъ обстоятельствахъ, безусловно необходимомъ историческомъ процессѣ развитія шагъ назадъ, паденіе ниже уровня дикости («hinter die wilden»—такъ выразился Мюльбергеръ); ни въ какомъ случаѣ! Англійскій пролетарій 1872 года стоитъ несравненно выше—имѣвшій свой собственный домъ и очагъ—ткача 1772 года. И способенъ ли трополитъ съ своей собственной пещерой или австрайлцъ съ собственной хижиной или красно-

¹⁾ Писано въ 1872 году.

кой, имѣющей свой собственный очагъ, къ тому движенію, которое происходило и происходитъ въ средѣ современнаго рабочаго класса? Что съ развитіемъ капитализма матеріальное положеніе рабочихъ въ обществѣ ухудшилось, въ этомъ сомнѣвается только буржуа. Но должны ли мы поэтому съ сожалѣніемъ вспомнить о (во всякомъ случаѣ очень тощемъ) мисѣ Египта, о мелкой сельской промышленности, воспитывавшей лишь холопскія души, или о дикости? Напротивъ. Только пролетаріатъ, созданный современной крупной промышленностью, освобожденный отъ всѣхъ традиціонныхъ цѣпей,—между прочимъ, и отъ тѣхъ, которыя привязывали его къ землѣ, и собранный въ большихъ городахъ, способенъ совершить великое общественное преобразование, которое положитъ конецъ всякой эксплуатаціи одного класса другимъ и всякому классовому господству. Престіе деревенскіе ткачи, имѣвшіе свои собственные домики и очаги, никогда не были въ состояніи не только исполнить такую задачу, но просто даже и понять ее. ¹⁾

Нашимъ народникамъ и субъективистамъ, поющимъ о развитіи у насъ капитализма, полезно будетъ взглянуть въ эти строки. Не мѣшаетъ поразмыслить о нихъ и г. Н.—ону: онъ какъ будто специально для него написанъ.

Собственно говоря, намъ здѣсь слѣдовало бы поставить точку: мы сказали все, что хотѣли сказать о пессимизмѣ Чаадаева. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ приемы мысли нѣкоторыхъ нашихъ «*противниковъ капитализма*», чтобы не *видѣть себя* съ необходимостью удлинить свою статью нѣкоторыми, въ сущности совершенно излишними поясненіями и оговорками. Намъ нельзя не распространиться о томъ,—каковъ же смыслъ «сей басни».

Вы хотите насладиться капитализмъ, вы радуетесь его развитію, закричать г.г. народники и субъективисты; слѣдовательно, правъ былъ г. Кривенко, заподозрившій насъ въ нѣжности къ кулакамъ и кабатчикамъ. Отвѣчаемъ.

Во-первыхъ, неужели вы, господа, забыли «*ме собой*» вашего же единомышленника Г. Н. Успенскаго? Во-вторыхъ, капитализмъ лучше нашего стараго экономическаго порядка ровно настолько, насколько движеніе лучше застоя. Въ этомъ смыслѣ мы очень радуемся развитію у насъ капитализма. Но радоваться его развитію вовсе еще не значить стараться связать руки тѣмъ, которыхъ капиталъ эксплуатируетъ. Напротивъ, мы радуемся его развитію именно потому, что у его жертвъ въ значительной степени развязываются руки, и мы поможемъ жертвамъ совѣсьмъ развязать ихъ. Вы не понимаете, какъ можно это сдѣлать? Это ваше несчастье, въ

¹⁾ Zur Wohnungsfrage, Leipzig 1872, erstes Heft n. 9—10.

которомъ мы совершенно неповинны. А нужно сознаться, что это огромное несчастье, благодаря которому мы рѣшительно не въ состояніи найти себѣ сколько нибудь плодотворное дѣло, и способны лишь, по выраженію Г. П. Успенскаго, *плакать надъ цифрами. Экономическое развитіе опередило развитіе нашей мысли, и вы остались назади, въ качествѣ немужности теперь уже—увы!—совсѣмъ не умной.* Вотъ почему русская жизнь и кричитъ вамъ: *«не суйся!»*, кричитъ теперь, когда всякій дѣйствительно передовой человѣкъ можетъ работать не покладая рукъ. Вы люди лишніе по собственной винѣ!

Покорись—о ничтожное племя!
 Необходимой и горькой судьбѣ!
 Захватило васъ трудное время
 Неготовыми къ трудной борьбѣ.
 Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
 Но для дѣла вы жертвы давно,
 Суждены вамъ благіе порывы,
 Но свершить ничего не дано!

— Да мы вовсе не сторонники застоя; мы вовсе не враги заимствованій съ запада, продолжаютъ гг. субъективисты. Но мы хотимъ заимствовать оттуда только хорошее, между тѣмъ, какъ вы кидаетесь *безразлично и на хорошее и на дурное!* Мы также не противъ крупной промышленности, мы хотимъ только, чтобы крупныя промышленныя предпріятія принадлежали *артелямъ.*

Такъ говорятъ обыкновенно наши «противники капитализма», воображая, что говорятъ нѣчто необычайно умное. Но именно то, что они говорятъ такъ, показываетъ до какой степени низко упала наша «бѣдная русская мысль» сравнительно съ тѣмъ, что она представляла собой, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ. Уже славянофилы и западники (по крайней мѣрѣ Бѣлинскій) прекрасно понимали, что всякій данный общественный строй представляетъ собою органическое цѣлое, изъ котораго нельзя вырывать по произволу отдѣльныя черты и прививать ихъ къ другому общественному тѣлу. Теперь мы не понимаемъ этого, и мало того, что не понимаемъ—мы гордимся тѣмъ, что не понимаемъ, воображая, что именно такимъ путемъ мы избавляемся и отъ славянофильскихъ, и отъ западническихъ «крайностей» и разрѣшаемъ старый споръ двухъ враждебныхъ лагерей. Въ дѣйствительности такое «разрѣшеніе» есть лишь свѣдѣтельство о нашей теоретической бѣдности.

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности, какаѣ у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павло-

вѣча»... Такъ мечтаетъ въ «*Женитьбѣ*» Гоголя Агафья Тихоновна. По образу и подобию ея *формулы* жениха придумана только что упомянутая *формула экономическаго прогресса*. Достолюбезная купеческая дщерь осталась, какъ извѣстно, «не при своемъ интересѣ»: выбранный ею женихъ выпрыгнулъ отъ нея въ окошко. Такъ же поднудить и «прогрессъ» надъ нашими «противниками капитализма». И останутся, какъ говорится *имъ въ томъ, имъ въ снѣгъ* эти печальныя «жесты старой русской исторіи». А артели, конечно, придуть въ свое время (т. е. вѣрнѣе сказать— придетъ планоустроенная организація общественнаго производства). Только не низѣшимъ нашимъ «противникамъ капитализма» и будутъ онѣ обязаны своимъ появленіемъ, а именно тѣмъ людямъ послѣдователямъ тѣхъ людей, на которыхъ нынѣ «рекутъ всякъ золъ глаголь» эти печальныя противники.

Д. Кузнецовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ НАШИМЪ ПРОТИВНИКАМЪ.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ).

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ снова поднятъ вопросъ о томъ, по какому пути пойдетъ экономическое развитіе Россіи. Объ этомъ вопросѣ говорятъ много и горячо, такъ горячо, что люди, известные въ обществѣ подъ именемъ разсудительныхъ, даже смущаются излишнею будто бы горячностью спорящихъ сторонъ: зачѣмъ волноваться, зачѣмъ бросать противникамъ гордые вызовы и горькіе упреки, зачѣмъ насмѣхаться надъ ними,—говорятъ разсудительные люди,—не лучше ли хладнокровно разсмотрѣть вопросъ, который, дѣйствительно, имѣетъ громадную важность для нашей страны, но именно вслѣдствіе своей громадной важности требуетъ хладнокровнаго обсужденія?

Какъ это всегда было и бываетъ, разсудительные люди правы и неправы въ одно и то же время. Зачѣмъ волнуются и горячатся писатели, принадлежащіе къ двумъ лагерямъ, изъ которыхъ каждый, чтобы тамъ ни говорили его противники, стремится отстоять, по мѣрѣ пониманія, силъ и возможности, самые важные, самые насущные интересы народа? Повидимому, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы немедленно разрѣшить его разъ навсегда съ помощью двухъ-трехъ сентенцій, годныхъ въ любую прописку: терпимость прекрасная вещь; уважать чужія мнѣнія надо даже тогда, когда они радикально расходятся съ нашими, и т. п... Все это очень справедливо, и давно уже все это «твердили міру». Но не менѣе справедливо и то, что человечество горячилось, горячилось и будетъ горячиться всякій разъ, когда заходила, заходитъ или пойдетъ рѣчь объ его насущныхъ интересахъ. Такова уже природа человѣка, сказали-бы мы, если бы не знали, какъ часто и какъ сильно злоупотребляли этимъ выраженіемъ. Но это еще не все. Главное въ томъ, что человечеству и нѣтъ основаній сожалѣть о таковой своей «природѣ». Ни одинъ великій шагъ въ исторіи не былъ сдѣланъ безъ помощи страсти, которая, удесатеряя

правственные силы и ипоэрия умственных способности дѣателей, сама является великой прогрессивной силой. Хладнокровно обещаются только такіе общественные вопросы, которые совсѣмъ не важны сами по себѣ или еще не стали *очередными* вопросами данной страны и данной эпохи, а потому и интересуютъ собою только горсть кабинетныхъ мыслителей. А разъ вышелъ на очередь тотъ или другой великій общественный вопросъ, онъ непременно возбуждаетъ великія страсти, сколько бы ни кричали о хладнокровіи сторонники умѣренности.

Вопросъ объ экономическомъ развитіи нашей страны есть именно тотъ великій общественный вопросъ, который не можетъ теперь обещаться у насъ съ умѣренностью по той простой причинѣ, что онъ сталъ *очереднымъ вопросомъ*. Это не значитъ, конечно, что только теперь экономія приобрѣла рѣшающее значеніе въ нашемъ общественномъ развитіи. Ей всегда и вездѣ принадлежало такое значеніе. Но у насъ, — какъ и вездѣ, — это значеніе не всегда сознавалось людьми, интересовавшимися общественными дѣлами, а потому люди эти сосредоточивали силу своей страсти на вопросахъ, касающихся экономія лишь самымъ отдаленнымъ образомъ. Вспомните хоть наши сороковые года. Теперь не то. Теперь коренное, великое значеніе экономія сознается у насъ даже тѣми, которые горячо возстаютъ противъ «узкой» исторической теоріи Маркса. Теперь всѣ мыслящіе люди сознаютъ, что все наше будущее сложится сообразно тому, какъ рѣшится вопросъ нашего экономическаго развитія. Оттого и сосредоточиваютъ на этомъ вопросѣ всю силу своей страсти даже совсѣмъ не «узкіе» мыслители.

Но если нельзя намъ теперь обещать этого вопросъ съ *умѣренностью*, то и теперь можно и должно заботиться намъ объ *аккуратности*, а лучше сказать объ отсутствіи *распущенности*, какъ въ опредѣленіи нашихъ собственныхъ мыслей, такъ и въ нашихъ полемическихъ приемахъ. Противъ этого требованія рѣшительно ничего возразить невозможно. Западныя люди прекрасно знаютъ, что серьезная страсть исключаетъ всякую распущенность. Правда, у насъ до сихъ поръ полагаютъ иногда, что страсть и распущенность родныя сестры, но пора же и намъ цивилизоваться.

По части литературныхъ приличій мы цивилизовались, повидимому ужъ очень значительно, такъ значительно, что нашъ «передовой» человекъ г. Михайловскій, читаетъ нотации пѣмцамъ (Марксу, Энгельсу, Дюрингу), у которыхъ въ полемикѣ можно найти вещи «или совершенно безплодныя или даже извращающія предметъ и отталкивающія своей грубостью». Г. Михайловскій припоминаетъ замѣчаніе Берне, что пѣмцы всегда «были грубы въ полемикѣ». «И я боюсь, прибавляетъ онъ, что вмѣстѣ съ другими нѣмецкими вліяніями, къ намъ проникнетъ эта традиціонная нѣмецкая грубость, осозавнившая еще собственной дикостью, и полемика пре-

вратится въ реплику, влагаемую гр. Толстымъ въ уста царицы по адресу Погожа-богатыря:

Шаромыжники, болванъ, неученый холопу!
 Чтобъ тебѣ въ турій рогъ искривило!
 Поросенокъ, теленокъ, свинья, эбювъ,
 Чортовъ свинь, неумытое рыло!
 Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
 Что много словечка сказать не велить,
 Я тебя, прощальгу, нахала
 И не такъ бы еще обругала!').

Г. Михайловскій не въ первый разъ вспомнилъ здѣсь о неприличной толстовской царицѣ. Онъ не разъ уже софтовалъ русскимъ писателямъ не уподобляться ей въ своей полемикѣ. Совѣтъ, нечего и говорить, прекрасный. Жаль только, что нашъ авторъ самъ не всегда слѣдовалъ ему. Такъ, одного изъ своихъ противниковъ онъ называлъ, какъ извѣстно, *клономъ*, другого—*литературнымъ акробатомъ*. Свою полемику съ г. Е. дела-Серда онъ украсилъ такимъ замѣчаніемъ: «Слово *la cerda* изъ всѣхъ европейскихъ языковъ имѣетъ определенное значеніе только въ испанскомъ и значитъ по-русски свинья. Зачѣмъ оно понадобилось автору—понять довольно трудно.

— «Исправда ли хорошо?» спрашивалъ по этому поводу г. дела-Серда. Дѣйствительно, очень хорошо, и совершенно по вкусу толстовской царицы. Только царица была прямодушнѣе, и когда ей хотѣлось выругаться, она такъ и кричала: поросенокъ, теленокъ, свинья и т. д., не прибѣгая къ насилию иностранныхъ языковъ съ цѣлью сказать противнику грубое слово.

При сравненіи г. Михайловскаго съ толстовской царицей оказывается, что онъ, пренебрегая «афіонами», «чертовыми дѣтьми» и т. п., налегаетъ, если можно такъ выразиться, на толстокожіе эпитеты. У него вы встрѣтите и «свиней» и «поросятъ» и притомъ поросятъ самыхъ различныхъ: гамлетизированныхъ, зеленыхъ и т. д. Это нѣсколько монотонно, но очень сильно. Вообще, если отъ ругательнаго лексикона толстовской царицы мы обратимся къ такому же лексикону нашего субъективнаго социолога, то передъ вами, конечно, *иной картины красы жизни расцвѣтуть*, но эти красы по своей силѣ и выразительности ни мало не уступаютъ полемическимъ красотамъ бойкой царицы.

«Est modus in rebus, или, по русски сказать, надо же и честь знать», говоритъ г. Михайловскій. Это какъ нельзя болѣе справедливо, и мы отъ души жальдемъ, что нашъ маститый социологъ часто забываетъ объ этомъ. Онъ можетъ трагически воскликнуть о себѣ:

1) „Русское Богатство“ 1-я книжка 1895, ст. „Литература и Жизнь“.

Video meliora, proboque,
Deteriora sequor!

Надо надѣяться, однако, что современемъ цивилизуется и г. Михайловскій, что хорошія наклоненія возьмутъ у него, наконецъ, верхъ надъ «собственною нашею дикостью», и онъ перестанетъ кидать въ своихъ противниковъ «свиньями» и «поросятами». Самъ г. Михайловскій справедливо думаетъ что *la raison finit toujours par avoir raison*.

Читающая публика неодобряетъ теперь у насъ рѣзкой полемики. Но въ своемъ неодобреніи она смѣшиваетъ рѣзкость съ грубостью, между тѣмъ какъ это далеко не одно и тоже. Уже Пушкинъ выяснилъ огромную разницу между рѣзкостью и грубостью.

Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя писать: *какой-то де старикъ,*
Козелъ съ ослика, плюющимъ клеветника,
И золь, и подаль—все это будетъ личность;
Но можете печатать, наиримѣрь,
Что, «господинъ варнаасскій старовѣрь
(Въ своихъ статьяхъ) бесмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вяль, отмѣнно скучновать,
Тяжеловать и даже глуновать».
Тутъ не лицо, а просто литераторъ.

Если вы вздумаете, подобно толстовской царевнѣ или г. Михайловскому, обозвать своего противника «свиньей» или «клопомъ», то это «будетъ личность»; а если вы станете доказывать, что такой-то социологическій или исторіософическій или экономическій старовѣрь, въ своихъ статьяхъ, «трудахъ» или «очеркахъ» отмѣнно вяль, отмѣнно скучновать, тяжеловать и даже . . . не уменъ, то «тутъ не лицо, а просто литераторъ»; тутъ будетъ рѣзкость, а не грубость. Вы можете, конечно, ошибиться въ своемъ приговорѣ, и ваши противники хорошо сдѣлаютъ, если обнаружатъ вашу ошибку. Но обвинять васъ они будутъ имѣть право только въ ошибкѣ, а вовсе не въ рѣзости, потому что безъ такихъ рѣзкостей не можетъ обойтись развитіе литературы. Если бы литература вздумала обходиться безъ нихъ, то она немедленно превратилась бы, по выраженію Вѣлинскаго, въ *мстивую повторяльщицу избитыхъ общихъ мнѣній*, чего ей могутъ пожелать только ея недруги.

Разсужденіе г. Михайловскаго о традиціонной нѣмецкой грубости и о нашей собственной дикости вызвано было «интересной книгой» г. Н. Бельтова: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Г. Бельтова многіе обвиняли въ излишней рѣзости. Такъ, наиримѣрь, по поводу его книги рецензентъ «Русской Мысли» говорилъ: «Не раздѣляя

односторонней, по нашему мнѣнію, теоріи экономическаго матеріализма, мы готовы были бы въ интересахъ и науки, и нашей общественной жизни привѣтствовать представителей этой теоріи, еслибы нѣкоторые изъ нихъ (гг. Струве и Бельтовъ) не вносили въ свою полеміку черезъ чуръ большихъ рѣзкостей, если бы они не издѣвались надъ писателями, труды которыхъ заслуживаютъ уваженія.

Это написано въ той самой «Русской Мысли», которая еще недавно называла сторонниковъ экономическаго матеріализма «фаршированными головами» и которая объявила книгу г. П. Струве продуктомъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію. «Русская Мысль» не любитъ черезъ чуръ большихъ рѣзкостей и потому, какъ видитъ читатель, она отзывалась о сторонникахъ экономическаго матеріализма съ большою мягкостью. Теперь она уже готова, въ интересахъ науки и нашей общественной жизни, привѣтствовать представителей этой теоріи. Зачѣмъ же привѣтствовать ихъ? Много ли сдѣлаютъ для общественной жизни фаршированные головы? Много ли выиграетъ наука отъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію? Намъ думается, что боязнь черезъ чуръ большихъ рѣзкостей заводитъ «Русскую Мысль» слишкомъ далеко и заставляетъ ее говорить вещи, благодаря которымъ читатели могутъ заподозрить ее самое въ неумѣніи переварить кое что и въ нѣкоторой неспособности къ логическому мышленію.

У г. П. Струве совсѣмъ нѣтъ никакихъ рѣзкостей, (мы уже не говоримъ о черезъ-чуръ большихъ), а у г. Бельтова, если и есть рѣзкости, то лишь такія, о которыхъ наѣрное Пушкинъ сказалъ бы, что онѣ затрагиваютъ только литераторовъ, и что поэтому къ нимъ прибѣгать вполнѣ позволительно. Рецензентъ «Русской Мысли» позагааетъ, что труды тѣхъ писателей, надъ которыми смѣется г. Бельтовъ, заслуживаютъ уваженія. Если бы г. Бельтовъ раздѣлялъ такое мнѣніе, то, съ его стороны, конечно, нехорошо было бы смѣяться надъ ними. Ну, а что если онъ убѣжденъ въ противномъ? Что если «труды» этихъ господъ кажутся ему и скучноватыми, и тяжеловатыми, и совершенно безеодеркательными, и даже очень вредными въ настоящее время, когда усложнившаяся общественная жизнь требуетъ новыхъ усилій мысли отъ всѣхъ тѣхъ, кто не смотритъ на міръ, по выраженію Гоголя, «ковыряя въ носу». Рецензенту «Русской Мысли» эти писатели кажутся, можетъ быть, настоящими свѣточами, спасительными маяками. Ну, а что, если г. Бельтовъ считаетъ ихъ гасильниками и усыпителями? Рецензентъ скажетъ, что г. Бельтовъ ошибается. Это его право, но это свое мнѣніе рецензентъ долженъ доказать, а не довольствоваться простымъ осужденіемъ «черезъ-чуръ большой рѣзкости».

Какого мнѣнія рецензентъ о Гречѣ и Булгаринѣ? Мы увѣрены, что еслибы онъ высказалъ его, то извѣстная часть нашей печати нашла бы его черезчуръ рѣзкимъ. Значило ли бы это, что г. рецензентъ «Русской Мысли» не имѣетъ права откровенно высказать свой взглядъ на литературную дѣятельность Греча и Булгарина? Мы не ставимъ, конечно, на одну доску съ Гречемъ и Булгаринимъ людей, съ которыми спорять гг. П. Струве и Н. Бельтовъ. Но мы спрашиваемъ рецензента «Русской Мысли», почему литературныя приличія позволяютъ высказать рѣзкое мнѣніе о Гречѣ и Булгаринѣ, но запрещаютъ поступить такъ по отношенію къ гг. Михайловскому и Карѣеву? Г. рецензентъ думаетъ, какъ видно, что сильнѣе кошки звѣря иѣтъ и что, поэтому, кошка заслуживаетъ, не въ примѣръ прочимъ звѣрямъ, особенно почтительнаго обращенія. Но иѣдь въ этомъ позволительно усомниться. Мы вотъ, напримѣръ, думаемъ, что субъективная кощка—звѣрь не только не очень сильный, но даже весьма значительно выродившійся, а потому никакого особаго почтенія и не заслуживающій. Мы готовы спорить съ рецензентомъ, если онъ не согласенъ съ нами, но прежде, чѣмъ вступить съ нимъ въ споръ, мы попросимъ его хорошенько выяснитъ себѣ ту разницу, которая несомнѣнно существуетъ между *рѣзкостью сужденія* и *грубостью выраженія*. Гг. Струве и Бельтовъ высказали сужденія, которыя очень многимъ могли показаться рѣзкими. Но позволилъ ли себѣ хоть одинъ изъ нихъ прибѣгнуть, для защиты своихъ мнѣній, къ той грубой брани, къ какой прибѣгалъ не разъ въ своихъ литературныхъ стычкахъ г. Михайловскій, этотъ настоящій *Miles gloriosus* нашей «передовой» литературы? Ни одинъ изъ нихъ себѣ этого не позволилъ, и рецензентъ «Русской Мысли» самъ отдалъ имъ эту справедливость, если идуется въ указанную нами разницу между рѣзкостью сужденія и грубостью выраженія.

Кстати, о рецензентѣ «Русской Мысли». Онъ говоритъ: «Г. Бельтовъ, по меньшей мѣрѣ, безъ церемоній расточаетъ обвиненія въ томъ, что такой-то писатель говоритъ о Маркѣ не прочитавши его сочиненій, осуждаетъ гегелевскую философію, не познакомившись съ нею самостоятельно, и т. п. Не мѣшаетъ, конечно, при этомъ не дѣлать самому промаховъ, въ особенности по самымъ существеннымъ вопросамъ. А г. Бельтовъ имено о Гегелѣ говоритъ совершенный вздоръ: «Если современное естествознаніе, читаемъ мы на стр. 86 названной книги,—на каждомъ шагу подтверждаетъ гениальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегелианствомъ». Но бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное: у него качество переходитъ въ количество». —Если бы намъ пришлось характеризовать это представленіе г. рецензента о философіи Гегеля, то

наше сужденіе, навѣрное, показалось бы ему «черезчуръ рѣзкимъ». Но вина была бы не наша. Мы можемъ увѣрить г. рецензента, что объ его философскихъ сужденіяхъ произнесли очень рѣзкія сужденія всѣ тѣ, которые прочитали его рецензію и которые хоть немного знакомы съ исторіей философіи.

Нельзя, конечно, требовать отъ всякаго журналиста серьезнаго философскаго образованія, но можно требовать отъ него, чтобъ онъ не позволялъ себѣ судить о вещахъ ему неизвѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ, о немъ всегда будутъ отзываться очень «рѣзко», люди, знающіе дѣло.

Въ первой части *Энциклопедіи* Гегеля, въ прибавленіи къ параграфу 108 сказано: «Въ мѣрѣ, качество и количество еще различаются и не совершенно тождественны. Въдѣствіе того, оба эти опредѣленія до нѣкоторой степени независимы одно отъ другого, такъ что, съ одной стороны, количество можетъ измѣняться, безъ измѣненія качества предмета, но, съ другой стороны, его увеличеніе и уменьшеніе, къ которому предметъ первоначально равнодушенъ, имѣетъ границу, и при переступленіи этой границы качество измѣняется. Такъ, напримѣръ, разная температура воды сначала не оказываетъ вліянія на ея капельно-жидкое состояніе, но при дальнѣйшемъ увеличеніи или уменьшеніи ея температуры, наступаетъ точка, когда это состояніе сдѣлается измѣнительно и вода превращается въ паръ или въ ледъ. Сначала кажется, будто измѣненіе количества не оказываетъ никакого вліянія на существенную природу предмета, но за намъ скрывается что-то другое и это повидимому безхитрое измѣненіе количества, неизбѣжно для самаго предмета измѣняетъ его качество»¹⁾.

«Бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное»!.. Вы и теперь думаете, что бѣда именно въ этомъ г. рецензентѣ?²⁾ Или, можетъ быть, вы теперь измѣнили свое мнѣніе по этому предмету? А если измѣнили, то въ чемъ же бѣда въ настоящее время? Мы сказали бы вамъ въ чемъ, да боимся, что вы обвините насъ въ извѣстной рѣзкости.

Повторяемъ, отъ всякаго журналиста нельзя требовать знанія исторіи философіи. Поэтому, бѣда, въ которую попалъ г. рецензентъ «Русской Мысли», не столь уже велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. «Но бѣда въ томъ», что эта бѣда г. рецензента не послѣдняя.

¹⁾ Цитируемъ по русскому переводу г. В. Чижова, (стр. 191—192).

²⁾ Въ третьей книжкѣ «Русской Мысли» г. рецензентъ, продолжаетъ отстаивать свое мнѣніе, при чемъ совѣтуетъ не согласно мыслящимъ взглянуть «хоть» въ русскій переводъ *Исторіи новой философіи* Ибервега-Гейнца. Почему бы г. рецензенту не взглянуть «хоть» въ самого Гегеля?

Вторая бѣда его горше первой: онъ не далъ себѣ труда прочитать ту книгу, о которой писалъ свой отзывъ. На стр. 75—76 своей книги г. Бельтовъ дѣлаетъ довольно длинную выписку изъ большой Логикѣ Гегеля (*Wissenschaft der Logik*). Вотъ начало этой выписки: «Измѣненія бытія состоятъ не только въ томъ, что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и въ томъ, что качество переходитъ въ количество и на оборотъ», и т. д. (стр. 75).

Если бы г. рецензентъ прочиталъ хоть эту выписку,—онъ не попалъ бы въ бѣду, ибо тогда онъ не «утверждалъ» бы, что «Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное».

Мы знаемъ, какъ пишется въ русской, да, къ сожалѣнію, и не только въ русской,—литературѣ большинство рецензій. Рецензентъ перелистываетъ книгу, быстро пробѣгая въ ней, положимъ, каждую десятую, двадцатую страницу, и отмѣчая мѣста, какъ ему кажется, наиболѣе характерныя. Затѣмъ онъ выписываетъ эти мѣста, сопровождая ихъ выраженіемъ своего порицанія или одобренія: онъ недоумѣваетъ», очень сожалѣть» или «отъ души привѣтствуетъ»,—и дѣло кончено, рецензія готова. Можно представить себѣ, сколько взору печатается такимъ образомъ, особенно если (какъ это не рѣдко случается) рецензентъ не имѣетъ никакого понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ разбираемой имъ книгѣ!

Намъ и въ голову не приходитъ совѣтовать гг. рецензентамъ *совсѣмъ* отбѣздаться отъ этой дурной привычки: горбатого исправить могила. Но, всетаки, имъ слѣдовало-бы хоть не много серьезнѣе относиться къ своему дѣлу тамъ, гдѣ,—какъ, напр., въ спорѣ объ экономическомъ развитіи Россіи,—рѣчь идетъ о важнѣйшихъ интересахъ нашей родины. Неужели они и тутъ будутъ продолжать съ легкимъ сердцемъ сбивать съ толку читающую публику своими легкомысленными отзывами? Надо же и честь знать, какъ справедливо замѣчаетъ г. Михайловскій.

Г. Михайловскому тоже не нравятся полемическіе приемы г. Бельтова: «Г. Бельтовъ человекъ талантливый, говоритъ онъ, и не лишенный остроумія, но ово къ сожалѣнію, часто переходитъ у него въ непріятное шутовство». Почему же въ шутовство? И кому собственно непріятно это мнимое шутовство г. Бельтова? Когда въ шестидесятыхъ годахъ «Современникъ» осмѣивалъ, положимъ, Погодина, то Погодину, навѣрное, казалось, что этотъ журналъ вдавался въ непріятное шутовство. Да и не одному Погодину казалось это, а всѣмъ, кто привыкъ почитать московскаго историка. Мало ли нападали у насъ тогда на «рыцарей свистопляскя»? Мало ли возмущались «мальчишескими выходками свистуновъ»? А вотъ, по нашему мнѣнію, блестящее остроуміе «свисту-

новъ никогда въ неприятное шутовство не переходило; если люди, осмѣянные ими, думали иначе, то лишь по той человѣческой слабости, въ силу которой Аммосъ Федоровичъ Лякинъ-Тякинъ находилъ, что «слишкомъ длинно» было то письмо, гдѣ его называли въ «сильнѣйшей степени мотехомомъ».

— Ахъ, такъ вотъ оно что! Такъ вы хотите сказать, что г. Бельтовъ обладаетъ остроуміемъ Добролюбова и его сотрудниковъ по «Свистку»? Это мило!—восклицаютъ люди, которымъ «несимпатичны» полемическіе приемы г. Бельтова.

Погодите, господа. Мы не сравниваемъ г. Бельтова со «свистунами» шестидесятихъ годовъ; мы говоримъ только, что не г. Михайловскому судить о томъ, переходить ли и гдѣ именно переходить въ неприятное шутовство остроуміе г. Бельтова. Кто же можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ?

Но г. Михайловскій упренаетъ г. Бельтова не только въ «неприятномъ шутовствѣ». Онъ возводитъ на него очень серьезное обвиненіе. Чтобы читатель могъ легче разобрать въ чемъ дѣло, мы представимъ г. Михайловскому изложить это обвиненіе своими собственными словами.

«Въ одной изъ своихъ статей въ «Русской Мысли», я вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. П. Зиберомъ и сообщилъ, между прочимъ, что этотъ почтенный ученый въ разговорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія». Приведи эти мои слова, г. Бельтовъ пишетъ: «Намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и не разъ не слышали мы отъ него ссылки на діалектическое развитіе». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и показаніе г. Михайловскаго не опровержимо!»... Я скажу иначе: на мертвыхъ не всегда все валить можно и показаніе г. Бельтова вполне опровержимо...

«Въ 1879 г. въ журналѣ «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ». Статья эта (не оконченная) представляетъ собой пересказъ, даже почти слитной переводъ книги Энгельса «Herra Dührings Umwälzung der Wissenschaft». Ну, а переводъ эту книгу, остаться въ «совершенной неизвѣстности о значеніи Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи»,—довольно таки мудро не только для Зибера, а даже и для Потока-богатыря въ вышеприведенной полемической характеристикѣ царевны. Это, я думаю, для самого г. Бельтова понятно. Но на всякій случай приведу все таки нѣсколько строкъ изъ ма-

ленькаго придисловія Зибера: «Книга Энгельса заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ въ виду послѣдовательности и цѣльности приводимыхъ въ ней философскихъ и общественно-экономическихъ понятій, такъ и потому, что для объясненія практическаго приложенія метода діалектическихъ противорѣчій она даетъ рядъ новыхъ иллюстрацій и фактическихъ примѣровъ, которые не мало способствуютъ ближайшему ознакомленію съ этимъ столь сильно прославляемымъ и въ тоже время столь сильно унижаемымъ способомъ изслѣдованія истины. Можно сказать, повидимому, что въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи».

«Итакъ: Зиберу было извѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи; Зиберъ былъ очень заинтересованъ «методомъ діалектическихъ противорѣчій». Такова истина, документально засвидѣтельствованная и вполне разрѣшающая инквизиторскій вопросъ о томъ кто жметъ за двухъ»¹⁾.

Истина, особенно истина документально засвидѣтельствованная, прекрасное дѣло! Въ интересахъ той же истины мы нѣсколько продолжимъ выписку, сдѣланную г. Михайловскимъ изъ статьи Н. Зибера: «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ».

Какъ разъ на тѣмъ словами, которыми заканчивается эта выписка у г. Михайловскаго, у Зибера слѣдуетъ такое замѣчаніе: «Впрочемъ, мы, съ своей стороны, воздержимся отъ сужденія о точности этого метода въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія, а также и о томъ, представляетъ ли онъ собою или не представляетъ,—на сколько ему можетъ быть придаваемо дѣйствительное значеніе,—простое видоизмѣненіе или даже прототипъ метода теоріи эволюціи или всеобщаго развитія. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ разсматриваетъ его авторъ или, по меньшей мѣрѣ, старается указать на подтвержденіе его при помощи тѣхъ истинъ, которыя достигнуты эволюціонною теоріею, и нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи, здѣсь открывается значительное сходство».

Какъ видимъ, покойный русскій экономистъ, даже и переведя книгу Энгельса «Hegels Umwälzung der Wissenschaft», всетаки остался въ неизвѣстности на счетъ Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи и даже вообще на счетъ годности діалектики въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія. По крайней мѣрѣ, онъ не хотѣлъ судить о ней. Вотъ мы и спрашиваемъ: вѣроятно ли, чтобъ тотъ самый Зиберъ, который вообще совсѣмъ не рѣшался судить о годности діалектики, въ спорахъ съ г. Михайловскимъ «при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго діалектическаго развитія»? Почему же это именно

¹⁾Р. Бор. 1895 г. Январь. Отд. II, стр. 140 и 141.

только въ этихъ случаяхъ Зиберъ измѣняетъ свой, обыкновенно нерѣшительный взглядъ на диалектику? Уже не потому ли, что слишкомъ велика была для него «опасность» быть разбитымъ его страшнымъ противникомъ? Врядь-ли поэтому! Кому-кому другому, а Зиберу, обладавшему очень серьезными знаніями, такой противникъ едва ли былъ «опасенъ».

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная эта вещь истина, документально засвидѣтельствованная! Г. Михайловскій совершенно правъ говоря, что она вполне разрѣшаетъ пикантный вопросъ, кто жметъ за двухъ!

Но, если воплотившійся въ лицѣ кое-кого русскій духъ несомнѣнно прибѣгаетъ къ искаженію истины, то онъ не довольствуется однократнымъ искаженіемъ ея за двухъ; онъ за одного покойника Зибера искажаетъ ее *дважды*: одинъ разъ, когда угадываетъ, что Зиберъ прятался подъ сѣнь триады, а другой,—когда съ удивительной развязностью ссылается на то самое вступленіе, которое какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что правъ г. Бельтовъ.

Эхъ, г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Мудрено остаться къ неизвѣстности на счетъ значенія Гегеля въ развитіи экономіи, переведа книгу Энгельса «Dahring's Umwälzung» восклицаетъ г. Михайловскій. Будто бы такъ мудрено? По нашему, вовсе нѣтъ. Переведа названную книгу, Зиберу дѣйствительно мудрено было бы остаться къ неизвѣстности на счетъ *мысли* Энгельса (и, разумеется, Маркса) о значеніи Гегеля въ развитіи названной науки. Это мысліе Зиберу было извѣстно, какъ это разумеется само собой и какъ это слѣдуетъ изъ его предисловія. Но Зиберъ могъ не довольствоваться чужимъ мысліемъ. Какъ серьезный ученый, не полагающійся на чужія мыслія, а привыкшій изучать предметъ по первымъ источникамъ, онъ, знавшій мысліе Энгельса о Гегелѣ, еще не считалъ себя вправе сказать: «я знаю Гегеля и его роль въ исторіи развитія научныхъ понятій». Г. Михайловскому, можетъ быть непонятна такая скромность ученаго; онъ, по его собственнымъ словамъ, «не имѣетъ претензій» знать философію Гегеля, а между тѣмъ, онъ очень развязно разсуждаетъ о ней. Но quod licet bovi, non licet Iovi. Г. Михайловскій, бывший всю жизнь ни чѣмъ инымъ, какъ бойкимъ фельетонистомъ, обладаетъ развязностью, присвоенною по штату людямъ этого званія. Но онъ позабылъ, какая разница существуетъ между нимъ и людьми науки. Благодаря этому забвенію онъ и рѣшился говорить вещи, изъ которыхъ ясно слѣдуетъ, что извѣстный духъ «непремѣнно жметъ за двухъ».

Эхъ г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Да и за двухъ ли только искажаетъ этотъ почтенный «духъ» истину? Читатель помнитъ, можетъ быть, исторію «пропущеннаго» г. Михайловскимъ «момента цвѣтенія». Пропускъ «этого цвѣтенія» имѣетъ «важное значеніе»:

онъ показывасть, что истина некажана также и за Энгельса. Почему г. Михайловскій не единымъ словомъ не обмолвился объ этой поучительной исторіи?

Эхъ г. Михайловскій, г. Михайловскій!

А знаете ли что? Вѣдь, можетъ быть, «русскій духъ» и не искажаетъ истины; можетъ быть онъ, бѣдный, говорить чистѣйшую правду. Вѣдь, чтобы оставить нѣтъ всякаго подозрѣнія его правдивость, стоитъ только предположить, что Зиберъ просто подшутилъ надъ молодымъ писателемъ, пугнувъ его «*триадой*». Оно и похоже на правду: г. Михайловскій увѣряетъ, что Зиберъ былъ знакомъ съ діалектическимъ методомъ; какъ человѣкъ знакомый съ этимъ методомъ, Зиберъ долженъ былъ прекрасно понимать, что пресловутая триада никогда роли довода у Гегеля не играла. Наоборотъ, г. Михайловскій, какъ человѣкъ незнакомый съ Гегелемъ, могъ высказать въ разговорѣ съ Зиберомъ ту, впоследствии не разъ высказанную имъ, мысль, что вся аргументація Гегеля и гегельянцовъ сводилась къ смысламъ на триаду. Зиберу это должно было показаться чрезвычайно забавнымъ, и вотъ онъ сталъ поддразнивать триадою горячаго, но несвѣдущаго молодого человѣка. Разумѣется, если бы Зиберъ предвидѣлъ, въ какое печальное положеніе попадетъ со временемъ его собесѣдникъ, благодаря его шуткѣ, то онъ непремѣнно воздержался бы отъ нея. Но этого онъ предвидѣть не могъ, а потому и позволялъ себѣ подшутить надъ г. Михайловскимъ. Правдивость этого послѣдняго не подлежитъ сомнѣнія, если справедливо это наше предположеніе. Пусть г. Михайловскій пороеся въ своей памяти, можетъ быть онъ припомнитъ какое нибудь обстоятельство, показывающее, что наше предположеніе не совсѣмъ неосновательно. Съ своей стороны, мы всей душой рады были бы услышать о такомъ обстоятельстве, спасающемъ честь «русскаго духа». Порадуется конечно, и г. Бельтовъ.

Г. Михайловскій большой забавникъ! Онъ очень недоволенъ г. Бельтовымъ, который позволилъ себѣ сказать, что въ «новыхъ словахъ» нашего субъективнаго социолога «русскій умъ и русскій духъ зады твердить и жечь за двухъ». Г. Михайловскій полагасть, что, если г. Бельтовъ и не отвѣтственъ за содержаніе цитаты, то его все таки можно было бы, пожалуй, признать отвѣтственнымъ за ея выборъ. Только грубость нашихъ полемическихъ нравовъ вынуждаетъ нашего почтеннаго социолога сознаться, что подобный упрекъ г. Бельтову былъ бы излишней тонкостью. Но откуда взялъ эту «цитату» г. Бельтовъ? Онъ взялъ ее у Пушкина. Евгений Онегинъ былъ того мнѣнія, что во всей нашей журналистикѣ русскій умъ и русскій духъ зады твердить и жечь за двухъ. Можно ли признать Пушкина отвѣтственнымъ за столь рѣзкое мнѣніе его героя? До сихъ поръ, насколько мы знаемъ, никто не думалъ что—да, хотя весьма вѣроятно, что Онегинъ выражалъ собственное мнѣніе великаго поэта. А вотъ теперь

г. Михайловскій хотѣлъ бы сдѣлать г. Бельтова отвѣтственнымъ за то, что тотъ не находитъ въ сочиненіяхъ его, г. Михайловскаго, ничего кромѣ повторенія задовъ и лжи за двухъ. Почему же это такъ? почему нельзя примѣнить эту «цитату» къ «трудямъ» нашего социолога? Вѣроятно, потому, что эти труды въ глазахъ этого социолога заслуживаютъ гораздо болѣе почтительнаго отношенія. Но вѣдь «объ этомъ можно спорить», скажемъ мы словами г. Михайловскаго.

«Собственно въ этомъ мѣстѣ ни въ какой лжи г. Бельтовъ меня не уличаетъ—говорить г. Михайловскій,—онъ просто такъ, сболтнулъ, чтобы горячѣе вышло, и цитатой, какъ фиговымъ листкомъ, стыдливо прикрылся» (стр. 140). Почему же сболтнулъ, а не высказалъ свое твердое убѣжденіе? Каковъ смыслъ предложенія: г. Михайловскій въ своихъ статьяхъ зады твердить и лжетъ за двухъ? Оно значить, что г. Михайловскій высказываетъ лишь старая, давно опровергнутыя на западѣ мнѣнія и, высказывая ихъ, къ *ошибкамъ западныхъ людей прибавляетъ свои собственные, доморощенные*. Неужели, выражая подобный взглядъ на литературную дѣятельность г. Михайловскаго, непременно надо прикрываться фиговымъ листкомъ. Г. Михайловскій убѣжденъ, что можно только «сболтнуть» подобное мнѣніе; что оно не можетъ быть плодомъ серьезной и вдумчивой оцѣнки. Но объ этомъ можно спорить, скажемъ мы еще разъ его собственными словами.

Пиннуцій эти строки совершенно хладнокровно и обдуманно, не видя нужды ни въ какихъ фиговыхъ листкахъ заявляетъ, что по его убѣжденію очень *невысокое мнѣніе о «работахъ» г. Михайловскаго есть начало всякой премудрости*.

Но если, говоря о «русскомъ духѣ», г. Бельтовъ ни въ какой лжи г. Михайловскаго не уличаетъ, то затѣвъ же нашъ «социологъ» придрался именно къ «цитатѣ», начиная несчастный инцидентъ съ Зиберомъ? Вѣроятно затѣвъ, чтобы горячѣе вышло. Въ дѣйствительности, ничего горячаго подобнаго рода приемы въ себѣ не заключаютъ, но есть люди, которымъ они кажутся очень горячими. Въ одною изъ очерковъ Г. Н. Успенскаго чиновница ссорится съ дворникомъ. Дворникъ произноситъ слово: *подлая*. — Какъ! я подлая, — кричитъ чиновница, — я тебѣ покажу, у меня сынъ въ Польшѣ служить, и т. д. Подобно чиновницѣ, г. Михайловскій, ухватившись за отдѣльное слово, поднимаетъ «горячій» крикъ: «я лгу за двухъ, вы смѣли усомниться въ моей правдивости, да я васъ самого сейчасъ уличу во лжи за многихъ! Посмотрите, что вы наговорили о Зиберѣ!» Мы смотримъ, что сказала о Зиберѣ г. Бельтовъ, и видимъ, что сказала онъ истинную правду. Die moral von der Geschichte—та, что излишняя горячность ни чиновницѣ, ни г. Михайловскаго ни къ чему хорошему привести не можетъ.

«Г. Бельтовъ предпринялъ показать, что окончательное торжество материалистическаго монизма установлено такъ называемою теоріею экономическаго материализма въ исторіи, каковая теорія находится, дескать, въ тѣснѣйшей связи съ «общефилософскимъ» материализмомъ». Съ этою цѣлью г. Бельтовъ дѣлаетъ экскурсію въ исторію философіи. О степени беспорядочности и неполноты этой экскурсіи можно судить уже по названіямъ главъ ей посвященныхъ: «Французскій материализмъ XVIII вѣка», французскіе историки времени реставраціи», «Утописты», Идеалистическая нѣмецкая философія», Современный материализмъ» (стр. 146). Г. Михайловскій опять горячится безъ всякой надобности, и опять его горячность ни къ чему доброму не приводитъ. Еслибъ г. Бельтовъ писалъ хотя бы краткій очеркъ исторіи философіи, то, дѣйствительно, беспорядочна и непонятна была бы та экскурсія, въ которой онъ отъ французскаго материализма XVIII вѣка переходитъ къ французскимъ историкамъ времени реставраціи; отъ этихъ историковъ къ утопистамъ; отъ утопистовъ къ нѣмецкимъ идеалистамъ и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что г. Бельтовъ никакой исторіи философіи не писалъ. На первой же страницѣ своей книги, онъ заявилъ, что намѣренъ сдѣлать краткій очеркъ того ученія, которое неправильно называется экономическимъ материализмомъ. Онъ нашелъ нѣкоторые слабые зародки этого ученія у французскихъ материалистовъ и показалъ, что эти зародки въ значительной степени развились у французскихъ историковъ-специалистовъ времени реставраціи; затѣмъ онъ обратился къ людямъ, которые, не бывъ историками по своей специальности, все-таки должны были много думать о важнѣйшихъ вопросахъ историческаго развитія человѣчества, т. е. къ утопистамъ и нѣмецкимъ философамъ. Онъ далеко не перечислилъ всѣхъ материалистовъ XVIII вѣка, всѣхъ историковъ времени реставраціи, всѣхъ утопистовъ и всѣхъ идеалистовъ-диалектиковъ этой послѣдней эпохи. Но онъ указалъ на самыхъ главныхъ изъ нихъ, на тѣхъ, которые болѣе другихъ сдѣлали по интересующему его предмету. Онъ показалъ, что всѣ эти люди, такъ богато одаренные и такъ много знавшіе, путались въ противорѣчіяхъ, изъ которыхъ единственнымъ логическимъ выводомъ являлась историческая теорія Маркса. Словомъ, il regardait son bien eût il le trouvait. Что можно возразить противъ такого пріема? И почему онъ не нравится г. Михайловскому?

Если г. Михайловскій не только прочиталъ соч. Энгельса «*Ludwig Feuerbach*» и «*Dühring's Umwälzung*», но и—что самое главное—понялъ ихъ, то онъ и самъ знаетъ, какое значеніе въ развитіи идей Маркса и Энгельса имѣли назади французскихъ материалистовъ прошлаго столѣтія, французскихъ историковъ времени реставраціи, утопистовъ и идеалистовъ-диалектиковъ. Г. Бельтовъ отгнѣнилъ это знаніе, сдѣлавъ

краткую характеристику наиболее существенных въ этомъ случаѣ взглядовъ тѣхъ и другихъ, третьихъ и четвертыхъ. Г. Михайловскій презрительно пожимаетъ плечами по поводу этой характеристики, ему не нравится планъ г. Бельтова. Мы замѣтимъ на это, что всякій планъ хорошъ, если съ помощью его авторъ достигаетъ своей цѣли. А что цѣль г. Бельтова была достигнута, этого не отрицаютъ, насколько мы знаемъ, даже его противники.

Г. Михайловскій продолжаетъ:

«Г. Бельтовъ говоритъ и о французскихъ историкахъ, и о французскихъ «утопистахъ», оцѣнивая тѣхъ и другихъ въ мѣру ихъ пониманія или непониманія экономики, какъ фундамента общественнаго зданія. Страннымъ однако образомъ онъ со всѣмъ не упоминаетъ при этомъ о Луи-Бланѣ, хотя одного предисловія въ *Histoire de dix ans* достаточно, чтобы предоставить ему почетное мѣсто въ ряду первоучителей такъ называемаго экономическаго матеріализма. Конечно, тутъ много такого, съ чѣмъ г. Бельтовъ согласиться не можетъ, но тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще многое, что *возже* вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ. Я потому отмѣчаю этотъ пробѣлъ, что онъ, во-первыхъ, и самъ по себѣ удивителенъ и намекаетъ на какія-то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ» (стр. 150).

Г. Бельтовъ говорилъ о *предшественникахъ* Маркса, Луи-Бланъ же былъ скорѣе его *современникомъ*. Правда, *Histoire de dix ans* вышла въ то время, когда историческіе взгляды Маркса еще не окончательно сложились. Но сколько нибудь рѣшительнаго вліянія на ихъ судьбу эта книга не могла имѣть уже по той причинѣ, что точка зрѣнія Луи-Блана на внутреннія пружины общественнаго развитія не заключала въ себѣ рѣшительно ничего новаго, сравнительно со взглядами, напримѣръ, Огюстена Тьера или Гизо. Совершенно вѣрно, что «тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика и т. д.». Но все это было уже и у Тьера, и у Гизо, и у Мишле, какъ это неопровержимо показалъ г. Бельтовъ. Гизо, стоявшій на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ, сочувствовалъ борьбѣ буржуазіи противъ аристократіи, но очень враждебно отнесся къ только что начинавшейся въ его время борьбѣ рабочаго класса съ буржуазіей. Луи-Бланъ *сочувствовалъ* этой борьбѣ¹⁾.

¹⁾ Да и то на свой особый ладъ, влѣдствіе чего Луи-Бланъ и игралъ такую знаменную роль въ 1848 году. Между классовой борьбой, какъ ее понималъ «*возже*» Марксъ, и классовой борьбой по Луи-Блану лежитъ цѣлая пропасть. Человѣкъ

Въ этомъ онъ расходился съ Гизо. Но это разногласіе было совсѣмъ не существенно. Оно не вносило ничего новаго во *«замѣтъ»* Лун-Блана на «экономикку, какъ скрытую пружину политики».

Лун-Бланъ, какъ и Гизо, сказалъ бы, что политическія конституціи коренятся въ социальномъ бытѣ народа, а социальный бытъ опредѣляется изъ послѣднемъ счетѣ отношеніями собственности. Но чѣмъ обуславливаются отношенія собственности,—это было такъ же мало извѣстно Лун-Блану, какъ и Гизо. Вотъ почему Лун-Бланъ, какъ и Гизо, несмотря на свою «экономикку», вынужденъ былъ вернуться къ *идеализму*. Что, въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ онъ былъ идеалистомъ, это извѣстно всѣмъ, даже не бывавшему въ семинаріи ¹⁾.

Въ то время, когда появилась «*Histoire de dix ans*», очереднымъ вопросомъ общественной науки былъ «*позже*» разрѣшенный Марксомъ вопросъ о томъ, — *откуда же берутся отношенія собственности?* Лун-Бланъ ничего не сказалъ новаго на этотъ счетъ. Естественно предположить, что именно потому и не сказалъ ничего о Лун-Бланѣ г. Бельтовъ. Но г. Михайловскій предпочитаетъ инсинуировать на счетъ какихъ-то побочныхъ цѣлей. *Chacun a son goût!*

По мнѣнію г. Михайловскаго, экскурсія г. Бельтова въ область исторіи философіи «еще слабѣе, чѣмъ можно было думать, судя по этимъ (вышперечисленнымъ) заглавіямъ». Почему же такъ? да вотъ почему. Г. Бельтовъ пишетъ, что «Гегель называлъ метафизической точкой зрѣнія тѣхъ мыслителей,—безразлично, идеалистовъ или материалистовъ,—которые, не умѣя понять процессъ развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ *диалектику*, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи». По этому поводу г. Михайловскій схибно замѣчаетъ: «Г. Бельтовъ считаетъ себя знатокомъ философіи Гегеля. И радъ поучиться у него, какъ у всякаго свѣдущаго человѣка, и на первый разъ попросилъ бы г. Бельтова указать то мѣсто въ сочиненіяхъ Гегеля, откуда онъ взялъ это будто бы Гегелево опредѣленіе «метафизической точки зрѣнія». Осмѣливаясь утверждать, что онъ ни въ его указать не можетъ. Для Гегеля метафизика была ученіемъ о безусловной сущности вещей,

не замѣтившій этой пропасты, вполнѣ подобенъ мудрецу, не замѣтившему слона въ аврицахъ.

¹⁾ Въ качествѣ идеалиста низшаго разбора (т. е. не диалектика), Лун-Бланъ имѣлъ, разумеется, свою «формулу прогресса», которая при всей своей теоретической ничтожности, по крайней мѣрѣ не хуже «формулы прогресса» г. Михайловскаго.

лежащей за пределами опыта и наблюдения, о сокровенномъ субстратѣ явленій... Свое якобы Гегелево опредѣленіе г. Бельтовъ взялъ не у Гегеля, а у Энгельса (все въ той же полемической противъ Дюринга книгѣ), который совершенно произвольно отдѣлилъ метафизику отъ діалектики признакомъ неподвижности или текучести» (стр. 147).

Не знаемъ, что отвѣтить на это г. Бельтовъ. Но, «на первый разъ», мы позволимъ себѣ, не дожидаясь его разъясненій, отвѣтить почтенному субъективисту.

Развертываемъ первую часть *энциклопедіи* Гегеля и тамъ, въ прибавленіи къ параграфу 31 (стр. 57 русс. пер. г. В. Чижова) читаемъ: «Мыслиемъ: этой метафизики не было свободно и истинно въ объективномъ смыслѣ. Потому что она не предоставляла предмету развиваться свободно изъ самого себя, и самому находить свои опредѣленія, а брало его какъ готовый»... «Эта метафизика есть догматизмъ, потому что, соответственно природѣ конечныхъ опредѣленій, она должна была принять, что изъ двухъ противоположныхъ утвержденій... одно необходимо истинно, а другое ложно» (пар. 32 стр. 58 того же перевода).

Гегель говоритъ здѣсь о старой до-каитовской метафизикѣ, которая, по его замѣчанію, «вырвана съ корнемъ, исчезла изъ ряда наукъ» (*ist, so zu sagen, mit Stumpf und Styl ausgerottet worden, aus der Reihe der Wissenschaften verschwunden*¹⁾). Этой метафизикѣ Гегель противопоставилъ свою *диалектическую философію*, разсматривавшую всѣ явленія въ ихъ развитіи и въ ихъ взаимной связи, а не какъ готовые и отдѣленные одно отъ другого цѣлою пропастью: «Истинно только цѣлое, говоритъ онъ, цѣлое же обнаруживается во всей своей полнотѣ лишь посредствомъ своего развитія» («*Das wahre ist das Ganze. Das Ganze aber ist nur das durch seine Entwicklung sich vollendende Wesen*»²⁾). Г. Михайловскій утверждаетъ, что Гегель слыхъ съ діалектикой также и метафизику, но тотъ, отъ кого онъ слышалъ это, не хорошо объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. У Гегеля къ *диалектическому моменту* прибавляется также и *спекулятивный*, благодаря которому его философія и становится *идеалистической философіей*. Какъ идеалистъ, Гегель дѣлалъ то же, что и всѣ другіе идеалисты: онъ придавалъ особенно важное философское значеніе такимъ «результатамъ» (такимъ понятіямъ), которыми очень дорожила также и старая «метафизика». Но самыя эти понятія (Абсолютное въ разныхъ видахъ его развитія) явились у него, благодаря «диалектическому моменту» именно какъ результаты, а не какъ первоначальныя данныя. Метафизика растворилась у

¹⁾ Wissenschaft der Logik. Vorrede стр. 1.

²⁾ Die Phänomenologie des Geistes, Vorrede, Seite XXIII.

Гегели въ логикѣ и вотъ почему онъ очень удивился бы, услышавъ, что его, спекулятивного мыслителя называютъ метафизикомъ *ohne Weiteres*. Онъ сказалъ бы, что люди, называющие его такъ, «lassen sich mit Thieren vergleichen, welche alle Töne einer Musik mit durchgehört haben, an deren Sinn aber das Eine, die Harmonie dieser Töne nicht gekommen ist». (Его собственное выраженіе, которымъ онъ клеймилъ ученыхъ педантовъ). Повторяемъ, этотъ спекулятивный мыслитель, презравшій *метафизику разсудка* (опять его собственное выраженіе), былъ *идеалистомъ* и въ этомъ смыслѣ имѣлъ свою *метафизику разума*. Но развѣ г. Бельтовъ позабылъ это обстоятельство или не оговорилъ его въ своей книгѣ? И не позабылъ, оговорилъ. Онъ привелъ изъ книги Маркса и Энгельса *die Heilige Familie* длинныя выписки, очень ѣдко критикующія спекулятивные результаты Гегеля. Полагаемъ, что въ этихъ выпискахъ достаточно обнаружена правотѣрность слиянія діалектики съ тѣмъ, что г. Михайловскій называетъ метафизикой Гегеля. Садовательно, если г. Бельтовъ и позабылъ что нибудь, то развѣ лишь одно: именно то, что при удивительной «беззаботности» нашихъ «передовыхъ» людей по части исторіи философіи, имъ надо было объяснить, до какой степени рѣзко различали въ эпоху Гегеля *метафизику* отъ *спекулятивной философіи*¹⁾. А изъ всего этого слѣдуетъ, что напрасно г. Михайловскій «осмѣливается утверждать» то, чего утверждать невозможно.

По словамъ г. Бельтова, Гегель называлъ метафизической даже точку зрѣнія матеріалистовъ, не умѣвшихъ разсматривать явленія въ ихъ взаимной связи. Такъ это, или не такъ? Потрудитесь прочитать страницу изъ 27-го параграфа 1-ой части Энциклопедіи того-же Гегеля: «Самое полное и недавнее примѣненіе этой точки зрѣнія въ философіи мы находимъ въ старой метафизикѣ, какъ ее излагали до Канта. Впрочемъ, только относительно исторіи философіи время этой метафизики уже миновало; сама же по себѣ она всегда продолжаетъ существовать, представляя собою разсудочное воззрѣніе на предметы». Что такое разсудочное воззрѣніе на предметы? Это именно старое метафизическое воззрѣніе на предметы противоположное діалектическому. Вся матеріалистическая философія 18-го вѣка была «разсудочною» по существу: она именно не умѣла разсматривать явленія иначе, какъ съ точки зрѣнія конечныхъ опредѣленій. Что Гегель прекрасно видѣлъ эту слабую сторону французскаго матеріализма, какъ и всей вообще французской философіи 18-го вѣка, въ этомъ

¹⁾ Кстати, если г. Михайловскій захочетъ хоть отчасти узвать, наповонецъ, каково было историческое значеніе «метафизики» Гегеля, то мы порекомендуемъ ему очень популярную и въ свое время очень известную книжку: «Die Romane des jüngsten Gerichts über Hegel, den Atheisten und Antichristen». Хорошая книжка.

можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть относящіяся сюда мѣста изъ 3-й части его «*Urgesungen über die Geschichte der Philosophie*». Поэтому и точку зрѣнія французскихъ матеріалистовъ онъ не могъ не считать старой метафизической точкой зрѣнія ¹⁾. Стало быть, правъ, или неправъ г. Бельтовъ? Кажется, ясно, что совершенно правъ? А вотъ г. Михайловскій «осмѣливается утверждать»... Съ этимъ ничего не подѣлаетъ ни г. Бельтовъ, ни пишущій эти строки. Вѣда г. Михайловскаго именно въ томъ и заключается, что онъ, вступивъ въ споръ съ «русскими учениками» Маркса, «осмѣлился» разсуждать о вещахъ ему совершенно неизвестныхъ.

Мужь, многоопытный, губить тебя твоя храбрость!

Всякій, знакомый съ философiей, безъ труда замѣтитъ бы, что когда г. Бельтовъ излагаетъ философскіе взгляды Гегеля и Шеллинга, то онъ *говоритъ почти всегда собственными словами этихъ мыслителей*: такъ, напримѣръ, его характеристика діалектическаго мышленія представляетъ собою почти дословный переводъ *примѣчаній* и перваго праблавленія къ пар. 81-му первой части Энциклопедіи; затѣмъ онъ почти дословно приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія къ «*Philosophie des Rechts*» и изъ «*Philosophie der Geschichte*». Но этотъ человѣкъ, очень аккуратно цитирующій всякихъ Гельвціевъ, Афанасеневъ, Оскаровъ Пешелей и т. д., почти ни разу не указываетъ, какія собственно сочиненія Шеллинга и Гегеля и какія мѣста изъ нихъ имѣетъ онъ въ виду въ своемъ изложеніи. Почему же онъ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своего общаго правила? Намъ кажется, что тутъ г. Бельтовъ употребилъ хитрость. Мы думаемъ, что онъ разсуждалъ такъ: наши субъективисты объявили нѣмецкую идеалистическую философію метафизикой и этимъ удовольствовались; они не изучали ее, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, еще авторъ примѣчаній къ Миллю. Когда я укажу на нѣкоторыя замѣчательныя мысли нѣмецкихъ идеалистовъ, то гг. субъективисты, не видя никакихъ оснований на сочиненія этихъ мыслителей, подумаютъ, что я самъ сочинилъ эти мысли или взялъ ихъ у Энгельса, и закричатъ: «съ этимъ можно спорить», «осмѣливаясь утверждать» и т. д. Тутъ-то я и выведу ихъ невѣжество на свѣжую воду, тутъ то и пойдетъ потѣха! Если г. Бельтовъ, въ самомъ дѣлѣ, употребилъ въ своей полемикѣ эту маленькую военную хитрость,

¹⁾ Впрочемъ, о матеріализмѣ онъ замѣчаетъ: «*Dennoch muss man in dem Materialismus das begeisterungsvolle Streben anerkennen, über den, zweierlei Welten als gleich substantiell und wahr annehmenden Dualismus hinauszugehen, diese Zerreißung des ursprünglich Einem aufzuheben*» (Encyklopädie, Dritter Theil, Seite 54.

то надо сознаться, что она удалась ему, как нельзя лучше: потѣха вышла, дѣйствительно, не малая!

Но пойдѣмъ далѣе. «Всякая философская система, утверждающая вѣстѣсь г. Бельтовымъ, что «права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы, что поэтому она открыла безусловную сущность вещей—будь это матерія или духъ—есть система метафизическая . . . Додумалась ли она при этомъ до идеи развитія предлагаемой ею сущности вещей или нѣтъ, и если додумалась, то діалектической ли путь она усваиваетъ этому развитію или какой-иной,—это, конечно, очень важно для опредѣленія ея мѣста въ исторіи философіи, но не влѣиваетъ ея метафизическаго характера». («Р. Б.» Лив. 147—148). Насколько можно судить по этимъ словамъ г. Михайловскаго, онъ, чуждаясь метафизическаго мышленія, не думаетъ, что права разума неограничены. Надо надѣяться, что за это его похвалитъ князь Мещерскій. Не думаетъ, очевидно, также г. Михайловскій, что *силы* разума неограничены и необъятны. Это можетъ показаться удивительнымъ со стороны человѣка, не разъ утѣрившаго своихъ читателей, что *la raison finit toujours par avoir raison*: при ограниченныхъ силахъ (и даже правахъ!) разума эта утѣренность едва-ли у мѣста. Но г. Михайловскій скажетъ, что въ окончательномъ торжествѣ разума онъ утѣренъ лишь въ томъ, что касается практической жизни, сомнѣвается же въ его силахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о познаніи безусловной сущности вещей («будь это матерія или духъ»). Прекрасно. Что же это за безусловная сущность вещей?

Не правда ли,—это то, что Кантъ называлъ *вещью въ себѣ* (*Ding an sich*)? Если—да, то мы категорически заявляемъ, что «вещь въ себѣ» намъ известна и что знаемъ ея мы обязаны именно Гегелю. (Караулъ! кричатъ наши «трезвые философы», но мы просимъ ихъ не горячиться).

«Вещь въ самой себѣ, . . . есть предметъ, въ которомъ отвлечлись отъ всего, что дѣлаетъ его доступнымъ сознанію, отъ всѣхъ чувственныхъ элементовъ, какъ и отъ всѣхъ опредѣленныхъ мыслей. Очевидно, что послѣ этого остается только чистое отвлеченіе, пустое бытіе, которое только отнесено за предѣлы сознанія, которое есть отрицаніе всякаго чувства и всякой опредѣленной мысли. Но, въ этомъ отношеніи, легко схватить очень простое разсужденіе, что это *carut mortuum* само есть продуктъ мысли, мысли, составляющей это чистое отвлеченіе, или пустого я, которое дѣлаетъ себѣ предметомъ свое пустое тождество. Отрицательное опредѣленіе, которое даютъ этому отвлеченному тождеству, дѣлая его своимъ предметомъ, упоминается въ числѣ Кантовыхъ категорій, и также хорошо известно, какъ это пустое тождество. Должно слѣд-

ственно удивляться, что такъ часто повторяютъ, будто неизвѣстно, что ничего не можетъ быть легче: какъ знать это»¹⁾.

И такъ, повторяемъ, намъ прекрасно извѣстно, что такое безусловная сущность вещей или вещь въ самой себѣ. Это пустая абстракція. И этой то пустой абстракціей г. Михайловскій думаетъ запугать людей, гордо повторяющихъ выѣсъ съ Гегелемъ: von der Grösse und Macht seines Geistes kann der Mensch nicht gross genug denken!²⁾. Стара эта пѣсенка, г. Михайловскій! Sie sind zu spät gekommen.

Мы увѣрены, что строки, только что нами написанныя, покажутся г. Михайловскому пустой софистикой. «Позвольте, скажете вы, что же въ такомъ случаѣ, понимаете вы подъ материалистическимъ объясненіемъ природы и исторіи»? Вотъ что.

Когда Шеллингъ говорилъ, что магнетизмъ есть выдѣленіе субъективнаго въ объективное, — это было *идеалистическимъ* объясненіемъ природы; а когда магнетизмъ объясняется съ точки зрѣнія современной физики, то его явленіямъ дается материалистическое объясненіе. Когда Гегель, или хотя бы наши славянофилы, объясняли известныя историческія явленія свойствами народнаго духа, то они смотрѣли на эти явленія съ *идеалистической* точки зрѣнія, а когда Марксъ объяснял, положимъ, хоть французскія событія 1848 — 1850 года борьбой классовъ во французскомъ обществѣ, то онъ давалъ этимъ событіямъ материалистическое объясненіе. Ясно-ли? Ну, еще бы нѣтъ! Такъ ясно, что для непониманія сказаннаго намъ нужна значительная доза упрямства.

— Тутъ что-то не такъ — изображаетъ г. Михайловскій, растекаясь мыслию по древу (c'est bien le moment!). Ланге говоритъ... Мы позволяемъ себѣ перебить г. Михайловскаго: намъ очень хорошо извѣстно, что говоритъ Ланге, но мы увѣряемъ г. Михайловскаго, что его авторитетъ очень ошибается. Въ своей *исторіи материализма* Ланге позабылъ привести, на примѣръ, такое характерное заявленіе одного изъ самыхъ видныхъ французскихъ материалистовъ: Nous ne connaissons que l'écorce des phénomènes (намъ извѣстна только кора явленій). Другіе, и не менѣе видные, французскіе материалисты много разъ высказывались въ томъ же самомъ смыслѣ. Какъ видите г. Михайловскій, французскіе материалисты еще не знали, что вещь въ себѣ есть лишь *caput mortuum* абстракція, и стояли какъ разъ на той точкѣ зрѣнія, которая называется теперь многими *точкой зрѣнія критической философіи*.

Все это, разумеется, покажется г. Михайловскому очень новымъ и

¹⁾ Гегель. Энциклопедія 1-ая часть, стр. 79—80, пар. 44.

²⁾ Geschichte der Phil. 1, 6.

даже совершенно невѣроятнымъ. Но мы пока не скажемъ ему, какихъ именно французскихъ материалистовъ и какия именно ихъ сочиненія мы имѣемъ въ виду. Пусть онъ сначала *«осмыслится утверждать»*, а потомъ мы съ нимъ потолкуемъ.

Если г. Михайловскому угодно знать, какъ смотримъ мы на отношеніе нашихъ ощущеній къ внѣшнимъ предметамъ, то мы отошлемъ его къ статьѣ г. Сѣченова: *«Предметная мысль и действительность»* въ сборникѣ *«Помощь юлодающимъ»*. Полагаемъ, что съ нашимъ знаменитымъ физиологомъ вполне согласится г. Бельтовъ, и всякій другой, русскій или не русскій, ученикъ Маркса. А г. Сѣченовъ говорилъ вотъ что: *«Каковы бы ни были внѣшніе предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія,—пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками, во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соответствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Другими словами: сходства и различія, находимыя человекомъ между чувствуйными имъ предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя»* ¹⁾.

Когда Михайловскій опровергаетъ г. Сѣченова, тогда мы согласимся признать ограниченность не только *смыла*, но даже и правъ человеческого разума ²⁾.

Г. Бельтовъ сказалъ, что во второй половинѣ нашего столѣтія въ наукѣ, съ которой тѣмъ временемъ совершенно слилась философія, восторжествовала материалистическій монизмъ. Г. Михайловскій замѣчаетъ: *«боюсь, что онъ ошибается»*. Въ оправданіе своего опасенія онъ ссылается на Яанге, по мнѣнію котораго *«die gründliche Naturforschung durch ihre eigenen Consequenzen über den Materialismus hinausführt»*. Если г. Бельтовъ ошибается, то, значить, материалистическій монизмъ *не* восторжествовалъ въ наукѣ. Что же,—значить ученые до сихъ поръ объясняютъ природу посредствомъ выдѣренія субъективнаго изъ объективное и прочихъ тонкостей идеалистической натурфилософіи? *«Боимся»*, что ошибелъ бы тотъ, кто предположилъ бы это; тѣмъ болѣе боимся, что вотъ какъ, напримѣръ, разсуждаютъ имѣющій очень громкое имя въ наукѣ англійскій *натуралистъ* Гексли: *«Въ наши дни никто изъ стоящихъ на высотѣ современ-*

¹⁾ Сбор. стр. 207.

²⁾ Нашимъ противникамъ представляется очень хорошій случай поймать насъ на такомъ противорѣчій: Съ одной стороны мы объявляемъ нантовскую „вещь въ себѣ“ пустой абстракціей, а съ другой — мы съ похвалой цитируемъ г. Сѣченова, который говоритъ о предметахъ, какъ они существуютъ сами по себѣ независимо отъ нашего сознанія. Люди возникающіе, конечно, не увидятъ никакого противорѣчій; но вѣдь много ли понимающихъ между нашими противниками?

ной науки и знающих факты не усомнится в томъ, что основъ психологін надо искать въ физиологін нервной системы. То, что называется дѣятельностью духа, есть совокупность мозговыхъ функций, и матеріалы нашего сознанія являются продуктами дѣятельности мозга»¹⁾ Замѣтите, что это говоритъ человѣкъ, принадлежавшій къ такъ называемымъ въ Англій *эмпирикамъ*. Онъ полагаетъ, что высказанный имъ взглядъ на дѣятельность духа вполне совмѣстимъ съ чистѣйшимъ идеализмомъ. Но мы, знакомые съ тѣми объясненіями явленій природы, которыя можетъ дать послѣдовательный идеализмъ, понимающіе, откуда происходитъ стыдливость почтеннаго англичанина, повторяемъ имѣетъ съ г. Бельтовымъ: во второй половинѣ 19-го вѣка въ наукѣ восторжествовала матеріалистическій монизмъ.

Г. Михайловскій, вѣроятно, знакомъ съ психологическими изслѣдованіями Съченова? Точку зрѣнія этого ученаго когда то горько оспаривалъ Кавелинъ. Мы боимся, что покойный либераль очень ошибался. Но можетъ быть г. Михайловскій согласенъ съ Кавелинымъ? или можетъ быть, ему вообще требуется какія нибудь другія разъясненія по этой части? Мы отлагаемъ ихъ на тотъ случай, если онъ станетъ «утверждать».

Г. Бельтовъ говоритъ, что господствовавшая до Маркса въ общественной наукѣ точка зрѣнія «человѣческой природы» подавала поводъ къ злоупотребленію биологическими аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ себя сильно чувствовать въ западной социологической, а особенно въ русской quasi—социологической литературѣ. Это даетъ г. Михайловскому поводъ обвинить автора книги объ историческомъ монизмѣ въ вопиющей несправедливости и лишній разъ заподозрить добросовѣстность его полемическихъ приѣмовъ.

«Апеллирую къ читателю, даже вполне ко мнѣ неблагоклонному, по сколько нибудь знакомому съ моими сочиненіями, хотя бы не со всѣми, а только, напримѣръ, съ одной статьей «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» или «Что такое прогрессъ?». Неправда, что русская литература особенно злоупотребляетъ биологическими аналогіями: въ Европѣ, съ легкой руки Спенсера, этого добра несравненно больше, не говоря уже о временахъ комическихъ аналогій Бюлязи съ братіей. И если у насъ дѣло не пошло дальше аналогическихъ упражненій покойнаго Стронина («Исторія и методъ», «Политика, какъ наука»), г. Лилленфельда (Соціальная наука будущаго), да нѣсколькихъ журнальныхъ статей, то навѣрно и «моего тутъ кавліи меду есть». Ибо никто не потратилъ столько усилій на борьбу съ биологическими аналогіями, какъ я. И въ свое время я не мало претерпѣлъ за это отъ «Спенсеровыхъ дѣтей». Буду надѣяться, что

¹⁾ Th. Huxley. *Human. Sa vie, sa philosophie*, page 108.

и пылкая гроза в свое время минует...» (стр. 145—146). Эта тирада имѣет такой вид искренности, что и, в самомъ дѣлѣ, даже неблагоприятный къ г. Михайловскому читатель можетъ сказать себѣ: «Тутъ кажется г. Бельтовъ въ своемъ полемическомъ увлеченіи зашелъ слишкомъ далеко». Но это не вѣрно, и самъ г. Михайловскій знаетъ, что это не вѣрно; если же онъ жалобно взываетъ къ читателю, то единственно по той причинѣ, по которой Плавтѣвскій Трапювъ говорилъ себѣ:

Perquam turbare porro: ita haec res postulat.

Что собственно сказала г. Бельтовъ? Онъ сказалъ: «Если разгадка всего историческаго общественнаго движенія надо искать въ природѣ человѣка и если, какъ справедливо замѣтилъ еще Сень-Симонъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, то природа индивидуума и должна дать ключъ къ объясненію исторіи. Природу индивидуума изучаетъ физиологія въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. наука, охватывающая также и *нормальныя* явленія. Вотъ почему физиологія уже въ глазахъ Сень-Симона и его учениковъ явилась основой социологіи, которую они называли социальной физикой. Въ названныхъ еще при жизни Сень-Симона и при его дѣятельнѣйшемъ участіи «Opinions philosophiques, littéraires et industrielles» напечатана чрезвычайно интересная, къ сожалѣнію, неоконченная статья анонимнаго *доктора медицины* подъ заглавіемъ: «De la physiologie appliquée à l'amélioration des institutions sociales» (о физиологіи въ приложеніи къ улучшенію общественныхъ учрежденій). Авторъ разсматриваетъ *науку объ обществѣ*, какъ составную часть «*общей физиологіи*», которая, обогатившись наблюденіями и опытами специальной физиологіи надъ индивидуумами, предается соображеніямъ «высшаго порядка». Индивидуумы являются для нея лишь «органами общественнаго тѣла», функціи которыхъ она изучаетъ «подобно тому, какъ специальная физиологія изучаетъ функціи индивидуумовъ». Общая физиологія изучаетъ (авторъ говоритъ—выражаетъ) законы общественнаго существованія, съ которыми и должны сообразоваться писанные законы. Въслѣдствіи буржуазные социологи, напримеръ Спенсеръ, пользовались ученіемъ объ общественномъ организмѣ для самыхъ консервативныхъ выводовъ. Но цитируемый нами докторъ медицины прежде всего *реформаторъ*. Онъ изучаетъ общественное тѣло въ видахъ общественнаго *переустройства*, такъ какъ только *социальная физиологія* и тѣсно связанная съ нею *инициана* даютъ положительныя основы, на которыхъ можно построить требуемую современными состояніемъ цивилизованнаго міра систему общественной организаціи».

Уже изъ этихъ словъ видно, что по мнѣнію г. Бельтова, биологическія аналогіи можно злоупотреблять не только въ смыслъ буржуазнаго

консерватизма Спенсера, не и въ смыслъ *утопическихъ плановъ социаль- ной реформы*. Уподобленіе общества организму играетъ при этомъ совершенно *второстепенную*, если не десятистепенную роль: дѣло не въ уподобленіи общества организму, а въ стремленіи обосновать «соціологію» на тѣхъ или другихъ выводахъ *біологіи*. Г. Михайловскій горячо возста- ваетъ противъ уподобленія общества организму; въ борьбѣ противъ этого уподобленія есть несомнѣнно «капля его меду». Но это вовсе не суще- ственно. Существенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, — считалъ, или не считалъ г. Михайловскій возможнымъ обосновать соціологію на тѣхъ или другихъ выводахъ *біологіи*? А на этотъ счетъ никакое сомнѣніе невоз- можно, какъ въ этомъ убѣдится всякій, прочитавшій, напримѣръ, статью «*Теорія Дарвина и общественная наука*». Въ этой статьѣ г. Михай- ловскій говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Подъ общимъ заглавіемъ «*Теорія Дарвина и Общественная наука*» мы будемъ говорить о различныхъ вопросахъ, затрагиваемыхъ, рѣшаемыхъ и перерѣшаемыхъ теоріей Дарвина и тѣмъ или другимъ изъ ея со дня на день прибывающихъ сторонниковъ. Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физиологическимъ раздѣленіемъ труда, т. е. раздѣленія труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, т. е. раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія эта задача сводится къ изысканію основныхъ зако- новъ коопераціи, т. е. фундамента общественной науки». Искать основ- ныхъ законовъ коопераціи т. е. *фундамента общественной науки въ біологіи* значить стоять на точкѣ зрѣнія французскихъ сенъ-симонистовъ двадцатыхъ годовъ; другими словами, «звды твердить и агать за двухъ».

Тутъ г. Михайловскій можетъ воскликнуть: да вѣдь въ двадцатыхъ годахъ теорія Дарвина еще не существовала. Но читатель понимаетъ, что дѣло ничуть не въ теоріи Дарвина, а въ утопическомъ стремленіи, общемъ г. Михайловскому, съ сенъ-симонистами, *примѣнить физиологію къ улучшенію общественныхъ учреждений*. Въ указанной нами статьѣ г. Михайловскій совершенно соглашается съ Геккелемъ («Геккель совершенно правъ»), который говорилъ, что будущимъ государственнымъ людямъ, эконо- мистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на сравнительную зоологію, т. е. на сравнительную морфологію и физиологію животныхъ, если они пожелаютъ получить вѣрное понятіе о своемъ спеціальномъ предметѣ». Какъ хотите, а если Геккель «совершенно правъ», т. е. если соціологамъ (и даже историкамъ!) надо обратить «глав- нымъ образомъ» свое вниманіе на морфологію и физиологію животныхъ, то безъ злоупотребленія, — *въ ту или иную сторону*, — біологическими

аналогіями дѣло не обойдется! И не ясно ли, что точка зрѣнія г. Михайловскаго на соціологію есть старая точка зрѣнія сен-симонистовъ?

Вотъ только это и говорилъ г. Бельтовъ. И напрасно г. Михайловскій какъ бы снимаетъ съ себя теперь отвѣтственность за соціологическія идеи Бухарцева-Ножина. Въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ онъ не очень далеко ушелъ отъ взглядовъ своего покойнаго друга и учителя. Г. Михайловскій не понялъ, въ чемъ заключается открытіе Маркса, и потому остался неисправнымъ утопистомъ. Это очень печальное положеніе, но изъ него могло бы вывести нашего автора только новое усиліе мысли, плаксивое же обращеніе къ читателю, даже вполне неблагоприятному, ни мало не поможетъ одному «соціологу».

Г. Бельтовъ сказалъ два слова въ защиту г. П. Струве. Это подало г. Михайловскому и Н. — ему поводъ «утверждать», что г. Бельтовъ взялъ г. Струве не подъ свое «покровительство». Мы очень много говорили въ защиту г. Бельтова. Что скажутъ о насъ г. Михайловскій и г. Н. — онъ? Они, навѣрное, сочтутъ г. Бельтова нашимъ вассаломъ. Заранѣ извинясь передъ г. Бельтовымъ, что мы предвосхитили его возраженія г-субъективистамъ, мы спросимъ этихъ послѣднихъ: неужели согласиться съ тѣмъ или другимъ писателемъ значитъ взять его подъ свое покровительство? Г. Михайловскій согласенъ съ г. Н. — ономъ по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ русской жизни. Должны мы понимать ихъ согласіе въ томъ смыслѣ, что г. Михайловскій взялъ г. Н. — она подъ свое покровительство? Или, можетъ быть, г. Н. — онъ покровительствуетъ г. Михайловскому? Что сказалъ бы покойный Добролюбовъ, услышавъ этотъ странный языкъ современной нашей «передовой» литературы?

Г. Михайловскому кажется, что г. Бельтовъ искажалъ его ученіе о геродахъ и толгахъ. Мы опять думаемъ, что г. Бельтовъ вполне правъ, и что, возражая ему, г. Михайловскій играетъ роль Трагіона. Но прежде, чѣмъ подтвердить это наше мнѣніе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о замѣткѣ г. Н. — она «*Что же значитъ экономическая необходимость?*», появившейся въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

Въ этой замѣткѣ г. Н. — онъ поддвигаетъ противъ г. Бельтова двѣ батареи. Мы возьмемъ ихъ одну за другою.

Сила первой батареи заключается вотъ въ чемъ. Г. Бельтовъ сказалъ, что для рѣшенія вопроса о томъ, пойдетъ, или не пойдетъ Россія по пути капиталистическаго развитія, надо обратиться къ изученію фактическаго положенія этой страны, къ анализу ея современной внутренней жизни. «Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, утверждаютъ: нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро

покинуть путь капиталистического развития». Г. Н.-онъ схибно повторяетъ: «такого анализа *нѣтъ*». Будто бы нѣтъ, г. Н.-онъ? Прежде всего условимся на счетъ терминологіи. Что вы называете *анализомъ*? Даетъ ли анализъ новыя данныя для сужденія о предметѣ, или оперируетъ съ данными, уже имѣющимися на лицо и полученными другимъ путемъ? Рискую навлечь на себя обвиненіе въ «метафизичности», мы держимся стараго опредѣленія, по которому анализъ новыхъ данныхъ для сужденія о предметѣ не даетъ, а оперируетъ съ готовыми данными. Изъ этого опредѣленія выходитъ, что русскіе ученики Маркса могли, въ своемъ анализѣ русской внутренней жизни, и не давать какихъ нибудь самостоятельныхъ наблюденій надъ этой жизнью, а довольствоваться матеріаломъ, собраннымъ, напримѣръ, народнической литературой. Если они сдѣлали изъ этого матеріала новый выводъ, то это уже значить, что они подвергли эти данныя новому анализу. Теперь спрашивается, стало быть: какія данныя по части развитія капитализма имѣются въ народнической литературѣ, и точно ли русскіе ученики Маркса сдѣлали изъ этихъ данныхъ новый выводъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ хоть книгу г. Дементьева «*Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ*». Въ этой книгѣ (стр. 241 и слѣдующія) мы читаемъ: «Наша промышленность прежде, чѣмъ приняла ту форму фабричнаго капиталистическаго производства, въ какой мы находимъ ее теперь, прошла всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и на западѣ... Одной изъ наиболѣе сильныхъ причинъ, по которой мы отстаемъ отъ Запада было крѣпостное право. Благодаря ему наша промышленность прошла гораздо болѣе длинный періодъ кустарнаго и домашняго производства. Только съ 1861 года капиталъ пріобрѣлъ возможность осуществить ту форму производства, къ которой на Западѣ оно перешло почти полтора столѣтій раньше, и только съ этого года начинается болѣе быстрое паденіе кустарнаго и домашняго производства съ превращеніемъ ихъ въ фабричное... Но за тридцать лѣтъ (протекшихъ со времени отмены крѣпостнаго права) все измѣнилось. Вступивъ на общій съ западной Европой путь экономическаго развитія, наша промышленность неизбежно, роковымъ образомъ, должна была принять—и приняла—ту самую форму, въ которую она вылилась на Западѣ. Земельное обезпеченіе народной массы, на которое такъ любятъ ссылаться, въ доказательство невозможности у насъ особаго класса свободныхъ отъ всего рабочихъ,—класса, представляющаго неизбежнаго спутника современной формы промышленности,—безъ сомнѣнія было и остается до сихъ поръ сильнымъ задерживающимъ моментомъ, однако вовсе не настолько сильнымъ, какъ обыкновенно думаютъ. Очень нерѣдкая недостаточность земельного надѣла и полный упадокъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, и усиленными

заботы правительства, въ цѣляхъ развитія обрабатывающей промышленности, какъ необходимаго элемента для равновѣсія экономическаго баланса государства, съ другой,—таковы условія, которыя какъ нельзя болѣе способствовали и способствуютъ до сихъ поръ умаленію значенія этого земельного обезпеченія. Результатъ такого положенія вещей мы видѣли: образованіе спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, класса, по прежнему носящаго названіе «крестьянъ», но не имѣющаго съ крестьянами земельными почти ничего общаго, лишь въ ничтожной степени сохранившаго свою связь съ землей и на половину уже въ третьемъ поколѣніи не покидающаго фабрику никогда, и не имѣющаго въ деревнѣ никакой собственности, кромѣ юридическаго, практически почти не реализуемаго права на землю».

Объективные данныя, приводимыя г. Дементьевымъ, говорятъ очень выразительно: капитализмъ со всеми его послѣдствіями быстро развивается въ Россіи. Эти данныя г. Дементьевъ допознываетъ разсужденіемъ, по которому выходитъ, что дальнѣйшее движеніе капиталистическаго производства можетъ быть остановлено, и что для этого стоитъ только вспомнить положеніе: *convenir, c'est prouver* (стр. 246). Этотъ выводъ г. Дементьева русскіе ученые Маркса подвергаютъ своему анализу и находятъ, что *остановить въ этомъ случаѣ ничего невозможно*; что г. Дементьевъ заблуждается, подобно цѣлой толпѣ народниковъ, сообщавшихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ массу объективныхъ данныхъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которыя сообщилъ онъ, г. Дементьевъ ¹⁾. Г. Н.—онъ спрашиваетъ, гдѣ же такой анализъ. Онъ хочетъ сказать, повидимому,—когда и гдѣ появился такой анализъ въ русской печати. На этомъ вопросѣ мы дадимъ ему цѣлыхъ два отвѣта.

¹⁾ „Изъ числа не одной сотни изслѣдованій статистическихъ и иныхъ, которыя произвелись за послѣдніе двадцать лѣтъ или около того, — говоритъ г. Н.—онъ, какъ не приходилось встрѣчаться съ работами, выводы изъ которыхъ были бы въ чемъ либо согласны съ экономическими выводами гг. Вельтовыхъ, Струве и Скворцовыхъ“? Авторы изслѣдованій, которыя вы г. Н.—онъ, имѣете въ виду, дѣлаютъ у насъ обыкновенно двойной выводъ: одинъ, согласный съ объективной истиной и гласящій, что капитализмъ развивается, а ветховагитные „устои“ падаютъ; другой—„субъективнаго“ и сводящійся къ тому, что развитіе капитализма можно было бы остановить, ослабы и проч. Въ подтвержденіе этого послѣдствію емкогда никогда не приводится, однако, ровно никакихъ данныхъ, такъ что онъ остается буквально голословнымъ, не смотря на большее или меньшее обиліе статистическаго матеріала въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя онъ собою упрощаетъ. „Очерки“ г. Н.—она страдаютъ подобною же слабостью, такъ сказать анекдотической „субъективнаго“ вывода. Въ самомъ дѣлѣ, какой сдѣлалъ подтверждаетъ ту мысль г. Н.—она, что наше общество можетъ теперь же организовать производство? Такою оманкой мнѣ!

Во первыхъ, въ несправедливой ему книгѣ г. Струве есть очень дѣльное разсужденіе о *границахъ возможнаго въ настоящее время государственнаго вмешательства въ экономическую жизнь Россіи*. Это разсужденіе есть уже отчасти тотъ анализъ, котораго требуетъ г. Н. — онъ, и противъ этого анализа г. Н. — онъ ничего дѣльнаго не возражаетъ.

Во вторыхъ, помнить-ли г. Н.-онъ споръ происходившій въ сороковыхъ годахъ между славянофилами и западниками? Въ этомъ спорѣ «анализъ внутренней русской жизни» тоже игралъ очень важную роль, но въ печати этотъ анализъ приурочивался почти исключительно къ чисто-литературнымъ вопросамъ. На это были свои историческія причины, которыя г. Н. — онъ несомѣнно долженъ принять въ соображеніе, если не хочетъ прослыть сѣшнымъ педагогомъ. Скажетъ ли г. Н. — онъ, что эти причины не имѣютъ теперь никакого отношенія къ анализу «русскихъ учениковъ»?

«Ученики» до сихъ поръ не напечатали самостоятельныхъ изслѣдованій о русской экономической жизни. Это объясняется крайней новостью въ Россіи того направленія, къ которому они принадлежатъ. До сихъ поръ въ русской литературѣ господствовало *народническое* направленіе, благодаря которому изслѣдователи, сообщая объективныя данныя, свидѣтельствовавшія о паденіи старинныхъ «устоевъ», потопляли ихъ въ водѣ своихъ «*субъективныхъ*» упованій. Но именно обиліе сообщенныхъ народниками данныхъ и подало поводъ къ появленію новаго взгляда на русскую жизнь. Этотъ новый взглядъ несомѣнно ляжетъ въ основу новыхъ самостоятельныхъ наблюденій. Уже теперь мы можемъ указать г. Н. — ону, напротивъ, на работы г. Харизоменова, которыя очень сильно противорѣчатъ народническому катехизису, что хорошо почувствовалъ г. В. В., часто и безуспѣшно пытавшійся опровергнуть почтеннаго изслѣдователя. Авторъ книги «*Южно-русское крестьянское хозяйство*» совсѣмъ не марксистъ, но едва ли г. Н. — онъ скажетъ, что взглядъ г. Постникова на современное положеніе въ Новороссіи общины и вообще крестьянскаго землепользованія согласенъ съ обычнымъ у насъ народническимъ взглядомъ.

А вотъ г. Бородинъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія объ уральскомъ казачьемъ войскѣ, уже обѣими ногами стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую мы защищаемъ, и которая имѣетъ несчастье не правиться г. Н. — ону. На это изслѣдованіе не обратила вниманія наша народническая публицистика, но не потому, что оно лишено внутренней цѣнности, а единственно потому, что названная публицистика имѣетъ особый «субъективный» духъ. А дальше будетъ больше г. Н. — онъ: эра марксистскихъ изслѣдованій только что начинается въ Россіи *).

*) Мы не говоримъ о книгѣ г. П. Струве потому, что она г. Н. — ону

Г. Н. — онъ тоже считаетъ себя марксистомъ. Онъ ошибается. Онъ только *нѣбольшой* потомокъ великаго мыслителя. Его міросозерцаніе представляетъ собой плодъ незаконнаго сожителства теоріи Маркса съ г. В. В. Отъ «*Mütterchen*» г. Н. — онъ заимствовалъ терминологию и нѣкоторыя экономическія теоремы, понятія имъ, впрочемъ, крайне абстрактно, а потому и нечѣрно. Отъ «*Väterchen*», онъ наследовалъ утопическое отношеніе къ социальной реформѣ, съ помощью котораго онъ и водвигъ свою вторую батарею противъ г. Бельтова.

Г. Бельтовъ говоритъ, что общественныя отношенія собственной логикой своего развитія приводятъ человека къ сознанію причинъ его порабощенія экономической необходимостью. «Сознавъ, что причина его порабощенія лежитъ въ анархіи производства, производитель, «общественный человекъ», организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью». По мнѣнію г. Н. — она, все это совершенно справедливо. Но къ справедливымъ словамъ г. Бельтова г. Н. — онъ дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: «задача, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій, — отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, оставивъ проявленія его такими условіями, которыми бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда (силъ труда!) всего общества, изятаго въ цѣломъ».

Совершенно незамѣтно для самого себя, г. Н. — онъ сдѣлалъ изъ «совершенно справедливыхъ» словъ г. Бельтова до крайности запутанный выводъ.

У г. Бельтова рѣчь идетъ объ общественномъ человѣкѣ, о совокупности производителей, которымъ, дѣйствительно, предстоитъ побѣдить экономическую необходимость. Г. Н. — онъ на мѣсто *производителей* ставитъ *общество*, которое, «въ качествѣ производительнаго цѣлага не можетъ безучастно, «объективно», относиться къ развитію такихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, при которыхъ большинство его членовъ осуждено на прогрессивное обѣдненіе».

непріятна. Но напрасно г. Н. — онъ такъ рѣшительно называетъ эту книгу нигуда негодной. Въ спорѣ съ г. Н. — ономъ г. П. Струве очень и очень постоятъ за себя. А что касается собственнаго «анализа» г. Н. — она, то, кромѣ обычныхъ злѣстъ, отъ него останется очень немного, когда его принудятъ «амальгамировать» съ точна зрѣніемъ Маркса. Надо надѣяться, что не долго заставитъ ждать себя этотъ анализъ.

«Общество въ качествѣ производительнаго цѣлаго»... Анализъ Маркса, котораго будто бы придерживается г. Н. — онъ, не останавливаясь передъ обществомъ, какъ производительнымъ цѣлымъ. Онъ расчленялъ современное общество, согласно его истинной природѣ, на отдѣльные классы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый экономическій интересъ и свою особую задачу. Почему «анализъ» г. Н. — она не поступаетъ такъ же? Почему, вмѣсто того, чтобы говорить о задачѣ русскихъ производителей, г. Н. — онъ заговорилъ о задачѣ общества въ его цѣломъ? Это общество, взятое въ его цѣломъ, обыкновенно, и не безъ основанія, противопоставляется народу и такимъ образомъ оказывается, несмотря на свою «цѣлость», лишь маленькой частью, лишь незначительнымъ меньшинствомъ населенія Россіи. Когда г. Н. — онъ увѣрнетъ насъ, что это ничтожное меньшинство организуетъ производство, то мы можемъ только пожать плечами и сказать себѣ: это г. Н. — онъ взялъ не у Маркса, это онъ унаследовалъ отъ своего «*Väterchen*», отъ г. В. В.

По Марксу, организація производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему производителей, экономическое освобожденіе которыхъ и должно быть, поэтому, ихъ собственнымъ дѣломъ. У г. Н. — она организація производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему со стороны общества. Если это марксизмъ, то, дѣйствительно, Марксъ никогда марксистомъ не былъ.

Но, положимъ, что общество, дѣйствительно, выступаетъ въ качествѣ организатора производства. Въ какое отношеніе становится оно къ производителямъ? Оно *организуетъ* ихъ. Общество является *героемъ*; производители — *толпою*.

Мы спрашиваемъ г. Михайловскаго, «утверждающаго», что г. Бельтовъ искалъ его ученіе о герояхъ и толпѣ, думаетъ ли онъ подобно Н. — ону, что общество можетъ организовать производство? Если — да, то онъ именно стоитъ на той точкѣ зрѣнія, при которой общество, «*интеллектуализмъ*», является героемъ, демиургомъ нашего будущаго историческаго развитія, а миллионы производителей толпой, изъ которой герой будетъ лѣпить то, что считаетъ нужнымъ вылѣпить, сообразно своимъ идеаламъ. Вотъ теперь пусть и скажетъ безпристрастный читатель: — правъ ли былъ г. Бельтовъ въ своей характеристикѣ «субъективнаго» взгляда на народъ, какъ на толпу?

Г. Михайловскій заявляетъ, что онъ и его единомышленники тоже ничего не имѣютъ противъ развитія самосознанія производителей. «Думается мнѣ только, говоритъ онъ, что для программы столь простой и ясной не зачѣмъ было подниматься за облака Гегелевской философіи и опускаться на дво окрошки изъ субъективнаго и объективнаго». Но въ томъ то и

дѣло, г. Михайловскій, что въ глазахъ людей нашего образа мыслей само-сознаніе производителей не можетъ имѣть такого значенія, какое имѣеть оно въ глазахъ вашихъ противниковъ. Съ нашей точки зрѣнія производство можетъ быть организовано «обществомъ»; съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ—только самими производителями. Съ вашей точки зрѣнія «общество» дѣйствуетъ, а производитель содѣйствуетъ. Съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ производители не содѣйствуютъ, а дѣйствуютъ. Само собой понятно, что для содѣйствующихъ нужна меньшая степень сознанія, чѣмъ для дѣйствующихъ, потому что давно и очень справедливо было сказано: ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды развстуетъ во славу. *Вы относитесь къ производителямъ, какъ относились къ нимъ французскіе и нѣмецкіе утописты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.* Ваши противники осуждаютъ всякое утопическое отношеніе къ производителямъ. Если бы вы, г. Михайловскій, лучше были знакомы съ исторіей экономической литературы, то вы знали бы, что для устраненія утопическаго отношенія къ производителямъ надо было подняться именно до облаковъ гегелевской философіи и опуститься потомъ на дно политико-экономической прозы.

Г. Михайловскому не нравятся слово производитель: конюшней, видите ли, пахнетъ. Мы скажемъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Слово «производитель» впервые стали употреблять, насколько намъ извѣстно, Сенъ-Симонъ и сен-симонисты. Со времени существованія журнала «*Le Producteur*», т. е. съ 1825 года, оно употреблялось въ западной Европѣ безчисленное множество разъ и никому конюшней не напоминало. Но вотъ заговорилъ о производителяхъ русскій кающійся дворянинъ, и тотчасъ вспомнилъ о конюшнѣ. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Вѣроятно, воспитаніемъ и традиціями кающагося дворянина.

Г. Н.—онъ съ большимъ схиствомъ приводитъ слѣдующія слова г. Бехтова: «хотя у одного изъ нихъ (русскихъ учениковъ Маркса) могутъ быть больше, у другого менше обширныя экономическія познанія, но дѣло здѣсь не въ размѣрѣ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія». Г. Н.—онъ спрашиваетъ: «Куда же дѣвались всѣ требованія держаться почвы дѣйствительности, необходимости детальнаго изученія хода экономическаго развитія (это что-то не ясно г. Н.—онъ «требованія необходимости детальнаго изученія»). Теперь оказывается, что все это нѣчто второстепенное, что дѣло не въ размѣрѣ знаній, а въ точкѣ зрѣнія».

Г. Н.—онъ, какъ видно, любитъ сказать подчасъ что нибудь смѣшное. Но мы посоветуемъ ему не забывать здраваго смысла въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ посмѣшить людей. Иначе, смѣющіеся будутъ не на его сторонѣ.

Г. Н.—онъ не понялъ г. Бельтова. Постараемся выручить его изъ затрудненія. Въ той же самой книжкѣ «Русскаго Богатства», гдѣ напечатана записка г. Н.—она, въ статьѣ г. П. Мокіевского: «что такое образованный человекъ» (стр. 33, примѣчаніе) мы нашли слѣдующія, очень поучительныя для г. Н.—она строки: «Одинъ арабскій ученый говорилъ своимъ ученикамъ: если кто-либо скажетъ вамъ, что законы математики ошибочны и въ доказательство этого превратитъ палку въ змѣю, то не считайте подобное доказательство убѣдительнымъ. Это типичный примѣръ. Образованный человекъ отвергнетъ подобное доказательство, хотя бы онъ (въ отличіе отъ ученаго) и не зналъ законовъ математики. Онъ скажетъ: превращеніе палки въ змѣю есть необычайное чудо, но изъ него нѣ слѣдуетъ, что законы математики ошибочны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ необразованные люди немедленно повернутся къ ногамъ подобнаго чудотвора всѣ свои убѣжденія и вѣрованія».

У одного изъ учениковъ умнаго араба могли быть болѣе, у другого менѣе обширныя математическія познанія, но ни одинъ изъ нихъ, вѣроятно, не упалъ бы къ ногамъ чудотвора. Почему? Потому, что каждый изъ нихъ прошелъ хорошую школу; потому что тутъ дѣло не въ обширности знаній, а въ той точкѣ зрѣнія, съ которой превращеніе палки въ змѣю не можетъ служить опроверженіемъ математическихъ истинъ. Понятно ли вамъ это, г. Н.—онъ? Надѣемся, что—да: очень ужъ это простая, совсѣмъ даже азбучная вещь. Ну, а если понятно, то вы и сами видите теперь, что слова г. Бельтова на счетъ точки зрѣнія и пр. ни комъ образомъ не устраняютъ имъ же выставленнаго требованія держаться почвы дѣйствительности.

Но мы боимся, что вы все-таки плохо соображаете, въ чемъ дѣло. Мы дадимъ вамъ другой примѣръ. У васъ не Богъ знаетъ сколько экономическихъ свѣдѣній, но все-таки ихъ больше у васъ, чѣмъ у г. В. В. Это не мѣшаетъ, однако, вамъ стоять на одной съ намъ точкѣ зрѣнія. *Вы оба—утописты.* И когда кто нибудь станетъ характеризовать взгляды общіе вамъ обоимъ, онъ оставитъ въ сторонѣ количественное различіе вашихъ знаній и скажетъ: дѣло въ точкѣ зрѣнія этихъ людей, занимававшихся ес у утопистовъ временъ царя Гороха.

Теперь уже вамъ должно быть совсѣмъ ясно, г. Н.—онъ, что вы некетати заговорили объ обращеніи г. Бельтова къ субъективному методу, что очень большого дала вы маху.

На всякій случай скажемъ тоже самое иными словами. Какъ бы ни различались между собой, по разбѣру своихъ знаній, русскіе послѣдователи Маркса, но ни одинъ изъ нихъ, оставаясь вѣренъ себѣ, не повѣритъ ни вамъ, ни г. В. В., когда вы станете утверждать, что вотъ какое-то тамъ

«общество» организовать у нас производство. Их точка зрѣнія понимастъ итъ *повернуть свои убѣжденія къ мозгамъ социальнымъ чудотворцамъ.*

Довольно объ этомъ, но разъ коснулись мы субъективнаго метода, то отбѣдимъ, какъ презрительно третируетъ его г. Н. — онъ. Изъ его словъ выходитъ, что названный методъ не имѣлъ въ себѣ ни капли научности, а былъ снабженъ только нѣкоторымъ облаченіемъ, которое мало-мальски придавало ему «научную» вышность. Очень хорошо, г. Н. — онъ! Но что скажете о насъ вашъ покровитель г. Михайловскій?

Г. Н. — онъ вообще не очень церемонится со своими субъективными покровителями. Его статья, «*Аномалія власти денегъ, какъ признакъ времени*», имѣетъ эпиграфъ:

«L'ignorance est moins éloignée de la vérité que le préjugé». La vérité — это, безъ сомнѣнія, самъ г. Н. — онъ. Онъ такъ и говоритъ: «Всякъ же кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ можетъ быть вполнѣ въ томъ убѣреннымъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы, то близкимъ къ нимъ» (мартъ, Р. Б., стр. 54).— Préjugé это, конечно, г. Струве, противъ котораго Vérité направляетъ жало своего «анализа». Ну, а кто же та ignorance, которая ближе къ истинѣ (т. е. къ г. Н. — ону), чѣмъ Préjugé т. е. г. Струве? Очевидно, ignorance — это вышніе субъективные союзники г. Н. — она. Очень хорошо, г. Н. — онъ! Вы какъ разъ попали въ слабое мѣсто вашихъ союзниковъ. Но еще разъ, что скажете о насъ г. Михайловскій? Вѣдь онъ можетъ признать мораль известной басни:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не велятъ умѣть взяться...

Ну, кажется, довольно полегчало! кажется, мы не оставили безъ отвѣта возраженія нашихъ противниковъ. А если намъ и случилось улупстить изъ виду какое нибудь изъ нихъ, то вѣдь намъ придется еще не разъ вернуться къ нашему спору. Значитъ, можно положить перо. Но прежде чѣмъ расстаться съ нимъ, мы скажемъ нашимъ противникамъ еще пару словъ.

Вотъ вы, господа, все «хлопочете» объ устраненіи капитализма; но посмотрите, что выходитъ: капитализмъ идетъ себѣ впередъ и вашихъ «хлопотъ» совсѣмъ не замѣчаетъ, вы же, съ вашими идеалами и вашими прекрасными намѣреніями, топчетесь на одномъ мѣстѣ. Что тутъ хорошаго? Ни себѣ пользы, ни людямъ! Отчего это такъ? Оттого, что вы утописты, что вы воествуете съ *утопическими* планами социальныхъ ре-

формъ и не видите тѣхъ прямыхъ и пасущихъ задачъ, которыя, извините за выраженіе, находятся у васъ прямо передъ носомъ. Подумайте хорошенько. Можетъ быть, вы и сами скажете, что мы правы. Впрочемъ, объ этомъ мы еще потолкуемъ съ вами. Теперь же—*Dominus vobiscum.*

УТИСЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Часть I.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
5	9 сверху	та	эта
12	2 снизу	землю	землею
18	1 сверху	такъ	такъ какъ
22	11 >	190,637;	190,637
23	27 >	обширное	общинное
32	10 снизу	вышло	вошло
35	2 >	посѣвъ	полѣвъ
36	14 >	вынужденъ	вынуждены
36	3 >	самостоятельныя крестьянскія хозяйства	самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ
44	2 снизу въ прим.	1870	1890
52	18 сверху	другого	другого
56	1 снизу	на	къ
61	8 сверху	Коростова	Коростова и
61	19 снизу	итогъ	итогъ
73	3 >	иѣстными	иѣстными и
73	21 >	48,4%	40,4%
87	12 снизу	Разпределение	Распределение
105	1 > въ прим.	слова	слова
107	9 сверху	и на сѣменаъ	и на ѣмена >
134	14 снизу	недостаточныя	недостаточно
138	4 >	Лобина	Лабина
139	2 >	возможность	возможности
143	3 сверху	Лобина	Лабина
143	21 >	доходящемъ	доходящемъ до
148	13 >	представляетъ	представляютъ
149	1 снизу	предпринимательнымъ	предпринимательскимъ
>	1 >	съ высока	смысла
151	13 >	единочный	единичный
152	6 сверху	требующихъ	требующимъ
160	8 снизу	упомянутыя	упомянутыя
178	4 >	удлиняется	удлиняется
193	2 >	не	ни
196	6 сверху	другъ	другого
212	11 снизу	коллективистскій	коллективистскій

Часть II.

Стихотв.	Стихотв.	Начислано.	Слѣдуетъ читаться.
2	6 снизу	въ родѣ	продѣ
3	10 >	населеніяхъ	населеніяхъ
7	1 > въ прим.	яства	яства
15	8 снизу	естественныя	естественныя
16	7 сверху	выражающимъ	выражающимъ
17	7 >	обще	вообще
18	2 снизу въ прим	устраиваетъ	устраиваетъ
44	3 сверху	буржуазнаго	буржуазнаго
47	16 снизу	оставаться	оставаться
52	19 снизу	Этомъ	Этомъ
53	12 сверху	находятся	находятся
54	20 снизу	неопредѣлимыхъ	неопредѣлимыхъ
54	11 >	>	>
54	11 >	констатированіемъ	констатированіемъ
54	3 > въ прим.	объективна	матеріализма
60	22 >	скущія	скущія
65	7 >	разорвало	разорвали
65	6 >	создало	создали
86	17 сверху	проходимъ	проходить
95	16 снизу	Щербина	Щербина
103	21 >	ниже	шире
110	1 >	эксплуатация	эксплуатация
112	1 > въ прим.	той	этой
137	1 снизу	вызываютъ	вызываетъ
144	2 сверху	наклонной	наклонной
145	1 > въ прим.	фористически	афористически
146	1 снизу >	шедше убо научитесь	шедше убо научите вса языки
149	10 сверху	языки	языки
151	2 >	выгоды	выводы
151	17 снизу	средой	среды
153	4 > лѣв. столбецъ	Zweist	Zweist
154	2 сверху прим. >	такъ	якъ
155	1 > > >	неустройствомъ	неустройствомъ
157	20 снизу	только	только
161	8 сверху	условію	условіямъ
161	12 снизу	соотвѣтствующимъ...	соотвѣтствующей
162	1 снизу въ прим.	букширскими	берширскими
167	4 >	полезно лишь	лишь полезно
171	3 сверху въ прим.	спеціална	соціална
172	11 >	нужно	нужна
173	13 снизу	отрывки	отрывки
174	5 и 4 снизу	они	онѣ
176	16 сверху	разоран все населеніе,	разораетъ все населеніе и тѣмъ самымъ
180	16 >	тѣмъ самымъ	приложеніа
180	16 >	приложеніа	мирового
185	4 > въ прим.	мирового	невозможны
187	9 >	не возможно	Рус. Бор. № 1, стр. 176
189	11 снизу	Рус. Бор. №, стр. 176	346—447
190	18 >	346—447	Остъ-Индіа, Японія,
191	18 >	Остъ-Индіа, Японія,	Китай, Австраліа
192	6 >	Китай, Австраліа	выраженіями
193	12 >	выраженіями	во всея
193	9 >	во всея	положило
193	9 >	положило	положили
193	9 >	напусти	напусти
193	9 >	напусти	оппонентовъ
193	9 >	оппонентовъ	оппонентовъ

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
201	16 сверху	цитируемыхъ	цитируемыхъ
204	18 снизу	поддержку	поддержку
205	6 сверху	судьѣ	судьбѣ
205	6 снизу	Надежда	Надежда
207	12 сверху	Частѣйшее	Частѣйшее
210	4 снизу	замедлительскимъ	замедлительскимъ
213	10 >	противоположными	противоположными
214	13 сверху	отчаяваться	отчаяваться
214	22 >	отчаяваюсь	отчаяваюсь
216	4 >	постройки	постройки
217	16 >	гдѣ ни	гдѣ не
220	21 >	конкуренціи	конкуренціи
221	16 >	снизаншемъ	снизаннымъ
222	7 снизу	нашего	нашего
224	4 >	и будутъ	будутъ
224	3 >	людямъ послѣдователямъ	людямъ и послѣдователямъ
227	6 сверху	смыслъ	смыслъ
227	8 >	словечка	словечка
227	21 >	Не правда	Не правда
228	13 >	такой	такой
231	14 снизу	не оказываетъ	не оказываетъ
233	16 >	не разу	ни разу
234	3 сверху	общественно-	общественно-
234	7 >	прославляемыми	прославляемыми
237	14 снизу	инцидентъ	инцидентъ
243	2 сверху	Vorlesungen	Vorlesungen
244	17 >	toujours	toujours
246	9 >	огласится	согласится